

Федеральное агентство по образованию.
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
Башкирский государственный университет

А.С. Кулешов

АКСАКОВЫ.
История разбитых судеб

Москва
Издательство «Территория»
2009

ББК 63.г(2)
К 89

Книга издается в авторской редакции

Ответственный редактор
д.и.н., профессор В.В. Журавлев.

К 89 Кулешов А.С.
Аксаковы. История разбитых судеб. М.: Территория, 2009, 328 стр. с илл.
ISBN 978-5-98393-018-6

Книга А.С. Кулешова «Аксаковы. История разбитых судеб» является результатом длительного исследования представителей древнего дворянского рода Аксаковых, восходящего к XI веку и внесшего заметный вклад в историю России. В этом издании впервые представлены материалы, подготовленные на основе изучения многочисленных закрытых архивов и личных собраний как в России, так и за рубежом – в Аргентине, Франции, Австралии и других странах. Книга проиллюстрирована уникальными фотографиями и предназначена для широкого круга читателей, интересующихся прошлым России.

ISBN 978-5-98393-018-6

© Кулешов А.С., 2009

Введение

«История предков всегда любопытна для того,
кто достоин иметь отечество»

Н.М. Карамзин

В начале третьего тысячелетия фундаментальной проблемой познания остается феномен Человека, а в условиях нарастающего кризиса цивилизации, утраты духовных ориентиров, глобализации и обезличивания особое значение приобретает задача сохранения его индивидуальности, взаимодействия с социумом и окружающей средой. Проблема человека остается сложнейшей не только в исключительно философском аспекте, но и встает с особой остротой, как задача сохранения культуры.

Гуманизация современного научного знания свидетельствует о фундаментальных изменениях, происходящих в общественном сознании. Интерес к личности проявился в широком распространении методики «микроистории», исследований по истории семьи и частной жизни индивидуума.

В условиях методологического обновления отечественной исторической науки особое значение приобретает антропологический подход к анализу прошлого, который является составной частью цивилизационной концепции познания исторических реалий. Анализ длительного пути, пройденного человечеством, со всеми его взлетами и падениями через призму человеческой индивидуальности, судьбы конкретной личности – выходит сегодня на первый план в исследованиях историков, социологов, политологов.

В связи с этими процессами существенно возрастает гносеологическое и социальное значение специальных исторических дисциплин, складывается понимание их как особой системы методов гуманитарного познания. Особенно актуальна такая тенденция для отечественной исторической науки, в которой значение этого важнейшего раздела долго недооценивалось или воспринималось исключительно прагматически, в духе грубого позитивизма. Только в конце XX века в этой сфере произошли фундаментальные изменения, и специальные исторические дисциплины заняли достойное место в научном знании.

Особенно показательной стала социальная и гносеологическая реабилитация генеалогии, которая в советской историографии трактовалась как дворянская и не заслуживала серьезного изучения. Между тем, генеалогия с ее обращенностью к конкретному

человеку и общечеловеческим ценностям с громадным гуманитарным потенциалом, с широкими междисциплинарными связями как нельзя лучше соответствует новейшим социальным и научным тенденциям.

В современной науке она осмысливается как один из способов изучения Человека в Истории и является основой для таких перспективных направлений научного поиска, как просопография и биографика.

В отечественной науке развитие генеалогии и связанных с ней разделов знания длительное время основывалось преимущественно на изучении дворянства, поскольку оно было в лучшей степени обеспечено источниками и представлялось важным для углубленного анализа различных исторических процессов, для выяснения причин их событийного наполнения и т.д.

В советской историографии эта традиция оказалась практически прерванной. Несмотря на рост количества исследований о дворянстве с начала 1990-х годов, не все периоды его истории изучены с равной степенью полноты, объективности и достоверности. В частности, недостаточно выяснена история дворянства в XX веке, в пору радикальных и трагических изломов в судьбах российского социума. Изучение этого периода пока не обеспечено эмпирической информацией и не опирается на четко разработанные методические основы. Сложность состоит в том, что при отсутствии специфических источников, ориентированных исключительно на дворянское сословие, требуется последовательное, систематическое, комплексное изучение истории большой группы дворянских семей, в результате которого может сложиться достоверное знание о процессах, происходивших во дворянстве в XX веке. Единственная возможность исправить ситуацию – изучать историю конкретных семей.

В числе известных родов, принадлежащих к древнему дворянству, находится род Аксаковых. Он давно привлекал значительное внимание исследователей, которое было обусловлено с одной стороны той заметной ролью, которую играли его представители в общественной и культурной жизни России середины – второй половины XIX века, а с другой – фактором благоприятной случайности. Многие отечественные генеалогические справочники остались незавершенными, поэтому сложилась ситуация, когда лучше были изучены роды, фамилии которых начинаются с первых букв алфавита. Всего в отечественной историографии опубликовано 8 поколенных росписей Аксаковых, и это весьма высокий показатель.

Изучение Аксаковых было начато одним из основоположников научной генеалогии в России – князем П.В. Долгоруковым. Он опубликовал первую роспись рода в справочнике «Российская родословная книга».¹ Она была основана на данных Бархатной книги и содержала минимум биографических сведений. Значительно более подробное родословие подготовил В.В. Руммель.² На нем основывались все последующие исследователи семьи.

В начале XX века появилось несколько публикаций родословных отдельных ветвей рода. Поколенная роспись тульских Аксаковых опубликована графиней Н.М. Соллогуб.³ Родословие уфимско-самарской ветви подготовил А.А. Сиверс.⁴ В неопищенной части его архива, хранящейся в отделе нумизматики Государственного исторического

музея, сохранились черновые материалы, показывающие, что работа над росписью продолжалась и после ее публикации в 1913 г., по крайней мере – до конца 1930-х годов, поскольку в ней отмечен факт смерти военного летчика-истребителя Михаила Георгиевича Аксакова (расстрелян 10.02.1938 г.). Поколенная роспись московской ветви готовилась для «Родословной книги дворянства Московской губернии», которая не была опубликована, ее рукопись сохранилась в фонде известного генеалога В.И. Чернопятова.⁵

В эмиграции родословие Аксаковых публиковалось дважды. Первый раз оно было составлено генеалогом-любителем Н.Н. Мазараки⁶ и задумывалось как продолжение росписи В.В. Руммеля, которая была дополнена не только по печатным сведениям, но и данными, полученными от представителей рода, оказавшихся в эмиграции. Родословие Аксаковых имеется также в фундаментальном труде «La noblesse de Russie» Н.Ф. Иконникова, выходявшем на французском языке двумя изданиями: в 1930–1940-е годы и в 1950–1960-е годы.⁷ Перед автором, как и перед остальными русскими историками в эмиграции, остро стояла проблема поиска источников. Поскольку архивные материалы были недоступны, им приходилось прибегать либо к использованию известных печатных материалов (дореволюционных или эмигрантских), либо собирать устные сведения. У Н.Ф. Иконникова, видимо, не было прямой связи с представителями рода, проживавшими за границей, поэтому поколенная роспись Аксаковых представляет собой только компиляцию из родословных В.В. Руммеля и А.А. Сиверса, а для второго издания – еще и росписи Н.Н. Мазараки. Использовались также сведения из газеты «Новое время» и печатных справочников («Весь Петербург», различных некрополей, списков лиц, служивших в дворянском самоуправлении, и т.п.). Из первоисточников привлекалась публикация росписи XVII века во «Временнике Общества истории и древностей российских». Тем не менее, в целом поколенная роспись оказалась во многом неточной и неполной.

Несмотря на обилие родословных, нельзя признать, что Аксаковы изучены в генеалогическом отношении в полном объеме. Во всех публикациях недостаточно использовались архивные материалы, встречались пропуски и фактические ошибки. Особенно слабо в историографии проблемы представлен XX век, сведения о котором носили отрывочный и неточный характер.

Наряду с сугубо генеалогическими работами, еще в конце XIX века начало формироваться другое направление изучения семьи Аксаковых – литературно-философское. Появились исследования, в названии которых фигурировало генеалогическое понятие «семья», но которые не могут быть причислены к родословным исследованиям. В них рассказывалось только об одной ветви рода, уфимско-самарской. По сути, это было собрание литературно-философских очерков о Сергее Тимофеевиче Аксакове и его ближайших потомках – Иване Сергеевиче, Константине Сергеевиче и других.⁸

Сведения о роде были сведены к минимуму и часто оказывались поверхностными. Это направление изучения Аксаковых продолжает развиваться и в настоящее время.⁹ В последние годы наряду с традиционным славянофильским уклоном оно дополнилось

попытками изучать родовую специфику культуры, сложившуюся в семье Аксаковых, как феномен и квинтэссенцию дворянской культуры в целом.¹⁰

В 1920-е годы была предпринята попытка дать характеристику роду Аксаковых в медико-биологическом отношении. В то время получили распространение работы генетико-евгенического направления, в которых авторы, опираясь на генеалогические данные, изучали механизм наследования талантов и способностей в какой-либо семье. В «Русском евгеническом журнале» была опубликована подобная статья генетика А.С. Серебровского, посвященная Аксаковым.¹¹

Несколько популярных очерков об Аксаковых, в которых кратко затрагивались судьбы членов рода в XX веке, появилось в 1960-е – 1980-е годы.¹² Большой вклад в изучение уфимско-самарской ветви рода внесли исследователи Г.Ф. и З.И. Гудковы,¹³ которые, основываясь на тщательном изучении уфимских, самарских и иных местных архивов, смогли сделать множество фактологических уточнений в родословной. Они не ограничились изучением только Аксаковых, а проследили их родство по женским линиям, благодаря чему наиболее полно воссоздали круг родственного общения. Изучение свойственных связей Аксаковых было продолжено в ряде других работ.¹⁴

В историографии заметна явная диспропорция в изучении рода. Безусловный приоритет отдавался уфимско-самарской ветви Аксаковых, другие семьи однородцев, как правило, изучались недостаточно. Кроме тематической неравномерности, в исследованиях наблюдается неравномерность хронологическая. Основное внимание уделялось либо вопросу происхождения фамилии Аксаковых, древнейшему этапу их существования, когда они еще не оформились в самостоятельный род, либо XIX веку – периоду наибольшей активности и известности его отдельных представителей. Другие периоды существования, в том числе и XX век, самостоятельному и целенаправленному изучению не подвергались.

Сведения об Аксаковых в XX веке практически исчерпывались краткими биографиями в справочниках и популярных журналах,¹⁵ рецензиями на воспоминания Татьяны Александровны (урожденной Сиверс),¹⁶ а также небольшими экскурсами в общих трудах о роде.¹⁷

В последнее время автором данной книги была подготовлена серия статей, посвященных калужско-московской ветви Аксаковых, в которых введен в научный оборот неизвестный ранее архивный материал и впервые приведены сведения о судьбах членов рода, оставшихся в СССР¹⁸ и осевших в США, Болгарии, Германии, Югославии, Франции, Аргентине, Австралии и других странах мира.

Исходя из значительной актуальности темы и неудовлетворительного состояния ее изучения, целью настоящего исследования явился полный, комплексный и объективный анализ проблемы взаимосвязи страны и истории конкретного рода, выполненный на примере судеб дворян Аксаковых и их потомков, в том числе, живших в XX веке.

В этой работе впервые представлен обширный комплекс неизвестных ранее источников различных типов, в том числе архивных, которые представляют интерес для изучения истории русской эмиграции первой волны, отечественной

культуры, механизма политических репрессий 1930-х годов, военной и социальной истории.

Системный подход позволил составить уточненные и дополненные биографии членов рода Аксаковых, аргументировано дезавуировать многочисленные фактические ошибки, бытующие в литературе.

Анализ истории рода Аксаковых выявил недостаточно изученные закономерности развития дворянского сословия в XX веке, уточнил источниковедческие и методические основы такого изучения, которые могут быть использованы при исследовании любого дворянского рода в означенный период. Одновременно были конкретизированы методологические аспекты биографического и просопографического исследования, выявлена специфика поиска генеалогической информации.

Данное исследование восполняет пробел, существовавший в отечественной генеалогии. Его эмпирический материал и выводы могут быть использованы в обобщающих трудах по истории российского дворянства и истории советского периода, в работах по истории русской эмиграции и культуры, в генеалогических, геральдических и краеведческих исследованиях. Учитывая широкую известность рода Аксаковых и существование нескольких музеев этой семьи, информация, изложенная в книге, имеет значение для фондовой и экспозиционной работы в этих учреждениях. Часть собранных в ходе данной работы материалов (тексты архивных источников, статьи, фотографии из семейных собраний, в том числе полученные из-за границы) была передана в Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова в Уфе, Калужский и Козельский краеведческие музеи, сектор генеалогии Государственного музея А.С. Пушкина, Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино» (Белебеевский район Республики Башкортостан), Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево» и другие.

Изучение истории рода Аксаковых в XX веке основывалось на широком круге опубликованных и архивных источников.

Были привлечены материалы более 15 архивохранилищ страны. В том числе центральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив литературы и искусства, Российский государственный архив древних актов, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный военный архив, Российский государственный исторический архив), региональных (Государственный архив Калужской области, Государственный архив Ярославской области, Государственный архив Тульской области, Центральный исторический архив г. Москвы и др.) и ведомственных архивов (Архив Президента Российской Федерации, Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, архивы Управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Саратовской и Калужской областям, по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). Широко использовались материалы семейных архивов представителей рода и их потомков по мужской и женской линиям: Михаила Михайловича Аксакова, Ирины Сергеевны Аксаковой, Ольги Борисовны

Бредихиной (ур. Шереметевой), Владимира Ивановича Рожкова, Анны Васильевны Антошко, Михаила Ивановича Сабса, Натальи Константиновны Телетовой, Алексея Николаевича Юматова (все – Россия), Екатерины Дмитриевны Аксаковой и Николая Николаевича Юматова (все – Франция), Алексея Владимировича Львова (Австралия), Марины Александровны Аксаковой (ур. Гершельман – Аргентина). Использовались материалы, хранящиеся в библиотеках (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, библиотека Мемориального дома-музея С.Т. Аксакова в Уфе, библиотека Калужского областного краеведческого музея), музеях (Государственный музей А.С. Пушкина, Центральный музей авиации, Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево» и др.).

Использованные в настоящем исследовании источники по видовому критерию делятся на три группы: делопроизводственные, судебно-следственные и личного происхождения.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Среди них особое значение имеют послужные и формулярные списки Аксаковых, находившихся на государственной и военной службах. Они содержат подробную информацию о получении чинов, назначениях на должности, наградах, участии в боевых действиях, составе семьи и землевладении.¹⁸ В ходе работы над данной темой было выявлено 9 подобных списков (Владимира Николаевича, Георгия Николаевича, Павла Николаевича, Бориса Сергеевича, Григория Сергеевича Аксаковых и др.),¹⁹ которые помогли существенно уточнить опубликованные ранее биографические сведения.

Другой группой источников, относящихся к категории делопроизводственных, являлись материалы дворянских депутатских собраний, в которых сохранились документы о внесении Аксаковых в губернские родословные книги. Эти материалы разнообразны в видовом отношении (прошения, определения собраний, указы Правительствующего Сената и др.), они дают информацию о юридическом признании представителей рода в дворянском достоинстве, помогают более четко идентифицировать ветви рода и т.д. В настоящем исследовании были использованы материалы Калужского, Московского, Оренбургского, Рязанского, Тульского дворянских депутатских собраний.²⁰ Они сохранились в региональных архивах и в фонде Департамента герольдии Правительствующего Сената в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

В делах о внесении Аксаковых в губернские родословные книги в числе прочих документов были выявлены документы гражданского состояния: выписки из метрических книг о рождениях, бракосочетаниях и смертях. Аналогичные записи обнаружены также в метрических книгах различных калужских церквей, сохранившихся в фонде Калужской духовной консистории.²¹ Они позволили не только уточнить даты жизни представителей рода, но и более четко выявить круг родственных связей и семейных

взаимоотношений. К этой группе архивных материалов примыкают сведения из опубликованных в начале XX века некрополей.²²

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Важным источником настоящего исследования явились судебные-следственные дела Аксаковых, относящиеся к 1930-м годам (например, дело Михаила Георгиевича Аксакова).²³ Кроме биографических сведений об обвиняемом, в них содержится информация о родственниках и взаимоотношениях с ними. Однако использование судебных-следственных дел в качестве источника возможно лишь с учетом определенной степени достоверности, устанавливаемой в результате критического анализа их содержания. В частности, проведенное в ходе настоящего исследования сопоставление материалов дел Татьяны Александровны Аксаковой 1935 и 1937 годов с ее воспоминаниями, позволило сделать несколько уточнений и оценить степень их достоверности. Материалы дела 1935 года о высылке из Ленинграда Т.А. Аксаковой были нами частично опубликованы в приложении к мемуарам.²⁴ Это протоколы ее допросов от 11 февраля, 12 и 22 марта 1935 года, а также фрагменты различных постановлений следствия.

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Среди источников личного происхождения особое место занимают воспоминания Татьяны Александровны Аксаковой (1892–1981гг.), дочери известного историка, генеалога и нумизмата Александра Александровича Сиверса, жены Бориса Сергеевича Аксакова. Они были написаны в 1945–1970 годах²⁵ и охватывают события первой половины – середины XX века. В них содержится обширная информация о судьбах представителей многих московских, петербургских, калужских дворянских родов, сведения о быте и образе жизни русского дворянства, о революционных потрясениях 1917 года, гражданской войне, эмиграции и периоде политических репрессий. Для изучения истории Аксаковых мемуары интересны сведениями о Борисе Сергеевиче Аксакове, его ближайших родственниках, круге их знакомств.

Воспоминания Татьяны Александровны издавались дважды, первый раз – в Париже в 1988 году (в издании имелись серьезные текстуальные недочеты),²⁶ второй – в Москве в 2005 году. Фрагменты из мемуаров неоднократно публиковались в 1990-е – 2000-е годы.²⁷

Издание 2005 года осуществлено в соответствии с правилами, выработанными современной археографией для научных изданий. Текст источника был сверен с рукописями и авторизованными машинописными вариантами, которые хранились в личном архиве Ольги Борисовны Бредихиной (ур. Шереметевой), сводной сестры Т.А. Аксаковой, и в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.²⁸ Он дополнен ранее не публиковавшимися фрагментами, материалами следственного дела Т.А. Аксаковой 1935 года и иконографическим рядом, включающим около 200 редких фотографий.²⁹

Источниковедческое значение мемуаров Татьяны Александровны Аксаковой было давно оценено исследователями.³⁰ Для них характерна значительная точность сведений и критичность суждений автора. Кроме того, на стиль изложения воспоминаний оказало большое влияние образование, высокая культура и широта кругозора автора. В целом, мемуары Т.А. Аксаковой можно охарактеризовать как источник высокой степени достоверности, содержащий разнообразные и обширные сведения, как один из важнейших источников истории России первой половины – середины XX века.

О периоде пребывания Татьяны Александровны в городе Вятские Поляны после ее освобождения из советского концлагеря и о последних днях ее жизни позволяют судить воспоминания доктора медицинских наук Михаила Ивановича Сабсая, написанные в начале 2004 года специально для второго издания мемуаров.³¹

Кроме воспоминаний настоящему исследованию привлекались записи и личная переписка между членами рода Аксаковых, находящиеся в частных собраниях и государственных хранилищах.³²

Для установления происхождения Аксаковых и истории рода в XVI–XIX веках был использован ряд источников, которые при изучении поставленной проблемы имеют вспомогательный характер. К ним относятся: неопубликованные источники из Российского государственного архива древних актов,³³ Тысячная книга 1550 года и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века,³⁴ боярские списки второй половины XVI – первой половины XVII веков, новгородские писцовые книги XVI века, жалованные грамоты XVI–XVII веков,³⁵ разрядные и боярские книги XV–XVII веков, две росписи 1686 года, поданные Аксаковыми в Разрядный приказ после отмены местничества, дворцовые разряды XVI–XVII веков,³⁶ и др.

Они помогли реконструировать историю рода, дать характеристику служебной деятельности Аксаковых, проследить историю их земельных владений, показать социальный статус, уточнить стратификацию рода по ветвям и т.д. Без изучения этих проблем, имеющих косвенное отношение к поставленной цели, настоящее исследование могло бы оказаться неполным и не всегда обоснованным в выводах.

При подготовке настоящей работы кроме письменных материалов были использованы источники других типов, в частности – вещественные. Прежде всего, это надгробия Аксаковых, сохранившиеся между Троицким и Успенским храмами села Завидово Конаковского района Тверской области, обнаруженные автором. Надписи на надгробиях были изучены и впервые опубликованы нами в 2003 году.³⁷ Они принадлежат владевшему селом в начале XIX века отставному капитану Василию Николаевичу Аксакову и его семье и являются эпиграфическим источником.

Каменный Успенский храм был построен во второй половине 1610-х – начале 1620-х годов. Впервые он упомянут в 1623 году в писцовой книге Клинского уезда. Стоящий рядом Троицкий храм был выстроен в 1787 году на месте деревянного Михайло-Архангельского, утраченного в XVI веке. Между этих церквей напротив алтаря, в самом почетном месте и покоятся титулярный советник Василий Николаевич Аксаков, его предки и потомки.

В советское время Успенский храм оставался действующим, а в Троицком храме было организовано стеклодувное производство по выпуску елочных игрушек, отходы от которого на долгие десятилетия погребли под собой могилы Аксаковых. Лишь сейчас стараниями настоятеля храма митрофорного протоиерея о. Валерия (Валерия Дмитриевича Ильина) надгробия были открыты и установлены на прежние места.

При исследовании некрополя были обнаружены некоторые любопытные факты. Например, оказалось, что один из сыновей Василия Николаевича, Сергей Васильевич Аксаков, который по архивным документам похоронен на городском кладбище г. Клина, покоится рядом с отцом на церковном кладбище села Завидово.³⁸ Помимо надписи на надгробном камне, его имя фигурирует и в описи церковного имущества от 16 февраля 1893 года, как дарителя и председателя попечительства завидовского храмового комплекса.

К другому любопытному историческому факту можно отнести надпись на надгробном камне самого Василия Николаевича Аксакова.

В трудах П.В. Долгорукова, В.В. Руммеля, В.В. Голубцова, Б.А. Воронцова-Вельяминова и др., в разных формах излагается версия, что в поколенной росписи фамилий, берущих начало от знатного варяжского князя, к которым относятся и Аксаковы, имеются пропуски поколений. Тем самым ставится под сомнение возможность долгожительства представителей рода.

Шимон (в крещении Симон)

Юрий Симонович

Иван Юрьевич

Федор Иванович

Протасий Федорович

Князь Петр Владимирович Долгоруков в «Российской родословной книге» от 1857 года полагает, что если допустить, что между родоначальником фамилии на Руси Шимоном и его праправнуком Протасием Федоровичем всего три поколения и на них приходится около 200 лет, то возраст каждого из бояр должен был быть весьма почтенным. Это, по мнению автора, маловероятно.

С данным выводом не согласен Сергей Иванович Воронцов-Вельяминов. В историко-генеалогическом очерке «Род дворян Воронцовых-Вельяминовых»,³⁹ которые также как и Аксаковы берут свое начало от знатного варяжского князя, в пользу своей версии он приводит ссылки на церковные источники, доказывая возможность долгожительства потомков Шимона.

Обнаруженная в 2003 году надгробная надпись удостоверяет, – титулярный советник Василий Николаевич Аксаков, скончавшийся 4 апреля 1857 года, прожил свыше ста лет! Это наглядно иллюстрирует, что отдельные представители данного рода имели почти вековой возраст.

Интересен и еще один факт, который можно привести в пользу высказанной версии, – первый ребенок у Василия Николаевича от второго брака (а от второй жены у него было два сына и две дочери) родился, когда ему было около 70 лет!

К вещественному типу принадлежат также обнаруженные нами у представителей рода перстни с гербами и матрица гербовой печати, позволившие уточнить вопросы, связанные с гербом Аксаковых, в том числе, с его бытованием в XX в. как в России, так и в эмиграции.

При изучении истории рода Аксаковых привлекались также изобразительные источники, которые можно разделить на следующие группы: изображения родового герба, портреты представителей рода, виды и планы усадеб. Подавляющее большинство этих источников было обнаружено в семейных архивах представителей рода,⁴⁰ находящихся в их личной собственности, и впервые введено в научный оборот в наших публикациях.

Семья – специфический организм общественного устройства в любом социуме и при любом государственном строе. Именно в конкретных человеческих судьбах отражаются политические события, общественные катаклизмы, экономические закономерности, культурные традиции. Именно это дает право утверждать, что история – наука о Человеке. Изучение истории рода Аксаковых позволяет практически реализовать теоретическое положение современной исторической науки о необходимости сочетания макро и микроисторических подходов при познании прошлого, делая представление о нем более полным и объективным.

Глава I

XI–XIX века, происхождение и история рода Аксаковых (краткие характеристики некоторых его представителей)

«Каждый мыслящий и чувствующий человек просто обязан сохранить память о тех, кого он знал. Только когда будут известны многие жизни людей, можно написать историю народа и человечества»

А.А. Зимин

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РОДЕ.

В генеалогическом сознании русского дворянства большое место занимали легенды, которые декларировали происхождение родов. Во многих случаях они сводились к сказаниям о выезде из-за границы на Русь знатного иностранца, который занимал высокое положение в среде служилого сословия.

Имелась подобная легенда и у Аксаковых, чей род был благословлен преподобным Феодосием Печерским в XI веке и происходил, как утверждает ряд исследователей, от внука шведского короля Олафа I «знатного варяжского князя» Шимона,¹ в крещении Симона, который приехал в Киев к князю Ярославу Мудрому с трехтысячной дружиной в 1027 году.² Согласно родословцам, от Шимона происходили шесть фамилий: Вельяминовы, Воронцовы, Воронцовы-Вельяминовы, Аксаковы, Исленьевы и Башмаковы. Происхождение от шведского королевского рода впрямую источниками не подтверждается, но и не опровергается, однако древность перечисленных семей сомнения не вызывает.

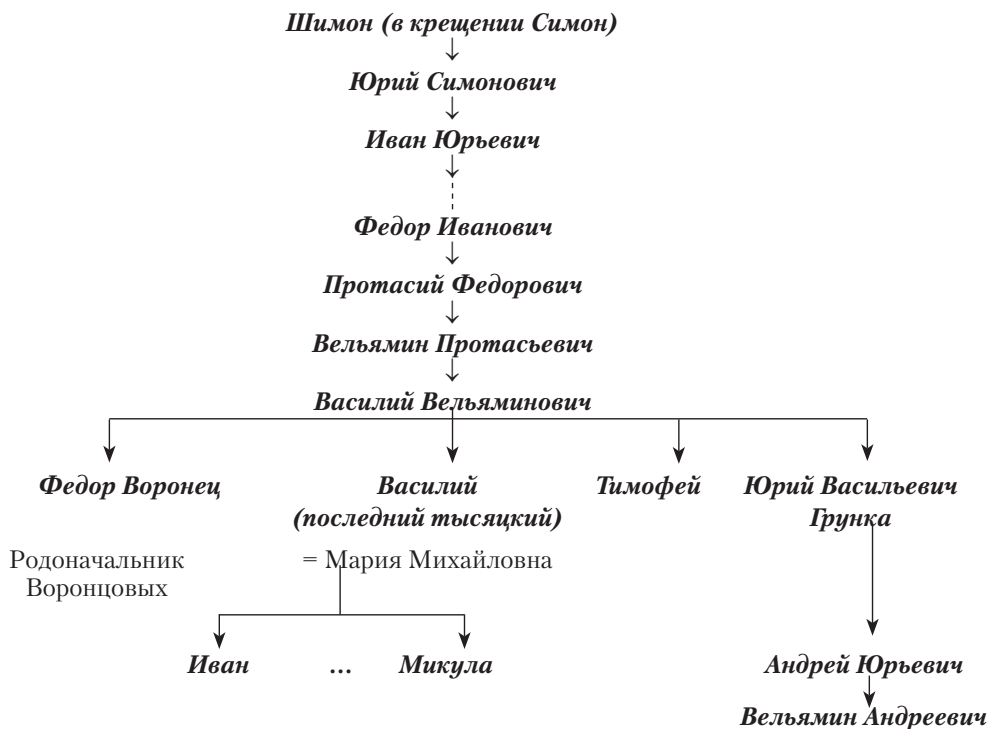
Историк А.А. Зимин прямо писал, что древнейший период существования Шимоновичей «уходит своими корнями в историю Киевской Руси».³ Упоминание о Шимоне, принявшем христианство вместе со своей дружиной, благочестивых деяниях его самого и его потомков мы находим в «Киево-Печерском патерике» («Слово о создании церкви Печерской», «Слово об оковании раки преподобного Феодосия Печерского» и т.д.). Сын Шимона Юрий (Георгий) был сподвижником Великого князя Всеволода Ярославовича – любимого сына Ярослава («Мудрого»), доверенным лицом Владимира Всеволодовича («Мономаха») и воспитателем Юрия Владимировича («Долгорукого»). Его деятельность как администратора и главного воеводы князя Юрия Долгорукого связана с Ростовско-Суздальскими землями в начале XII века.

«И бысть посланъ от Володимера Мономаха в Суздальскую землю сын Георгий, дасть же ему на руце и сына своего Георгия».⁴

Факт пребывания земляков и потомков Шимона в Ростовско-Суздальских землях подтверждается, в том числе, и результатами археологических раскопок, проведенных под руководством М.В. Седовой, а также косвенно иллюстрируется сохранившимися свои названия селами Большое и Малое Шимоново и другими.⁵

В «Житии Евфросинии Суздальской» повествуется о другом потомке Шимона Африкановича – боярине Мине Ивановиче, умершем в 1227 году и записанном в синодик Рождественского собора в Суздале как «обручник Евфросинии благоверной». Она же, в миру Феодулия, одна из дочерей черниговского князя Михаила Всеволодовича, прибыв в Суздаль не застав в живых своего суженого, удалилась в монастырь, где провела остаток своих дней до 1256 года.

В дальнейшем потомки Шимона находились во Владимиро-Суздальском княжестве и в XIV веке выехали на службу в Москву,⁶ где занимали видные должности при дворе Московского князя, были посадскими, тысяцкими и воеводами.⁷

Один из наиболее известных представителей рода – тысяцкий Протасий Федорович, живший в первой половине XIV века. Он прибыл в Москву из Владимира с

сыном Александра Невского князем Даниилом. Под руководством тысяцких строился сначала из дуба, а затем перестраивался в камне Московский Кремль. В первом каменном храме Московского Кремля – Успенском соборе, построенном под руководством Протасия Федоровича, до настоящего времени сохранилось клеймо с его изображением. Исполняя волю повелителя, Протасий Федорович (и его потомки, как утверждают историки) в XIV веке перестроил в камне первый в Москве Богоявленский монастырь, основанный в 1296 году и расположенный у Кремля в Китай-городе. Именно этот монастырь считается родовой усыпальницей Вельяминовых, а позднее и Аксаковых. В нем воспитывался юный Дмитрий Иванович (Донской) и нес службу старший брат Сергия Радонежского Стефан.

Князь Дмитрий Донской с любовью и уважением относился к потомкам Шимона. Вместе рос и дружил с юным Микулой Васильевичем, его отца – последнего тысяцкого Василия Васильевича звал дядькой, а мать Микулы, Мария Михайловна (к тому времени уже вдова), в 1389 году крестила Константина – младшего сына Дмитрия Донского.

Возмужав, Дмитрий Донской и Микула Васильевич взяли в жены родных сестер – дочерей Суздальско-Нижегородского князя Дмитрия Константиновича, скрепив таким образом родственные связи.

В 1380 году окольный Тимофей Васильевич (по прозвищу Великий воевода), являвшийся внуком Протасия Федоровича, и его правнуки Микула Васильевич и Федор Юрьевич приняли участие в битве на Куликовом поле. По повелению князя Дмитрия Донского имена погибших были внесены в синодики Успенского собора Московского Кремля для вечного поминовения. Некоторые названия в Московском Кремле длительное время напоминали о славных потомках варяжского князя. Например, не сохранившиеся в настоящее время ворота Московского Кремля, выходившие к реке Москве, по названию располагавшегося в Кремле подворья окольного, величались Тимофеевскими.

О высоком общественном положении представителей описываемого рода свидетельствуют также и факты выдачи грамот от имени Московского князя Дмитрия Донского. В 1843 году при проведении земляных работ на территории Московского Кремля, между Спасской и Константиноеленинской башнями, где много веков назад располагался большой двор Тимофея Васильевича и его родственников, в медном сосуде был найден 21 древний документ. Среди них находилась, прочитанная лишь в 1994 году грамота, освобождавшая новоторжского купца Микулу Андреевича Смолина от уплаты денежных налогов и торговых пошлин. Кроме того, в соответствии с этим документом, судить Микулу Андреевича мог только Московский князь.

Как доказывает доктор исторических наук В.А. Кучкин, эта древнейшая русская грамота, относящаяся к 70–80 годам XIV века и данная частному лицу, написана собственноручно и подписана Тимофеем Васильевичем, что наряду с другими историческими фактами позволяет судить о высокой роли данного рода в общественной жизни того далекого времени.⁸

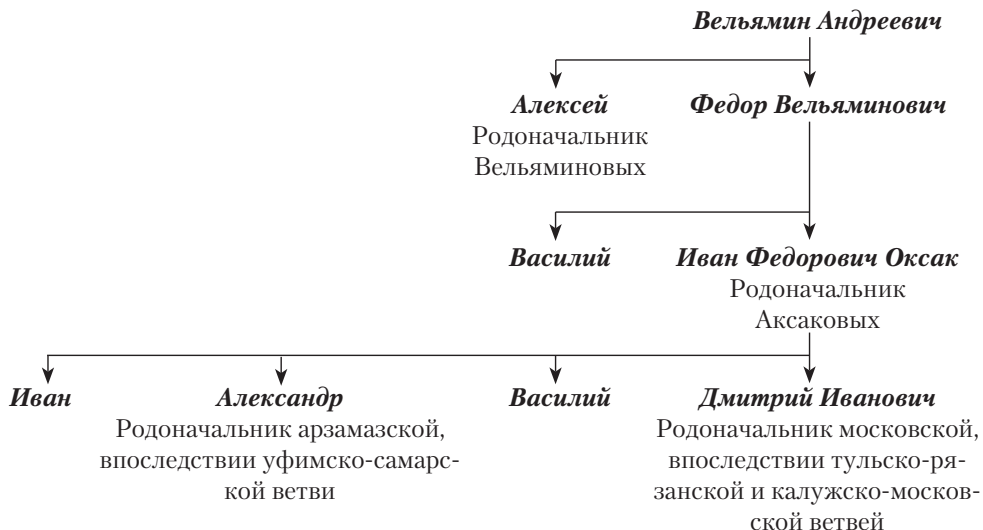
Истории известен и печальный факт первой публичной казни в Москве, который также связан с представителем описываемого рода. Старший брат Микулы Васильевича Иван, надевшийся получить после своего отца Василия Васильевича (умер 17 сентября 1374 года) наследуемую должность тысяцкого, упраздненную Московским князем, затаив обиду, перешел на сторону Тверского князя Михаила. Хотя в те времена бояре имели право переходить на службу к другим князьям, Дмитрий Донской расценил бегство Ивана как личную обиду и предательство. Иван Васильевич был хитростью пойман и публично казнен в 1379 году на Кучковом поле, а в память об этом были отчеканены монеты, подчеркивающие всесилие княжеской власти.

Таким образом, старшая ветвь последнего тысяцкого Василия Васильевича - внука Протасия Федоровича, в связи с казнью его сына Ивана выпала из родословных счетов (дети Ивана «опалы для в своем роду и в счете не стояли»).⁹ Тем не менее, в XIV–XV веках Шимоновичи продолжали занимать исключительно высокое положение при дворе Московского князя.

НАЧАЛО ФАМИЛИИ АКСАКОВЫХ. СТРАТИФИКАЦИЯ НА ВЕТВИ.

Непосредственно Аксаковы выделились из рода Вельяминовых в XV веке. Основателем рода являлся Иван Федорович Вельяминов по прозвищу Аксак (ранее писался Оксак). Это слово в переводе с тюркского означает «хромец» и, возможно, указывало на физический недостаток обладателя.

Вскоре после выделения рода, в начале XVI века произошла его стратификация на ветви. В источниках отмечено, что родоначальник Аксаковых Иван Федорович Вельяминов имел четырех сыновей: Ивана, Александра, Дмитрия и Василия. В настоящее время сохранились потомки двух ветвей.

От Александра Ивановича Аксакова берет свое начало ветвь, которая в дальнейшем стала уфимско-самарской, а от Дмитрия Ивановича Аксакова – ветвь, ставшая калужско-московской. Территориальная локализация ветвей обозначилась в конце XVI века.

Потомство Александра Ивановича Аксакова было испомещено в Арзамасском уезде, что способствовало еще большему его обособлению. В 1574–1575 годах за сыном боярским Михаилом Юрьевичем Аксаковым было «писано» поместье в селе Березовый Усад Ирженского стана Арзамасского уезда. Вскоре, в 1577 году он погиб во время Ливонской войны («в летнем ливонском походе»), но его потомство продолжало владеть жалованным поместьем.

Потомки Дмитрия Ивановича Аксакова в XVII веке по социальному статусу превосходили провинциальных однородцев, занимая прочное положение в средних слоях сословия, дослуживались до чинов стольников и дворян московских. Начиная со второй четверти XVII века, чина стольника достигли 12 человек из рода Аксаковых. Первым стал Протасий Михайлович Аксаков, который с 1627 года являлся патриаршим стольником, а с 25 октября 1628 года – царским.¹⁰ В стольниках служили три его сына – Семен, Дмитрий и Михаил, а также внуки.

Как и другие роды аналогичного положения, Аксаковы назначались воеводами в различные города. Первое назначение на подобную должность произошло во второй половине XVI века, когда Семен Александрович Аксаков в 1559 году стал четвертым воеводой в Казани, а в 1562–1566 годах – в Стародубе. Его двоюродные братья также были воеводами: Семен Дмитриевич Аксаков – в Лаюсе (1564–1565 гг.), а Федор Дмитриевич – в Красном (1570–1571 гг.). Племянник Семена Александровича Аксакова Леонтий Иванович в 1580-х–1590-х годах последовательно занимал должности воеводы в Воронеже, Пскове, Брянске, Ям-Городе и Нижнем Новгороде. Регулярными были назначения Аксаковых на воеводские должности и в XVII веке.¹¹

В XVII веке Аксаковы постоянно служили при царском дворе, участвовали в дипломатических приемах и иных государственных церемониях. Стольник Юрий Михайлович Аксаков в феврале 1639 года находился при встрече кызылбашского посла.¹² Стряпчий Семен Протасьевич Аксаков служил у царского стола при приемах грузинского царевича Николая Давидовича (8 мая 1660 г.) и английского посла «князя Чарлуса Говарта» (19 февраля 1664 г.). На последней церемонии он был вместе с братом Дмитрием Протасьевичем, также стряпчим.¹³

Участвовали Аксаковы в погребальных церемониях членов правящей династии. Стольник Федор Михайлович Аксаков в 1639 году «дневал и ночевал» у гроба царевичей Ивана и Василия Михайловичей.¹⁴ Семен и Дмитрий Протасьевичи в январе 1694 года участвовали в погребении царицы Натальи Кирилловны, тоже «дневали и ночевали у гроба».¹⁵

В конце XVII века произошло важное событие в русской генеалогии. После отмены местничества в 1682 году было принято решение о составлении новых родословных книг. Для выполнения работы была учреждена Палата родословных дел,

куда представители служилого сословия должны были подавать поколенные росписи с документальными доказательствами.

16 января 1686 года дворянин московский Семен Федорович Аксаков подал поколенную роспись своих предков в Палату родословных дел.¹⁶ Вместе с ним роспись подписали пять представителей рода, его двоюродные братья: Михаил, Дмитрий, Мирон, и Герасим Протасьевичи, а также Гаврило Юрьевич Аксаковы. Однако представленные сведения оказались заведомо неполными, в родословной была сознательно пропущена провинциальная арзамасская ветвь. Подобные лакуны являлись обычными для XVII века, когда, не желая понижать статус, выдвинувшие ветви отсекали незначительных родственников. Семен Федорович Аксаков сделал именно так, показав, что сын боярский и воевода Юрий Иванович Аксаков был бездетен, хотя это не соответствовало действительности. Его праправнуки Иван и Григорий Васильевичи 22 мая 1686 года подали челобитную, в которой опровергли подобные сведения, отметив, что ошибка сородичами сделана умышленно «по ссоре с нами и не любя нас».¹⁷ Они приложили собственный вариант поколенной росписи.¹⁸ Их доказательства были приняты, обе росписи сведены воедино и вошли в текст «Бархатной книги».¹⁹

Петровские преобразования оказали сильное влияние на социальное положение служилого сословия, которое стало эволюционировать во дворянство. Важные последствия имело введение новой системы службы (Табели о рангах), благодаря которой любое лицо могло дослужиться до дворянского статуса.

В первой половине XVIII века изменилось положение многих дворянских родов. Одни пополнили ряды провинциального дворянства, другие наоборот – выбились в аристократические слои. Аналогичные процессы происходили и в роде Аксаковых. В то время как московская ветвь теряла положение, в другой, арзамасской (впоследствии уфимско-самарской) ветви, ничем не примечательной в XVII веке, появились заметные деятели.

Прежде всего, это относится к семье Николая Ивановича Аксакова.²⁰

АРЗАМАССКАЯ (ВПОСЛЕДСТВИИ УФИМСКО-САМАРСКАЯ) ВЕТВЬ.

Николай Иванович Аксаков

Николай Иванович Аксаков родился в 1730 году.²¹ Его отец Иван Родионович дослужился до чина майора. Как было принято в дворянской среде, Николай Иванович Аксаков был записан на службу мальчиком, став в 1742 году рядовым драгунского Троицкого полка. Действительная служба началась гораздо позже. В октябре 1753 года он получил чин прапорщика, а через два года – подпоручика, участвовал в Семилетней войне, воевал на территории Пруссии.

В марте 1760 года Николай Иванович Аксаков был уволен в гражданскую службу, причислен к VIII классу по «Табели о рангах» и назначен воеводой в город Романов. Там он пробыл до 1778 года, зарекомендовал себя дельным администратором, добился увеличения доходов, а в 1775 году расследовал хищение денежных сумм в Костромской провинции. В 1771 году активно боролся в Романове с эпидемией чумы.

В августе 1778 года Николай Иванович Аксаков стал советником Ярославского наместнического правления, а в марте 1785 года – председателем Ярославской гражданской палаты. В 1793 году он получил чин действительного статского советника.

Новый император Павел I, заменявший высших должностных лиц империи, в январе 1797 года назначил его ярославским вице-губернатором, пожаловав в октябре того же года чин тайного советника. В следующем месяце (10 ноября) Николай Иванович Аксаков получил назначение на пост смоленского губернатора, но ровно через месяц (11 декабря) последовал указ императора о возвращении его в Ярославскую губернию на аналогичную должность. Краткость пребывания в смоленских губернаторах привело к тому, что некоторые исследователи ошибочно считают, что Николай Иванович Аксаков даже не выезжал в Смоленск.²²

Его недолгое (до января 1799 г.) губернаторство в Ярославле было отмечено двумя крупными событиями: во-первых, в 1798 году он организовывал проезд Павла I через территорию губернии, во-вторых, руководил составлением ее топографического описания.

Император остался доволен приемом. В июне 1798 года Николай Иванович Аксаков был пожалован орденом Святой Анны I степени, а (уже оставив пост) в октябре 1800 года получил чин действительного тайного советника. Это самый высокий чин, когда-либо полученный представителями рода Аксаковых.

Умер Николай Иванович Аксаков 11 октября 1802 года²³ и погребен в Толгском монастыре Ярославского уезда.

Михаил Николаевич Аксаков

Высокий служебный статус, достигнутый отцом, оказал существенное влияние на карьеру сына Михаила.²⁴ Дата его рождения точно неизвестна, в литературе указывались либо 1755 год, либо 1757 год.²⁵ Однако первая дата представляется более достоверной, поскольку в формулярном списке, составленном в апреле 1818 года, указано, что ему 62 года.²⁶ В службу Михаил Николаевич Аксаков был записан в 1771 году рядовым в привилегированный Лейб-гвардии Измайловский полк, где дослужился до сержанта и в 1783 году был выпущен капитаном в армию.

Однако в том же году он перешел на придворную службу, переименован в коллежского асессора и определен в ведение обер-егермейстера. В январе 1797 года, как и отец, Михаил Николаевич Аксаков получил заметное повышение, стал бригадиром, и был назначен присутствовать в Военной коллегии по ремонтной части. В июне того же года он стал генерал-майором, а в 1799 году – генерал-лейтенантом.

В октябре 1800 года Михаил Николаевич Аксаков занял должность отца, стал ярославским гражданским губернатором с переименованием в тайные советники. Однако, через три дня он был вновь переименован в генерал-лейтенанты с оставлением членом Военной коллегии. В феврале 1816 года Михаил Николаевич Аксаков (единственный из рода) получил сенаторское звание.²⁷ Как и отец, он имел орден Святой Анны I степени (пожалован 26 апреля 1799 г.), к которому в 1808 году получил

алмазные знаки. Являлся мальтийским рыцарем, будучи удостоен в ноябре 1800 года командорственного креста Св. Иоанна Иерусалимского.

Умер Михаил Николаевич Аксаков 12 июня 1818 года, погребен с отцом и матерью в том же Толгском монастыре Ярославского уезда.²⁸

Сергей Тимофеевич Аксаков

Начало широкой известности уфимско-самарской ветви рода Аксаковых было связано с деятельностью Сергея Тимофеевича Аксакова, писателя, театрального и литературного критика, общественного деятеля.²⁹

Он родился 20 сентября 1791 года в Уфе в доме родителей в Голубиной слободке, в 1805–1807 годах учился в Казанском университете. В 1807 году Сергей Тимофеевич Аксаков переехал в Москву, а с 1808 года жил в Петербурге, где (с 1810 г.) служил в Комиссии по составлению законов и в Экспедиции о государственных доходах. В это же время стал участвовать в заседаниях «Беседы любителей русского слова».

В 1819 году был от службы уволен с производством в чин коллежского асессора. В 1821–1826 годах жил в селе Куроедово (Надёжино, позднее – Надеждино) Белебеевского уезда Оренбургской губернии. С 1821 года являлся членом Общества любителей российской словесности.³⁰

С осени 1826 года – снова в Москве, где в июле 1827 года был определен цензором Московского цензурного комитета, а в октябре того же года стал его председателем. В декабре 1828 года в связи с реорганизацией цензурного комитета был уволен от должности и причислен к Департаменту народного просвещения для особых поручений. В июне 1830 года Сергей Тимофеевич Аксаков был окончательно отстранен от должности за разрешение к печати пародии В.А. Проташинского «Двенадцать спящих будошников». С 1833 года он работал инспектором Константиновского землемерного училища, которое в 1835 г. было преобразовано в Межевой институт. Сергей Тимофеевич Аксаков стал его первым директором.

В мае 1839 года Сергей Тимофеевич Аксаков вновь вернулся на службу в Московский цензурный комитет, где был определен сторонним цензором.³¹

В 1856 году он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Сергей Тимофеевич Аксаков играл большую роль в общественной и литературной жизни Москвы. С конца 1820-х годов его дом являлся одним из центров духовной жизни города. Позднее аналогичным центром стало его имение Абрамцево Московской губернии.

Его перу принадлежат такие известные произведения как «Записки об уженье», 1847 г. (далее вышедшие под названием «Записки об уженье рыбы»), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», 1852 г., «Семейная хроника», 1856 г., «Детские годы Багрова - внука», 1858 г., «Аленький цветочек» и другие.

От брака с Ольгой Семеновной Заплатиной (1 марта 1793 г. – 2 мая 1878 г.), дочерью генерал-майора Семена Григорьевича Заплатина и пленной турчанки Игель-Сюм, Сергей Тимофеевич Аксаков имел четырех сыновей – Константина, Григория, Ивана, Михаила³² и семь дочерей – Веру (1819–1864 гг.),³³ Ольгу (1821–1861 гг.), Надежду

(1829–1869 гг.), Анну (1829–1829 гг.),³⁴ Любовь (1830–1867 гг.), Марию (1831–1906 гг.), Софью (1835–1885 гг.). Из дочерей только одна Мария была замужем. Ее мужем стал Егор Антонович Томашевский, сын цензора иностранных газет на Московском почтамте Антона Францевича Томашевского³⁵– друга Сергея Тимофеевича Аксакова.

Скончался Сергей Тимофеевич Аксаков 30 апреля 1859 года в Москве и был погребен в Симоновом монастыре.³⁶ Впоследствии перезахоронен вместе с сыном Константином на Новодевичьем кладбище.

Константин Сергеевич Аксаков

Сыновья Сергея Тимофеевича Аксакова оставили заметный след в общественно-политической жизни России середины – второй половины XIX века.

Один из создателей славянофильского учения, писатель, публицист, филолог, историк, лингвист, литературный критик Константин Сергеевич Аксаков³⁷ родился в селе Ново-Аксакове Бугурусланского уезда Оренбургской губернии 29 марта 1817 года. В начале 1830-х годов он воспитывался в пансионе М.П. Погодина, в 1835 году окончил словесное отделение Московского университета.³⁸

Будучи студентом, участвовал в кружке Станкевича, активно изучал труды немецких философов. Летом 1838 года совершил поездку в Германию и Швейцарию. В 1839 году познакомился и сблизился с Ю.Ф. Самариным и А.С. Хомяковым, под влиянием которых окончательно сложились его общественно-политические взгляды, вскоре Константин Сергеевич Аксаков стал лидером московского кружка славянофилов.

В 1847 году К.С. Аксаков защитил магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», однако места в Московском университете не получил из-за отсутствия вакансий, а предложение преподавать в Киевском университете отклонил.

После неудачной попытки начать преподавательскую карьеру, жил в Москве, активно участвовал в общественной жизни. С 1832 года сотрудничал в московских журналах, печатался в «Московском литературном и ученом сборнике» (1846–1847 гг.), «Московском сборнике» (1852 г.), журнале «Русская беседа», где его статьи определяли политическое направление журнала в целом, в 1857 году фактически редактировал газету «Молва».

К.С. Аксаков написал значительное количество работ по истории России, о творчестве Н.В. Гоголя, стихов, драматических произведений.³⁹ В основе его общественно-политической концепции лежит признание исторической исключительности России. Он полагал, что до IX века у славян не было государства, а основной формой общежития была «земля», «община». Внешняя опасность (угроза со стороны «браних, неугомонных» соседей) заставила славян «призвать на защиту государство». Это было необходимым средством сохранения «земли». Добровольное призвание варягов определило, по мнению Константина Сергеевича, особый путь исторического развития России, в которой народ и власть сосуществовали «как отдельные, но дружественные союзные силы»: народ, добровольно принявший князей, выступал как «первый страж власти», власть же видела в народе не «покоренного раба»,

а свободного подданного и союзника. Последний тезис обусловил его убеждение в невозможности для России революции. Принятие славянами православия, которое К.С. Аксаков считал единственно истинной формой христианства, обозначило непреодолимый рубеж между Россией и католическим Западом. Историческая роль России, ее «богоизбранность» заключалась в сохранении православия как истинного христианства для всего человечества.

По его мнению, вся жизнь русского народа есть реализация «внутренней правды», в основе которой находится народная религиозность. Функцией государства является воплощение «внешней правды», т.е. законодательная деятельность. В русской истории эти две силы сосуществуют вместе, не смешиваясь, не вступая в конфликты, доверяя одна другой, и поддерживая друг друга. С его точки зрения содружество государства и народа в XVI–XVII веках нашло выражение в земских соборах. Эта гармония была нарушена реформами Петра I, которые, коснувшись лишь верхних социальных слоев и не затронув народа, нарушили исконно существовавшее между ними равновесие. Эта позиция выразилась в противопоставлении К.С. Аксаковым «московского периода» истории «петербургскому». Одним из результатов реформ Петра I Константин Сергеевич считал конфликт крестьян с помещиками, которые в результате реформ оказались оторванными от «народа» и противопоставленными ему. Основой дальнейшего развития России, по его мнению, должно было стать крестьянское общинное землевладение - одно из высших исторических достижений национальной жизни русского народа. Эти идеи легли в основу славянской идеологии и трактовок русской истории.

Деятельность К.С. Аксакова не ограничивалась только историческими рассуждениями, он пытался воздействовать на власть. В 1855 году он представил императору Александру II «Записку о внутреннем состоянии России», в которой резко критиковал «угнетательную систему» правительства, предлагал меры к восстановлению «древнего отношения государства и земли»: уничтожение крепостничества, созыв всесословного совещательного Земского собора, обеспечение свободы слова, мнений и т.п.

Среди литературоведческих работ Константина Сергеевича Аксакова выделялись критические работы о творчестве Н.В. Гоголя. Он выступал против так называемой «петербургской литературы», особенно против писателей натуральной школы, упрекая их за оторванность от «земли» и чувство «мнимого превосходства» над народом. Одновременно Константин Сергеевич Аксаков высоко оценивал творчество И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Ф.И. Тютчева, Л.Н. Толстого.

Переживания, вызванные смертью отца, сильно подорвали здоровье К.С. Аксакова. Он заболел скоротечной чахоткой, уехал на лечение за границу.

Умер Константин Сергеевич Аксаков 7 декабря 1860 года на острове Занте (Закинф) в Греции. Женат не был.

Иван Сергеевич Аксаков

Не менее важный вклад в развитие русской культуры и общественной мысли внес младший брат Константина Сергеевича Аксакова – Иван Сергеевич, публицист и

поэт.⁴⁰ Он родился 26 сентября 1823 года в селе Надеждине (Куроедово) Белебеевского уезда Оренбургской губернии.

В 1842 году окончил привилегированное Императорское училище правоведения, которое по статусу приравнивалось к университету.

В 1842–1843 годах служил в Москве, в VI (Уголовном) департаменте Сената. В 1843–1844 годах – член комиссии сенатора П.П. Гагарина по ревизии Астраханской губернии. В 1845–1847 годах – товарищ председателя Калужской уголовной палаты. В 1847–1848 годах – обер-секретарь VI департамента Сената в Москве. В 1848–1849 годах служил по ведомству Министерства внутренних дел, был командирован в Бесарабию для изучения религиозных сект.⁴¹

17 марта 1849 года Иван Сергеевич Аксаков был арестован в Петербурге за выраженное в частном письме возмущение арестом Ю.Ф. Самарина и другие резкие высказывания в адрес правительства.

22 марта был освобожден с установлением негласного надзора полиции и определен на службу в Ярославскую губернию.

В феврале 1851 года министр внутренних дел Л.А. Перовский потребовал от И.С. Аксакова прекратить «авторские труды», на что тот ответил отказом, вышел в отставку и уехал в Москву.

В 1852 году Иван Сергеевич Аксаков выступил редактором-составителем «Московского сборника», который стремился превратить в орган пропаганды славянофильских идей.

В 1853–1854 годах, по поручению Русского географического общества, изучал ярмарки на Украине.

В годы Крымской войны И.С. Аксаков, ясно осознавая связь поражения русской армии с крепостнической системой, восхищался героизмом солдат. Он считал, что поражение в войне создает возможность осуществить давно необходимые преобразования. Несмотря на отрицательное отношение к власти, в 1855 году записался добровольцем в Серпуховскую дружину Московского ополчения, но принять участия в боевых действиях не успел.

В 1856 году он работал в комиссии князя В.И. Васильчикова по расследованию интендантских злоупотреблений в годы войны. Став свидетелем массовых крестьянских выступлений на юге России, И.С. Аксаков окончательно пришел к убеждению в необходимости отмены крепостной зависимости, наделения крестьян землей, чтобы предотвратить всеобщий бунт. К концу служебной карьеры имел чин надворного советника.

В 1857 году И.С. Аксаков ездил за границу, встречался с А.И. Герценом, до 1863 года являлся его тайным корреспондентом.

В 1857–1858 годах он редактировал газету «Молва», летом 1858 года фактически возглавил журналы «Сельское благоустройство» и «Русская беседа». В январе 1859 года начал издавать газету «Парус». С начала 1860-х годов Иван Сергеевич Аксаков являлся наиболее известным публицистом славянофильского направления, издавал газеты «День» (в 1861–1865 гг.) и «Москва» (в 1867–1868 гг.).⁴²

И.С. Аксаков усвоил многие идеи московских славянофилов, но полностью их не разделял. Он скептически относился к идеализации Древней Руси в работах брата Константина и А.С. Хомякова, высоко оценивал преобразования Петра I. Стремясь привлечь внимание к торговым и промышленным выгодам России, И.С. Аксаков считал необходимым создание нового учения, основанного на признании преимуществ артельно-общинного производства. Он был активным участником славянофильских дискуссий, занимался углубленным изучением истории России, в том числе исторических источников, а также политической экономии.

В 1860-х годах выступил с идеей о «самоупразднении» дворянства как господствующего сословия, его слиянии с «земством» (крестьянством) и создании на этой основе принципиально новой, народной интеллигенции, включающей лучших представителей всех сословий. Она должна была разрешить главное противоречие общества – между «землей» и «государством». Основным условием этого процесса И.С. Аксаков считал полную свободу слова и мнений, что выливалось в критику действий правительства.

Выдвигая проект, Иван Сергеевич Аксаков подчеркивал: «Мы полагаем, что дворяне не посетуют на нас за такой искренний и прямой совет человека, принадлежащего, по происхождению, к их же среде и сословию».⁴³

В конце 1860-х–1870-е годы он пришел к выводу об исторической завершенности славянофильства как целостного идейного течения и сосредоточил основное внимание на проблемах славянства, чему способствовали панславистские идеи Ф.И. Тютчева и знакомство с теорией Н.Я. Данилевского. В понимании И.С. Аксакова славянский вопрос имел не только внешнеполитическое, но и внутривнутриполитическое значение для России, поскольку она играла роль духовного и нравственного лидера славянского мира.

Иван Сергеевич Аксаков вел активную общественную деятельность по реализации своих взглядов. С 1857 года он являлся фактическим руководителем Московского славянского комитета, оказывал помощь славянским студентам, был одним из инициаторов Славянского съезда в Москве, прошедшего в 1867 году, организовал широкую кампанию по поддержке национально-освободительной борьбы славянских народов против османского гнета.

В 1878 году на собрании Московского славянского благотворительного общества он выступил с резкой критикой итогов Берлинского конгресса. За это был снят с поста председателя общества и выслан из Москвы.

Женился Иван Сергеевич Аксаков на Анне Федоровне Тютчевой (1823–1886 гг.). Свадьба состоялась 12 января 1865 года в Москве.⁴⁴

Умер Иван Сергеевич Аксаков 27 января 1886 года в Москве, погребен вместе с женой в Троице-Сергиевой лавре.⁴⁵

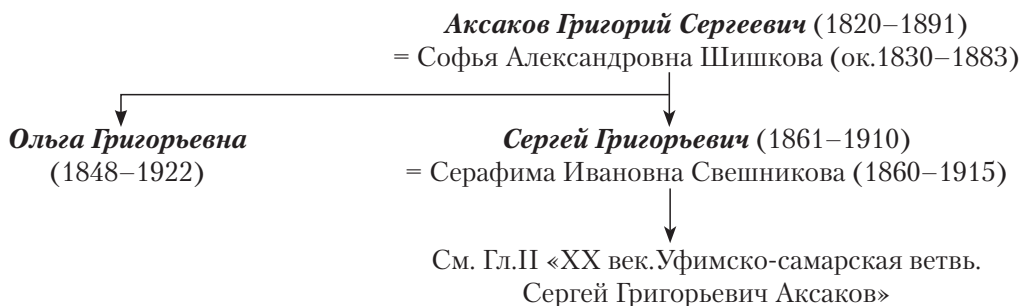
Благодаря общественно-политической и литературной деятельности Сергея Тимофеевича, Константина Сергеевича и Ивана Сергеевича Аксаковых род, к которому они принадлежали, к началу XX века стал одним из самых известных в России.

Григорий Сергеевич Аксаков

Григорий Сергеевич Аксаков (04.01.1820 г.–11.02.1891 г.), в отличие от братьев, посвятил себя исключительно гражданской службе. Он являлся известным государственным деятелем второй половины XIX века. Получив блестящее юридическое образование в Училище правоведения (окончил его в 1840 году), служил в системе Министерства внутренних дел и достиг заметного должностного положения.

В 1852–1853 годах – оренбургский вице-губернатор, в 1855–1858 годах – самарский вице-губернатор, с 1871 года – тайный советник. В период проведения крестьянской реформы Григорий Сергеевич Аксаков занял должность оренбургского гражданского губернатора (с 23 июня 1861 года), в 1867–1872 годах – самарский губернатор.⁴⁶ После выхода в отставку продолжал службу в дворянском самоуправлении Самарской губернии, будучи последние семь лет жизни губернским предводителем дворянства.

Имел множество наград, в том числе – ордена Святого Станислава и Святой Анны первых степеней, неоднократно получал «благоволения» от императора за удачную реализацию реформ в руководимой губернии, в частности в 1870 году – за «содействие при открытии в г. Самаре окружного суда».⁴⁷

Женат Григорий Сергеевич Аксаков был на представительнице известного самарского рода Софье Александровне Шишковой (1830-27 июня 1883 г.),⁴⁸ дочери бузулукского уездного предводителя дворянства, корнета Александра Федоровича Шишкова (ок. 1788 - до мая 1848 г.) и Марии Алексеевны Булгаковой (ок. 1800 - после 1848 г.). Венчание состоялось 8 января 1848 года в Симбирске, в Спасовознесенском соборе.

Из сыновей Сергея Тимофеевича Аксакова, Григорий Сергеевич, единственный имел потомство. Формулярные списки и поколенные росписи упоминали двух детей Григория Сергеевича Аксакова: дочь Ольгу и сына Сергея. Однако в книге Г.Ф. и З.И. Гудковых сообщалось, что у него было еще двое детей - Наталья и Константин, которые умерли в младенчестве.⁴⁹ При этом отмечалось, что Константин родился 14 января 1864 года в Уфе, и его воспитателями при крещении являлись Иван Сергеевич, Вера Сергеевна и Ольга Семеновна Аксаковы.

МОСКОВСКАЯ (ВПОСЛЕДСТВИИ ТУЛЬСКО-РЯЗАНСКАЯ) ВЕТВЬ.

Николай Иванович Аксаков

Тульско-рязанская ветвь рода Аксаковых фактически выделилась из московской ветви в первой половине XIX века.⁵⁰ Ее основателем являлся Николай Иванович Аксаков, умерший 12 декабря 1848 года.⁵¹

Службу он начал как военный, с марта 1794 года – подпрапорщик Лейб-гвардии Преображенского полка, с 1799 года – прапорщик, с 1803 года – подпоручик, с 1806 года – поручик, с 1808 года – штабс-капитан.

Участвовал в Русско-французской войне в 1807 году и в Отечественной войне 1812 года, во время которой командовал 3-м пехим полком. Участвовал при осаде крепости Данцига, был уволен от службы в 1814 году.⁵²

В последующие годы Николай Иванович Аксаков служил в дворянском самоуправлении Тульской губернии, в 1832–1837 годах являлся алексинским уездным предводителем дворянства. Его второй женой была Прасковья Петровна Валуева. Николай Иванович Аксаков имел двух сыновей: Николая от первого брака и Петра от второго.

Николай Николаевич Аксаков

Николай Николаевич Аксаков родился 26 января 1811 года. В 1829 году вступил в службу в Петровский пехотный полк унтер-офицером. К 1836 году дослужился до подпоручика и был уволен «по домашним обстоятельствам для определения к статским делам».

Затем исполнял различные должности в Санкт-Петербургской и Московской таможнях, был переименован в провинциального секретаря, и за несколько месяцев до смерти определен в Комиссариатский департамент.⁵³

Умер Николай Николаевич Аксаков 9 июня 1841 года.

Николай Николаевич Аксаков имел одного сына – также Николая (14 мая 1837–26 ноября 1887 г.), горного инженера, действительного статского советника, завершившего служебную карьеру начальником отделения в Горном департаменте.⁵⁴ Он был холост.

Петр Николаевич Аксаков

Петр Николаевич Аксаков родился 3 февраля 1820 года.

В отличие от брата он избрал гражданскую службу, поступив в 1842 году в Калужское депутатское дворянское собрание писцом 1 разряда.

В 1848 году получил чин губернского секретаря и в 1849–1855 годах служил по выборам тульского дворянства депутатом от Алексинского уезда.⁵⁵

В 1846 году женился на Надежде Александровне Ульяниной, дочери подпоручика, лукояновского уездного предводителя дворянства Александра Васильевича Ульянина. Она родилась около 1822 года, дожила до XX века, умерла в 1906 году и погребена в селе Чашниково Зубцовского уезда Тверской губернии.⁵⁶

За Надеждой Александровной Ульяниной было взято приданое – 100 душ мужского пола в сельце Петрове Серпуховского уезда Московской губернии.⁵⁷

У Петра Николаевича Аксакова имелось обширное потомство, дожившее до начала XX века: две дочери: Прасковья (1846–?, в замужестве Квашнина-Самарина) и Надежда (1854 – ?), а также пять сыновей: Николай, Александр, Федор (1853 – после 1910 гг.), Алексей (1856 – ?), Василий. Несмотря на принадлежность к тульской ветви (место рождения многих из них – село Юдинки Алексинского уезда Тульской губернии), все дети Петра Николаевича Аксакова 18 ноября 1866 года были внесены в шестую часть дворянской родословной книги Московской губернии.⁵⁸

Умер Петр Николаевич Аксаков в 1881 году.

МОСКОВСКАЯ (ВПОСЛЕДСТВИИ КАЛУЖСКО-МОСКОВСКАЯ) ВЕТВЬ.

Петр Дмитриевич Аксаков

Из калужско-московской ветви наиболее передовым деятелем в XVIII веке был Петр Дмитриевич Аксаков, в 1740–1744 годах – вице-губернатор Уфимской губернии, дослужившийся до чина действительного статского советника.⁵⁹

Он был активным проводником политики реформ, начатых Петром I. Его деятельность, направленная на борьбу с взяточничеством и произволом чиновничества, сочеталась с укреплением справедливости и уступками по отношению к коренному населению. Этому способствовало его знание причин башкирского восстания 1735–1740 гг.

В то время (с 1736 по 1738 гг.) П.Д. Аксаков в звании подполковника командовал в Башкирии ландмилицкими полками. Затем исполнял должности воеводы (1738–1739 гг.) и вице-губернатора (1740–1741 гг.) в Уфимской провинции, проводил политику стабилизации обстановки в крае, отдавая предпочтение ненасильственным методам руководства.

Прогрессивная деятельность Петра Дмитриевича Аксакова вызывала недовольство местного чиновничества. Многочисленные доносы руководству Башкирской и Оренбургской комиссий привели к конфликтам с Л.Я. Соймоновым и И.И. Неплюевым. По инициативе последнего должность вице-губернатора Уфимской провинции была упразднена. Однако, на основании собранных П.Д. Аксаковым материалов о злоупотреблениях и нарушениях законности указом императрицы Елизаветы Петровны была образована особая следственная комиссия, которая работала с 1745 по 1748 гг.

В 1748 году Петр Дмитриевич Аксаков исполнял службу при дворе императрицы, а в 1760 году получил чин действительного статского советника.

К калужско-московской ветви также относились титулярный советник Василий Николаевич Аксаков (о нем упоминается во введении и разделе о землевладении в данной главе) и его сыновья Сергей и Николай.

Сергей Васильевич Аксаков

Сергей Васильевич Аксаков родился 24 марта 1828 года в Клинском уезде. Крещен 29 марта 1828 года в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы села Завидово Клинского уезда Московской губернии.

В службу вступил 1 октября 1846 года юнкером (с выслугой трех месяцев за рядового) в Белевский егерский, впоследствии пехотный полк. С 19 декабря 1848 года – прапорщик с переводом в Черноморский резервный линейный батальон, где 13 апреля 1850 года был утвержден батальонным адъютантом. 10 сентября 1852 года переведен обратно в Белевский полк.

В звании подпоручика (6.7.1853 г.), а затем поручика (17.3.1854 г.) участвовал в Крымской войне. В связи с расформированием запасных войск 11 декабря 1856 года был выключен на укомплектование 12-й пехотной дивизии. 10 января 1857 года назначен в прикомандирование к Днепровскому пехотному полку, а с 24 мая 1857 года переведен в этот полк.

10 декабря 1858 года Сергей Васильевич Аксаков был уволен со службы без награждения чином, за просрочку в отпуске по болезни в 1856 году. Однако в дальнейшем выяснилась причина задержки. Находясь в отпуске, С.В. Аксаков подал прошение об увольнении в связи со смертью отца и необходимостью улаживания дел в имении. Просрочка была признана уважительной, и 30 марта 1862 года ему было присвоено звание штабс-капитан.⁶⁰

В 1871 году Сергей Васильевич Аксаков упоминается как мировой посредник Клинского уезда.⁶¹

Указом Правительствующего Сената от 28 ноября 1877 года за № 3715 произведен за выслугу лет в чин титулярного советника со старшинством с 1 декабря 1877 года.⁶² На момент смерти коллежский ассессор (с надгробия).

В 1861 году и 1871 году нераздельно с братом Николаем владел родовым имением в селе Рябинки в Клинском уезде Московской губернии (57 душ крестьян мужского пола).⁶³

Женат Сергей Васильевич Аксаков был на Капитолине Васильевне урожденной Некрасовой (1839–29.07.1888 гг.). У них было четверо детей: сыновья Василий (9.09.1865–8.03.1935 гг.), Николай (1875–20.12.1876 гг.) и две дочери: Екатерина (7.04.1864–после 1924 гг.) и Надежда (24.10.1872–30.09.1930 гг.).

В описи имущества церкви Успения Пресвятой Богородицы села Завидово Клинского уезда за 1893 год Сергей Васильевич Аксаков упомянут как даритель и председатель церковного попечительства.

Умер Сергей Васильевич Аксаков 18 июля 1885 года в возрасте 57 лет (Сведения с надгробия). Погребен в почетном месте напротив алтаря Успенского храма села Завидово, в настоящее время Конаковского района Тверской области. Надпись на надгробии: «Господи, прими дух мой с миром».

Николай Васильевич Аксаков

Николай Васильевич Аксаков родился 24 ноября 1829 года в Клинском уезде. Как и его отец, он избрал военную карьеру.

В 1846 году, по окончании I Московского кадетского корпуса, поступил юнкером в Рязанский пехотный полк. Дослужившись до капитана, в 1862 году был уволен в отставку. Принимал участие в походах против Венгрии (в 1849 г.), в Крымской войне, воевал против горцев (в 1857 г.).⁶⁴

В 1864 году он вновь поступил на службу, исправлял должность командира Калужской арестантской № 10 полуроты гражданского ведомства, но через два года снова вышел в отставку в прежнем чине капитана.

В 1868 году Николай Васильевич Аксаков был назначен исправлять должность лесничего в Калужскую губернию, а с февраля следующего года служил в Малоярославецком лесничестве. В ноябре 1870 года был переименован из капитанов в коллежские секретари. С января 1871 года – лесничий 2-го Козельского лесничества.⁶⁵ В лесном ведомстве дослужился до надворного советника.

Нераздельно с братом Сергеем Николай Васильевич владел родовым имением в Клинском уезде Московской губернии. В 1862 году в нем насчитывалось 57 душ временнообязанных крестьян и 600 десятин земли. Имение принадлежало им и в 1871 году, но к началу XX века было продано местным крестьянам Антоновым.

Женился Николай Васильевич Аксаков на Юлии Владимировне Воейковой, которая в 1843 году была внесена в шестую часть дворянской родословной книги Калужской губернии.⁶⁶ Она происходила из состоятельной калужской семьи, ее родной брат Василий Владимирович Воейков, владел крупным имением Попелево, впоследствии купленным родственниками, князьями Вяземскими. В 1860 году Юлия Владимировна Воейкова унаследовала от отца, поручика Владимира Александровича Воейкова сельцо Антипово Козельского уезда Калужской губернии, в котором состояло 152 десятины земли.⁶⁷ Имение было расположено в живописном месте на высоком берегу реки Серёны – притока Жиздры.

Как и у большинства дворянских семей XIX века, у Николая Васильевича Аксакова было много детей: 5 сыновей (Сергей, Владимир, Василий, Георгий, Павел) и 3 дочери (Ольга, Александра, Антонина).

Их жизнь пришлось на конец XIX – первую половину XX веков.

Взаимоотношения между членами семьи Аксаковых складывались непросто. Николай Васильевич Аксаков находился под сильным влиянием властной жены Юлии Владимировны. Возможно, это связано не только с особенностями характера, но и с материальной зависимостью от супруги.

Юлия Владимировна Аксакова, отличалась, по словам Татьяны Александровны Аксаковой, «весьма крутым характером и держала своего мужа в повиновении».⁶⁸ Она делила детей на «любимых» и «нелюбимых». К первой группе принадлежали старший сын Сергей и дочь Ольга, с которой Юлия Владимировна Аксакова жила в последние годы жизни после революции. Остальные шесть детей «подвергались всяким «ущемлениям», вплоть до изгнания из дому».⁶⁹ Данные утверждения подтверждают обнаруженные нами документы судебного разбирательства:

«Дело Калужского окружного суда (2 отделения 2 стола) по обвинению жены надворного советника Юлии Владимировны Аксаковой в истязании шестилетнего своего сына Василия. Начато: 2 сентября 1878 г. Кончено 19 декабря 1878 г.».⁷⁰

*Жена Надворного
советника Николая
Васильевича Аксакова,
Юлия Владимировна
(ур. Воейкова), в
своем доме на Нижней
Садовой улице, 46
в Калуге.*

Фото ок. 1915 года.

*Личное собрание
М.М. Аксакова,
Москва. Россия.*

Николай Васильевич Аксаков умер 18 января 1902 года от воспаления легких и был погребен через три дня на Пятницком кладбище г. Калуги.⁷¹

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА.

В 1785 году «Жалованная грамота дворянству» кардинально изменила систему юридического оформления дворянского достоинства в России. Была введена децентрализованная система учета сословия, при которой в каждой губернии учреждались родословные книги, фиксировавшие все потомственное дворянство, владевшее на ее территории недвижимым имуществом.

Как и остальные дворяне, Аксаковы предприняли меры к юридическому оформлению социального статуса. Они проявляли об этом большую заботу. Род был внесен в родословные книги 7 губерний: Калужской,⁷² Московской, Оренбургской, Рязанской, Самарской, Симбирской и Тульской. Система распределения дворянских родов по частям губернских родословных книг и, следовательно, признания в «древнем» (VI часть), «иностранном» (IV часть) или в «выслуженном» (II и III части) дворянстве, была чрезвычайно формальной, бюрократизированной и не имела ничего общего с реальным происхождением. Такая ситуация наглядно проявилась и при внесении Аксаковых в родословные книги. Несмотря на несомненную принадлежность к древнему дворянству, они вносились не только в VI, но и в IV и во II часть. Причем после указа Правительствующего Сената от 20 августа

Аксаковы: слева направо Нина Сергеевна, ее тетя Ольга Николаевна и бабушка Юлия Владимировна.

Фото ок. 1917 г.

Личное собрание А.В. Антошко, Москва.

1847 года, который переносил род Аксаковых московской ветви из VI во II часть, причисление его представителей к дворянству, выслужившему статус по военной службе, стало традиционным. Начиная с 1870-х годов и до 1917 года, большинство из них числились именно по этой части.

Первым из рода подал прошение о внесении в родословные книги Степан Михайлович Аксаков, который просил Оренбургское дворянское собрание внести его в ту часть, «в какую следует», что было сделано определением от 11 декабря 1791 года.

Последними из Аксаковых (25 декабря 1914 года) были внесены в родословные книги Московской губернии Мария Михайловна Аксакова и ее сын Михаил.

Всего удалось выявить 39 случаев внесения представителей рода в родословные книги. По губерниям они распределяются следующим образом. Большинство Аксаковых (24) числилось по Московской губернии, что связано и с принадлежностью к московскому дворянству в ранние периоды и с сознательным тяготением к Москве. Неоднократно складывались ситуации, когда Аксаковы, жившие в других губерниях, подавали прошение о причислении в дворянскую книгу Московской губернии.

В остальных губерниях случаи внесения оказались единичными: Самарская – 4 человека, Тульская и Оренбургская – по 3 человека, Симбирская и Калужская – по 2 человека, Рязанская – 1 человек.

Некоторые из Аксаковых одновременно вносились в родословные книги различных губерний.

В хронологическом отношении процесс внесения в родословные книги оказался следующим: XVIII век – 2 человека; XIX век – 33 человека (по четвертям столетия: I – 4, II – 9, III – 11, IV – 9), XX век – 4 человека. Причем, больше половины Аксаковых (20 человек) было внесено в книги между 1826 и 1876 годами.

ГЕРБ РОДА АКСАКОВЫХ И ЕГО БЫТОВАНИЕ.

В конце XVIII века в России началась официальная кодификация дворянских гербов. Согласно именному указу Павла I от 20 января 1797 года⁷³, было начато составление «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи».

Аксаковы быстро отреагировали на повеление и представили необходимые документы в Герольдию. Их герб внесен в IV часть гербовника, утвержденную в 1799 году.⁷⁴

Его официальное описание таково: «В щите, имеющем серебряное поле, изображено красное сердце, пронзенное стрелой, щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной и тремя страусовыми перьями, намет на щите серебряный, подложенный красным, щит держат два воина в латах, имеющие в руках по одному копыю».

Описание было неудачным и неполным: не указаны цвета стрелы и лат воинов, отсутствует понятие нашлемника. Примечательно, что хотя Аксаковы хорошо знали об общем происхождении с Вельяминовыми, их герб ничем не напоминает гербы однородцев.

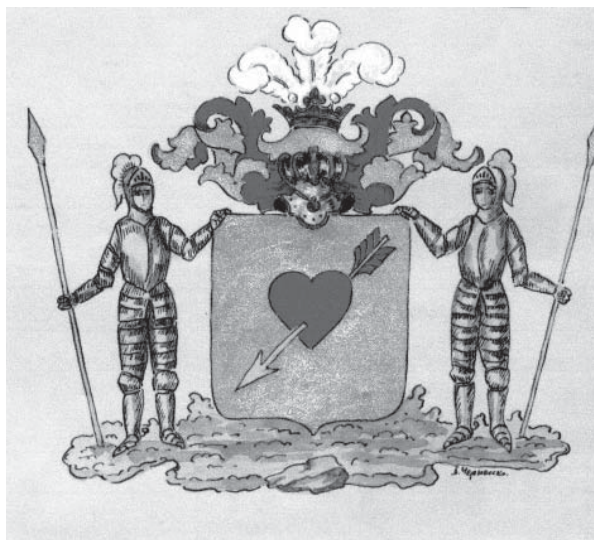
В основе герба рода Аксаковых лежит польский герб Аксак, который польские авторы считают татарского происхождения. Причины подобного заимствования не ясны, поскольку происхождение Аксаковых никогда не увязывалось с Польшей. Польский герб Аксак (он же Пржияцель, Кара и Оброна) известен с XII века и представляет собой в голубом поле на блюде красное сердце, пронзенное одной или двумя стрелами, расположенными крестообразно. Иногда изображался и без блюда.⁷⁵

Известный геральдист А.Б. Лакиер прямо называл Аксаковых в числе русских дворянских родов, пользующихся польским гербом Аксак, наряду с Анненковыми, Гордеевыми, графами Зотовыми, Иванчиными, Сахаровыми, Сушковыми, Юрасовыми и другими.

Возможно, выбор эмблем для герба был произведен случайно на основе имевшегося в распоряжении представителей рода сфрагистического материала. Такой способ составления гербов был распространен среди русского дворянства XVIII века, а потребность в гербе оказалась обусловлена необходимостью утвердить какой-либо родовой символ в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи».

Варианты герба рода
Аксаковых, бытовавших
за границей, в частности
во Франции, Болгарии,
Аргентине и Австралии.

Личный архив
М.М. Аксакова.
Москва. Россия.

Для этого была избрана наиболее подходящая эмблема – польский герб, тем более что нашелся такой, название которого практически совпадало с фамилией.⁷⁶

Косвенным образом об отсутствии в роде устойчивой геральдической традиции может свидетельствовать отсутствие герба Аксаковых в «Гербовнике А.Т. Князева» 1785 года,⁷⁷ содержащем значительный комплекс бытовавших среди дворянства гербовых печатей, хотя отдельные случаи использования печатей в роде Аксаковых были зафиксированы.

5 апреля 1801 года гвардии капитану Николаю Ивановичу Аксакову была выдана копия с герба, внесенного в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Документ представлялся им при внесении в дворянскую родословную книгу Тульской губернии, а также его сыном Петром Николаевичем Аксаковым при внесении в дворянскую родословную книгу Московской губернии.⁷⁸

В XIX веке в роде сформировалась традиция ношения перстня с гербом, которая продолжалась в XX веке. Татьяна Александровна Аксакова писала в воспоминаниях, что она до свадьбы «уже носила на руке кольцо-шевальеру с аксаковским гербом», а в примечании указывала, что впоследствии переслала его сыну Дмитрию во Францию.⁷⁹

Сам Дмитрий Борисович Аксаков писал дяде Сергею Сергеевичу Аксакову в 1951 году в Аргентину, что заказал себе золотой перстень с гербом и спрашивал о значении его эмблем.⁸⁰ Сейчас этот перстень хранится у его дочери Катрин, проживающей в Ницце. Сергей Сергеевич Аксаков также использовал свой перстень с гербом для опечатывания сургучом закрытой переписки с соратниками по Белому движению, будучи уже в Аргентине.

Сохранились также две матрицы гербовых печатей Аксаковых. Рисунок на них идентичен официально утвержденному гербу. Одна из них хранится в Музее института русской литературы РАН в Санкт-Петербурге. Другая, находится в частном собрании Владимира Ивановича Рожкова – родственника второй жены Бориса Сергеевича Аксакова. Там же хранится второе кольцо-шевальера, которое принадлежало мужу Татьяны Александровны, Борису Сергеевичу Аксакову.

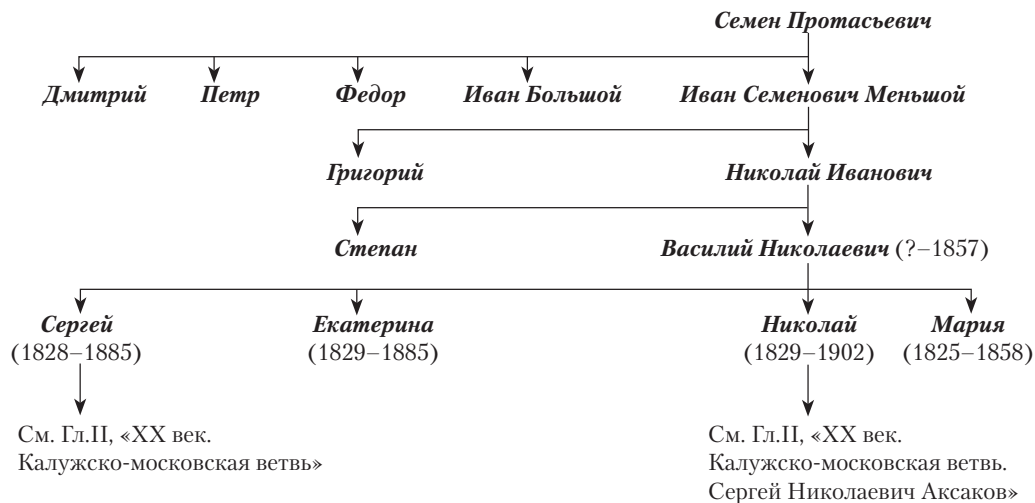
О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ РОДА АКСАКОВЫХ.

История и генеалогия дворянского рода всегда тесно связаны с земельными владениями его представителей. История земельных владений Аксаковых также оказала существенное влияние на территориальную локализацию, матримониальные связи, вхождение в региональные сословные корпорации и т.д.

Изучение обстоятельств перехода земельных владений помогло установить существенную неточность, допущенную В.В. Руммелем, и затем многократно повторенную в генеалогических работах.

Исследователь производил калужско-московскую ветвь от стольника царицы Прасковьи Федоровны, а впоследствии капитана Ивана Семеновича Большого Аксакова.⁸¹ Однако на самом деле ветвь берет свое начало от его родного брата и полного тезки Ивана Семеновича Меньшого Аксакова. Из источников известно, что по полюбовному разделу имений их отца Семена Протасьевича, произведенному 22

августа 1732 года, село Ребинники (в источниках называлось также Рябинки) и деревню Неберещино в Клинском уезде получил (также стольник царицы Прасковьи Федоровны) капитан Иван Семенович Меньшой Аксаков. Его потомки владели именьями в дальнейшем.⁸² Иван Семенович Большой к тому времени уже умер (20 мая 1713 г.) и детей не имел.

Аксаковы изначально тяготели к Московскому региону, однако четыре сына родоначальника Ивана Федоровича Вельяминова Аксака были испомещены в Новгороде, трое из них пожалованы конфискованными вотчинами новгородского архиепископа Феофила.

Иван и Александр Ивановичи Аксаковы в 1500 году упоминались как помещики Вотской пятины Новгорода.⁸³

Дмитрий Иванович в 1547 году владел землями в Обонежской пятине,⁸⁴ его поместье наследовали сыновья Степан и Федор.⁸⁵

Василий Иванович, судья и межевщик, также являлся помещиком в Вотской пятине в Новгороде в 1500 году.

Однако вряд ли Аксаковы воспринимали Новгород как место постоянного жительства, они сохраняли тесную связь с московским регионом, продолжали владеть землей около Москвы. Основные владения рода на протяжении XVI–XIX веков находились в пределах Московского уезда.

Упомянутый Василий Иванович Аксаков в 1541 году владел вотчиной в Дмитровском уезде. Его племянники Степан Дмитриевич и Федор Дмитриевич Аксаковы, будучи помещиками в Новгороде, также имели вотчину и в Московском уезде.

Еще более четко обозначились связи Аксаковых с Подмосковьем, когда они наряду с другими тысячниками получили новые владения в пределах Московского

уезда. Основной фамильной вотчиной Аксаковых являлось село Аксаково-Прокофьево, располагавшееся на реке Уче.

Поместные оклады, которые жаловались Аксаковым за службу, были значительны. За Леонтием и Юрием Ивановичами Аксаковыми, согласно боярскому списку 1577 года, числился по Дмитрову поместный оклад в 600 четей земли.⁸⁶

Их троюродный брат Михаил Федорович Низенький записан в боярский список 1588–1589 годов по Можайску «в выборе» с поместным окладом в 400 четей земли.⁸⁷ Поместный оклад его сыновей, стольников Протасия, Федора и Юрия, в 1620-е годы составлял 400–450 четей.⁸⁸

Сын одного из них, Семен Протасьевич, в 1665 году был пожалован поместным окладом в 500 четей, включавшим деревни Даниловскую и Рябинки Клинского уезда. Последняя из них находилась во владении рода на протяжении 200 лет, став основным родовым гнездом представителей калужско-московской ветви.⁸⁹

Основание землевладению рода Аксаковых в Поволжском регионе было положено, как уже указывалось, пожалованием земли сыну боярскому Михаилу Юрьевичу Аксакову. После его гибели на войне, согласно царской грамоте от 12 декабря 1577 года, поместье передавалось жене Марье и сыновьям Даниле и Никифору (Баушу).⁹⁰ В июле 1613 года вдове его брата Даниила Юрьевича Аксакова Татьяне с сыном Любимом было отказано в поместье 173 четверти земли из поместья ее мужа в Арзамасском уезде.⁹¹ В феврале 1617 года дана ввозная грамота вдове Никифора (Бауша) Михайловича Аксакова Нине с детьми Алешкой, Борисом, Настасьей, Акулиной и Аксиньей на поместье мужа – половину селища Киржаны в Залесском стану и половину села Березовый Усад в Ирженском стану Арзамасского уезда.⁹²

Аксаковы, как и другие служилые люди XVII века, активно заботились об увеличении своих земельных наделов. Представитель арзамасской ветви Еремей (Любим) Иванович, умерший в 1672 году, в 1638 году выменял у Ивана Александровича Левашева в Арзамасском уезде в Залесном стане поместье – «пустошь, что была ранее деревня Кудря», с крестьянами к старому своему поместью в том же стане.⁹³ В переписной книге 7154 (1645/1646) года по Арзамасскому уезду за ним записана в Собакинском стане деревня Аксаково, в которой находилось 4 двора крестьянских, а в них 14 человек крестьян мужского пола, и 4 двора бобыльских, а в них 6 человек крестьян мужского пола.⁹⁴

В ноябре 1662 года Еремей Иванович Аксаков получил от царя Алексея Михайловича грамоту на отказанное ему в 7168 (1659/1660) году прожиточное вдовы Дарьи Брольской и дочери ее Степаниды поместье, по их, с обеих сторон, полюбовному челобитью. Поместье находилось в Арзамасском уезде в Залесном стану и состояло в деревне Усовой, да в Теском стану, в пустоши Лутовиновой (всего – 37 четвертей с осминой и с крестьянами).⁹⁵

Сын Любима Аксакова Алексей владел землями в Симбирском уезде (70 четвертей). Детям его также принадлежали поместья в том же регионе.

Матвей и Петр Алексеевичи Аксаковы в мае 1693 года получили грамоту на владение поместьями в Симбирском уезде, которая закрепила более ранние приобретения.

В 1679–1680 годах было дано 59 четвертей Дмитрию Алексеевичу Аксакову, в 1689–1690 годах Матвею и Петру Алексеевичам передано поместье их отца в Симбирском уезде (170 четвертей).

В том же году Матвею Алексеевичу Аксакову из поместья его в Симбирском уезде было дано ему в вотчину за службу село Троицкое с деревнями и с крестьянами.

В 1691-1692 годах Петру Алексеевичу Аксакову из его поместья в Симбирском уезде на речке Майне за службу отца из поместного его оклада в 730 четвертей со 100 по 20 (итого – 146 четвертей) с крестьянами и с угодьями дано в вотчину. В следующем году дана и отказана Матвею и Петру Аксаковым земля в Симбирском уезде (660 четвертей) к старым их вотчинам, к селу Троицкому с деревнями.⁹⁶

В XVII веке Аксаковы имели земельные владения не только в традиционных уездах, но и в других регионах. Эти земли переходили к роду как приданое или по женской линии родства.

Дворянин московский Степан Юрьевич Аксаков, например, владел деревней Травино Суздальского уезда,⁹⁷ которая затем перешла к его сыну Петру, капитану Ново-троицкого драгунского полка, за которым в 1736 году там числилось 28 душ крестьян.

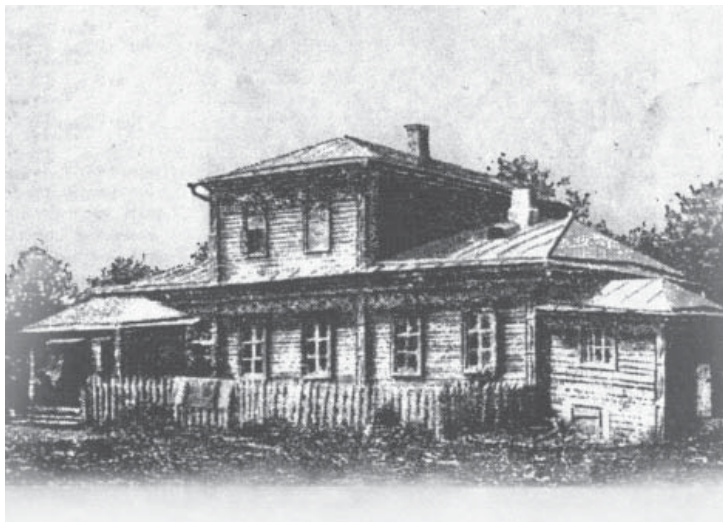
Братья Иваны Александровичи Большой и Меньшой Аксаковы владели в 1680-х годах не только землями в Арзамасском, но и в Медынском и Боровском уездах. Однако земли в других регионах долго в роду Аксаковых не удержались.

В XVIII веке владения московских Аксаковых оставались вполне значительными. Имевший сравнительно невысокий чин капрала Николай Иванович Аксаков в 1769 году владел 6 участками населенной и незаселенной земли в Клинском уезде Московской губернии.⁹⁸ Однако в конце XVIII – первой половине XIX века количество земли у его потомков неуклонно уменьшалось. За его сыном Василием Николаевичем Аксаковым в 1797 году числилось всего 34 души в Клинском уезде.⁹⁹ К концу XIX века родовые имения были окончательно утрачены.

В иллюстрированном каталоге «Усадьбы Подмосковья»¹⁰⁰ за №, № 2610, 2611 читаем: «Рябинки, Клинский у., 2-й стан, при д. Рябинки Новинской волости...Владельцы: крестьянин Антонов (1890), Антонова (1911).

Однако известно, что в 1814 году «Рябинками» владел Василий Николаевич Аксаков. Во время русско-турецкой войны (1787–1791г.г.) он участвовал в штурмах Очакова, Килии и Измаила. В 1812 г. был командирован в Клинский земский суд «для употребления в округе спокойствия и тишины», являлся заседателем Клинского земского суда, титулярным советником.

В 1830-х годах с Рябинками была связана скандальная история. В то время имением совладел племянник Василия Николаевича Аксакова, Алексей Степанович (1799 – ок.1838 гг.), прапорщик лейб-гвардии Егерского полка, заседатель Нижне-земского суда Клинского уезда (1829–1830 гг.). Он был неравнодушен к спиртному, чем решил воспользоваться его сосед подполковник фон Брунов. Он уговорил Алексея Степановича продать имение (120 десятин родовой земли) за 3 тысячи рублей и подписать заемное письмо на существенно большую сумму 15 тысяч рублей, которое после смерти Алексея Степановича Аксакова, вопреки обещанию, было предъявлено к оплате.

*Вид главного
усадебного дома
С.Т. Аксакова в селе
Наеждино, названном
в честь двоюродной
бабушки писателя и
основанном ее мужем
М.М. Куроедовым в
60-х годах XVIII века.*

*Репродукция из
книги Семенова-Тян-
Шанского «Россия.
Полное географическое
описание нашего
отечества».*

Дядя, Василий Николаевич, протестовал против мошеннических действий фон Брунова, обращался в уездный суд с просьбой о наложении запрета на сделку. Тем не менее, имущество было описано. Скандал дошел до Санкт-Петербурга. После вмешательства А.Х. Бенкендорфа была создана специальная комиссия во главе с бароном Притвицем, которая разбиралась с делом.

Когда 4 апреля 1857 года Василий Николаевич Аксаков скончался, его сыновья Сергей и Николай находились на Кавказско-Турецком фронте. Старший Сергей был отпущен для улаживания дел в имении. Он оставил военную карьеру и стал служить в судебных учреждениях. Николай (1829–1902 гг.) вернулся с войны, женился и осел в Калуге.

В 1880-х годах Аксаковы продали имение Рябинки местным крестьянам Антоновым, которые для этой цели взяли кредит в банке, но так его и не вернули из-за революции.

В арзамасской (уфимско-самарской) ветви наблюдались иные процессы. Благодаря активной служебной деятельности к XVIII веку, у ее представителей сложились значительные земельные владения. За внуком Петра Алексеевича Аксакова прапорщиком Степаном Михайловичем в 1791 году в селе Троицком, «Аксаково тож», Тагаевской округи Симбирского наместничества числилось 356 душ крестьян и полученных в приданое за женой, Ириной Васильевной Неклюдовой, Уфимского наместничества Бугурусланской округи в деревне Аксаково 52 души крестьян.¹⁰¹

Его сын титулярный советник Тимофей Степанович Аксаков активно приобрел земли, чем упрочил материальное положение семьи. В 1792 году он купил земли башкир Ногайской дороги Яминской волости по реке Месели в Стерлитамакском

Уфа. Улица
Бельская. Дом
Аксаковых.

Фото 1900-х годов.

Собрание
Мемориального
дома-музея
С.Т. Аксакова в Уфе.

уезде.¹⁰² В 1805 году Тимофей Степанович Аксаков приобрел у сестры Н.И. Куроедовой имение в селе Надеждино Белебеевского уезда.¹⁰³ В 1811 году за ним числилось в селе Дмитриевском Белебеевского уезда 16 семей дворовых людей и в деревне Ивановке 30 крестьянских дворов, а также вместе с женой и сыном – имение в деревне Николаевке (Рыбная слобода) Уфимского уезда.

В 1814 году Тимофей Степанович Аксаков передал дочери Надежде имение в деревне Пестровке и выселке Подлесном Стерлитамакского уезда с 430 душами крестьян.¹⁰⁴ В 1824 г. он дал в приданое дочери Софье 633 души крестьян в деревне Подлесной Белебеевского уезда.¹⁰⁵

Всего в 1824 году за ним числилось 1500 душ крестьян в Оренбургской губернии.¹⁰⁶

В последующие годы количество крестьян уменьшилось. В 1831 году Тимофей Степанович Аксаков владел родовыми 700 душами в Корсунском и Ставропольском уездах Симбирской губернии, а также 415 душами в Бугурусланском, Белебеевском и Уфимском уездах Оренбургской губернии.¹⁰⁷

Оставшееся после его смерти (в виде родового и благоприобретенного) имущество в Симбирском, Ставропольском, Бугульминском, Белебеевском и Бугурусланском уездах, было разделено в 1837 году между детьми. Поскольку их было много, то каждому достались сравнительно небольшие наделы.

В XIX веке представители уфимско-самарской ветви продолжали покупать земли, хотя их однородцы из других ветвей приобретали новые земли преимущественно путем браков, в качестве приданого.

Писателю Сергею Тимофеевичу Аксакову, например, по разделу досталось имение в селе Дмитриевском (Надеждино) Белебеевского уезда¹⁰⁸ с 300 душами крестьян.¹⁰⁹

В 1843 году он приобрел имение Абрамцево Московской губернии. Кроме того, вместе с братом Н.Т. Аксаковым ему принадлежало 2700 десятин земли в селе Вешенки (Куроедово) Ставропольского уезда Самарской губернии.¹¹⁰

У его братьев и сестер владения были не менее значительными. Бугурус-ланский уездный предводитель дворянства Аркадий Тимофеевич Аксаков владел 4400 десятинами земли при селе Старое Аксаково (Троицкое) Симбирского уезда.¹¹¹

В отличие от калужско-московской ветви, жившей преимущественно жалованием, самарско-уфимские Аксаковы во второй половине XIX века оставались состоятельными помещиками. Крупным землевладельцем являлся сын Сергея Тимофеевича Аксакова, губернатор Григорий Сергеевич Аксаков, ему принадлежало родовое имение в Уфимской губернии (в 1866 году – 4500 десятин земли и 460 душ поселенных на них крестьян). К 1873 году его земельные владения, располагавшиеся в той же Уфимской губернии, увеличились до 9000 десятин земли.¹¹² Жена Григория Сергеевича Аксакова, Софья Александровна (урожденная Шишкова), также была весьма состоятельна, в том же 1873 г. за ней числилось 4200 десятин земли в Бузулукском уезде Самарской губернии.¹¹³

Значительными земельными участками и большим количеством крепостных владели в первой половине XIX века Аксаковы, принадлежавшие к тульско-рязанской ветви. Алексинский уездный предводитель дворянства Николай Иванович Аксаков получил по наследству имения в Алексинском и Богородицком уездах Тульской губернии (468 душ крепостных крестьян), в Ряжском и Спасском уездах Рязанской губернии (667 душ крестьян) и в Ветлужском уезде Костромской губернии (317 душ крестьян).¹¹⁴

Его сын, провинциальный секретарь Николай Николаевич был женат на Александре Филипповне, которая владела 4500 десятинами в Костромской губернии.¹¹⁵ Однако за внуком, горным инженером, так же Николаем Николаевичем, в 1868 году записано только 250 десятин земли с поселенными на ней 87 душами крестьян в Ряжском уезде Рязанской губернии.¹¹⁶ В формулярном списке другого внука Николая Ивановича Аксакова, штабс-капитана Василия Петровича Аксакова, относящегося к 1901 году, указано, что землей он не владеет.¹¹⁷

Таким образом, к началу XX века только уфимско-самарская ветвь рода Аксаковых сохранила крупные земельные владения.

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ.

Существенным показателем социального положения любого рода являются матримониальные связи. Род Аксаковых находился в брачных отношениях с представителями древних дворянских родов, равных им по статусу и также принадлежавших к средним слоям сословия.

Среди них Бибиковы, Воейковы, Головины, Ельчаниновы, Жеребцовы, Квашнины-Самарины, Рожновы, Свечиные, Ульянины, Ушаковы, Чаплины, Чашниковы.

Характерно, что Аксаковы практически не заключали браков с титулованными особами. Исключением стали браки двух дочерей С.А. Аксакова – дворецкого князя Владимира Андреевича Старицкого, Лукерьи и Марфы, умерших до 1586 года и упомянутых в источниках как княгини. Фамилии их супругов неизвестны. Такой брак, по всей видимости, был связан с тем, что в XVI веке Аксаковы воспринимались как представители известного и достаточно знатного рода, потомки московских тысяцких.

Следующий случай бракосочетания с титулованным лицом пришелся на конец XVIII века и был заключен между дочерью губернатора Николая Ивановича Аксакова и князем Петром Платоновичем Мещерским. По всей видимости, в данной ситуации сыграло существенную роль служебное положение отца невесты.

Единственный брак с титулованным Рюриковичем был заключен в 1824 году между Серафимой Степановной Аксаковой и князем Федором Петровичем Кропоткиным, принадлежавшим к потомкам смоленских удельных князей.

Известность рода в XIX веке способствовала заключению нескольких примечательных брачных союзов. В 1819 году штаб-капитан Николай Иванович Аксаков женился на Прасковье Петровне Валуге, дочери действительного тайного советника Петра Сергеевича Валуге, а Иван Сергеевич Аксаков в 1865 году – на Анне Федоровне Тютчевой, дочери поэта, тайного советника, камергера, председателя Комитета иностранной цензуры, академика Федора Ивановича Тютчева.¹¹⁸

В XIX веке матримониальные связи Аксаковых, как и большинства дворянских родов, были обусловлены преимущественно территориальной близостью (представители калужско-московской ветви избирали невест и женихов из дворян Калужской губернии, а уфимско-самарской – из Самарской и сопредельных). Во второй половине века появились браки с лицами недворянского происхождения – из почетных граждан и мещан,¹¹⁹ а супруги, имевшие дворянский статус, происходили, в большинстве случаев, из родов, которые не принадлежали к древнему дворянству, а выслужили его по гражданской или военной службе.

Одной из проблем, которые возникают при изучении истории и генеалогии любой семьи, является отнесение упоминаемых в источниках лиц к данному роду, отделение однофамильцев. Аналогичные трудности имелись и в отношении Аксаковых.

В «Тысячной книге» 1550 года упомянут Матвей Товарищев сын Аксаков, суздальский сын боярский третьей статьи, сыновья и племянники которого отмечены под фамилией Товарищевы.¹²⁰ В росписи изучаемого рода они не значатся. Н.П. Лихачев и Н.В. Мятлев, опубликовавшие «Тысячную книгу», обоснованно считали эту семью не родственной Аксаковым, происходящим от Шимона. Существование однофамильцев в Суздале подтверждается грамотой Спасо-Евфимиеву монастырю от Великого князя Ивана Ивановича Василию Оскакову.¹²¹

На протяжении XVII–XVIII веков все упоминаемые источниками Аксаковы принадлежали к одному роду. Антропонимическая ситуация изменилась в XIX веке, когда вновь появились однофамильцы. Некоторые из них, возможно, являлись бывшими крепостными крестьянами Аксаковых, после освобождения от крепостной зависимости принявшими фамилию бывших владельцев.

В начале XX века в офицерских чинах служило несколько лиц, носивших фамилию Аксаковы, но к изучаемому роду не принадлежавших. Например, Константин Павлович Аксаков (1882 года рождения), родом из крестьян Тверской губернии, в 1906 году – поручик 3-го Финляндского стрелкового полка;¹²² Сергей Павлович Аксаков (1885 года рождения), возможно, брат предыдущего, так же родом из крестьян той же губернии, младший унтер-офицер из вольноопределяющихся 47-го пехотного Самарского полка (1911 г.);¹²³ Михаил Михайлович Аксаков (1896 года рождения), происходивший из мещан города Екатеринодара, в 1916 году прапорщик 61-го пехотного запасного батальона;¹²⁴ Яков Иванович Аксаков (1877 года рождения), из мещан города Дедюхина Пермской губернии, подпрапорщик 72-го пехотного Тульского полка.¹²⁵

В «Памятной книжке Калужской губернии» за 1889 год значится делопроизводитель службы телеграфа Рижско-Вяземской железной дороги Павел Андрианович Аксаков, по происхождению мещанин.¹²⁶

К началу XX века положение Аксаковых являлось противоречивым. Отдельные семьи юридически были признаны в древнем дворянстве, другие оказались причислены к выслужившим дворянский статус родам. Одни владели крупными земельными участками и занимали видное общественное положение, другие жили только на служебное жалование и находились в небольших чинах. Таким образом, род Аксаковых представлял собой модель всего дворянского сословия России.

Глава II

XX век. Исторические судьбы представителей рода Аксаковых

«И там и тут между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас, тот против нас!»
«Нет возражений? Правда с нами!»

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других»

А. Блок

В начале XX века существовало три ветви древнего дворянского рода Аксаковых: уфимско-самарская, тульско-рязанская и калужско-московская. Судьбы Аксаковых, оставшихся в России, были типичными для большинства русских дворян. В первой половине XX века на них выпали все тяготы этого сложного периода истории России – войны, эмиграции, а после революции – различных притеснений, ограничений, репрессий.

УФИМСКО-САМАРСКАЯ ВЕТВЬ.

Уфимско-самарская ветвь рода в начале XX века была представлена дочерью Григория Сергеевича Аксакова, Ольгой Григорьевной Аксаковой, а также семьей и потомками его сына, Сергея Григорьевича Аксакова.

Ольга Григорьевна Аксакова

Ольга Григорьевна Аксакова родилась 26 декабря 1848 года в Симбирске. Крещена в 1849 году в Спасовознесенском соборе, восприемниками являлись Николай Тимофеевич Аксаков и поручица Екатерина Васильевна Кроткова.

Ольга была любимой внучкой писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, ей посвящена книга «Детские годы Багрова внука» и сказка «Аленький цветочек». Замуж она не вышла, посвятила себя общественной работе. В 1889 году вблизи города Белебея основала кумысолечебное заведение (ныне санаторий имени С.Т. Аксакова).¹ В своем

Ольга Григорьевна Аксакова.

*Собрание Государственного
историко-художественного и
литературного музея-заповедника
«Абрамцево».*

имени она завела «образцовое» хозяйство, из которого в кумысолечебницу поставлялись молочные продукты, мясо и овощи.

В 1914 году в селе Языково² Могутовской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, где жила Ольга Григорьевна, произошел пожар, господский дом сгорел. О.Г. Аксакова поселилась в маленьком флигеле.

М.Н. Тихомиров так описывал его: «Барский» дом представляет собой маленький флигелек в четыре комнаты с кухней. Внутри сохранившийся домик поражает простотой и даже бедностью убранства – старая мебель, копии картин на стенах, два шкапа с французскими и английскими романами. Но и в этой бедности убранства теплятся какие-то воспоминания о минувшей жизни».³

По признанию исследователей, «среди потомков писателя ей принадлежит особая роль, прежде всего потому, что она, собрав богатейший архив талантливых представителей рода Аксаковых, сохранила его, частично опубликовав, и остальное передала на хранение».⁴ Архив, который сначала хранила ее мать, перешел к ней окончательно

Ольга Григорьевна Аксакова.

Собрание мемориального дома-музея С.Т. Аксакова в Уфе.

«Папа вспоминал Ольгу Григорьевну, свою тетку и крестную мать. Она известна всем как любимая внучка С.Т. Аксакова. Папа был ее любимым племянником, именно ему она хотела оставить наследство. Папа с юмором вспоминал ее прижимистость, как она ездила в Страхово в поезде третьим классом».

*Из воспоминаний
И.С. Аксаковой.*

после раздела имущества с братом Сергеем. Ольга Григорьевна Аксакова не просто хранила архив, но разбирала и описывала документы, в 1889 году подготовила к печати третий том писем Ивана Сергеевича Аксакова к родным.⁵

Жизнь Ольги Григорьевны Аксаковой после 1917 года привлекла внимание исследователей еще в начале 1960-х годов. Журналист Ф.Г. Попов собрал в местных архивах и узнал у очевидцев несколько фактов ее последних лет жизни.

В соответствии с принятой в советской историографии парадигмой, внучка писателя была причислена к «прогрессивным деятелям». В статье Ф.Г. Попова утверждалось,⁶ что она поддержала «революционные перемены». В частности подчеркивалось, что когда в школах отменили преподавание Закона Божия, и родители перестали пускать детей в школу, то О.Г. Аксакова собрала крестьян и, поговорив с ними, убедила в неразумности такого поступка.

Когда в 1919 году в село Языково, где жила внучка писателя, вошли белогвардейские войска, то крестьяне были обвинены в том, что обижали Ольгу Григорьевну

*Одно из зданий
кумысолечебницы,
основанной
О.Г. Аксаковой.*

*Фото
1900-х годов.*

*Собрание
мемориального
дома-музея
С.Т. Аксакова
в Уфе.*

Аксакову. «Узнав об этом, Ольга Григорьевна приехала в сельское правление, где хозяйничали колчаковцы, и категорически опровергла обвинение, заявив, что ее никто и никогда не обижал».⁷

В статье Ф.Г. Попова отмечалось также, что «в дружеских беседах с молодежью она выражала уверенность в том, что наш народ преодолеет разруху в стране и добьется небывалых успехов». Примером заботы о внучке писателя приводилась пенсия, назначенная в 1920 году «по предписанию уездного комитета партии Бузулукского исполкома». Таким образом, создавался один из множества мифов о том, что О.Г. Аксакова безоговорочно поддержала Советскую власть, а та, в свою очередь, бережно заботилась о пожилой помещице.

Однако источники и, в частности, отчет, написанный известным историком, впоследствии академиком М.Н. Тихомировым, о вывозе архива Аксаковых из села Языкова, вносит существенные коррективы в трактовки советского периода.

М.Н. Тихомиров свидетельствовал, что «паразитально хорошее» отношение крестьян к Ольге Григорьевне Аксаковой действительно имело место, но обуславливалось не только симпатией к ней, но еще и бытательскими причинами, поскольку ее усадьба была очень маленькой и интереса «для разгрома» не представляла.

Иным оказалось отношение местной власти, которая рассматривала имение как собственность волости. Уездные органы приняли меры к охране усадьбы, выдали охранную грамоту. О.Г. Аксакова была назначена «запасной учительницей» с поручением охранять семейный архив. Однако подобные меры не избавили ее от неумеренной и неуместной опеки, а также грубости властей. В феврале 1920 года уполномоченный по

*Кухня
кумысолечебницы.*

взятию на учет ценностей направил ей письмо, в котором бестактно угрожал «привлечь к законной ответственности», если архив не будет сохранен в целости. Такое напоминание являлось излишним, Ольга Григорьевна понимала историческую ценность архива и заботилась о нем еще до этого указания.

В 1921 году она стала научным сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете. Выполняя его поручение, в последние месяцы жизни любимая внучка писателя делала копии с наиболее ценных документов архива. По ходатайству общества (а не по инициативе уездных властей, как указывалось в советских работах) О.Г. Аксаковой была назначена пенсия.⁸

Забота об усадьбе и ее ценностях оказалась показной и декларативной. Несмотря на отчаянные протесты Ольги Григорьевны, именно местная власть начала расхищать собрание. Весной 1921 года в имение явилась комиссия, которая изъядла несколько альбомов, рисунков и экземпляр «Записок охотника» с автографом И.С. Тургенева.⁹ Весной следующего года Языково посетили представители Могутинского волостного исполкома, отобравшие несколько предметов из мебели и «лампу-попугай». Затем явился милиционер Сермягин, который произвел обыск и изъядл два альбома с чистыми листами. Он крайне грубо обошелся с О.Г. Аксаковой. В ответ на протесты милиционер толкнул пожилую женщину локтем в грудь. Вполне возможно, что эти события ускорили смерть внучки писателя, последовавшую 7 апреля 1921 года в селе Языково Бузулукского уезда.

Дата ее смерти была неизвестна эмигрантским генеалогам. Н.Н. Мазараки просто указал, что Ольга Григорьевна Аксакова «жива в 1916 г».¹⁰ Дату смерти, установленную

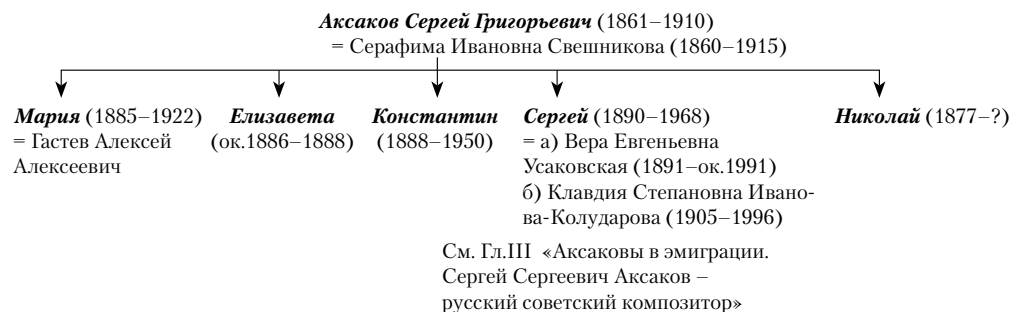
Ф.Г. Поповым,¹¹ подтверждает и отчет М.Н. Тихомирова, который указывал, что внучка писателя умерла в апреле 1921 года.¹²

После ее смерти охрану аксаковского архива временно взяла на себя Хиония Семеновна Лихачева, бывшая служанка О.Г. Аксаковой, прожившая с ней более 30 лет. «Вот этим двум женщинам Аксаковский архив, главным образом, и обязан своим спасением, почти чудесным среди общего разгрома помещичьих усадеб», – резюмировал М.Н. Тихомиров.¹³ В судьбе архива приняла также участие местная уроженка А.Г. Смарагдова.¹⁴ Она съездила в Самару и привлекла внимание губернских органов к ценностям усадьбы.

Вопрос о передаче документов в какое-либо центральное хранилище был поставлен еще при жизни Ольги Григорьевны Аксаковой. В начале марта 1921 года Общество археологии, истории и этнографии приняло предложение своего председателя А.С. Башкирова и направило М.Н. Тихомирова в Языково, чтобы договориться с Ольгой Григорьевной о передаче материалов Сергея Тимофеевича Аксакова в Самару. Однако пока он собирался, внучка писателя скончалась. М.Н. Тихомиров выполнил поручение и вывез наиболее ценные мемориальные предметы, остались «только вещи сравнительно небольшого значения». В отчете историк подробно перечислил вывезенное имущество: мебель, рукописи, фотографии, портреты, письма.¹⁵ Разработал меры для сохранения мемориального места: передать усадьбу в ведение Самарского отделения Главнауки или Общества археологии, истории и этнографии, поручить заведование и охрану дома Х.С. Лихачевой, выразить благодарность Х.С. Лихачевой и А.Г. Смарагдовой за спасение аксаковского архива.

Сергей Григорьевич Аксаков

Сергей Григорьевич Аксаков, родился 28 августа 1861 года¹⁶ в Уфе. Крещен в Градо-Уфимской Троицкой церкви, восприемниками были действительный статский советник Петр Иванович Булгаков и его сестра Ольга Григорьевна Аксакова.¹⁷

Как и отец, Сергей Григорьевич служил в системе Министерства внутренних дел, начав карьеру в 1887 г оду в одном из самых значимых его подразделений – Земском отделе. В дальнейшем он был переведен в Варшавскую губернию, являлся комиссаром

*Одна из свадебных фотографий
Сергея Григорьевича
и Серафимы Ивановны
Аксаковых.*

*Личное собрание И.С. Аксаковой.
Город Лобня Московской
области. Россия.*

по крестьянским делам Вроцлавского уезда, затем вернулся служить на родину, стал земским начальником Бузулукского уезда Самарской губернии,¹⁸ где ему принадлежало имение – село Страхово. По информации, сохранившейся у потомков, Сергей Григорьевич прекрасно играл на скрипке и страдал эпилепсией.

Умер Сергей Григорьевич Аксаков 8 ноября 1910 года в Санкт-Петербурге и был погребен 14 ноября в имении Страхово Самарской губернии.¹⁹

Женился Сергей Григорьевич Аксаков 29 апреля 1884 года в Санкт-Петербурге на Серафиме Ивановне Свешниковой (1860 – ок. 1919 гг.), дочери капитана 1 ранга, затем контр-адмирала Ивана Ивановича Свешникова и его жены Елизаветы Николаевны (урожденной Сотири).²⁰

У Сергея Григорьевича Аксакова было пятеро детей – три сына (Николай, Сергей и Константин) и две дочери (Мария и Елизавета).

Николай родился 3 мая 1877 года в селе Аксаково Бугурусланского уезда Самарской губернии. Умер в детстве.²¹

*Серафима Ивановна Аксакова
(урожденная Свешникова).*

Собрание Государственного историко-художественного и литературного музея - заповедника «Абрамцево».

Младшая дочь Елизавета родилась в 1886 году, умерла 24 марта 1888 года и погребена в Новодевичьем монастыре в Санкт-Петербурге вместе с бабушкой Елизаветой Николаевной Свешниковой.²²

Мария Сергеевна Аксакова

Дочь Сергея Григорьевича Аксакова – Мария родилась 6 марта 1885 года в Санкт-Петербурге.²³

Была замужем за известным офтальмологом, доктором медицины Алексеем Алексеевичем Гастевым.²⁴ Во время второй мировой войны доцент А.А. Гастев читал лекции на кафедре Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова. С 1938 по 1945 г. занимал должность декана хирургического факультета, созданного приказом Наркомздрава от 19 октября 1936 года № 95. Родной брат А.А. Гастева Владимир был женат на двоюродной сестре Марии Сергеевны – Кире, дочери приват-доцента Митрофана Ивановича Свешникова.

Благодарную память
дарю Много уважаемой
дорогой сестрице Марии
Сергеевне Благодаримо
весь сердеченно дорожуся
сестри за ваши приветы
и очинь хорошии отпомощенн
краниннми солдатиками
Благодарствении ваии
остаюся солдатию ранен
Александрю Алексееву
Иванову
1915 2 году 23го апреля

У племянницы Марии Сергеевны Аксаковой (в замужестве Гастевой) сохранилась старая фотография солдата времен Первой мировой войны, с обратной стороны которой малограмотно написаны слова искренней благодарности Марии Сергеевне, за ее внимание «к раненым солдатикам».

Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.

Умер А.А. Гастев ок. 1968 года, похоронен в Ленинграде на Охтинском кладбище (по информации И.С. Аксаковой, племянницы Марии Сергеевны).

Во время первой мировой войны Мария Сергеевна добровольно стала работать в госпитале сестрой милосердия. В семейном архиве Ирины Сергеевны Аксаковой сохранилась фотография одного из солдат, Александра Алексеевича Иванова, за которым после ранения ухаживала Мария Сергеевна. На обратной стороне фотографии полуграмотно написаны трогательные слова благодарности, адресованные М.С. Аксаковой, и поставлена дата 23 апреля 1915 года.

Константин Сергеевич Аксаков.

Фото начала XX века.

*Личное собрание И.С. Аксаковой.
Город Лобня Московской области. Россия.*

Именно своей старшей сестре Марии оставил на хранение семейные реликвии (книги и вещи) ее брат, композитор Сергей Сергеевич Аксаков, когда в смутное время с семьей отправился в далекий путь в Китай через территорию, занятую армиями А.В. Колчака.

Детей в семье Гастевых не было. Мария Сергеевна Аксакова умерла 25 декабря 1922 года и похоронена в Петрограде.²⁵

Константин Сергеевич Аксаков

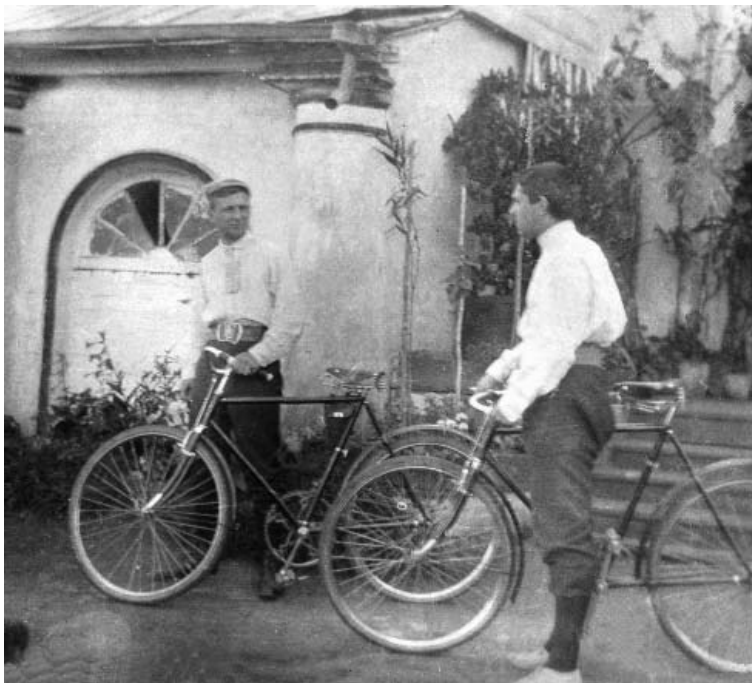
Константин Сергеевич Аксаков родился 4 октября 1888 года в Царском Селе, был крещен в Царскосельской придворной церкви.²⁶

Вместе с братом Сергеем учился в престижной Поливановской гимназии в Москве. Он страдал детским параличом, который в шутку приписывал «гимназическим волнениям»,²⁷ плохо владел ногой и рукой. Несмотря на физический недостаток, любил танцевать, а резко выраженное заикание не мешало ему выступать с декламацией литературных произведений. Татьяна Александровна Аксакова вспоминала, что из-за его плохой дикции не оценила в юности стихов А. Блока.²⁸ В начале XX века Константин Сергеевич Аксаков руководил собственным частным театром. После революции проживал вместе с братом Сергеем Сергеевичем Аксаковым в Харбине, а после 1928 года

*Константин
Сергеевич (слева)
с братом Сергеем
Сергеевичем
(справа) перед
прогулкой на
велосипедах.*

*Фото начала
XX века.*

*Личное собрание
И.С. Аксаковой.
Город Лобня
Московской
области. Россия.*

в Шанхае. Умер Константин Сергеевич Аксаков 23 ноября 1950 года²⁹ в Шанхае, был кремирован, прах предан земле.

Сергей Сергеевич Аксаков

Сергей Сергеевич Аксаков, впоследствии известный русский - советский композитор родился 24 декабря 1890 года в Самаре. Его судьба и судьбы его потомков описаны в Главе III, «Аксаковы в Эмиграции».

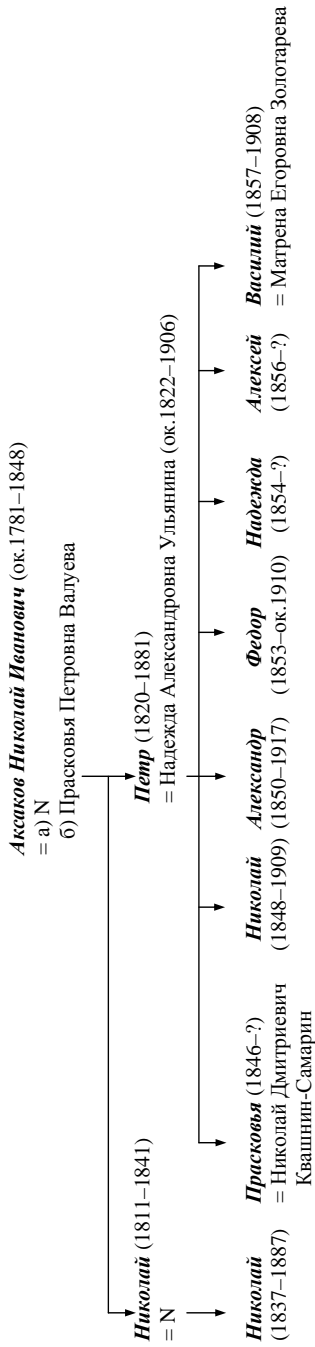
ТУЛЬСКО-РЯЗАНСКАЯ ВЕТВЬ

Тульско-рязанская ветвь рода в начале XX века была представлена детьми Петра Николаевича Аксакова, Николаем, Александром и Василием.

Из них особенно выделялись двое – Николай Петрович и Александр Петрович, проявившие себя в области общественной деятельности и литературы.

Николай Петрович Аксаков

Известный поэт и публицист Николай Петрович Аксаков родился 18 июня 1848 года.³⁰ Получил домашнее образование, затем учился в университетах Германии

и Франции. В 1868 году в Гессене защитил диссертацию «Идея Божества», за которую получил степень доктора философии.

С 1868 года жил в Москве, с 1895 года – в Санкт-Петербурге. Особенный интерес проявлял к истории славянских народов. Являлся секретарем Общества любителей российской словесности и председателем Аксаковского общества. По общественным взглядам примыкал к славянофилам но подвергал критике отдельные положения их теории, в частности – учение о государстве.³¹

В апреле 1893 года Николай Петрович Аксаков поступил на службу в Государственный контроль, был командирован в Департамент железнодорожной отчетности, где прослужил около 10 лет,³² чина не имел.

Умер Николай Петрович Аксаков 5 апреля 1909 года в Санкт-Петербурге. Информация о браке и потомстве Николая Петровича Аксакова в известных нам источниках отсутствует.

Александр Петрович Аксаков

Публицист и литератор Александр Петрович Аксаков³³ родился 17 января 1850 года в селе Юдинки Алексинского уезда Тульской губернии.³⁴

В службу вступил в 1877 году в Министерство государственных имуществ, с 1892 года – коллежский регистратор, служил в местных органах Тверской, Новгородской, Ярославской губерний, преимущественно – в губернских статистических комитетах.

Во время всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года состоял членом Ярославской губернской переписной комиссии. В 1901 году причислен к Министерству юстиции,³⁵ с 1904 года – младший ревизор Департамента военной и морской отчетности Государственного контроля в чине коллежского асессора, затем – надворного советника.

Александр Петрович Аксаков разрабатывал теорию о способах исправления преступников, главным считая труд на благо людей и Бога. Предлагал реформировать тюремную систему России, но его проекты не были реализованы. Издавал сборник «Братская жизнь» (1910–1911 гг.) и журнал «Зерна» (1916–1917 гг.). В последнем издании сотрудничали его брат Федор Петрович и сестра Прасковья Петровна, редактировал газету «Южное Слово». Умер в 1917 году, был холост.

Василий Петрович Аксаков

Их младший брат Василий Петрович Аксаков избрал военную карьеру. Он родился 1 сентября 1857 году в городе Серпухове. Окончил II Военное Константиновское училище и в 1880 году был назначен прапорщиком в 6-ю резервную артиллерийскую бригаду. В 1885 году переведен в 1-ю Гренадерскую артиллерийскую бригаду, а в 1891 году – в Ивангородскую крепостную артиллерию. За время службы достиг чина штабс-капитана. Из-за слабого здоровья его постоянно командировали в артиллерийские части, расположенные в южной части страны: в 1896 году – в Севастопольскую крепостную артиллерию на 1 год, в 1900 году – в Кавказское окружное артиллерийское

управление на тот же срок. В феврале 1902 года Василий Петрович Аксаков был окончательно зачислен в запас полевой пешей артиллерии.³⁶

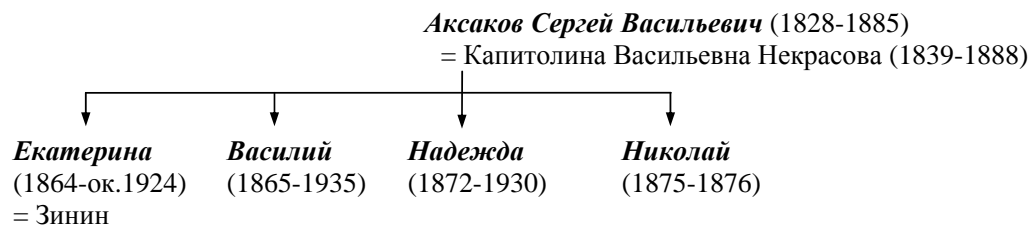
Женат Василий Петрович Аксаков был на московской мещанке Матрене Егоровне Золотаревой. Судя по формулярным спискам, детей у них не было. Умер Василий Петрович Аксаков в 1908 году, погребен в селе Чашниково Зубцовского уезда Тверской губернии.³⁷

В ходе настоящего исследования не удалось обнаружить сведения о представителях тульско-рязанской ветви после 1917 г. Возможно, что она пресеклась. Это предположение разделяют потомки Прасковьи Петровны Квашниной-Самариной (урожденной Аксаковой).

КАЛУЖСКО-МОСКОВСКАЯ ВЕТВЬ

Калужско-московская ветвь рода в начале XX века была представлена семьями Сергея Васильевича Аксакова, его брата Николая Васильевича Аксакова и их потомками. Данная ветвь рода Аксаковых ранее целенаправленно не изучалась, информация о них за XX век практически отсутствовала. Собрать, а главное увязать разрозненные сведения стало возможным лишь в 1990-х годах, когда для оставшихся в живых потомков открылся доступ к архивам ОГПУ - НКВД - КГБ.

У Сергея Васильевича Аксакова было трое детей, сын Василий и две дочери, Екатерина и Надежда.

Екатерина Сергеевна Аксакова

Старшая дочь Екатерина Сергеевна Аксакова родилась 7 апреля 1864 года.³⁸

Крещена 11 апреля 1864 года в Троицкой, что в Вешняках, церкви г. Москвы. Была замужем, носила фамилию мужа – Зинина. На 1927 год из обращения ее сестры Надежды к Е.П. Пешковой по поводу освобождения арестованного брата Василия Сергеевича Аксакова, упомянута как вдова, находящаяся у Василия Сергеевича на иждивении.³⁹ Умерла после 1927 г.

Василий Сергеевич Аксаков

Василий Сергеевич Аксаков родился 9 сентября 1865 года в Москве. Крещен там же в Николаевской церкви. Восприемники: дед по матери, коллежский асессор, служащий по особым поручениям Василий Григорьевич Некрасов и жена священни-

ка Александра Матвеевна Соловьева (из дворян). Семья проживала в Москве в доме Некрасовых на Пятницкой улице.

С 1875 по 1880 гг. Василий Сергеевич Аксаков учился в 1 московской прогимназии, затем родители перевели его в 3-ю московскую гимназию, которую он закончил в 1882 году. В этом же году он был зачислен на юридический факультет Московского университета, где проучился 7 семестров. В связи с перерывом, связанным с вступлением во владение имуществом, учебу возобновил в Демидовском лицее, куда перевелся из университета.

Губернский секретарь, в 1901 г. коллежский асессор.⁴⁰

К этому времени относится запрос в Московское Дворянское Депутатское собрание о подтверждении родства В.С. Аксакова с целью его утверждения в правах наследства умершей Марии Евдокимовны Чашниковой (скончалась 9 января 1901 г.), мать которой, Евдокия Николаевна, была замужем за подпоручиком Евдокимом Владимировичем Чашниковым и являлась дочерью капрала Николая Ивановича Аксакова.

В документе подчеркивается, что Василий Сергеевич Аксаков – сын Сергея Васильевича, внук Василия Николаевича и правнук капрала Николая Ивановича Аксаковых. Поскольку до 1775 года записей в метрических книгах не имеется [так указано в прошении от 27 марта 1901 г. – А.К.], то запрашивались копии родословных линий Аксаковых и Чашниковых.⁴¹

Отсутствие метрических записей подтверждает и надпись на надгробном камне Василия Николаевича Аксакова, говорящая о невозможности установления точной даты рождения умершего (жития его было более 100 лет).⁴²

В 1907 г. Василий Сергеевич Аксаков имел чин надворного советника, являлся товарищем прокурора СПб. Окружного суда.⁴³

В 1917 году состоял в той же должности в Новочеркасской судебной палате. В 1918 году был членом-консультантом в юридическом отделе Всевеликого войска Донского, что негативно отразилось на его дальнейшей судьбе в Советской России.⁴⁴

Приведенная ниже информация о Василии Сергеевиче Аксакове была получена из фонда Е.П. Пешковой, возглавлявшей общественную организацию «Помощь политическим заключенным».

В опросном листе В.С. Аксакова указано, что в 1919 году он вернулся в Москву, проживал на Пятницкой улице, Старо-Палашевский переулок д. 11, кв. 3. Холост. На иждивении у него находились две сестры – Екатерина Сергеевна Зинина (вдова) и Надежда Сергеевна Аксакова (девица).

Дворянского происхождения своего Василий Сергеевич не скрывал. Он указал также, что является автором большого количества статей по юридическим вопросам, которые были опубликованы в журнале Министерства юстиции.

5 декабря 1921 года В.С. Аксаков был принят на должность помощника начальника кодификационного подотдела Главного управления по топливу, а в 1922 году был назначен начальником этого подотдела с окладом по 15 разряду 17 разрядной тарифной сетки с освобождением от уплаты коммунальных услуг.⁴⁵ В 1924 году В.С. Аксаков

был уволен по сокращению штатов. В этом же году устроился юрисконсультom в Теплотехнический институт им. Гриневецкого и Кирша.

13 декабря 1926 года Василий Сергеевич Аксаков был вызван в следственные органы, где подвергся аресту по подозрению в участии по делу большевиков в Новочеркасске. Об его освобождении ходатайствовали родные и руководство института.

В фонде Е.П. Пешковой хранится письмо его сестры Надежды Сергеевны. В нем сообщается, что в период событий в Новочеркасске ее брат был в командировке и участия в них не принимал.

Судя по всему, вина В.С. Аксакова не была доказана и он был отпущен на свободу.

Умер Василий Сергеевич Аксаков в Москве 8 марта 1935 года от кровоизлияния мозга (так в свидетельстве о смерти).⁴⁶

Надежда Сергеевна Аксакова

Надежда Сергеевна Аксакова родилась 24 октября 1872 года.⁴⁷ Крещена 27 октября 1872 года в Успенской, что в Казачьей на Полянке церкви г. Москвы.⁴⁸

В архивах сохранились несколько документов, связанных с утратой ею копии протокола от 7 мая 1879 года за № 400 о ее дворянском происхождении, о чем она сообщает в своем заявлении от 10 сентября 1893 года Московскому Ober-Полицмейстеру. В нем дочь титулярного советника просит «сделать распоряжение о розыске» утраченного документа. На прошении Надежды Сергеевны Аксаковой от имени начальника сыскной полиции сделана запись:

«Объявление об утрате документа Надеждою Аксаковою [так в тексте – А.К.] отослано для напечатания в Московских Губернских Ведомостях в Московское Губернское Правление 14 сентября 1893 года за № 8568».

Далее в деле помимо прошения Н.С. Аксаковой в Московское Дворянское Депутатское Собрание о выдачи копии с протокола о дворянском происхождении и самого свидетельства находится документ Правления Императорского Московского Университета от 11 ноября 1893 года № 4565 «О доставлении 3 руб. 96 коп. за напечатание в Московских Ведомостях объявлений».⁴⁹

Замужем Надежда Сергеевна Аксакова не была. Умерла 30 сентября 1930 года.⁵⁰

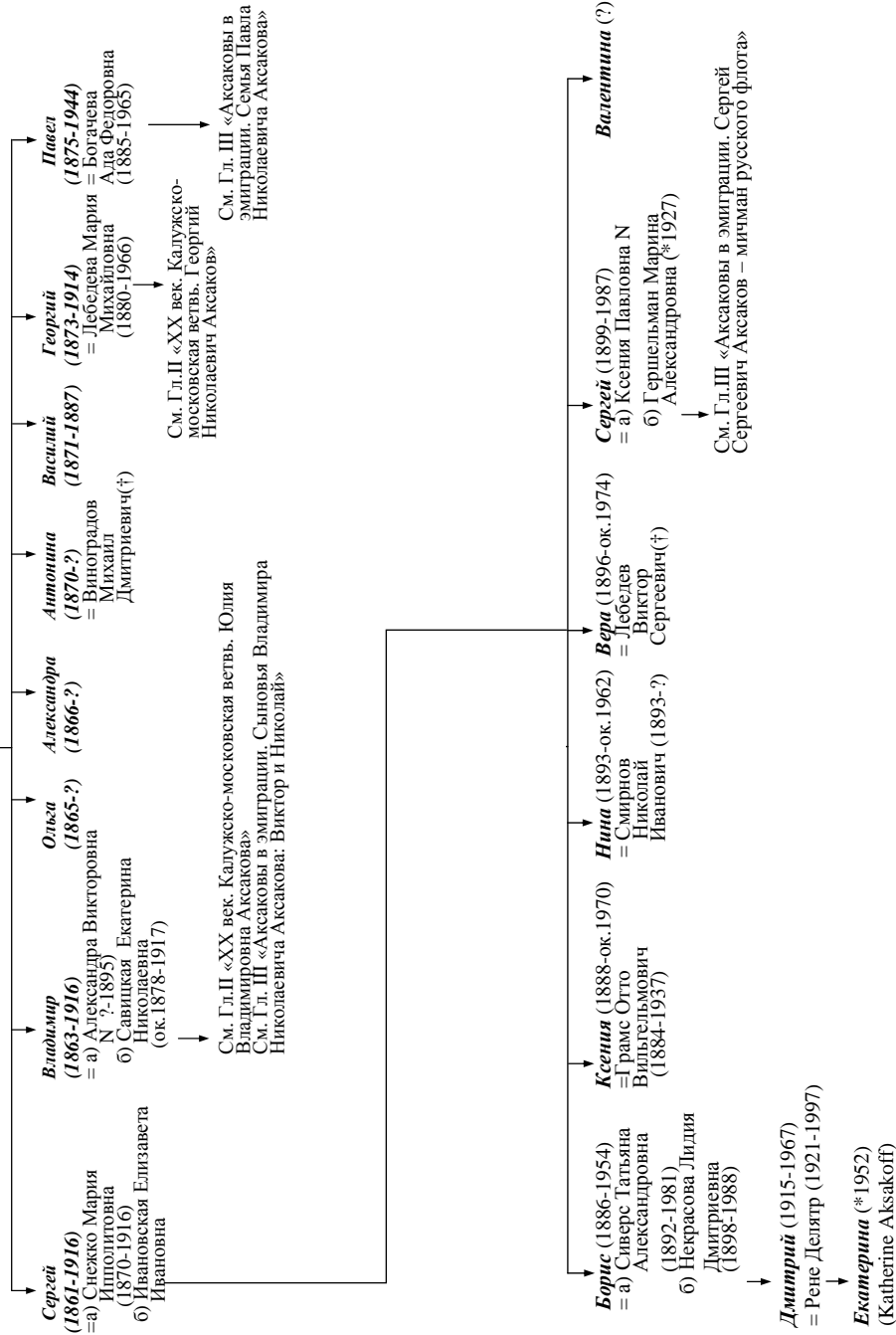
У Николая Васильевича Аксакова было восемь детей: 5 сыновей (Сергей, Владимир, Василий, Георгий, Павел) и 3 дочери (Ольга, Александра, Антонина). Все они, за исключением Василия, в начале XX века были живы.

Василий Николаевич Аксаков

Василий Николаевич Аксаков был третьим сыном в семье. Он родился в Козельске 21 ноября 1871 года.

В Государственном архиве Калужской области хранится судебное дело матери Василия Николаевича, Юлии Владимировны Аксаковой (урожденной Воейковой). Она обвинялась соседями по имению в жестоком обращении с шестилетним сыном Василием.⁵¹ На суде мать говорила о лени и хитрости сына, выдавая свои действия

Аксаков Николай Васильевич (1829-1902)
= Юлия Владимировна Войкова (ок.1839-ок.1917)

по отношению к нему за методы воспитания, отказываясь их прекратить. Во время слушаний даже падала в обморок. Приведенные факты характеризовали Ю.В. Аксакову не с лучшей стороны. Однако, поскольку руководящие чины округа, в том числе судебных органов, состояли в родстве с Аксаковыми и Воейковыми, дело было закрыто полюбовно и обвинение с Юлии Владимировны снято.

Умер Василий Николаевич от чахотки подростком, 8 ноября 1887 года. Похоронен на Пятницком кладбище Калуги.⁵²

Сергей Николаевич Аксаков

Старший сын Сергей Николаевич Аксаков родился 29 октября 1861 года в Калуге, крещен 5 ноября 1861 года в Георгиевской «за верхом» церкви там же.⁵³ Окончил Орловскую Бахтина военную гимназию и III Военное Александровское училище по 1 разряду. В августе 1881 года был определен поручиком в 5-й Гренадерский Киевский Его Величества короля Нидерландского полк,⁵⁴ где с 1882 года исправлял должность батальонного адъютанта. В мае-июне 1883 года находился в Москве среди войск, собравших по случаю коронавания Александра III и его супруги.⁵⁵

Через несколько лет службы С.Н. Аксаков решил освоить специальность артиллериста, для чего в апреле 1885 года был прикомандирован ко 2-ой Гренадерской артиллерийской бригаде для «испытания по службе и перевода впоследствии в артиллерию». С 1887 года заведовал полковой учебной командой.

В мае 1891 года Сергей Николаевич Аксаков получил чин штабс-капитана и принял решение оставить службу, через два месяца он был зачислен в запас армейской пехоты по Калужскому уезду, а в мае 1893 года окончательно уволен из запаса в отставку.⁵⁶ К тому времени он нашел место в Калуге, являлся смотрителем Калужской губернской типографии.⁵⁷

Находясь в отставке, он активно работал в земских учреждениях Калужской губернии и Козельского уезда. Эта служба началась в 1895 году с должности земского начальника 5-го участка Козельского уезда.⁵⁸ С 1903 года и до смерти Сергей Николаевич Аксаков являлся гласным Козельского уездного земского собрания.⁵⁹ С середины 1910-х годов он участвовал в деятельности губернских земских учреждений: с 1907 года – гласный Калужского губернского земского собрания, с 1909 года – член Калужской губернской земской управы.⁶⁰ По поручению губернского земского собрания, в 1912–1916 годах Сергей Николаевич работал в Калужской губернской землеустроительной комиссии.⁶¹ Одновременно служил в органах дворянского самоуправления, в 1915 году был избран депутатом от Козельского уезда.⁶² С.Н. Аксаков увлекался археологией, свои находки передавал в Калужский краеведческий музей, в котором они сохранились до настоящего времени. В частности, в 2007 году в экспозицию музея был возвращен зуб мамонта, переданный музею Сергеем Николаевичем Аксаковым.

На момент выхода в отставку (в 1893 г.) имений за ним не числилось, хотя 17 апреля 1885 года на его имя мать приобрела за 3 тысячи рублей серебром у жены губернского секретаря Надежды Дмитриевны Мухановой (урожденной Танагель) двухэтажный дом в Калуге.⁶³ Впоследствии Сергей Николаевич унаследовал от матери

имение Антипово, но поддержать материальную стабильность не смог. В начале XX века земля была заложена в Дворянский банк, и каждый раз средства для оплаты процентов изыскивались с большим трудом.

«Жгучий брюнет, высокого роста, худощавый, с откинутыми назад густыми волосами» – так описывает Татьяна Александровна Аксакова в мемуарах внешность своего тестя.⁶⁴

Сергей Николаевич Аксаков женился на дочери надворного советника Марии Ипполитовне Снежко, как указано в источниках «римско-католического вероисповедания»,⁶⁵ и имел двух сыновей (Бориса и Сергея) и четырех дочерей (Ксению, Нину, Веру, Валентину). Около 1912 года он развелся с женой и сочетался браком с дальней родственницей Елизаветой Ивановной Ивановской, вдовой офицера. «Это была маленькая, кругленькая женщина с бледным, слегка одутловатым лицом, немного слезливая и любившая читать стихи из сборника «Чтец-декламатор». У Елизаветы Ивановны был небольшой капиталец и шестнадцатилетняя дочка от первого брака».⁶⁶

Второй брак С.Н. Аксакова значительно осложнил ситуацию в семье. Дети не приняли мачеху, «сомкнулись против нее объединенным фронтом»⁶⁷ во главе со старшим сыном Борисом. Его позиция, в конечном счете, привела к размолвке с отцом. Особенно неприятная ситуация сложилась в связи с тем, что первая жена Сергея Николаевича, мать его детей, Мария Ипполитовна, в то время тяжело болела. У нее был рак груди, ей сделали операцию. Однако она была вынуждена работать в городской аптеке Калуги и жить в комнате при ней. Вместе с матерью находилась дочь Нина, которая училась в музыкальной школе.

Умер Сергей Николаевич Аксаков летом 1916 года в Калуге, скоропостижно, от острого кишечного заболевания.⁶⁸

Владимир Николаевич Аксаков

Второй сын Николая Васильевича Аксакова – Владимир, родился 20 марта 1863 года и был крещен 23 марта 1863 года в Ильинской церкви села Ильинского на Бобне Можайского уезда Московской губернии.⁶⁹

Как и старший брат, он окончил Орловскую Бахтина военную гимназию (в 1882 г.) и III Военное Александровское училище по 1 разряду (в 1884 г.).⁷⁰ После окончания училища, в августе 1884 года, Владимир Николаевич Аксаков был произведен в подпоручики и отправлен в 21-й пехотный Муромский полк. В феврале 1887 года, как и брата Сергея, его прикомандировали к той же 2-й Гренадерской артиллерийской бригаде «для испытания по службе и перевода впоследствии в артиллерию». Вся его дальнейшая карьера оказалась связанной с артиллерией.

С мая 1888 года Владимир Николаевич Аксаков служил в 7-й Артиллерийской бригаде. В ноябре того же года получил чин поручика, занимался административной работой, выполнил ряд ответственных поручений по службе. Например, осенью 1889 года ездил в Варшаву для сдачи и приема лафетов и повозок, затем был командирован в Штаб Варшавского военного округа для исполнения обязанностей помощника старшего адъютанта (с 18 сентября 1890 г.).

3-я артиллерийская бригада у казармы близ лазарета. Калуга.

Фото 1909 года.

В этой бригаде в 1896 году старшим офицером батареи служил Владимир Николаевич Аксаков. К 1909 году в звании подполковника он находился на более высоких должностях.

Собрание Калужского областного краеведческого музея. Калуга. Россия.

В декабре 1890 года В.Н. Аксаков был назначен помощником старшего адъютанта с зачислением по полевой пешей артиллерии, а в ноябре 1895 года переведен в 35-ю Артиллерийскую бригаду, где вскоре стал командиром полубатареи, членом бригадного суда. В 1896 году он перешел на службу в 3-ю Артиллерийскую бригаду, где попеременно занимал должности делопроизводителя бригадного суда и старшего офицера батареи.

С 1901 года Владимир Николаевич занимал командные должности. В июне 1905 года был переведен на службу во 2-ю Гренадерскую артиллерийскую бригаду. В мае 1907 года – в 13-ю Артиллерийскую бригаду, в апреле 1908 года был произведен в подполковники⁷¹ и назначен командиром 2 батареи 42-й Артиллерийской бригады.

В 1909 году был командирован на должность временного члена, сначала Киевского, а затем Черниговского военно-окружного суда. С 1911 года командовал более крупными подразделениями – дивизионами.

Он принимал участие в крупнейших военных конфликтах начала XX века: в Русско-японской и мировой войнах. Во время первой из них Владимир Николаевич Аксаков находился в составе Манчжурской действующей армии, участвовал в Ляоянском сражении. В мировой войне участвовал с первых дней, 29 июля 1914 года выступил в поход из города Нежина в составе мобилизованной бригады со 2-й батареей. Через день Владимир Николаевич Аксаков прибыл в пункт сосредоточения войск 21-го армейского корпуса, находящегося на территории Австро-Венгрии.

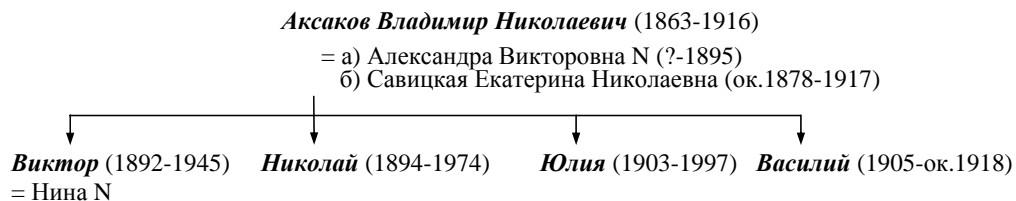
Шуточное фото ок 1912 года. Во дворе аксаковского дома в Калуге, во время одного из торжеств в семье. Вместо лошади Владимир Николаевич Аксаков. Справа с рушником облокотилась о телегу его мать, Юлия Владимировна. На переднем плане в телеге его младший сын Василий. Сидят: Александра Николаевна (слева с повязкой на голове), рядом Ольга Николаевна. Сзади них: Ксения Сергеевна (слева) и Нина Сергеевна (справа).

Личное собрание А.В. Антошко. Москва. Россия.

Как и раньше, командуя дивизионом, принимал непосредственное участие в боевых действиях в Карпатах.

Храбрость Владимира Николаевича Аксакова была отмечена двумя орденами (оба – за отличия в боях против неприятеля): Святой Анны второй степени с мечами (в январе 1915 г.) и четвертой степени с надписью «За храбрость» (в сентябре 1915 г.).⁷²

В марте 1915 года Владимир Николаевич Аксаков был тяжело ранен, эвакуирован в Россию из действующей армии, находился в госпитале. Ранение препятствовало исполнению должности командира батареи, и в июне его отчислили в резерв чинов Киевского военного округа. Он был признан годным к службе в обстановке мирного времени на нестроевых должностях и командирован в распоряжение начальника Петроградской местной бригады для исправления должности венденского уездного воинского начальника. В январе 1916 года Владимир Николаевич Аксаков получил новое назначение, став севским уездным воинским начальником.⁷³

Женат Владимир Николаевич Аксаков был дважды. Первый раз – на Александре Викторовне, умершей 21 апреля 1895 года.⁷⁴ Ее девичьей фамилии установить не удалось. От нее имел двух сыновей: Виктора, родившегося 29 октября 1892 года, и Николая, родившегося 11 марта 1894 года. Их судьбы описаны в Главе III «Аксаковы в Эмиграции».

Второй супругой Владимира Николаевича стала Екатерина Николаевна Савицкая, дочь генерал-майора в отставке Николая Владимировича Савицкого, которая была моложе мужа почти на двадцать лет.⁷⁵ От нее Владимир Николаевич Аксаков имел дочь Юлию, родившуюся 2 ноября 1903 года, и сына Василия родившегося 5 сентября 1905 года.

Все три сына Владимира Николаевича Аксакова, как и отец, избрали военную карьеру и в 1910-х годах учились в соответствующих учебных заведениях. Немаловажную роль при подобном выборе играли материальные стимулы, возможность получить образование за казенный счет.

Умер Владимир Николаевич Аксаков 10 ноября 1916 года в Севске, был отпет в Казанской церкви Севска и погребен 15 ноября 1916 года на городском кладбище.⁷⁶ Несмотря на храбрость и высокую армейскую дисциплину, как видно из переписки его дочери Юлии Владимировны Аксаковой с кузиной Натальей Павловной Потоцкой, Владимир Николаевич был человеком мягким, доброжелательным и очень внимательным к людям.

Единственным средством существования для его семьи, как и для большинства русских офицеров начала XX века, являлось жалование.⁷⁷ После смерти кормильца его жена и дети попали в тяжелое материальное положение. Уже через неделю после смерти мужа Елена Николаевна Аксакова обратилась с просьбой о назначении пенсии.⁷⁸ Ей и дочери была определена выплата в размере 1214 рублей в год (838 рублей из Государственного казначейства и 376 рублей из Эмеритальной кассы). Однако сложности военного времени и инфляция обесценили эти средства. 28 марта 1917 года Елена Николаевна повторно обратилась с прошением о пересмотре пенсии и назначении ее в соответствии с предпоследней должностью мужа как командира батареи. Благодаря этому денежное довольствие было бы больше,⁷⁹ но в этой просьбе ей было отказано, а в результате революционной ситуации нависла реальная угроза остаться совсем без содержания.

Вполне возможно, что тяжелое материальное положение послужило одной из причин семейной трагедии. 7 сентября 1917 года Елена Николаевна Аксакова покон-

чила с собой, как указано в документах, «под влиянием острого приступа меланхолии». Погребена она 10 сентября 1917 года на Пятницком кладбище Калуги.⁸⁰

Ее дети Василий и Юлия остались сиротами, но на этом трагедии семьи не закончились.

Младшим ребенком в семье был Василий. Родился он 5 сентября 1905 года в Калуге,⁸¹ и был крещен через неделю в Покровской «на рву» церкви (восприемники - дядя коллежский советник Сергей Николаевич Аксаков и его дочь, двоюродная сестра новорожденного Ксения Сергеевна Аксакова).⁸² В 1916 году он учился в Орловском Бахтина кадетском корпусе.⁸³

О Василии Владимировиче Аксакове упоминает его кузина, Наталья Павловна Потоцкая, в воспоминаниях о своей матери, Варваре Васильевне (урожденной Воейковой).

«Варвара Васильевна никогда не относилась отрицательно к той среде, из которой она вышла и с которой была кровно связана. В доме Потоцких несколько раз в год съезжались ее племянницы из Екатерининского и Дворянского институтов, а в воскресенье приходили племянники – кадеты Вася Аксаков, Володя Крузенштерн и Кока Вяземский».⁸⁴

По сохранившимся документам Василий Владимирович Аксаков был убит в 1918 году на юге России.⁸⁵ Обстоятельства его смерти стали известны со слов его старшего брата, Николая Владимировича Аксакова, служившего в Белой армии. Василий сумел добраться до него и в силу юного возраста (13 лет) был определен в обоз при кухне. Во время военных действий обоз оказался отрезанным от боевых частей и все, находившиеся в нем, были жестоко убиты красными. Среди трупов Николай Владимирович нашел изуродованное тело младшего брата, язык был отрезан, на плечах по коже были вырезаны погоны. Неоправданная жестокость поразила Н.В. Аксакова, он стал замкнутым и ожесточенным.

В 2008 году стало известно, что в 1930-е годы в Болгарии у Николая Владимировича Аксакова были жена, болгарка и сын, которого звали Василием.

Георгий Николаевич Аксаков

Четвертый сын Николая Васильевича Аксакова – Георгий (Юрий) родился 4 сентября 1873 года, крещен был 8 сентября 1873 года в Николаевской церкви села Кцыни Жиздринского уезда Калужской губернии.⁸⁶

Георгий Николаевич Аксаков сначала учился в Московской I прогимназии, а в 1887 году был переведен родителями в Калужское реальное училище. Полного курса не окончил,⁸⁷ что в дальнейшем создало сложности при продвижении по службе, которая началась в марте 1892 года с должности канцелярского служителя в Калужском окружном суде. С ноября 1898 года Г.Н. Аксаков исправлял должность судебного пристава Калужского окружного суда по Лихвинскому уезду, при этом не имел никакого классного чина и коллежским регистратором стал только через три месяца, в январе 1899 года. В октябре 1903 года перешел на аналогичную должность в Медынский уезд.

С началом Русско-японской войны был мобилизован в действующую армию и 13 июня 1905 года поступил в распоряжение командующего войсками Сибирского военного округа для замещения должности помощника смотрителя полевых запасных госпиталей, формируемых в Иркутске. Через месяц Г.Н. Аксаков был командирован в Иркутск в распоряжение начальника санитарно-эвакуационной части, стал помощником смотрителя Иркутского шатрового сводного госпиталя № 7.

В сентябре 1905 года Георгия Николаевича Аксакова командировали в Москву на должность заведующего хозяйством сборно-санитарного поезда № 179, а в марте-июне 1906 года - на должность смотрителя Иркутского запасного сводного госпиталя. После расформирования госпиталя он был уволен в запас и вернулся на службу в судебные органы Калужской губернии. В мае 1907 года его назначили канцелярским чиновником Калужского окружного суда, затем он исправлял должность судебного пристава Калужского окружного суда по Калужскому, а позднее по Перемышльскому уезду, дослужившись в 1914 году до чина надворного советника.

Женат Георгий Николаевич Аксаков был на слушательнице Елизаветинского института благородных девиц в Москве, Марии Михайловне Лебедевой. Свадьба состоялась 30 января 1900 года в городе Белеве Тульской губернии. Шафером на ней был младший брат Георгия Николаевича, Павел.

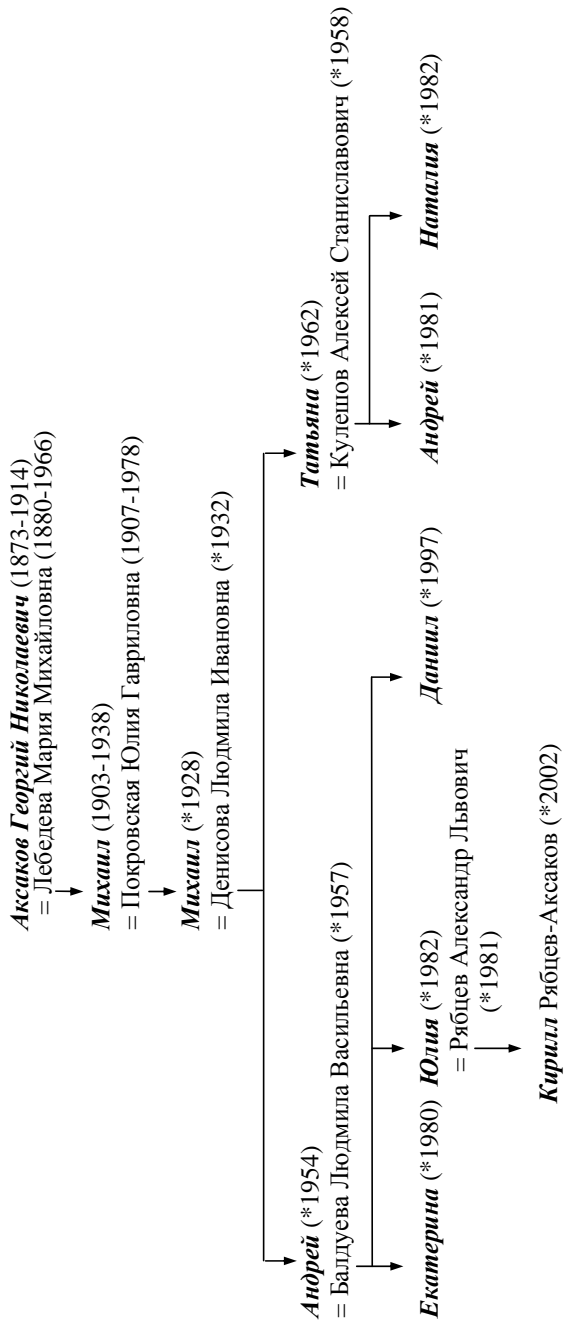
Мария Михайловна Лебедева родилась 14 апреля 1880 года в поселке Корчева Тверской области, который был расположен около г. Кимры и сейчас затоплен созданным в советское время водохранилищем. Она была старшей и любимой дочерью Михаила Николаевича Лебедева – титулярного советника, известного нотариуса г. Белева, отца 12 детей. Первый его брак с Елизаветой был бездетен, жена умерла рано. Второй брак, где Мария Михайловна была первенцем, состоялся по любви – с умной и красивой Дарьей Николаевной Троицкой, которая скончалась вскоре после пятых родов. Похоронена она была в деревне Папино, на церковном кладбище.⁸⁸

Михаил Николаевич после смерти жены долго и сильно переживал. От предложения жениться на родной сестре Дарьи Николаевны отказался.

Его любимая дочь Мария в это время училась в Москве в Елизаветинском институте благородных девиц, инспектором которого был двоюродный брат отца, Михаил Михайлович Дмитриевский.

Третья жена Михаила Николаевича, Зинаида Ивановна Вашкова (мать еще семерых детей), наполовину полька, забрала Марию Михайловну из института, считая ее достаточно образованной для замужества. Отношения Зинаиды Ивановны с детьми мужа от его предыдущего брака были весьма сложными. Это привело к побегу из дома среднего брата Марии Михайловны, Владимира, которому было 13 лет. Когда же Михаил Николаевич захворал, Зинаида Ивановна отправила его к старшим детям (вместе со своими детьми) и Мария Михайловна ухаживала за отцом, братьями и сестрами.

Наиболее дружна Мария Михайловна была со своей сестрой (от третьего брака отца), Екатериной Михайловной Лебедевой-Вязьмитиновой, которая жила с мужем в Ленинграде. В 1970-х годах Екатерина Михайловна иногда приезжала в Москву к сестре, проживавшей у своего внука Михаила Михайловича Аксакова. Однажды она

подарила правнучке Марии Михайловны, Татьяне, красивую плетеную корзиночку, чем сразу расположила к себе малолетнего ребенка, и в благодарность была расцелована, этак раз 20, что было зафиксировано на черно-белой киноплёнке тех лет.

Мария Михайловна Аксакова дружила с женой своего племянника Бориса, Татьяной Александровной Аксаковой (урожденной Сиверс), которая навещала «молодую вдовушку», отправляла к ней своего сына Диму и вела с ней переписку, о чем она упоминает в своих мемуарах.

По складу характера Мария Михайловна была человеком мягким и очень добрым. Любила букетики ромашек, окаймленные по кругу васильками. Красоту других цветов считала неестественной и холодной. Также как и мать Татьяны Александровны Аксаковой, умела располагать к себе окружающих. В совершенстве владела французским языком, немного слабее немецким. До сих пор о ней вспоминают с теплотой уже очень пожилые офицеры, бывшие военные переводчики, которые брали у нее уроки в далекие военные годы.

Со своим будущим мужем Мария Михайловна познакомилась на пароходе, на котором они с отцом плыли в Калугу по р. Оке. Георгий Николаевич Аксаков, направлялся на охоту. Был он одет в охотничий костюм с ружьем и полагающейся на этот случай амуницией. Симпатичная 18-тилетняя девушка сразу привлекла его внимание, было это в 1898 году. Однако, властная мать Георгия Николаевича Юлия Владимировна долго не давала своего согласия на брак, веря в семейное предание, в соответствии с которым имя Мария приносило роду Аксаковых несчастье. Поэтому свадьба состоялась лишь через два года.

Изредка, делясь воспоминаниями с родными, Мария Михайловна отмечала особенности аксаковских манер и рассказывала, как ее муж весьма эмоционально реагировал на любую несправедливость, а за невежливое обращение с дамой мог запросто перейти от устного замечания к физическому воздействию по физиономии обидчика.

Георгий Николаевич Аксаков умер внезапно, 1 июня 1914 года от сердечного приступа на станции Сухиничи и был погребен на приходском кладбище Казанской церкви села Кипети Козельского уезда Калужской губернии. Церковь и кладбище не сохранились. На их месте, на краю села, в 2004 году мы обнаружили лишь ровную площадку, поросшую бурьяном, среди которого просматривались контуры каменного фундамента разрушенной церкви.

У Георгия Николаевича и Марии Михайловны был единственный сын Михаил, который родился 28 июля 1903 года и к моменту смерти отца учился в гимназии в Белеве, проживая у родственников.

Смерть мужа потрясла Марию Михайловну, которая, видимо, отнесла постигшее ее несчастье к бытовавшему в роде преданию. Она перебралась в Козельск к своей подруге Екатерине Николаевне Сахаровой, которая жила с сестрой Евгенией Николаевной в двухэтажном доме, расположенном на улице Сенина, 37. Из окон дома открывался прекрасный вид на реку Жиздру, а за ней вдали виднелись золотые купола Оптиной Пустыни. Обе сестры были учительницами, они выделили Марии Михайловне отдельную комнату, платы за которую не брали.

Монастырь в Козельске, который, как и Оптину Пустынь, любила посещать Мария Михайловна Аксакова.

25 апреля 1921 года.

Козельск. Калужская область. Россия.

Больше года провела Мария Михайловна в добровольном заточении, не выходя из дома. Потом часто посещала монастырь - Оптину Пустынь и даже довольно долго там проживала. На жизнь Мария Михайловна зарабатывала, давая частные уроки французского и немецкого языков.

После войны 1941–1945 гг. жила в семье своего брата Бориса Михайловича Лебедева, в Подмоскowie, а затем осуществилась ее мечта, в 1963 году ее принял внук Михаил Михайлович Аксаков, получивший отдельную квартиру в Москве. Михаил Михайлович и его жена, Людмила Ивановна, ухаживали за Марией Михайловной до самой смерти в 1966 году.

Похоронена Мария Михайловна Аксакова на Котляковском кладбище г. Москвы вместе с женой расстрелянного сына, Аксаковой Юлией Гавриловной.

Павел Николаевич Аксаков

Самую удачную служебную карьеру из детей Николая Васильевича Аксакова сделал младший сын Павел. Он родился 25 апреля 1875 года, крещен 27 апреля 1875 года в Жиздринском соборе.⁸⁹

С раннего детства ему прививали любовь к вере, царю и отечеству. Именно эти основы воспитания не позволили ему принять от Временного правительства, а затем и от А.В. Колчака генеральское звание, они же не позволили ему остаться в послереволюционной России.

В Калужском архиве сохранился любопытные документы, позволяющие оценить отношение к монархии его самого и его сверстников еще в раннем возрасте, когда Павел учился в Калужском Реальном училище. В частности, протокол допроса всех 14-ти учеников 1-го класса, произведенный 31 января 1887 года, по поводу оскорбления учеником Ясионовским портрета Государя Императора.⁹⁰

Скандал вышел за рамки учебного заведения, а его суть была изложена в донесении Попечителю Московского Учебного Округа.

«Считаю своим долгом донести Вашему Сиятельству о проступке ученика 1 класса Ясионовского. Проступке совершенно ничтожном, не подлежащем даже более серьезному взысканию, но, по несчастному стечению обстоятельств, подавшему повод, некоторым ученикам по их неразумению, возвести его на степень преступления. [...]

Ученик 1 класса Аксаков, получивший от матери в подарок несколько денег, идя в класс, купил у разносчика портреты Их Императорских Величеств, Государя и Государыни. Во время второй десятиминутной перемены, по просьбе ученика Абрамова, Аксаков показал всему классу портрет Государя, причем Ясионовский произнес: «какая там сидит свинья». Момент произнесения слов остался невыясненным: обвиняемый и часть товарищей утверждают, что слова произнесены до показания портрета и к нему не относились, другие же товарищи говорят, что слова сказаны после показания портрета. [...]

Показания учеников были записаны и прочтены в Педагогическом Совете [...]. Члены Совета пришли к единогласному заключению, что слова Ясионовского относились не к портрету Государя, а к картинке, которую он не рассмотрел. А потому поступок не есть преступление, а простая неуместная и общественная выходка. Но так как Ясионовский своим поступком компрометировал себя пред всем заведением и возбудил против себя своих товарищей, то Педагогический Совет признал невозможным дальнейшее пребывание его в училище и постановил уволить по п. 17 правил о взысканиях 4 мая 1874 года, т. е. с правом поступления в другие учебные заведения в том же городе».⁹¹

Следующий документ также подтверждает, что поведению учащихся уделялось не меньше внимания, чем их успеваемости по предметам.

«Г-ну директору Калужского реального училища

Надворный Советник Николай Васильевич Аксаков обратился ко мне с прошением об определении сына его, бывшего ученика 1-го класса Калужского реального училища, Павла Аксакова в 1-й класс вверенного мне Московского реального училища. Так как в представленном г. Аксаковым свидетельстве, выданном из Калужского реального училища 2 марта сего года за № 126, значится, что вышеозначенный сын его Павел Аксаков был поведения хорошего и не имеется сведений об его успехах в науках за 1-ю и 3-ю четверти текущего 1886/87 учебного года, то вследствие чего я имею честь покорнейше просить Ваше Высокородие сообщить мне в возможной скорости,

о том, во 1-х, по какой именно причине Павел Аксаков аттестован был по поведению отметкою не отличною (5), а хорошою (4) и во 2-х, какие успехи по каждому предмету оказал он за 1-ю и 3-ю четверти текущего 1886/87 учебного года.

Директор А. Кривоносов». ⁹²

Полученный ответ удовлетворил директора Московского реального училища, и Павел продолжил учебу уже в нем. ⁹³

«Г-ну Директору Московского реального училища (исх. №136 9 марта 1887 г.) (черновик отпуска)

В следствие отношения Вашего Высочородия от 6 марта за № 131 имею честь уведомить, что бывшему ученику 1-го класса вверенного мне училища Павлу Аксакову сбавлен балл по поведению до 4 за школьные шалости, не выходящие за рамки обыкновенных. Сведения об успехах за 1 и 3 четверти текущего 1886/87 учебного года прилагаю на обороте сего».

В отличие от старших братьев Павел Николаевич Аксаков окончил Ярославскую военную школу. 22 августа 1893 года он поступил на службу рядовым на правах вольноопределяющегося второго разряда в 125-й пехотный Курский полк, откуда через 5 дней был командирован в Чугуевское пехотное юнкерское училище. В марте 1894 года был переведен в 126-й пехотный Старооскольский полк, где прослужил около года, затем был направлен в 10-й пехотный Новоингерманландский полк. Через два года службы П.Н. Аксаков стал младшим унтер-офицером. А еще через два месяца (в августе 1895 года), был переименован в подпрапорщики «на собственное содержание», а потом – на казенное.

В ноябре 1897 года Павел Николаевич Аксаков получил офицерский чин подпоручика, штабс-капитаном стал через 8 лет.

Павел Николаевич Аксаков исполнял должность адъютанта батальона, командовал ротами. В этом качестве принял участие в Русско-японской войне. С июня 1904 года по октябрь 1905 года находился в составе Манчжурской действующей армии, участвовал в Ляоянском сражении, заболел тифом и в августе 1904 года был эвакуирован в Харбинский госпиталь.

Храбрость офицера была отмечена двумя наградами: орденом Святой Анны третьей степени с мечами и бантом (29 января 1906 г.) и орденом Святого Станислава третьей степени, так же с мечами и бантом (8 октября 1905 г.).

По возвращении с театра военных действий П.Н. Аксаков был прикомандирован к штабу III пехотной дивизии «для письменных занятий». Но штабная служба продолжалась немногим более года, после чего он вернулся в строевую часть, где вновь командовал ротами.

Павел Николаевич, как и его старший брат, Владимир Николаевич, с первых дней участвовал в Первой мировой войне. 28 июля 1914 года он выступил с полком в военный поход, с 12 августа 1914 года находился на территории Австро-Венгрии, принимал участие в боевых действиях. В октябре 1914 года был ранен пулей в левую голень с повреждением нервов и переломом малой берцовой кости.

Полк, последним командиром которого был Павел Николаевич Аксаков.

Иллюстрация из книги А.А. Пирожникова «История 10-го пехотного Новоингерманландского полка», изданной в Туле в 1913 году.

Собрание Калужского областного краеведческого музея. Калуга. Россия.

Чтобы оправиться от ранения, ему потребовалось значительное время. Осенью 1915 года он был назначен командиром роты на необременительную службу в распоряжение начальника 3-й московской школы для подготовки офицеров в военное время. Только в конце 1916 года он вернулся в полк и стал командиром батальона, в феврале 1917 года был выделен на формирование 621-го (впоследствии Немировского) пехотного полка.

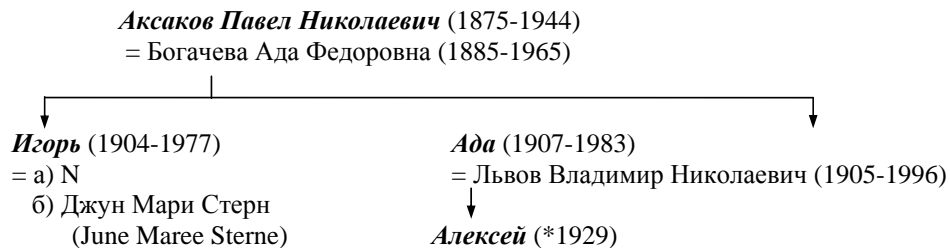
В боях с противником Павел Николаевич Аксаков был награжден тремя орденами: Святой Анны четвертой степени с надписью «За храбрость» (16 февраля 1915 г.; за отличия в боях с австрийцами в августе 1914 г.); Святой Анны второй степени с мечами (23 апреля 1915 г., утвержден 6 июля 1916 г.); Святого Владимира четвертой степени (6 декабря 1916 г.), а также пожалован мечами к полученному ранее, 5 февраля 1913 года, ордену Святого Станислава второй степени (18 июня 1916 г.; за отличия в боях в декабре 1915 г.).

Пик военной карьеры Павла Николаевича Аксакова пришелся на 1917 год. В апреле он был переведен на службу в 10-й пехотный Новоингерманландский полк, где сначала командовал батальонами, затем являлся начальником хозяйственной части, помощником командира и наблюдающим за пулеметными командами. Интенсивные служебные перемещения предпринимались с целью получения практики по управлению различными службами и подразделениями полка.

В июле 1917 года П.Н. Аксакову было присвоено звание полковника, а 29 сентября 1917 года⁹⁴ он был назначен командиром 10-го пехотного Новоингерманландского полка.

В служебной характеристике, данной Павлу Николаевичу Аксакову предыдущим командиром 10-го пехотного Новоингерманландского полка полковником Кузнецовым, отмечалось: «Службу знает отлично, дисциплинирован, исполнительен, обладает сильной волей, пользуется авторитетом среди офицеров и солдат. За время текущей войны показал себя вполне подготовленным к боевой деятельности. Распорядителен, храбр, самоотвержен. Сам физически здоров, несмотря на полученную в бою 9/X/1914 г. рану в левую ногу – подвижен. Умственно развит отлично. Военным делом интересуется и следит за литературой. Вполне ознакомлен, как в боевом, строевом и хозяйственном отношении по управлению полком. Нравственных качеств отличных. Вообще отличный штаб-офицер и вполне достоин для назначения на должность командира полка вне очереди».⁹⁵

Женился Павел Николаевич Аксаков на Аде Федоровне Богачевой, дочери личного почетного гражданина г. Гдова Федора Алексеевича Богачева. Невеста была моложе жениха на 10 лет (родилась 16 февраля 1885 года), венчание прошло в Калуге 1 июня 1903 года.⁹⁶

У них было двое детей – сын Игорь, родившийся в Москве 25 февраля 1904 года и, названная в честь матери, дочь Ада,⁹⁷ родившаяся в Туле 12 февраля 1907 года.

Их судьбы описаны в III Главе, «Аксаковы в Эмиграции».

Аксаковы: Ольга Николаевна, Александра Николаевна, Антонина Николаевна

О дочерях Николая Васильевича Аксакова сведений сохранилось гораздо меньше, чем о сыновьях. Старшая из них, Ольга Николаевна, родилась 1 января 1865 года в Калуге.⁹⁸ Замуж она не вышла, была религиозна, много времени и сил отдавала церкви,

являлась старостой прихода Божьей матери Одигитрии Смоленской города Калуги. Оказывала на сына Татьяны Александровны, Диму, церковное влияние.

Вторая дочь, Александра Николаевна, была моложе на год, родилась 20 марта 1866 года в Калуге.⁹⁹ Как и сестра, замуж не вышла, посвятила себя народному образованию, была учительницей начальных классов, жила в Калуге, одновременно исполняла обязанности акушерки.

О третьей дочери Антонине известно не больше. Она родилась 19 августа 1870 года в Калуге, крещена в церкви Божьей матери Одигитрии Смоленской города Калуги, но в отличие от сестер была замужем. Ее избранником стал мещанин города Медыни Михаил Дмитриевич Виноградов. Свадьба состоялась в Калуге 12 ноября 1900 года, невесте и жениху было по 30 лет.¹⁰⁰ Первенца, который родился 13 августа 1901 года, назвали Николаем.

Борис Сергеевич Аксаков

В начале XX века началась служебная деятельность следующего поколения калужско-московской ветви рода Аксаковых. Прежде всего, это относится к детям старших сыновей Николая Васильевича Аксакова. Его младшие внуки были еще детьми.

Старшим внуком в генеалогическом отношении и по возрасту был Борис Сергеевич Аксаков, который родился 10 августа 1886 года.¹⁰¹ Он оказался моложе своего дяди Павла Николаевича всего на 11 лет.

Продолжая семейную традицию, он избрал военную карьеру, окончив в 1905 году II кадетский корпус, а в 1908 году – Павловское военное училище, по I разряду и I категории соответственно. По окончании курса Борис Сергеевич Аксаков был произведен в подпоручики и направлен в Лейб-гвардии Московский полк, где командовал ротой и состоял помощником начальника команды разведчиков. В августе 1912 года находился в составе войск, участвовавших в праздничных торжествах по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 года.

В декабре 1912 года Борис Сергеевич Аксаков получил очередной чин поручика. Однако военная карьера его интересовала мало. Отец был недоволен прохладным отношением сына к службе, считая, что с его «умом и способностями» «надо было идти в Академию, а он попал в кутящую компанию, наделал долгов».¹⁰²

В октябре 1913 года Борис Сергеевич Аксаков был зачислен в запас Гвардейской пехоты, а позднее назначен земским начальником 2-го участка Тарусского уезда Калужской губернии. На этом посту он прослужил недолго. С началом Первой мировой войны его мобилизовали, зачислили в 56-й пехотный запасной батальон (впоследствии полк) в военно-санитарный тыловой № 39 поезд и назначили начальником Орловского распорядительного пункта. В его обязанности входило сопровождение эшелонов с эвакуированными нижними чинами и с пополнением.

В отличие от дядьев, которые женились на девицах из родов, выслуживших дворянство по гражданской или военной службе, Борис Сергеевич Аксаков заключил удачный в генеалогическом и социальном отношении брак. 26 января 1914 года он обвенчался с Татьяной Александровной Сиверс, происходившей из древнего прибалтийского рода, одна ветвь которого была в XVIII веке возведена в графское

Боря Аксаков

(7 лет, 3 месяца, 20 дней).

Калуга. 1894 год.

Личное собрание А.В. Антошко.

Москва. Россия.

достоинство. Ее отцом являлся известный генеалог, в 1940–1950-е годы заведующий отделом нумизматики Государственного исторического музея Александр Александрович Сиверс (1866–1954 гг.), в то время занимавший видный пост в Министерстве Императорского Двора и имевший придворное звание камергера, которое зять неизменно указывал в своих формулярных списках. Невеста была хорошо образована, окончила широко известную гимназию С.А. Арсеньевой в Москве, а в 1910–1913 годы училась в Строгановском училище.

В калужском дворянском обществе семья Аксаковых была известна вспыльчивым характером. Этот вопрос обсуждался и при замужестве Татьяны Александровны Сиверс. Когда жених приехал к ее матери свататься, та прямо спросила: «Борис! Простите, что я затрагиваю этот вопрос, но Вы знаете, какой славой пользуется во всей округе «аксаковский характер». Я боюсь, что Вы его унаследовали». Полученный, самокритичный ответ вполне удовлетворил будущую тещу: «Я сам так много от него пострадал, что гарантирован от повторения ошибок моего отца!»¹⁰⁴

Венчание состоялось в Москве, в церкви Бориса и Глеба «что у Арбатских ворот». Торжество прошло с большим размахом. Татьяна Александровна подробно описала его, посвятив отдельную главу воспоминаний.¹⁰⁵ «Все пространство от Удельного дома [где жила Т.А. Сиверс – А.К.] до церкви было запружено экипажами и автомобилями.

*Татьяна Александровна Сиверс
и Борис Сергеевич Аксаков.
Москва, октябрь 1913 года.*

*Личное собрание Н.К. Телетовой.
Санкт-Петербург. Россия.*

Съезд был очень большой, и церковь была переполнена». ¹⁰⁶ После свадьбы новобрачные уехали в экзотическое путешествие в Египет.

Однако в реальности ситуация оказалась сложнее. Татьяна Александровна Аксакова перечисляла много сложных черт в характере мужа – жестокость, раздражительность, «деланную любезность» в общении с посторонними, дерзкий тон с людьми, которые не нравились, что приводило к напряженной психологической атмосфере. В конечном счете, Татьяна Александровна определяла их отношения как «психоконфликт». ¹⁰⁷

Однако в их жизни случались и приятные события. 24 июля 1915 года у Бориса и Татьяны родился сын Дмитрий, которому довелось в первые годы жить в Московском Кремле, на территории которого в древности находились имения их знатных предков. В 1916 году Борис Сергеевич Аксаков командовал образцовой ротой охраны Московского Кремля, где вместе с семьей проживал в казенной квартире. В июне 1916 года он был награжден орденом Св. Станислава третьей степени, а в день рождения Татьяны Александровны 12 октября их навестили знатные гости. Именинница так описывает этот случай – «автомобиль с императорским штандартом остановился у подъезда офицерского флигеля Кремлевских казарм. Из него вышли великий князь, Наталья Сергеевна с подарком в руках (это была вышитая чайная скатерть), мама, Вяземский и Николай Николаевич Джонсон. Наша квартира огласилась смехом и приветствиями в мою честь. Михаил Александрович подхватил на руки Димку, стал подбрасывать его к потолку, Димка радостно визжал, в коридоре толпились ошеломленные этим зрелищем солдаты, а я поила всех чаем». ¹⁰⁸

*Под Калугой, в имении
Чебышевых «Аладино».
1914 год.*

*Стоят слева направо:
Нина, Вера, Н, Ксения,
Борис, Татьяна Аксаковы,
кн. В.А. Вяземский и мама
Татьяны, Александра
Гастоновна.*

*Сидят слева направо:
Александра Петровна Эшен
(ур. Чебышева), Гастон
Александрович Эшен.*

*Личное собрание
Е.Д. Аксаковой (внучки
Бориса Сергеевича и Татьяны
Александровны Аксаковых).
Ницца, Франция.*

В апреле 1917 года Борис Сергеевич Аксаков убыл в действующую армию, в штаб 26-го армейского корпуса,¹⁰⁹ а его семья уехала в Калужскую губернию. Их судьба складывалась непросто. В декабре 1917 года его жена вместе с маленьким сыном Димой была выслана из имения Попелево и переехала в Козельск. В 1918–1919 годах Татьяна Александровна Аксакова работала делопроизводителем молочной фермы Козельского земотдела, откуда была уволена из-за дворянского происхождения. В это время Борис находился в частях Добровольческой армии на юге России, куда убыл осенью 1918 года. Как пишет Татьяна Александровна – «Иначе Борис поступить не мог и не должен был».¹¹⁰ В период эвакуации армии из Новороссийска в 1920 году Борис Сергеевич Аксаков тяжело заболел тифом и не смог покинуть Россию. Его выходила сердобольная семья, после чего он вернулся в Калугу к жене и сыну. Татьяна Александровна в мемуарах приводит другую причину его возвращения домой и эти события описывает иначе.

Вместе с внучкой Льва Николаевича Толстого, Анной Ильиничной Толстой, Татьяна Александровна основала в Калуге артель женского рукоделия «Кустари», но нестабильная экономическая политика и непосильный налоговый гнет не позволили делу набрать обороты. В 1923 году она вместе с сыном выехала в Германию к матери, но за границей не остались и вернулись в Россию.¹¹¹

В 1926 году Татьяна Александровна, опасаясь за жизнь сына Димы и племянника Алека, вывезла их к матери во Францию.

Татьяна Александровна и ее сын Дима накануне отъезда во Францию вместе с племянником Аликсом. Калуга 1926 год.

«В ту пору я не сомневалась в правильности принятого решения: перед мальчиками стояло неизбежное хождение по мукам, их надо было от этих мук извратить – и я одна могла это сделать».

Т.А. Аксакова. Собрание Отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

Ее муж, Борис Сергеевич Аксаков, после революции дважды арестовывался.

Первый раз это произошло весной 1918 года. Он был обвинен в спекуляции и нарушении Декрета о запрете на продажу золота в слитках. Татьяна Александровна это описывает следующим образом. Очень богатый сибирский золотопромышленник Лапин, находясь у Владимира Михалкова (отца поэта Сергея Михалкова), где встретил Бориса Сергеевича Аксакова, попросил последнего найти покупателя на слиток золота. Найденный через знакомых покупатель оказался подставным сотрудником Чeka. Поскольку сделка происходила хотя и в отсутствие Бориса Сергеевича, но на его квартире, он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. В дело вмешался известный московский адвокат Якулов, под его поручительство арестованного до суда выпустили из тюрьмы. Суд состоялся в августе 1918 года, Борис Сергеевич Аксаков был оправдан, дело прекращено.¹¹²

Впоследствии Борис Сергеевич Аксаков служил в различных учреждениях. В 1923 году, например, на Сызранско-Вяземской железной дороге.¹¹³ В конце 1920-х годов работал в Москве, а на выходные приезжал в Калугу к жене. В то время он поз-

*1926 год. Калуга. Ученики музыкальной школы и преподаватель
О.Н. Юртаева провожают Диму (в матроске) в далекую Францию.
Собрание сектора генеалогии государственного музея А.С. Пушкина.*

накопился с Лидией Дмитриевной Некрасовой, врачом-невропатологом, с которой впоследствии у него сложились близкие отношения. Старшая сестра Лидии была замужем за Александром Ветлицем, с которым Борис Сергеевич Аксаков сдружился, находясь в армии А.И. Деникина, и о котором он рассказывал его жене и ее сестрам.

В 1928 году Аксаковы переехали в Ленинград, но Борис Сергеевич не смог найти подходящего места и, «так как политическая обстановка отнюдь не разряжалась»,¹¹⁴ подписал трехлетний контракт и уехал в Казахстан, в Кызыл-Орду, где занимался сельскохозяйственным снабжением республики. Он часто писал жене и высылал деньги.¹¹⁵

Весной 1930 года Б.С. Аксакова арестовали во второй раз по обвинению в срыве посевной кампании в Казахстане. Однако арест оказался недолгим, он сумел доказать следствию, что не несет ответственности по предъявленному обвинению. Его выпустили, и он продолжил занимать прежнюю должность.

В 1931 году после статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» репрессии в отношении крестьян на время ослабли, но началась очередная кампания по чистке советских учреждений от «социально чуждых элементов», главным основанием

*Дмитрий Аксаков
(справа) и Александр
Сивертс в Берлине. Весна
1926 года.*

*Собрание сектора
генеалогии
государственного музея
А.С. Пушкина.*

служило происхождение. Был уволен и Борис Сергеевич, который в начале лета 1931 года вернулся в Ленинград, где устроился на должность экономиста.

В 1932 году семья Аксаковых попала в поле зрения органов государственной безопасности. Причиной послужил младший брат Бориса, Сергей Сергеевич Аксаков. Видимо, именно в то время он стал активно разрабатываться органами государственной безопасности в связи с его активным участием в Белом движении, антисоветской деятельностью и регулярными нелегальными проникновениями в СССР.

Татьяна Александровна Аксакова была вызвана в «Большой дом» на Шпалерную улицу, где допрошена о контактах с братом мужа. Особенно интересовала органы безопасности встреча Татьяны Александровны с Сергеем Сергеевичем, произошедшая в 1926 году в Париже, а также содержание их разговоров. В мемуарах она писала: «Я сказала, что он расспрашивал меня о жизни в СССР (что было вполне естественно) и что я отвечала на его вопросы в общих чертах – никаких сведений, выходящих за круг обывательских, я не давала и не могла давать, так как ими не обладала». Однако, как верно, заметила Т.А. Аксакова, она «была взята на заметку».¹¹⁶

В начале 1930-х годов отношения между Борисом Сергеевичем и Татьяной Александровной испортились, стали формальными. Летом 1933 года в Ленинград приехала Лидия Дмитриевна Некрасова,¹¹⁷ и было решено, что Борис и Татьяна вскоре оформят развод. Осенью 1933 года произошел раздел имущества, и Борис Сергеевич Аксаков уехал в Москву.

*Лидия Дмитриевна Некрасова
(в первом браке Кожевникова),
вторая жена Б.С. Аксакова.*

*Личное собрание В.И. Рожкова.
Москва. Россия.*

Оставшись без материальной поддержки, Т.А. Аксакова впервые в жизни устроилась на службу, как она писала в воспоминаниях, «с половины зимы 1933–1934 гг. стала совслужашей». Ее приняли на должность статистика в V пункт охраны материнства и младенчества, где, по ее ироническому замечанию, она «до 4 часов терпеливо регистрировала новорожденных Эрастов (один раз даже попался Эверест!), Эльвир и Нинелей». ¹¹⁸ В анкете, заполненной при ее аресте в феврале 1935 года, указано, что Татьяна Александровна Аксакова работала медицинской сестрой Санитарного бюро при Больнице имени Софьи Перовской. ¹¹⁹

Развод помог Борису Сергеевичу Аксакову избежать ареста и высылки в 1935 году, поскольку репрессии носили территориальный, локальный характер, касаясь преимущественно жителей Ленинграда. В 1938 году (6 октября) ¹²⁰ он женился на Лидии Дмитриевне Некрасовой, и прожил с ней до самой смерти.

В последующие годы работал экономистом в различных учреждениях, в 1935 году – заведовал плановым сектором Московского мукомольного треста, в последние годы жизни – в Министерстве пищевкусовой промышленности.

Умер Борис Сергеевич Аксаков 3 марта 1954 года от рака желудка ¹²¹ и похоронен на Пятницком кладбище Москвы.

Вторая жена пережила его на 34 года, умерла в Москве 22 июля 1988 года и похоронена вместе с Борисом Сергеевичем. ¹²²

У ее родственников хранится кольцо-шевальера с гербом рода Аксаковых, на внутренней стороне которого, нанесены памятные Борису Сергеевичу даты: эвакуации из Новороссийска, двух выездов жены и сына за границу и развода. У них же, помимо личных вещей Б.С. Аксакова, хранится медальон с изображением русского офицера в мундире времен Екатерины Великой, которым Борис Сергеевич очень дорожил (вероятно, портрет его прадеда, Василия Николаевича Аксакова, награжденного в 1795 году указом императрицы чином подпоручика).

Судьба Татьяны Александровны Аксаковой (урожденной Сиверс), жены Бориса Сергеевича Аксакова.

*«Но Ахматовой вещице строки
Накаляют мой дух до - бела
Оттого, что и я в эти сроки
Со страной в неизвестность плыла»*

Т.А. Аксакова (Сиверс)

Официальный развод между Татьяной Александровной и Борисом Сергеевичем Аксаковыми был оформлен в сентябре 1934 года. Татьяна Александровна оставила фамилию мужа. Вскоре она собиралась выйти замуж за князя Владимира Сергеевича Львова, родного племянника бывшего председателя Совета Министров Временного правительства Г.Е. Львова (март–июль 1917 года). Однако оформить брак они не успели.

Бытовое убийство С.М. Кирова в Ленинграде было использовано в политических целях. Начались массовые репрессии против дворянства. 11 февраля 1935 года Татьяна Александровна была вызвана в местное Управление НКВД. За несколько дней до этого события, 2 февраля 1935 года, арестовали трех братьев Львовых – Юрия Сергеевича, Владимира Сергеевича и Сергея Сергеевича. Предчувствуя последствия вызова, Т.А. Аксакова сделала распоряжения относительно имущества. Во время допроса ее арестовали.

Вопрос об аресте, как ей показалось, решался в момент допроса. В воспоминаниях Татьяна Александровна писала, что, уходя с протоколом допроса к начальству, следователь сказал, что она еще успеет на работу в вечернюю смену, но, вернувшись, был уже «менее любезным». Независимо от содержания протокола участь ее оказалась «уже предрешена».¹²³

В тот же день в ее квартире был произведен обыск. «Книги лежали в беспорядке, из письменного стола исчезла вся переписка, многие альбомы и фотографии», – так описывала Татьяна Александровна его результаты.¹²⁴

Ей предъявили обвинение в соучастии в «шпионской деятельности» братьев Львовых, которое выразилось в выполнении их поручений при поездках за границу. Обвиняли также в том, что она была сестрой «англо-разведчика и террориста» Сергея Сергеевича Аксакова,¹²⁵ хотя С.С. Аксаков был младшим

братом Бориса, ее бывшего мужа. Ей инкриминировалась статья 58-6 Уголовного кодекса РСФСР.

«Поручениями князей Львовых» в материалах следствия называлась встреча с их сестрами Елизаветой, состоявшей в браке с С.К. Терещенко, и Еленой, которые выехали из советской России и проживали в Париже. Встреча состоялась по просьбе их родителей и имела своей целью взять памятные вещи умершего в 1925 году дяди, Г.Е. Львова (евангелие и очки),¹²⁶ правда Юрий Сергеевич Львов на допросах утверждал, что эта встреча произошла «случайно».¹²⁷

Т.А. Аксакова была подвергнута допросу четыре раза: 11 февраля, 12 марта и 22 марта (дважды). По ее воспоминаниям допросы велись «вполне корректно». Отвечая на вопросы следователя, обвиняемая неоднократно умышленно искажала факты. Так, о месте службы мужа, Бориса Сергеевича Аксакова, на момент их бракосочетания она сказала, что тот являлся управляющим именьями князей Вяземских,¹²⁸ хотя на самом деле – он в чине поручика служил в Лейб-гвардии Московском полку. Такая информация, видимо, казалась ей менее опасной.

Допрос №1. 11 февраля 1935 г.

На первом допросе от обвиняемой потребовали подробно рассказать свою биографию. Были затребованы сведения обо всех ближайших родственниках – отце, матери, муже, сыне и др. Особенно интересовало следователя, кто из родственников находится за границей и какие связи задержанная с ними поддерживает. Татьяна Александровна сообщила, что переписывается с теткой и сыном. Ее сын, Дмитрий Борисович Аксаков, также заинтересовал следствие: как он попал за границу, с кем из родственников ведет переписку. Таким образом, следователь пытался получить дополнительную компрометирующую информацию на других лиц. Однако Т. А. Аксакова отвечала, что сын ни с кем не переписывается.

Спрашивали ее и о родственниках, проживавших в СССР, о знакомых. Татьяна Александровна старалась очень осмотрительно отвечать на подобные вопросы. Из многочисленных знакомых она назвала только супругов Леонутовых, отметив, что те происходят «из мещан», а также князей Львовых, отрицать знакомство с которыми, было нелепо.

Именно семья Львовых особенно интересовала следствие. В воспоминаниях несколько иначе, чем в протоколе допроса, передан фрагмент диалога о них со следователем. В протоколе зафиксировано, что в ответ на требование перечислить знакомых Т.А. Аксакова назвала трех братьев Львовых: Юрия Сергеевича, Сергея Сергеевича и Владимира Сергеевича, а также их отца, мать и жену Сергея Сергеевича, Марию Александровну (урожденную Гудович).

В воспоминаниях сюжет изложен иначе. Желая получить дополнительную информацию о каких-либо лицах, следователь сначала спросил, кого из князей знает Татьяна Александровна. Она ответила, что «в мое время «князья» не составляли какой-то особой касты. Они были рассеяны по всей массе моих знакомых, и перечислить их мне очень трудно» и предложила сказать прямо, что следствие интересуют Львовы.¹²⁹

К теме «князей» следователь вернулся еще раз в конце допроса, когда выяснял нахождение ее матери. Т.А. Аксакова признала, что мать замужем за князем Владимиром Алексеевичем Вяземским и что она скрыла этот факт, поскольку «не хотела, чтобы Вы подумали, что я окружена князьями».¹³⁰

Далее следователь интересовался ее знакомствами в «консульском мире». Она ответила, что непосредственных знакомых в указанной среде у нее нет, но ее тетку, бабу и деда Эшенов знает посол Франции в СССР Ш. Альфан. «Лично Альфана я не видела никогда», – заявила она.¹³¹ Это, видимо, было связано еще и с тем, что Татьяна Александровна жила в Ленинграде, а Ш. Альфан – в Москве. Она с ним встретилась, когда после приговора в 1935 году следовала из Ленинграда к месту ссылки в Саратов через Москву.¹³²

Несколько вопросов было задано о брате бывшего мужа Сергее Сергеевиче Аксакове, о встрече с ним, о содержании их разговора. Все это истолковывалось следствием, как установление «связи» со шпионом, хотя Т.А. Аксакова неоднократно подчеркивала, что беседа касалась исключительно семейных дел, и никаких поручений он ей не давал. Утверждение, что встреча с Сергеем Сергеевичем состоялась всего лишь один раз, не соответствовало действительности. В воспоминаниях упомянуто о трех встречах: на вокзале, в гостинице и во время последнего вечера в Париже, при отъезде.¹³² Эти факты могли быть истолкованы следствием как регулярные встречи, и Татьяна Александровна благоразумно о них не упомянула, отметив только последнюю из них.

Отдельно следователь интересовался взаимоотношениями семьи Львовых с Сергеем Сергеевичем Аксаковым. Положительный ответ мог подтвердить «шпионскую деятельность» князей Львовых. Т.А. Аксакова заявила, что «они его совершенно не знают и не подозревают о его существовании».

Это показание проверялось на допросах Львовых. На допросе 22 марта 1935 года Сергея Сергеевича Львова спрашивали, что рассказывала Татьяна Александровна Аксакова по возвращении из Франции, с кем там встречалась и о брате ее мужа. На все вопросы обвиняемый отвечал, что ничего не знает и не помнит.¹³³

Аналогичные вопросы в тот же день и с подобным результатом задавались Юрию Сергеевичу Львову.¹³⁴

Владимир Сергеевич Львов на допросе 12 февраля 1935 года также сказал, что о Сергее Сергеевиче Аксакове ничего не знает,¹³⁵ но поскольку у него были самые близкие из братьев отношения с Татьяной Александровной, его особенно подробно расспрашивали об ее зарубежной поездке, ее встречах и ее родственниках. Этому была посвящена значительная часть его допроса и 22 марта 1935 года.¹³⁶

Встреча с Сергеем Сергеевичем Аксаковым интересовала следствие во многом формально. Поскольку Татьяна Александровна ранее уже рассказывала об этом и ничего нового сообщить не могла. Она сама отмечала, что сведения о зарубежных поездках, о Сергее Сергеевиче были «уже зафиксированы» в личном деле и «интереса не представляли».¹³⁷

Кроме встречи с С.С. Аксаковым следователя интересовали эмигранты, с которыми Татьяна Александровна общалась во Франции.

Допрос № 2. 12 марта 1935 г.

Следующий ее допрос произошел через месяц, 12 марта 1935 года. В очередной раз основное внимание снова уделялось встрече с Сергеем Сергеевичем Аксаковым и отношениям с князьями Львовыми. К этому времени следствие собрало определенную информацию, вопросы стали более конкретными. Следователя интересовало, откуда обвиняемая узнала о месте нахождения С.С.Аксакова, с кем из ее родственников тот общался, имели ли они переписку после 1926 года и т.п. В очередной раз задавались вопросы о встречах с «белоэмигрантами», которых было названо гораздо больше, чем на первом допросе, в том числе – те, кого Татьяна Александровна видела в ресторане матери в Ницце.

На втором допросе она опрометчиво упомянула еще об одной встрече с С.С. Аксаковым на вокзале, забыв, видимо, что ранее утверждала, что видела его только один раз. Следователь на расхождении в показаниях внимания не обратил. Татьяна Александровна признала, что разговоры велись на политические темы, о жизни в СССР. С.С. Аксаков говорил, что не может примириться с Советской властью, из чего складывался образ вполне явного и последовательного антисоветчика.

Допрос № 3. 22 марта 1935 г.

Поскольку, новых тем не возникало, все вопросы вновь повторились и на третьем допросе 22 марта 1937 года. В основном, уточнялось то, что было уже известно: была ли Татьяна Александровна на квартире Сергея Сергеевича Аксакова, с какого года ее мать в браке с князем Владимиром Алексеевичем Вяземским, на какие средства она содержала ресторан и т.д. Следствие интересовало также, что рассказывал Сергей Сергеевич о планах эмигрантских организаций Франции по отношению к СССР и о своей деятельности, в частности. Подобный вопрос, видимо, диктовался стремлением доказать факт «вербовки» Т.А. Аксаковой. Однако она все отрицала. Тем не менее, было «подтверждено», что Сергей Сергеевич «непримиримый враг Советской власти».¹³⁸ Подобные утверждения, конечно, вряд ли принадлежали самой Татьяне Александровне, их автором являлся следователь. Спрашивалось также о содержании разговоров с «белоэмигрантами». Она ответила, что разговоры касались бытовых тем. Но при этом признала, что слышала о существовании за границей монархических группировок, одна из которых, ориентировалась на Великого князя Кирилла Владимировича, а другая – на Великого князя Николая Николаевича. Пришлось признать, что родственники отговаривали ее от возвращения в СССР, и что она думала об этом, тоскуя по сыну, но не могла бросить старого отца.

Признала Татьяна Александровна и поручения от сестер Львовых – сообщить родственникам, что они живы. Ее снова попросили указать знакомых в Ленинграде. Кроме упомянутого ранее Леонутова, она назвала нескольких сослуживцев по медицинскому пункту. Грубой попыткой получить компрометирующий материал на

Владимира Сергеевича Львова стал вопрос, не «подавал ли мысль к побегу за границу Львов Владимир», на который она, естественно, ответила отрицательно.

Допрос № 4. 22 марта 1935 г.

Последний, четвертый, допрос Татьяны Александровны состоялся в тот же день, 22 марта. Следователь спрашивал преимущественно о родственниках ее бывшего мужа – Аксаковых. Выяснял, кто из них находится за границей, где они служили, где проживают, имеют ли детей. Задавался вопрос, кто такой Аксаков Михаил Григорьевич.¹³⁹ Т.А. Аксакова сказала, что в детстве слышала о нем, но что он возможно является прямым потомком писателя Аксакова и с семьей бывшего мужа «ничего общего не имел». Спрашивали ее о том, где родился Михаил Юрьевич Аксаков и его «характерные приметы».

Целью следующих вопросов было собирание компрометирующего материала на ее бывшего мужа Бориса Сергеевича Аксакова. В связи с этим, логично выглядит один из них – по какому адресу в Москве тот живет, где служит, когда от него было получено последнее письмо.¹⁴⁰ Одновременно выяснялось, кого именно знает Татьяна Александровна из жителей Москвы. Она опять назвала тех, кто, с ее точки зрения, был относительно «благонадежен» или с кем отрицать знакомство было бесполезно – одинокую старуху О.И. Храповицкую, отчима Николая Борисовича Шереметева и т.п.

Затем следователь спрашивал, кто такая Наталья Сергеевна. По всей видимости, это имя упоминалось в отобранной при обыске переписке. Татьяна Александровна ответила, что не знает. На самом деле это была вдова младшего брата последнего Российского императора Великого князя Михаила Александровича, Наталья Сергеевна Брасова, с которой давно поддерживала близкие отношения мать Т.А. Аксаковой, Александра Гастонова (урожденная Эшен).

На протоколе последнего допроса имеется пометка о хронологии. Он продолжался с 15 до 21 часа, т.е. 6 часов подряд.¹⁴¹

У Татьяны Александровны Аксаковой сложилось ошибочное впечатление, что ее ни в чем не обвиняли, но производивший благоприятное впечатление следователь, оперуполномоченный особого отдела Ленинградского военного округа Семеняко¹⁴² четко выполнял политическое указание руководства. 26 марта 1935 года он вынес постановление, в котором изложил установленные факты.

Две поездки за границу, в ходе которых Т.А. Аксакова «выполняла поручения» от князей Львовых, встречи с «белоэмигрантами» и с матерью, княгиней Вяземской, которая содержит в Ницце ресторан, служащий «местом сбора белоэмигрантов» (так интерпретировались частные встречи со старыми знакомыми).

Особое значение придавалось Сергею Сергеевичу Аксакову.¹⁴³ Отдельным абзацем в постановлении выделен факт их встречи, что трактовалось как «поддержание связи» с «англо-разведчиком», который, находясь на территории Румынии, занимается «переброской террористов на территорию СССР». Из постановления, однако, оставалось абсолютно не ясно, занимался ли Сергей Сергеевич Аксаков разведывательной

деятельностью на момент встречи в Париже в 1926 году, но следователя это нисколько не смущало.

Тем не менее, обвинению собранных фактов оказалось недостаточно, чтобы считать контрреволюционную и шпионскую деятельность братьев Львовых и Татьяны Александровны Аксаковой доказанной. Однако, поскольку «связь с эмигрантами» была установлена, то задержанные лица были признаны «социально опасными». Их следственное дело было передано в распоряжение оперативного штаба при начальнике Управления НКВД Ленинградской области для применения к «социально-чуждым людям» высылки из Ленинграда.¹⁴⁴

31 марта 1935 года Особое совещание при НКВД приговорило Татьяну Александровну Аксакову к высылке в Саратов сроком на 5 лет.¹⁴⁵

Т.А. Аксакова фигурировала в документе как «дочь княгини», хотя князь Владимир Алексеевич Вяземский был третьим мужем матери, и мать вышла за него замуж гораздо позже рождения дочери.

Владимир Сергеевич Львов, его братья и родители (всего 11 человек, в том числе трое детей) были высланы в Куйбышев.

Татьяна Александровна подробно описала в мемуарах процедуру высылки. С приговоренных лиц брали подписку о невыезде, выпускали из тюрьмы с указанием явиться на следующий день за дальнейшими указаниями. Утром следующего дня в канцелярии были объявлены приговоры и даны три дня на сборы.

Многие годы спустя, находясь в ссылке, она писала кузине своего бывшего мужа Наталье Павловне Потоцкой:

«19.02.1964 г. Вятские Поляны.

Вчера получила два письма: твое и от Трубецких и оба взбудоражили мою душу [...] письмо Трубецких приложением неопубликованных стихов Анны Ахматовой, относящихся к периоду 1935-1940 гг. Стихи Ахматовой я перепечатаю и тебе пришлю. Они потрясающи. Ахматова описывает главным образом «очередь перед тюрьмой на Шпалерной». Это все описано и мною, но в другом плане. У нее несравненно сильнее и, как всегда, с оттенком мистики. У меня до известной степени «приглажено», буднично, у нее надрывно и предельно трагически».¹⁴⁶

Жилплощадь ссыльных поступала в распоряжение Управления НКВД. Сосед Т.А. Аксаковой по коммунальной квартире, сотрудник НКВД, добился задержки высылки на один день и «в благодарность» занял ее комнату, которая была лучше его, а свою сдал государству. Ехать можно было за собственный счет, а неимущие следовали по этапу.

«Мы были ошеломлены, но в окружающей нас толпе говорили, что мы должны посчитать себя счастливыми», – писала Татьяна Александровна.¹⁴⁷

В ссылке Владимир Сергеевич Львов и Татьяна Александровна Аксакова предприняли попытку объединиться. В конце марта, за день до вынесения постановления, Татьяна Александровна обратилась к Е.П. Пешковой, руководителю общественной организации «Помощь политическим заключенным», с просьбой разрешить перевод Владимира Сергеевича Львова из Куйбышева в Саратов.¹⁴⁸ Это заявление имело

положительный результат. В апреле 1936 года Владимир Сергеевич Львов переехал в Саратов. Однако семья Львовых в очередной раз категорически возражала против предполагаемого брака.¹⁴⁹ Прожив вместе около полугода, Владимир Сергеевич Львов и Татьяна Александровна Аксакова расстались.¹⁵⁰ В мемуарах отмечена дата их последней встречи – 30 октября 1937 года, больше они никогда не виделись.

В Саратове Татьяна Александровна работала вышивальщицей и давала уроки французского языка. Чтобы получить возможность официального преподавания, она поступила на курсы повышения квалификации при Техникуме иностранных языков, хотя, блестяще владея французским языком, в этом не нуждалась. Числясь учащейся, сама вела на курсах групповые занятия.

Она постоянно оставалась в поле зрения органов НКВД. 2 ноября 1937 года был выписан ордер на производство в ее комнате обыска и арест, который был произведен в ночь на 3 ноября. При обыске изъяли «вещественные доказательства»: 14 фотографий, 7 негативов, более 600 листов переписки, 68 «разных квитанций», 15 листов «разных записей» и тетрадь со стихами.¹⁵¹ Было изъято «все, что было мне дорого», - отметила Татьяна Александровна Аксакова.¹⁵²

Она отчетливо понимала абсурдность мотива ее ареста. Только наполовину французским происхождением и открытой насмешкой над нелепостью всего происходящего можно объяснить ее поступок, когда при аресте, подписав протокол обыска, она поцеловала каждый из двух листов данного документа, оставив на них отпечатки красной губной помады, которые до сих пор сохранились в архиве Управления ФСБ России по Саратовской области.

Практически одновременно, по другому делу, арестовали Владимира Сергеевича Львова. Ему было предъявлено обвинение в том, что он занимался вредительством в фарфоровом цехе артели «Электрик» (саботировал меры противопожарной безопасности, нарушал финансовую дисциплину и т.д.), а также проводил антисоветскую деятельность среди рабочих фарфорового цеха, разлагал их, клеветал на конституцию СССР, срывал проведение общественно-политической работы и т.п. Особенно подчеркивалось, что поддерживал связь с находившимися в Саратове «бывшими своими людьми, а[нти]с[оветски] настроенными Конопатов А.Д. и Аксакова Т.А. [так в тексте – А.К.]».

В 1958 году Татьяна Александровна Аксакова добилась справки о том, что Владимир Сергеевич Львов умер в заключении 20 ноября 1943 года от рака печени. Но, зная о секретном распоряжении не сообщать родственникам заключенных истинные причины и даты смерти, она не поверила полученным сведениям. «Я бы предпочла, чтобы смерть «Львова В.С.» была мгновенной».¹⁵³

Судьба Владимира Сергеевича Львова осталась ей, по всей видимости, неизвестна. На самом деле, решением судебной тройки при Управлении НКВД по Саратовской области от 25 ноября 1937 года он был приговорен к расстрелу. Следствие по делу заняло меньше месяца. Такая же участь постигла двух его ранее упомянутых братьев Юрия и Сергея. (Их старший брат Евгений был расстрелян позже – в апреле 1942 года).

В 1937 году Т.А. Аксакова привлекалась вместе с высланными из Ленинграда в Саратов профессором Юрием Владимировичем Скобельцыным¹⁵⁴ и его женой Скобельцыной Александрой Ивановной. Им, как и многим тысячам соотечественников, органы государственной безопасности инкриминировали печально известную 58 статью Уголовного кодекса РСФСР. Непосредственным поводом для ареста послужило празднование Нового 1937 года. Татьяна Александровна была приглашена домой к Скобельцыным, где собралось 10–12 человек из числа высланной ленинградской интеллигенции. В материалах дела бытовое застолье фигурировало как «преступное сборище». «Подробности этого новогоднего вечера неизгладимо врезались в мою память, поскольку много раз я их излагала в устной и письменной форме на допросах в НКВД», – отмечала Татьяна Александровна Аксакова.¹⁵⁵

4 ноября она дала показания о своей биографии.¹⁵⁶ Затем, почти месяц к следователю ее не вызывали. Только 27 ноября 1937 года¹⁵⁷ ее допросили вторично, причем в деле сохранилось сразу три протокола, датированных одним днем.¹⁵⁸ Такая длительность объяснялось тем, что допрос начался ночью, и, видимо, продолжался почти сутки. Как указывала Татьяна Александровна впоследствии, допросы велись «в крайне грубой форме». Способы их ведения, которые применялись «пользовавшимся дурной славой» следователем Дудкиным, она подробно описала в мемуарах: «По сравнению с другими, Дудкин был ко мне милостив: он заставил меня «думать», сидя на стуле, а не стоя на ногах до потери сознания; отправив в тюремный карцер «для размышления», продержал там не более часа и, бросив в меня мраморное пресс-папье, он, как мне кажется, нарочно промахнулся».¹⁵⁹

К супругам Скобельцыным следователь был не столь мягок. В жалобе Александры Ивановны Скобельцыной, поданной в январе 1940 года, указывалось, что на допросах к ней применялись методы физического воздействия. Татьяна Александровна характеризовала допрос знакомой как долгий и тяжелый.¹⁶⁰ При «проверке дела» по жалобе заключенной в 1940 году подобные утверждения были названы «клеветой на сотрудников органов государственной безопасности».¹⁶¹ В жалобах Юрия Владимировича Скобельцына указывалось, что его показания сфабрикованы работниками следствия и подписаны в результате «применения незаконных приемов допроса».¹⁶²

Когда в конце 1940-х годов Т.А. Аксакова навещала Скобельцыных в Йошкар-Оле, где те жили после освобождения, Ю.В. Скобельцын показался ей «каким-то связанным – он упорно избегал разговоров и воспоминаний о местах заключения». Причину такого отношения Татьяна Александровна поняла позже, когда прочитала протокол заседания Военного трибунала и узнала об обвинительных показаниях Скобельцыных против нее. «Допускаю, что ему было не совсем приятно на меня смотреть», – отмечала она.¹⁶³

На первом допросе следователь вновь спрашивал Т.А. Аксакову о связи с заграницей и родственниках, на втором – о знакомствах среди административно высланных ленинградцев. Она назвала супругов Скобельцыных, Жузе и Орловых, а также В.М. Тьебо и рассказала, что они собирались на «семейные вечера». На опасный вопрос о том, велись ли среди присутствовавших разговоры о политике, она ответила, что

«никаких разговоров на политические темы среди нас не велось».¹⁶⁴ Тогда следователь обвинил ее во лжи и сказал, что «следствием точно установлено», что на «сборищах» велись антисоветские разговоры против мероприятий ВКП (б), но Татьяна Александровна твердо настаивала на отсутствии подобных бесед. Видимо, в тот момент и были применены меры, о которых сообщала Т.А. Аксакова в своих мемуарах.

Затем следователь изменил тактику допроса. Он спросил, велись ли «антисоветские» разговоры о ссылке в Саратов. На него Т.А. Аксакова ответила, что ссылка обсуждалась и высказывалась обида, что «нас невинно выслали из Ленинграда», особенно резко об этом высказывался Ю.В. Скобельцын. Помимо этого, в протоколе было записано, что профессор Н.А. Орлов «допускал клеветнические измышления по адресу научных учреждений и студенчества». Утверждал, что советские научные институты находятся на более низком уровне, чем до 1917 г., советская профессура «не соответствует своему назначению», преподаватели – «неучи», а студенты, с которыми «невозможно работать» – «ослы». Кроме того, якобы «подвергалась критике жизнь Саратова».¹⁶⁵

Провокационные намеки следователя о разговорах, дискредитировавших руководство ВКП (б) и Советскую власть, Татьяна Александровна категорически отрицала. Тогда Дудкин сослался на показания Н.А. Орлова о том, что высказывались не только «антисоветские», но и террористические мысли против руководства ВКП (б) и Советского правительства, а также «надежда» на изменение образа правления. Татьяна Александровна назвала показания Н.А. Орлова ложью. Также категорически отвергла она и показания его жены В.И. Орловой о подобных разговорах.

Последний, третий допрос был кратким и состоял всего лишь из двух вопросов и ответов. Сначала следователь Дудкин потребовал подтвердить, что Т.А. Аксакова является участницей антисоветской группы, проводившей деятельность против Советской власти, что было отвергнуто. Тогда следователь обвинил ее во лжи и снова потребовал признать вышесказанное. Но она снова это отрицала.

Впоследствии Т.А. Аксакова приводила слова следователя Дудкина: «Я знаю, что вы ничего не говорили, но вы должны были слышать антисоветские речи, находясь в обществе Орловых».¹⁶⁶

Следует отметить, что супруги Орловы в ходе следствия не допрашивались, поскольку к тому времени были уже расстреляны. Допрос Н.А. Орлова, на который ссылались следователи, состоялся 20 сентября 1937 года, еще до ареста Татьяны Александровны.¹⁶⁷

Тексты допросов передают содержание реальных разговоров следователя и Т.А. Аксаковой лишь примерно. В мемуарах же она приводила те фрагменты диалога, которые в протоколы не вошли, поскольку для следствия оказались неинтересными. Например, на вопрос о том, что происходило на вечере у Скобельцыных, Татьяна Александровна ответила, что она читала стихи, а следователь заявил, что его это «совсем не интересует». В другой раз Дудкин попытался извлечь какую-то возможность для обвинений из службы ее сына Дмитрия Борисовича Аксакова во французской армии. Он спросил, действительно ли тот занимает в ней высокий пост. Однако из очередной

провокации следователя ничего не вышло, поскольку подследственная указала, что сыну только 21 год, и он не мог достичь генеральских чинов.¹⁶⁸

Тем не менее, в обвинительном заключении от 7 декабря 1937 года утверждалось, что следствием установлено: супруги Скобельцыны и Т.А. Аксакова «являлись враждебно настроенными к ВКП (б) и Советской власти», и «для совместной борьбы с соввластью вошли в состав антисоветской террористической группы», руководителем которой являлся Н.А. Орлов. Под его руководством Скобельцыны и Т.А. Аксакова устраивали «частые сборища на квартирах», где вели «антисоветскую и террористическую пропаганду против руководства ВКП (б) и Советского правительства, распространяли разного рода клеветнические измышления о, якобы, плохой жизни трудящихся страны». Кроме того, они говорили, что «мероприятия партии и правительства о распространении госзаймов и развитии стахановского движения ведут трудящихся к каторжному труду и обнищанию страны», клеветали на советскую науку, специалистов и студенчество, «оскорбляя их», и даже «восхваляли Гитлера и фашизм». Татьяна Александровна конкретно обвинялась в том, что являлась участницей «антисоветской террористической группы» и вела антисоветскую террористическую пропаганду.

В заключении отмечалось, что Т.А. Аксакова виновной себя признала частично, но уличается показаниями Ю.В. Скобельцына и супругов Орловых. Никаких других доказательств в деле не было и в обвинительном заключении не приводилось. В списке лиц, подтвердивших ее «антисоветскую деятельность», отсутствовала супруга Юрия Владимировича Скобельцына – Александра Ивановна. С другой стороны, показания Т.А. Аксаковой фигурировали как доказательства в обвинении Скобельцыных, что также не соответствовало действительности и даже тексту протоколов. Утверждение о признании Татьяны Александровны себя частично виновной, также ложно, подобного в протоколах допросов нет.

Приговор повторял текст фальсифицированного обвинительного заключения, согласно которому Т.А. Аксакова являлась участницей антисоветской группы, «принимала активное участие на ее сборищах, где среди своего окружения проводила а[нти] с[оветскую] клеветническую агитацию, направленную на дискредитацию руководителей партии, сов[етского] правительства, путем распространения всевозможных провокационных и клеветнических измышлений о советской науке, госзаймах, развитии методов стахановского движения в стране и др. проводимых мероприятий партии и соввласти, что все это якобы ведет трудящихся к каторжному труду и обнищанию страны».¹⁶⁹

13 декабря Татьяну Александровну Аксакову вызвал в кабинет начальник Управления НКВД по Саратовской области Стромин, который сказал, что ни поездки за границу в 1923 и 1926 годах, ни переписка с родственниками в вину поставлены быть не могут.

Однако 24 декабря 1937 года судебная тройка при Управлении НКВД по Саратовской области приговорила ее к 8 годам концлагерей.¹⁷⁰

Сообщили ей о приговоре только через полгода, в годовщину рождения вождя мирового пролетариата 22 апреля 1938 года. Задержка была вызвана тем, что для

размещения заключенных в СССР не хватало исправительно-трудовых лагерей, и они строились в течение зимы 1937–1938 гг. Объявление приговора в тюремной канцелярии показалось Татьяне Александровне и другим заключенным «какой-то нелепой шуткой», в которую «никто не верил». ¹⁷¹ При этом не сообщалось, по какой статье она осуждена, что вызвало недоверие даже у лагерного начальства. Когда по прибытии к месту отбытия наказания у заключенных спросили, по какой статье они осуждены, а те ответили, что у них «нет статьи», то «начальники... приняли истинный факт за насмешку». ¹⁷²

Несмотря на приговор, Т.А. Аксакова не могла согласиться с абсурдными обвинениями и вскоре начала трудную и длительную борьбу за пересмотр несправедливого решения.

В январе 1939 года она обратилась в Президиум Верховного Совета СССР с жалобой на ошибочное осуждение и просила пересмотреть дело. ¹⁷³ В ней единственным поводом ареста назывался факт высылки из Ленинграда в 1935 году, вина полностью отрицалась. Жалобы на решение судебной тройки подали также супруги Скобельцыны. Дело пересматривалось органами НКВД и Прокуратурой по спецделам Саратовской области, однако во всех ходатайствах об отмене решения тройки было отказано. Существование «антисоветской террористической организации» в Саратове в 1937 году признавалось доказанным, хотя основывалось только на показаниях расстрелянных супругов Орловых.

Данная практика построения обвинений на основе выбитых показаний у заключенных, которых потом наспех расстреливали, широко применялась в те годы в стране. И даже при дальнейшем описании судеб представителей рода Аксаковых мы еще не раз столкнемся с применением этой порочной нечеловеческой практики.

Свой срок Т.А. Аксакова отбывала в Устьвымлаге в Коми АССР. Исправительно-трудовой лагерь, который располагался около Локчима, притока реки Вычегды, Татьяна Александровна описывала так: «Зона лагпункта в августе 1938 года представляла собой небольшой кусочек, отгороженный колючей проволокой и пересеченный бурлящим ручьем, на берегу которого стояла баня и три жилых барака с нарами». ¹⁷⁴ Состав заключенных был разнообразен: врачи, священники, жены крупных партийных работников, немцы Поволжья, кавказцы.

Татьяна Александровна воспользовалась тем, что до ареста работала в медицинском учреждении, и устроилась сестрой в санчасть. В деле сохранилась справка, данная администрацией лагеря. В ней отмечалось, что Т.А. Аксакова «работает удовлетворительно. Ничем себя не проявила» и что поведение ее «хорошее». ¹⁷⁵ Отмечалось также, что она используется в качестве уборщицы.

В июле 1943 года Татьяна Александровна Аксакова была досрочно освобождена по болезни, которой она заболела в заключении, и как отбывшая больше половины срока. ¹⁷⁶ Поскольку для поселения ей разрешались только Сибирь и Кавказ, она избрала для жительства поселок Вятские Поляны Кировской области, который впоследствии получил статус областного города. Т.А. Аксакову пригласила туда ее знакомая Колесникова, также бывшая заключенная, освободившаяся ранее. В Вятские Поляны Татьяна Александровна прибыла 25 августа 1943 года.

*Татьяна
Александровна
(крайняя слева)
с коллегами в
операционной
районной
больницы в
Вятских Полянах.
1947 год.*

*Личное собрание
М.И. Сабсаея.
Ижевск. Россия.*

«Во время моего прибытия город представлял собой одну бесконечно длинную улицу Ленина с небольшими от нее ответвлениями. [...] Главная улица была частично вымощена камнем, но ее «ответвления» весной и осенью превращались в засасывающие болота», – вспоминала она.¹⁷⁷

Знания и квалификация Т.А. Аксаковой оказались востребованы в далеком сибирском городке. Она устроилась работать в районную больницу сначала сестрой инфекционного отделения, затем перешла на должность медицинского статистика, одновременно исполняла обязанности анестезиолога в хирургическом отделении, а в виде общественной нагрузки заведовала медицинской библиотекой.¹⁷⁸

Одновременно, с ноября 1943 года она преподавала иностранный язык в Школе рабочей молодежи, а также вела кружок английского языка в Доме техники военного завода, выпускавшего известные во время второй мировой войны пистолеты-пулеметы Шпагина. Кстати, в то же время в Вятских Полянах проживал с семьей и конструктор ППШ, дочери которого также были учениками Татьяны Александровны. В ноябре 1946 года Т.А. Аксакова была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (удостоверение № 0299407).

Она явно выделалась среди жителей города и обращала на себя внимание.

В городе циркулировало немало слухов о ее прошлом. Классическое образование, незаурядные познания, широта взглядов, глубокая внутренняя культура требовали реализации в любых условиях. И проявлялись они так, как могли проявиться в условиях маленького сибирского города. Татьяна Александровна писала стихи, которые давала читать друзьям, изредка публиковала в стенгазете. В то время среди молодежи пользовалась популярностью отрывки из некоторых ее шуточных стишков.

Всем известно с давних лет
Вятская ухватка.
Завоевывает свет
Мотороллер «Вятка».

С ним выходят на стадион
Вятские ребята
И не верится, что он
«Веспой» был когда-то.

Вятские Поляны, 1953 г.

Т.А. Аксакова в силу своего кругозора реагировала на любые новости и события в культурной и политической жизни страны, давая точные и порой резкие оценки происходящему. Ранее, в 1937 г., понимая напускную помпезность грандиозных мероприятий, проводимых в стране, по случаю 100-летней годовщины гибели А.С. Пушкина, свое мнение о происходящем она изложила в стихотворной форме.

«Внимают все нации мира»

Внимают все нации мира,
Как два десятилетия сплошь
По радиоволнам эфира
Несется советская ложь.

В стране, где не смеют друг другу
Простейшие молвить слова,
Доносы вменяют в заслугу,
И слёзам не верит Москва ...

С верхушки стальной Коминтерна
Тирану всесильному в честь
В бесстыдстве своём непомерном
Восточная сыплется лесть.

Нет, гений дворянской культуры
Не стал бы оправдывать тех,
Кто в мрачные дни диктатуры
Спасается сменой вех.

На каждой газетной странице
И в каждой научной статье
Теснятся в строках небылицы
О чьём-то счастливом житье.

И мощным откликнувшись звуком
На то, что мы робко таим,
Он первый пошёл бы по мукам
С истерзанным классом своим.

И с пылом поистине странным
Верша свой несправедный суд,
В разрез историческим данным
О мертвых историки врут.

Чтоб слух о страданиях не замер
В аркадах тюремных дворов,
Чертил бы на известии камер
Потоки бичующих строф.

Так волей партийной верхушки
И критики передовой
Совсем неожиданно Пушкин
Стал власти и партии свой.

И след этих скорбных анналов
Пронес через грани веков:
И тайну постройки каналов,
И жуткую боль Соловков.

Когда доказательства плохи,
Их ждёт неминуемый крах.
Созвучен ли Пушкин эпохе,
Имеющей стимулом страх?

Стихотворение было опубликовано в США в марте 1992 г. к 100-летию Татьяны Александровны Евгенией Семёновной Шалиной, бывшей научной сотрудницей Музея А.С.Пушкина на Мойке, которой Т.А. Аксакова разрешила его переписать для возможной публикации в будущем. Дата написания 1937 г.

Лас-Вегас, газета «Панорама», № 569.

Забегая вперед, надо отметить, что где-то в 1980-х годах строки другого стихотворения Т.А. Аксаковой, приведенные в статье Владимира Солоухина «Время собирать камни» (эмигрантская газета «Наша страна», 28 ноября 1980 года, Буэнос-Айрес) попались на глаза Сергею Сергеевичу, который в то время уже долгие годы проживал в столице Аргентины. Прочитав фамилию автора, он очень обрадовался тому, что Татьяна Александровна жива и что их давние встречи во Франции ей не навредили. К сожалению, всего изложенного на этих страницах он так и не узнал.

В Вятских Полянах Татьяна Александровна начала писать свои знаменитые воспоминания. Работу над мемуарами, которая могла привести к новым репрессиям, она не скрывала. Наоборот, в 1953 году в заявлении о снятии судимости, написанном на имя начальника Кировского областного Управления МВД СССР, она сообщала, что досуг посвящает работе над воспоминаниями, которые «может быть, не лишены некоторого бытового и исторического интереса».¹⁷⁹

В 1960 году в письме к кузине бывшего мужа, Н.П. Потоцкой, она писала:

«14.11.1960 г. Вятские Поляны.

Относительно мемуаров даю Вам полную *carte-blanche*. Делайте с ними что хотите, они мне в наст[оящее] время не нужны. Я буду очень рада, что они получают некоторую *publicité* среди моих друзей пока не дождутся того времени, когда значимость политическая отступит перед значимостью общечеловеческой».¹⁸⁰

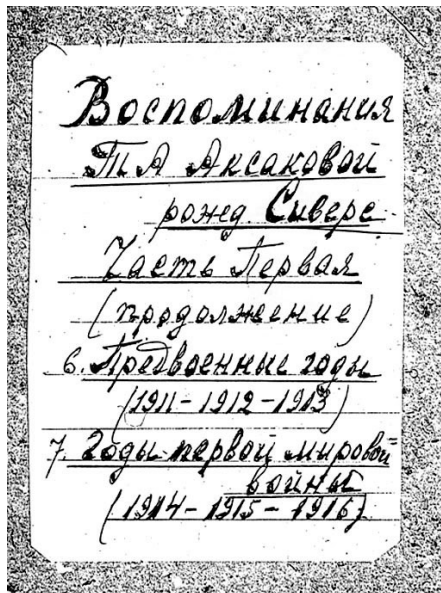
К работе над «Воспоминаниями», а именно так рукой автора на рукописи было написано название мемуаров, Татьяна Александровна относилась крайне серьезно, воспринимая ее как культурную и историческую миссию. Их впервые издал В.Е. Аллой в Париже, где они вышли в 1988 году под названием «Семейная хроника». В 2005 году мы переиздали их в России, дополнив текст воспоминаниями об авторе, новыми приложениями и множеством редких фотографий.

Текст мемуаров, по мере его готовности, она посылала на просмотр отцу, Александру Александровичу Сиверсу, который его тщательно выправлял, критиковал за неудачные выражения и переводы иностранных слов.¹⁸¹ Татьяна Александровна очень сожалела, что ей были недоступны источники, и приходилось полностью полагаться исключительно на свою память. После смерти отца, его функцию корректора и в какой-то степени цензора взяла на себя Наталья Павловна Потоцкая.

«24.08.1957 г. Вятские Поляны.

Продвинула мемуары почти до ленингр[адского] ареста 1935 г. Заканчиваю главу «На Мойке» (мне кажется интересную!), а потом будет «В ленингр[адском] ДПЗ». Страшно необходима дружеств[енная] критика...».¹⁸²

В начале 1970-х годов мемуары были приобретены за 300 рублей отделом рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина.¹⁸³ Рукопись произвела на сотрудников сильное впечатление. В экспертном заключении было указано, что это «документ, выдающийся среди приобретаемых отделом мемуаров XX века. Они отличаются широтой, достоверностью, богатством фактического материала, из других источников практически неизвестного, живостью, прекрасным литературным стилем и представляют исключительный интерес для историков XX века».¹⁸⁴ Поскольку

Вышедшие в Париже в 1988 году мемуары Татьяны Александровны под названием «Семейная хроника», самим автором были озаглавлены как «Воспоминания».

«Из письма Наталье Павловне Потоцкой. 14.11.1960 г. Вятские Поляны.

Относительно мемуаров даю Вам полную *carte-blanche*. Делайте с ними что хотите, они мне в наст. [оное] время не нужны.

Я буду очень рада, что они получат некоторую *publicité* среди моих друзей пока не дожидется того времени, когда значимость политическая отступит перед значимостью общечеловеческой». Т.А. Аксакова.

в воспоминаниях содержались сведения о репрессиях, рукопись попала в спецхран. Известный литературовед М.О. Чудакова, считала, что подобных им, «в подцензурной советской печати к тому времени давно уже не было».¹⁸⁵

Еще раньше воспоминания хвалил А.Т. Твардовский, которому Т.А. Аксакова послала несколько глав на ознакомление.

«14.09.1960г. Вятские Поляны.

Дорогой друг, Наташа!

«Поистине пути Господни неисповедимы». Кто мог бы ожидать, что мои мемуары (2 и 3 части, у comprise «В испр[авительных] лагерях» и «Ежовые рукавицы») найдут горячее одобрение Твардовского!

На днях я получила от него экземпляр его поэмы «За далью даль» в красивом переплете с собственнор[учной] подписью кому и от кого. Книга была перевязана золотой ленточкой и закладка лежала на главе «Так это было». Дочь его заходила в Ист[орический] музей и просила передать следующее: «Скажите Т[атьяне] А[лександровне], что мой отец прочел мемуары и очень они ему понравились, я даже не ожидала – он такой требовательный и придирчивый, очень их хвалил, хвалил и стихи. Посылает свою последнюю книгу». [...] Вот видите, какие «лавры»!

Я не могла удержаться, чтобы Вам все это не описать – Вы знаете, какая я хвастунишка. Но, в конце концов, этот порок «не столь большой руки» и может быть смешон, но не зловреден!».¹⁸⁶

В Школе рабочей молодежи Татьяна Александровна проявила незаурядные педагогические способности, наладив, по ее словам, прекрасные отношения с учениками.

«В классе я чувствовала себя свободно, уверенно, хотя преподавать было трудно: уровень учащихся был весьма неравномерен».¹⁸⁷ Занятия не сводились только к изучению предмета. Татьяна Александровна стремилась сделать их интересными, рассказывала ученикам занимательные факты, имевшие отдаленное отношение к программе. Например, читала наизусть и комментировала шиллеровскую «Перчатку» и доказывала, что «рыцарский поступок» означает «понятие положительное». Ученики спрашивали ее о Венеции, Египте и пирамидах, наконец, о балах. В целом, Татьяна Александровна отмечала, что основной упор в образовании был сделан на точные науки, в силу чего гуманитарные знания учеников оказались чрезвычайно слабыми.

О влиянии Т.А. Аксаковой на молодежь Вятских Полян свидетельствуют воспоминания ее «подшефного студента» Михаила Ивановича Сабая: «И вот в хижине на самом краю затерянного в вятских лесах городка [она – А.К.] начала открывать мне мир. Передо мной неспешно плыла совсем иная жизнь. Она просто не укладывалась в мои представления о жизни».¹⁸⁸

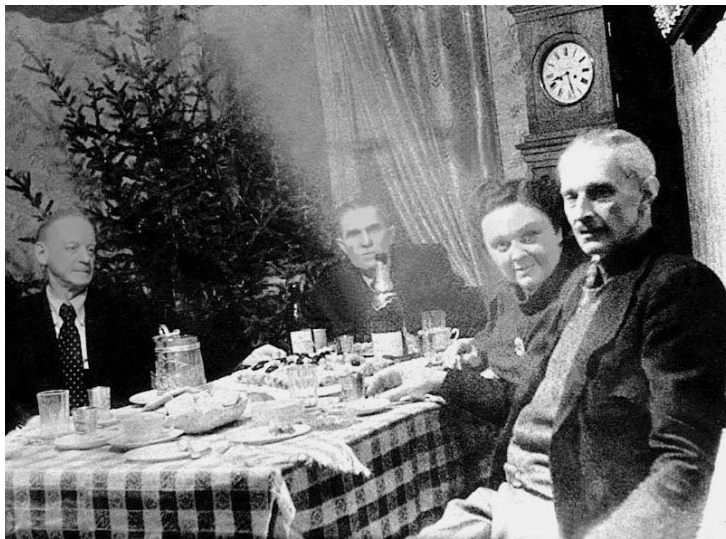
Он познакомил Татьяну Александровну со своими школьными друзьями, и «как-то так получилось, что все, кто общался с тетей Таней, стали гуманитариями», многие получили высшее образование.

Татьяна Александровна писала: «... у меня живет Миша и с утра до вечера толпятся его товарищи, которые, видимо, тоже предпочитают (Как это ни странно!) сидеть у меня, чем «предаваться любовным похождениям»».¹⁸⁹

И Татьяна Александровна рассказывала, и было о чём. Тем более, что дети не знали ровным счетом ничего. Они не ведали, например, что сидящий мужчина встает с места, когда входит дама; что вилку держат в левой руке; что первый танец на балу – полонез, а шампанское подают в конце трапезы.

Из рассказов ссыльной медсестры советские провинциальные мальчики и девочки узнавали о поздних царских временах. Узнавали много нового, совершенно неожиданного. Оказывалось, в отличие от существующих реалий, границы державы были открыты – можно было запросто поехать в Париж, в Германию, в Италию. Оказывалось, многие помещики заботились о мужиках, стараясь облегчить и улучшить их быт, бесплатно раздавали свои барские земли; и те в период лихолетья платили бывшим господам той же монетой, выкармливая их всей деревней по очереди. Получалось, что доброта, справедливость, сочувствие ближнему распределены вовсе не по «классовому признаку».

В конце 1940-х – начале 1950-х годов в СССР снова стала нарастать политическая напряженность, началась очередная кампания по поиску врагов внутри государства. В связи с этим, в августе 1951 года Т.А. Аксакову уволили из Школы рабочей молодежи. Непосредственным поводом послужило то, что она давала два раза своему ученику, работавшему дежурным на железнодорожной станции, письма к отцу, с просьбой отправить их с московским поездом. Но подлинная причина заключалась в ее «политической неблагонадежности». Однако потребность в преподавателях иностранных языков в городе сохранялась, и через неделю после увольнения к ней обратились с просьбой начать занятия в заочном машиностроительном техникуме.

*На обратной стороне
этой фотографии
рукой Т.А.Аксаковой
написано: «1952 г.
В Кирове у
Батюшковых
(первый справа –
Н.Г. Лермонтов), М.Э.
и В.И. Батюшковы
(посл. слева)».*

*Собрание Отдела
рукописей Российской
государственной
библиотеки.*

Находясь в Вятских Полянах, Т.А. Аксакова стремилась поддерживать отношения с бывшими знакомыми по заключению, по дореволюционной жизни. Когда в конце 1940-х годов в Кировской области появились высланные репатрианты Н.Г. Лермонтов, П.Г. Трубецкой и другие, она дружески общалась с ними. Во время редких полулегальных поездок в Москву встречалась с внучкой Л.Н. Толстого – Анной Ильиничной, и другими уцелевшими представителями дворянского общества.¹⁹⁰

На протяжении второй половины 1940-х – начала 1950-х годов Татьяна Александровна продолжала бороться за свою реабилитацию.

В 1947 году она собирала документы для снятия судимости.¹⁹¹ Однако заключение Управления Министерства государственной безопасности СССР по Кировской области (от 20 января 1948 года) по ее делу оказалось неблагоприятным.¹⁹² Особое внимание уделялось ее родственникам: гражданскому мужу Владимиру Сергеевичу Львову (арестованному в 1937 году) и бывшему мужу Борису Сергеевичу Аксакову (о котором указано, что он сын председателя Калужской земской управы и арестовывался), матери и сыну (служит во французской армии), Сергею Сергеевичу Аксакову (о нем указано, что проживал в Болгарии, член РОВСа и агент английской разведки). Подчеркивалось также, что связь с родственниками, проживающими за рубежом, Т.А. Аксакова поддерживает через двоюродного брата, Сергея Курнакова, который работает корреспондентом американской газеты «Moscow News» в Москве. По поводу существования антисоветской группы в Саратове не только не выражалось ни малейшего сомнения, но и подчеркивалось, что «за период проживания Аксаковой в гор. В. Поляны Кировской области также получено ряд данных о связи ее с антисоветским элементом и проведении антисоветской агитации», свидетельствующих о том, что она

*Татьяна
Александровна
Аксакова (ур. Сиверс)
с отцом Александром
Александровичем
Сиверсом.*

*Собрание Отдела
рукописей Российской
государственной
библиотеки.*

«не прекратила антисоветской деятельности».¹⁹³ Вывод из подобного обзора мог быть только один – в снятии судимости отказать.

В заключении инстанций обращают на себя внимание два момента.

Во-первых, его составители явно пользовались не только материалами дел 1935 и 1937 годов, но и какими-то дополнительными источниками, скорее всего – материалами негласного наблюдения за Т.А. Аксаковой.

Во-вторых, особое внимание уделялось связям с заграницей, что полностью соответствовало политической обстановке конца 1940-х годов, кампании по борьбе с космополитизмом.

Татьяна Александровна не могла знать, что описанный ею в главе «Последние годы в Вятских Полянах» вежливый, улыбчивый и обходительный начальник местного подразделения НКВД капитан Белозеров, каждый раз, отвечая на запрос вышестоящей инстанции о возможности реабилитации поднадзорной Т.А. Аксаковой, давал резко отрицательные заключения, отказывая в снятии с нее судимости. С легкой руки чекистов Татьяна Александровна, подозреваемая в шпионаже в пользу Франции, имела у сотрудников госбезопасности псевдоним или, как это фигурирует в деле, окрас – «Агент французский». В качестве аргументации отказа в реабилитации, в том числе, указывался факт написания мемуаров, как порочащих социалистический строй.

17 апреля 1948 года Особое совещание при Министре государственной безопасности СССР Татьяне Александровне Аксаковой в снятии судимости отказало.¹⁹⁴

Видимо, заподозрив предвзятое отношение к себе со стороны органов (к этому времени некоторые репрессированные, в том числе проходившие с ней по одному делу, уже добились реабилитации), она в конце августа 1952 года направила письмо

на имя И.В. Сталина.¹⁹⁵ В нем излагалась просьба о снятии судимости и о возможности поселиться вблизи от уже пожилого отца, живущего в Москве, или хотя бы иметь разрешение его навещать.¹⁹⁶ В октябре повторно заполнила специальное заявление о снятии судимости и собрала документы, приложив исключительно положительную характеристику из районной больницы.¹⁹⁷

17 января 1953 года Особое совещание при Министре государственной безопасности СССР в очередной раз отказало Татьяне Александровне Аксаковой в ее просьбе.¹⁹⁸

Дальнейшая хронология событий развивалась следующим образом.

В мае 1953 года Т.А. Аксакова обратилась к Генеральному прокурору СССР Сафонову.¹⁹⁹ Ответа долго не было, в высших эшелонах власти происходили политические изменения, от которых зависело решение проблемы с незаконно репрессированными в целом.

В феврале 1954 года было направлено повторное заявление Генеральному прокурору СССР (уже Р.А. Руденко) с просьбой рассмотреть прежнее ходатайство.²⁰⁰ Вышестоящее руководство изъяло дело Татьяны Александровны из-под опеки улыбчивого особиста Белозерова, и в марте 1954 года она была вызвана в Киров, в областное управление внутренних дел, где ее встретили «весьма учтиво» и сообщили, что дело направлено в Москву на пересмотр.²⁰¹

В марте 1954 года было составлено заключение по делу. В нем впервые предлагалось снять судимость 1937 года.²⁰² О ранней судимости 1935 года в документе не упоминалось.

В ноябре 1954 года Т.А. Аксакова обратилась в Министерство внутренних дел СССР, с просьбой ускорить пересмотр, в котором написала: «Очень не хотелось бы умереть, не сняв с себя тяготеющие надо мной долгие годы обвинения».²⁰³

В марте 1955 года Татьяна Александровна обратилась к прокурору Саратовской области по спецделам с просьбой ускорить пересмотр дела.

Старшим следователем следственного отдела Управления КГБ при Совете министров СССР по Саратовской области Мешковым дело было пересмотрено. В заключении, датированном 13 октября 1954 года,²⁰⁴ указывалось, что из показаний обвиняемых не ясно, какие конкретно антисоветские разговоры велись, и кто именно их вел. Еще более нелепыми являлись показания В.И. Орловой, которая назвала Татьяну Александровну Аксакову знакомой, но в числе присутствовавших на «сборищах» лиц не указала. В отличие от приговора, в заключении правильно указано, что Т.А. Аксакова виновной себя не признала. Были обнаружены также формальные процессуальные нарушения: обвинения Т.А. Аксаковой и супругам Скобельцыным не предъявлялось, с материалами дела они не знакомились, обвинительное заключение прокурором не утверждалось.

Однако, несмотря на явную надуманность обвинений, изучавший дело капитан Мешков счел, что виновность обвиняемых была лишь «в достаточной степени недоказанной». Он предложил направить дело Генеральному прокурору СССР, с просьбой внести протест в Верховный суд СССР об отмене решения тройки и прекращении дела не за отсутствием состава преступления, а «за недостаточностью собранных улик».²⁰⁵

«Татьяна Александровна прекрасно понимала, что преподает людям, которые, отстояв 12 часовую смену, пришли в школу за знаниями. Никогда не будила тех, кто засыпал на ее уроках, а когда задавала вопросы, сама украдкой подсовывала шпаргалки с ответами. Это был самый светлый человек во всем городе».

Татьяна Александровна (2-я слева, во 2-ом ряду) с преподавателями и выпускниками школы рабочей молодежи. Выпуск 1949 года.

Личное собрание И.С. Капланской (1 ряд, 2-я слева). Вятские Поляны.

Фактически, таким решением существование «антисоветской организации» все-таки признавалось.

В сентябре 1955 года военный прокурор Приволжского военного округа в порядке надзора внес протест на приговор тройки при Управлении НКВД по Саратовской области и последующие постановления Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР, в котором указано, что они не могут оставаться в силе и подлежат отмене. В протесте, в отличие от заключения 1954 года, делу дана более объективная и однозначная оценка. Показания Орловых признаны не только общими и неконкретными, но и сомнительными по содержанию, поскольку из них не видно, где, когда и при каких обстоятельствах были допущены «антисоветские высказывания» и в чем они заключались. Арест и осуждение Т.А. Аксаковой и Скобельцыных признавались необоснованными, а доказательства их виновности отсутствующими.

На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года было предложено все постановления отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления в действиях всех осужденных.

*Вятские Поляны.
Районная больница.
Средний ряд: 4-я справа
Татьяна Александровна
Аксакова, 6-я справа
Мария Семеновна
Дильмухаметова.
1960 год.*

*Личное собрание
М.С. Дильмухаметовой.
Вятские Поляны.
Россия.*

Именно такое решение и вынес Военный трибунал Приволжского военного округа в определении от 27 сентября 1955 года,²⁰⁶ которое было вручено Татьяне Александровне Аксаковой 17 октября того же года.

В письме к Наталье Павловне Потоцкой от 06.01.1956 г. она указывала: «Замечаю, что реабилитация нарушила мое душевное равновесие! Очень хочу Вас видеть. А пока переписываюсь с обломками ленинградского крушения 1935 г. Л.И. Крашенинниковой и Варенькой Ланской».²⁰⁷

Это была долгожданная победа, однако, судимость 1935 года за ней оставалась. В июле 1956 года Т.А. Аксакова обратилась к прокурору Ленинграда Тихомирову с заявлением о пересмотре дела и реабилитации. В нем она четко указала, что ее единственной виной и основанием для репрессий являлось дворянское происхождение.²⁰⁸

19 марта 1957 года президиум Ленинградского городского суда отменил постановление Особого совещания при НКВД СССР за отсутствием состава преступления, и Т.А. Аксакова была признана полностью реабилитированной. В апреле Татьяне Александровне вручили справку о реабилитации. Вслед за этим она обратилась в Ленинградский городской суд с запросом о возврате изъятых при аресте писем и фотографий.²⁰⁹

Таким образом, полная реабилитация Татьяны Александровны Аксаковой заняла целых 20 лет после даты последнего приговора. Однако, несмотря на это, ее надзорное дело было закрыто лишь в 1991 году, лишь через 10 лет после ее смерти (и видимо после смерти в Буэнос-Айресе в 1987 году брата ее бывшего мужа Сергея Сергеевича Аксакова).

Здоровье Татьяны Александровны не улучшалось, давало знать приобретенное в лагере заболевание, а современные методы лечения не давали положительных результатов.

Она писала: «Мои изменения «опорно-двигательного» аппарата гораздо более стойкие и имеют 22-лет[нюю] давность; грязи бессильны перед следствием «ежовых рукавиц»! Врач в Кисловодске 8 лет назад мне сказал: «Благодарите свой организм за то, что Вы вообще остались живы после того, что у Вас было, а теперь Вам нужен только «щадящий режим» – не лежать на жестком и не переутомляться хождением и особенно стоянием».²¹⁰

1960-е годы в Вятских Полянах принесли Татьяне Александровне и радости и огорчения. Как лучик солнца осветила ссылочные будни весточка о том, что ее сын, Дима, жив, в чем она давно сомневалась, так как боевые действия во время войны велись и на территории Франции. Дмитрий, как и его двоюродный брат Алик (Александр Александрович Сиверс), вполне мог принимать в них участие.

Татьяна Александровна в письме к Н.П. Потоцкой восторгается:

«Дорогой мой друг!

Вы, наверное, легко можете себе представить в какое радостное волнение и смятение чувств меня повергло сообщенное вами известие! И все – Вы!! Я испытываю желание запеть арию: «Наташа мне дана небесным Провиденьем!».

Мне от него [от сына – А.К.] ничего не нужно, а если становиться на такую, чисто современную точку зрения, то скорее он может получить что-то от меня (понятно не в материальном, а в моральном отношении, чем я от него). Все это пустые и, может быть, ни на чем не основанные размышления, но я, откровенно говоря, боюсь новых травм и разочарований и уже не жду «нечаянных радостей».²¹¹

В ссылке Т.А. Аксакова жила при районной больнице, где и работала. Иногда ее навещали родственники и друзья, любил проводить каникулы «подшефный студент», сын ее подруги, Миша Сабсай, который предпочитал рыбалку на Вятке всем остальным развлечениям. В перерыве между нашествиями «иноплеменников», душу Татьяны Александровны согревало лишь одно родное существо – ее любимая собачка Душка. И вот – очередной страшный удар судьбы, да только все ли это поймут?

«Дорогая моя Наташа!

... вчера утром была застрелена моя милая Душка. – 20 лет больница не видела моих слез, но вчера она их увидела. Дело в том, что в Полянах решили провести «мероприятие» по борьбе с бешенством, которого у нас и в помине не было, и по городу ходили палачи с винтовками и стреляли собак, оставляя на снегу лужи крови. На днях на больничном дворе было убито пять собак, но Душка в их число не попала. Я за нее не особенно беспокоилась, так как она была зарегистрирована в горсовете, и на ней был прекрасный, подаренный Лизой Шереметевой ошейник с висящей на нем регистрационной бляшкой.

Вчера она, как всегда, ночевала дома на коврике у моей кровати, а в 8,5 час. мы вышли из дома. Я пошла в кабинет гл. врача, а она резвилась в сугробах снега вокруг домика скорой помощи (она была очень весела и свободолюбива). Через 15–20 минут прибежали из скорой помощи с криком: «Татьяна Александровна, Душка умирает!». Когда я прибежала все было кончено. Она, видимо, получила выстрел в упор в голову, потому что из носа текла струйка крови. «Стрелок» скрылся, так как, по видимому,

*Вятские Поляны.
Районная боль-
ница. Татьяна
Александровна
Аксакова в цент-
ре снимка в белой
вязаной шапочке.
Перед ее возвра-
щением в родной
город на Неве.
03.08.1967 года.
Личное собрание
Г.М. Дуловой.
Вятские Поляны.
Россия.*

обнаружил регистрационную бляшку и побоялся ответа. Он даже не захватил ее труп, за которые они отчитываются и получают по 60 коп. Я подала жалобу в милицию, но это – пустое дело и Душку не воскресить.

Вчера целый день ходила по городу и смотрела глупейшее кино, чтобы не идти домой, где все ее напоминает. Теперь никогда не заведу собак, поскольку мне на роду написано не иметь «домашних радостей» даже в окружении собак!

Утешаюсь, что она не мучилась и смерть наступила быстро. Она была очень нежна, так как я ее ни разу не ударила и прожила полуторалетную жизнь. Может быть это пройдет, но сейчас я чувствую отвращение к Вятским Полянам. Вспоминаю Тургеневского Герасима после гибели «Муму», он не смог оставаться на месте и ушел куда-то в неизвестность.

Т[ак] к[ак] я фаталист, то я думаю, что это какой-то психологический сдвиг, отрывающий меня от Полян». ²¹²

В 1967 году Татьяна Александровна Аксакова вернулась в Ленинград. В последние годы жизни она продолжала работать над воспоминаниями. В 1969 году после долгих мытарств вышла в свет переведенная ею еще в Вятских Полянах книга Акселя Мунте «Легенда о Сан-Микеле», которая стала заметным событием в литературной жизни. 50 тысячный тираж ее был раскуплен за несколько дней. ²¹³ «Слава Акселя Мунте, которая отгремела в Европе 50-40 лет тому назад, теперь гремит в Москве», - отметила Т.А. Аксакова. ²¹⁴

К тому времени она осталась совершенно одинокой, все близкие родственники умерли, а живший во Франции племянник Александр Александрович Сиверс отказался с ней переписываться. «Для меня это не совсем ясно», – заметила Татьяна Александровна Аксакова в дневнике. ²¹⁵ Она его оправдывала, связывая подобный поступок со службой во французской авиации. ²¹⁶

Татьяна Александровна продолжала общаться со старыми знакомыми, вести активную жизнь, поддерживала переписку. В собрании М.И. Сабсаля сохранилась следующая запись, сделанная ее рукой и датированная февралем 1975 года.

«Ответ на послание В. Полянских друзей с приглашением приехать к ним в гости (заканчивающееся словами «Мобилизуем все резервы для новых встреч с «Татьяной Первой»).

«Мобилизую все ресурсы,
Чтоб совершить весной экскурсы
В те сердцу милые края,
Где долго пребывала я.
Сказал бы Пушкин: «В заточенье»,
Но это – преувеличение!
Нельзя реальность забывать,
И четверть века – срок немалый,
Что я на Вятке пребывала,
Хотя бы «ссылкой» называть.
За то воздать должна сторицей
Друзьям по школе и больнице!

В начале 1970-х годов она оказывала помощь в родословных изысканиях известному генеалогу-любителю из Костромы А.А. Григорову, которому сообщила сведения о месте нахождения рукописей отца, послала материалы по родословию Лермонтовых, Шиповых и других дворянских семей.²¹⁷

Как упоминалось ранее, ей удалось наладить переписку с кузиной мужа Натальей Павловной Потоцкой, с которой они делились впечатлениями о новых литературных произведениях советских и зарубежных авторов. В своих письмах Татьяна Александровна сетовала на свою подругу детства Лялю (Ольгу Николаевну Запольскую – в замужестве Базилевскую), которая писала крайне редко, посвятив себя непонятной для Т.А. Аксаковой роли – заботе о внуке.

Еще в 1959 году она писала: «Как мне грустно, что мы потеряли Лялю. (надеюсь временно!) То, что не смог сделать лагерь сделало такое маленькое существо... Удивительно, что она, когда Андрей [сын Ляли – А.К.] был маленьким, не уходила в него целиком и оставляла кое-что для других, а теперь такая гипертрофия чувств!».²¹⁸

О насыщенной интеллектуальной жизни Т.А. Аксаковой в тот период дают представление разрозненные дневниковые записи конца 1960-х – 1970-х годов.²¹⁹ Она тщательно следила за упоминаниями о дворянстве в прессе, за литературными и кинематографическими новинками, фиксировала в них ошибки и неточности. Так, об одном из эпизодов фильма, посвященного жизни А.П. Чехова, писала: «Удивительное непонимание эпохи, нравов и обычаев!».²²⁰

О судьбе своих воспоминаний и возможности их экранизации (что делается в настоящее время) она писала:

«Хотя я никогда не была склонна заглядывать в будущее, порою я задумываюсь над судьбой моих мемуаров. Пролежав несколько десятилетий под спудом, они могут попасть в руки лица, интересующегося этой эпохой, о которой, в силу сложившихся обстоятельств, останется мало написанного (хочется добавить, «правдиво» написанного).

[...] и меня охватывает страх при мысли, что сделает он из моей персоны и всего моего окружения, приспособляясь ко вкусам публики 2000 года!»

Т.А. Аксакова интересовалась мемуарами, в том числе изданными за границей (в частности, читала воспоминания протопросвитера русской армии и флота Г. Шавельского, изданные в 1954 году в Нью-Йорке).²²¹ Слушала Би-Би-Си, читала А.И. Солженицына и В.А. Солоухина. Сохраняла религиозность, в записи от 4 апреля 1969 года упоминала, что простояла церковную службу во Владимирском соборе.²²²

Скончалась Татьяна Александровна Аксакова 3 декабря 1981 года в Ижевске, куда была перевезена Михаилом Ивановичем Сабсаем.²²³

«Она ушла, и никого не было рядом».²²⁴ Похоронена на Южном кладбище, расположенном далеко от города, почти в лесу. Могилу накрыли еловыми ветками, которые наломали там же. Ее сводная сестра, Ольга Борисовна Брядихина (ур. Шереметева), вспоминала: «Уже уходя с кладбища, я в последний раз оглянулась на могилу и поразились, как могила Татьяны Александровны выглядела удивительно просто и благородно среди окружающих ее могил, покрытых искусственными цветами и венками. Такою же простой и благородной была вся, прожитая ею жизнь!».²²⁵

На девятый день М.И. Сабсай приехал на кладбище и увидел, что поставленный на могиле деревянный обелиск был украден, и место погребения потеряно. Ему вспомнилось, что Татьяна Александровна, обращаясь к нему, говорила о своем брате Шурике, расстрелянном на Соловках: «Могилы у него нет, и я прошу тебя, если тебе придется меня хоронить, о том же. Я хочу, чтобы у меня, как и у Шурика, могилы не было».²²⁶

Он повернулся и ушел, подумав – «Пусть будет так, как она хотела».

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Т.А. АКСАКОВОЙ.²²⁷

06.01.1956 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Замечаю, что реабилитация нарушила мое душевное равновесие! Очень хочу Вас видеть. А пока переписываюсь с обломками ленинградского крушения 1935 г. Л.И. Крашенинниковой и Варенькой Ланской. Лид.[ия] Ильин.[ична] – это та престарелая девица, адрес которой я узнала у Вас. Она – прекрасный человек, но немного восторженно-наивна. В самые тяжелые минуты следования по этапу она могла закрыть глаза, запеть тонким голосом арию из Травиаты и прошептать «Ах! Ансельми! Как он был хорош в Альфреде!».

Нам это очень нравилось и выводило нас из круга действительности.

Вчера получила от нее письмо с воспоминаниями о Петербурге, начинающееся стихами...

03.09.1956 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Я переживаю период увлечения своей квартирой, кот. [орая] очень мила, но требует некоторого усовершенствования и вложения сил и капиталов. Но мало кто в наше время имеет для одной персоны 2 светлые комнаты с чуланом и W.C., маленьким палисадником и без всяких соседей!?

Все это, конечно, очень примитивно, но я в восторге...

05.10.1956 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

[...] в смысле поездки в Москву [...] все упирается в кухню Лялю! (Ольга Николаевна Базилевская, ур. Запольская – А.К.)

Мне, конечно, очень улыбается остановиться у нее и я послала ей запрос, когда ее молодежь уезжает в отпуск, а она молчит, как рыба! [...]

Не имея точных Лялиных директив, я все же планирую приехать числа 14-го; очень буду рада сходить с Вами на «Порт Артур».

Мне стыдно немного, что я смогу представить на Ваш суд только 1 новую главу мемуаров – с ремонтом жилища проявляла пониженную продуктивность. Правда, что эта глава была «труднонаписуемой»!

Наташенька, дорогая. Все же я Вас очень прошу подыскать мне машинистку, кот. [орая] могла бы мне быстренько перепечатать 4 главы IV части. Здесь я печатать давать не хочу: во первых сделают плохо, а во вторых разнесут по всему городу.

20.12.1956 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Мне было буквально стыдно за Образцова, когда он распинался перед Монтаном, который тут же окатил его ушатом холодной воды. (В чем был совершенно прав!) У французов развито чувство меры (чего как раз недостает русским) и у этого эстрадного молодого человека, наверное, хватило хорошего вкуса, чтобы понять сколь это глупо!

Слова «Мы любим Вас не столько за Ваше искусство, сколь за Ваше высокое сердце. Теперь мы полюбили бы Вас еще больше, но это невозможно, т.к. больше любить, чем мы любим Вас – нельзя!!!

Такие слова могли бы быть уместны, скажем, к Ромэну Роллану, но в отношении эстрадного певца (коих в Париже много) они просто коробят.

03.03.1957 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Милая и дорогая Наташа!

Из-за моей командировки и отчетов вышел перерыв в нашей переписке, и я очень соскучилась без Ваших писем, которые я, как истинный статистик, решила подшивать. Они являются настоящей энциклопедией явлений московской культурной жизни и будут служить ценнейшим материалом для завершающих глав моих мемуаров...

06.04.1957 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Перечитывая последние главы, я получила впечатление, что мое творчество из мемуарного жанра перерастает в жанр романа «узкого экрана» - и как ужасно сознавать, что почти никого из действ.[ующих] лиц в живых уже нет!

20.06.1957 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

...до пенсии мне надо еще доработать в больнице 4,5 месяца (до 2 ноября) и никуда до тех пор не двигаться. Сегодня, с другой стороны, я получила сведения, что для получения площади в Лен.[инграде] надо стать там на учет не позднее, как через 6 месяцев после реабилитации. Вот и выходи из этого положения! По всему вижу, что мне придется поставить крест на Ленинграде. Откровенно говоря меня гораздо больше прельщает Подмосковьё (например Малоярославец), откуда я смогу поддерживать связь с моск.[овскими] друзьями – «от них же первая есть Наташа Потоцкая», если не считать Ляли...

24.08.1957 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Продвинула мемуары почти до ленингр.[адского] ареста 1935 г. Заканчиваю главу «На Мойке» (мне кажется интересную!), а потом будет «В ленингр.[адском] ДПЗ». Страшно необходима дружеств.[енная] критика...

08.01.1958 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Я переслала ей (Ляле – А.К.) 2,5 главы мемуаров для прочтения на междусобойчике и потом прошу отнести эту продукцию Шереметевым – откуда она, т.е. продукция пойдет на прочтен.[ие] в ист.[орический музей], где интересуются дальнейшей судьбой героев этого биографического романа!

...я решила предпринять некоторые шаги для разыскания моих зарубежн.[ых] родственников – с этой целью я написала письмо своей подруге Тане Востряковой, кот.[орая] живет в Ментоне. Письмо переслала Ляле с просьбой послать из Москвы, получив предварительно у Вас консультацию о том, как отправляются и какой маркой оплачиваются такие письма. Ляля считает, что в этом письме я допускаю «рискованные вольности», но мне думается, что с меня «взятки гладки» и что Ляля (как она и сама допускает) в наст.[оящем] случае «перестраховщик».

20.01.1959 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Теперь, дорогая, хочу Вас поставить в курс моих «творческих планов». Дней 10 назад, когда я слушала по радио рассказ старых моряков о том, как они спасали жертв землетрясения в Мексике (1908 г.), и отмечала, что действия русских морских офицеров квалифициров.[ались] как «высоко – героические», меня осенила мысль написать очерк :

«Мой прадед адмирал Петр Афанасьевич Чебышев» (из семейных воспоминаний). Тут же особенно ярко мне вспомнились слова бабушки Ал.[ександры] Петровны (его дочери). В возрасте 14–15 лет я очень любила слушать ее рассказы о прошлом, и, однажды, она мне сказала: «Ну вот, слушай, а со временем, может быть, напишешь!».

Я сочла эти 2 фактора как «перст указующий» и испросила на это дело благословения у Наты (Кн. Наталья Петровна Оболенская, ур. Штер, тетья Татьяны Александровны – А.К.). Надо сказать, что у нее имеется исключительно интересный документ – подлинная грамота гор.[ода] С.[ан] Франциско с благодарностью прадеду и его команде за спасение города во время пожара. (Корвет «Богатырь» стоял во время пожара на рейде в С.[ан] Франц.[иско])

Ната отдает мне этот докум.[ент] для опубликования (вернее для включения в мой очерк), а также ряд справок о П.А. Чебышеве...

31.01.1959 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

От Ляли (Ольги Николаевны Базилевской, ур. Запольской – А.К.) получила милое, но ничего толком не говорящее письмо, из которого я все же узрела, что она для нас в настоящее время «отрезанный ломоть» и находится в сфере физиологических чувств. В моем понимании новорожденный ребенок с его пеленками и кормящая мать с ее функциями, в непосредственном окружении кот.[орой] находится Ляля, - это сплошная и довольно противная физиология, от которой бы я старалась, по мере сил, удалиться. Но Ляля, кажется, уже находит в этом прелесть. О вкусах не спорят!

Я Вам писала о своих литературных планах насчет прадеда Чебышева – дорогая, заберите у Наты благодарственную бумагу, а пока сообщите мне дату написания бумаги и краткое содержание, чтобы я могла вставить эти сведения в в неб.[ольшой] очерк, который я составляю, пользуясь I главой мемуаров.

10.02.1959 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Вспомнила, что есть еще путь и очень эффективный (но раньше надо получить ответ от Шервинского), это Ираклий (Ираклий Андроников – А.К.). Он человек оборотистый и даст хороший coup de main! Пусть Ася (родная сестра Н.П. Потоцкой, вдова С.М. Михоэлса – А.К.) с ним, при случае, поговорит на такую тему: «У известного Вам А.А. Сиверса есть дочь. Вместе со своим старым знакомым Ник.[олаем] Ген.[надьевичем] Лермонтовым она как-то собиралась к Вам зайти, но Вас в то время не было в Москве. Теперь она из своих мемуаров, кот.[орые] еще не вошли в достояние истории и не могут быть опубликованы, она извлекла небольшой рассказ, который не только вошел в достояние истории, но и весьма «созвучен настроениям эпохи». Она хочет дать Вам его на прочтение с тем, чтобы Вы посоветовали куда «с ним сунуться». Нечто в этом роде. Думаю, что Ираклий не останется глухим к таким словам.

14.02.1959 г. Письмо С.Д. Шервинского к Т.А. Аксаковой.

Дорогая Татьяна Александровна.

Рад был получить весточку от Вас – и вообще, и в частности: очерк о героизме русских моряков, среди которых был и общий наш родственник, несомненно, представляет немалый интерес. Очень прошу Вас прислать мне эти, наверно отлично изложенные, страницы – я их незамедлительно прочту и подумаю, что с ними делать дальше, да и посоветуюсь с людьми, занимающимися историей нашего флота. [...]

Желаю Вам всего самого доброго.

Ваш С. Шервинский.

11.03 1959 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

От Шервинского пока ответа нет, зато Ната раскритиковала мои писания в пух и прах. [...]

Ната вероятно думала, что я просто перепишу послужной список Петра Аф.[анасьевича] [...] Но поскольку прадед не Крузенштерн, не Нахимов и не Лазарев,

его послужной список никому не интересен – его надо было преподать на фоне Аладдина и главная тема – это патриотические тенденции в семье, кои были в действительности и которые в наст.[оящее] время модны.

04.04.1959 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Как мне грустно, что мы потеряли Лялю. (надеюсь временно!)

То, что не смог сделать лагерь сделало такое маленькое существо... Удивительно, что она, когда Андрей (сын Ляли – А.К.) был маленьким, не уходила в него целиком и оставляла кое-что для других, а теперь такая гипертрофия чувств!

26.04 1959 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Мои изменения «опорно-двигательного» аппарата гораздо более стойкие и имеют 22-лет.[нюю] давность; грязи бессильны перед следствием «ежовых рукавиц»! Врач в Кисловодске 8 лет назад мне сказал: «Благодарите свой организм за то, что Вы вообще остались живы после того, что у Вас было, а теперь Вам нужен только «сходящий режим» – не лежать на жестком и не переутомляться хождением и особенно стоянием».

03.08. 1959 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Я Вам уже кажется, сознавалась, что я влюбилась в шведа Акселя Мунте, автора «книги Сан Микеле», мемуаров, охватывающих конец 19 и начало 20 века.[...] Говорят, что на западе он очень известен и в С.[ан] Микеле на Капри – музей его имени. Книга была переведена на все языки. У меня в руках немецкое издание...

23.10.1959 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Получила из Стокгольма юбилейное издание его книги с гравюрами (получила собственно не я, моя знакомая, но я имею широкое право пользоваться...).

30.12.1959 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Вообще прошу взять шефство над Акселем Мунте и мною.

Боюсь только, что он слишком тонок и идеалистичен для нас, хотя его идеализм очень своеобразен и не распространяется на потусторонние области, а ограничивается земным кругом.

22.03.1960 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

... получила «от ворот поворот» из издат.[ельства] Ин.[остранная] литература. Прошу Вашего совета, надо ли стучаться в двери Гослитиздата и вообще, что надо предпринимать и стоит ли вообще?

Я огорчена тем, что, по-видимому, все мои аннотации остались у них и надо с Гослитиздатом начинать все с начала. Хорошо то, что я ничуть не «размагнитилась» в отношении Мунте и продолжаю переводить в тех же темпах.

17.03.1960 г. Ответ Т.А. Аксаковой из Издательства иностранной литературы.

Министерство культуры СССР
Издательство иностранной литературы
« 115\8 от 17.03.1960г.

Г. Вятские Поляны, Кировской обл., Районная больница,
Тов. Аксаковой Т.А.

Уважаемая тов. Аксакова!

Наше издательство выпускает только новинки зарубежной литературы. Рекомендуемая же Вами к изданию книга Акселя Мунте «Повесть о Сан Микеле», как Вы сами указываете, была выпущена еще в 1929 году.

Издание произведений писателей прошлого входит в компетенцию Гослитиздата, куда мы и рекомендуем Вам обратиться. Его адрес: Москва, Ново-Басманная ул., 19.

Зам. Заведующего редакцией
Художественной литературы

Л.Колосс.

22.06.1960 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Дорогой друг Наташа!

Сейчас получила письмо от Финикова (ответственный работник издательства – А.К.), приглашающее меня приехать для подписания договора. Я ответила, что, так как июнь уже на исходе, и мне еще поручено составить полугодовой отчет по больнице, то я смогу приехать лишь в конце 1 декады июля (числа 10-го или немного раньше).

12.03.1960 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Получила весьма любезное письмо от юнги – очерк о Чебышеве уже «набран» и появится в одном из ближайших № «Совет.[ского] моряка». – но то же самое я слышала от «Огонька» без всяких результатов!

Лермонт.[ов] хлопочет о пенсии за дядю «Мишу», честно говоря, особых оснований нет, но он болен, не приспособл.[ен] к жизни и потом всегда без гроша. – Сначала, как он пишет, дело было безнадежно, но потом [...] вмешался Ираклий А.[ндроников] и дело почему то перешло к Шервинскому (как члену союза писателей). Лермонтов просил замолвить за него слово Шерв.[инскому], что я и сделала.

30.04.1960 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Зав.[едующий] издательством прав – несомненно, на San Michele лежит налет идеализма – это его главная прелесть – но такой легкий, что его можно и не заметить, кроме того всегда можно оговориться в моем предисловии, что автор еще не дорос до социалистического реализма, что его выводы не всегда правильны...

14.09.1960 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Дорогой друг, Наташа!

«Поистине пути Господни неисповедимы». Кто мог бы ожидать, что мои мемуары (2 и 3 части, у comprise «В испр.[авительных] лагерях» и «Ежовые рукавицы») найдут горячее одобрение Твардовского!

На днях я получила от него экземпляр его поэмы «За далью даль» в красивом переплете с собственнор.[учной] подписью кому и от кого. Книга была перевязана золотой ленточкой и закладка лежала на главе «Так это было».

Дочь его, заходила в Ист.[орический] музей и просила передать следующее: «Скажите Т.[атьяне] А.[лександровне], что мой отец прочел мемуары и очень они ему понравились, я даже не ожидала – он такой требовательный и придирчивый, очень их хвалил, хвалил и стихи. Посылает свою последнюю книгу». [...]

Вот видите, какие «лавры»!

Я не могла удержаться, чтобы Вам все это не описать – Вы знаете, какая я хвастунишка. Но, в конце концов этот порок «не столь большой руки» и может быть смешон, но не зловерден!

06.09.1960 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Написала в Госиздат, что собираюсь приехать в Москву в половине октября с готовой рукописью (раньше не успею). Много зависит от моей переписчицы – хотя она такая же энтузиастка Мунте, как и я. [...]

Хотела отправить письмо, но вдруг на меня нашло желание еще немного с Вами побеседовать. Андроников всетаки [так в тексте – А.К.] молодец и отрадное явление нашей действительности. Недавно он говорил о положительной роли коллекционеров и собирателей. И это было очень полезно для «вправления мозгов». Попутно вспоминают, что не так давно по радио передавали рассказ «Шпага Суворова», последняя была извлечена со дна какого то пруда около Ленинграда. Попутно восхваляли старого учителя, кот.[отрый] сумел ее сохранить, бросив в пруд. Невольно вспомнился знакомый отца, Молос, который будучи управ.[ляющим] делами Акад.[емии] наук при Ольденбурге, получил 10 лет Соловков за то, что сохранил серебряные реликвии Преображенск.[ого] полка в кладовых академии, а не сдал их государству «в лом». (не надо забыть внести этот факт в мемуары, к кот.[орым] я вновь приступлю, когда из моих мыслей уйдет Мунте).

Я не помню писала ли я Вам (Я писала об этом Ляле!), что Лермонт.[ов] получил пенсию в 700 р. в месяц за «дядю Мишу» при содействии Ираклия и родословн.[ых] записей моего отца. В общем это безобразие, и отец, конечно, был бы недоволен, что я дала его записи. Он не одобрял «доение» знаменитых родствен.[иков], особенно, когда находишься «с боку – припеку», как в данном случае Лермонтов. Ну да Бог с ними! На Конго идет больше денег, чем 700 руб. в месяц!

14.11.1960 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Относительно мемуаров даю Вам полную *carte-blanche*. Делайте с ними что хотите, они мне в наст.[оящее] время не нужны. Я буду очень рада, что они получат некоторую *publicite* среди моих друзей пока не дождутся того времени, когда значимость политическая отступит перед значимостью общечеловеческой. Меня страшно радует Ваша высокая оценка, но Вы дорогая явно пристрастны и мне до Мунте далеко как земле до неба.

Ценность моих записок неск.[олько] повышена тем, что они будут в своем роде уникальны или во всяком случае большой конкуренции не сотворят. Большинство людей умерло, а оставшиеся не помнят. [...]

И, кроме того, Ж.Ж. Руссо в своей «исповеди» говорил о себе вещи значительно худшие, чем я!

Вчера у нас был «аврал». Вся бухгалтерия вышла на оклейку моей квартиры обоями. Вышло хорошо, потом все были приглашены на обед и чай с тортом.

21.11.1960 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Письмо Тв.[ардовского] держите сколько хотите и читайте кому хотите; я только никак не могу согласиться с тем, что 2 и 3 части написаны с «наивностью». Ограниченность круга наблюдений я принимаю, но насчет «наивности» – это уж нет! [...]

Еще не переехала, но нахожусь на путях в новое помещение. Задерживает пол, кот.[орый] плохо сохнет.

11.01.1961 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Дорогая Наташа!

Вы иногда извиняетесь за свою почтовую бумагу, которая обычно бывает очень мила, но что же мне тогда сказать о своей?! Дело в том, что Поляны (в числе других недостатков) переживают «Бумажный голод», напр.[имер] тетради продаются только в школах. Но это, конечно, пустяки. Нас обещают сделать «городом областного подчинения» и тогда, надеюсь, станет немного лучше, хотя, повторяю, для меня это все особого значения не имеет. – Другое дело вопрос о Мунте! Переживу январь и спрошу, что они думают по этому поводу? [...]

Я продолжаю быть довольна своей квартирой, хотя она требует к себе большего внимания в смысле топки и уборки. [...]

Маргарита Алекс.[андровна] (мать М.И. Сабса – А.К.) получила посылку из Стокгольма и в свою очередь я получила на нов.[ый] год баночку кофе Нестле и кошелек для «тяжелого рубля».

21.01.1961 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Дорогой мой друг!

Вы, наверное, легко можете себе представить в какое радостное волнение и смятение чувств меня повергло сообщенное вами известие! И все – Вы!! Я испытываю желание запеть арию: «Наташа мне дана небесным Провиденьем!». Безусловно без Провидения здесь не обошлось! А что можно сказать про Галину Васильевну, которая взяла на себя труд искать моего пропавшего сына! Это действительно трогательно до слез! С нетерпением буду ждать обещанных подробностей. [...]

Я лично на 1960 г. жаловаться не могу – встречи с друзьями, работа над С.[ан] Микеле и переселение в новую квартиру!

Сегодня проводила своего шефа в Киров с отчетами (к счастью поехал без меня) и некоторое время буду «бить баклуши».

Завтра придет ко мне Марг.[арита] Ал.[ександровна], которая тоже покончила с отчетами. – На днях наладила антенну к своему приемнику, кот.[орый] бездействовал со времени переезда, и теперь буду в курсе мировых дел. Вчера привезли мне 4 кубом.[етра] дров, сложили в сарайчик и я теперь до лета обеспечена. – Видите какие у меня «мелкобуржуазные» радости! [...]

Ваши поощрения имеют очень большую для меня силу и понуждают меня сесть за IV книгу. Весть о том, что Дима существует на белом свете, тоже является некоторым стимулятором в этом направлении! На днях напишу запрос в издательство о Сан Микеле. От этого зависит мой приезд в Москву, куда меня ужасно тянет!

Мне от него (от Димы – А.К.) ничего не нужно, а если становиться на такую, чисто современную точку зрения, то скорее он может получить что – то от меня (понятно не в материальном, а в моральном отношении, чем я от него). Все это пустые и, может быть, ни на чем не основанные размышления, но я, откровенно говоря, боюсь новых травм и разочарований и уже не жду «нечаянных радостей».

Письмо уже было заклеено, когда я, решив освидетельствовать свой ящик для писем и газет, нашла там весьма любезное письмо Финикова (ответственный работник издательства – А.К.), в кот. он пишет, что переписка на машинке подходит к концу и скоро вся рукопись будет у него в руках. Далее он пишет: «Могу сообщить Вам приятную новость: книгу (Легенда о Сан Микеле – А.К.) включили в план выпуска 1962 г.»

11.05.1961 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

... история – весьма неточная наука – репутация человека в веках зависит от случайностей: как выскажутся современники, и что из этих высказываний сохранится. Основание довольно шаткое! Переводя все это в личный план, я испытываю некоторый страх. Одно читать свои воспоминания в кругу близких друзей, другое – передать написанное в Лен. Библиотеку и этим отдать всех действующих лиц на суд потомства в моем освещении. Достаточно ли объективны мои суждения?

21.12.1962 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Дорогая моя Наташа!

Картинка на этой бумаге прекрасно иллюстрирует мое настроение, т.к. вчера утром была застрелена моя милая Душка. – 20 лет больница не видела моих слез, но вчера она их увидела. Дело в том, что в Полянах решили провести «мероприятие» по борьбе с бешенством, которого у нас и в помине не было, и по городу ходили палачи с винтовками и стреляли собак, оставляя на снегу лужи крови. На днях на больничном дворе было убито пять собак, но Душка в их число не попала. Я за нее не особенно беспокоилась, так как она была зарегистрирована в горсовете, и на ней был прекрасный, подаренный Лизой Шереметевой ошейник с висящей на нем регистрационной бляшкой.

Вчера она, как всегда, ночевала дома на коврике у моей кровати, а в 8,5 час. мы вышли из дома. Я пошла в кабинет гл. врача, а она резвилась в сугробах снега вокруг домика скорой помощи (она была очень весела и свободолюбива). Через 15-20 минут прибежали из скорой помощи с криком: «Татьяна Александровна, Душка умирает!». Когда я прибежала все было кончено. Она, видимо, получила выстрел в упор в голову, потому что из носа текла струйка крови. «Стрелок» скрылся, так как, по видимому, обнаружил регистрационную бляшку и побоялся ответа. Он даже не захватил ее трупа,

за которые они отчитываются и получают по 60 коп. Я подала жалобу в милицию, но это – пустое дело и Душку не воскресить. Вчера целый день ходила по городу и смотрела глупейшее кино, чтобы не идти домой, где все ее напоминает. Теперь никогда не заведу собак, поскольку мне на роду написано не иметь «домашних радостей» даже в окружении собак!

Утешаюсь, что она не мучилась и смерть наступила быстро. Она была очень нежна, так как я ее ни разу не ударила и прожила полуторалетную жизнь.

Может быть это пройдет, но сейчас я чувствую отвращение к Вятским Полянам. Вспоминаю Тургеневского Герасима после гибели «Муму», он не смог оставаться на месте и ушел куда-то в неизвестность.

Т.К. я фаталист, то я думаю, что это какой-то психологический сдвиг, отрывающий меня от Полян.

29.05.1963 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Москва [...] я к ней привыкла и проезжаю мимо Удельного дома на Печистенском бульваре совершенно спокойно. Кстати, на заделанном окне моей бывшей классной, а потом гостиной, водружена мемориальная доска с барельефом Тургенева (что очень приятно). Иван Сергеевич постоянно останавливался в этом доме у своего приятеля Маслова, бывшего, как и Николай Борисович Шереметев, начальником Московского Удельного округа.

31.08.1963 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Брасова (Н.С. Брасова – жена Вел. князя Михаила Александровича – А.К.) не была еврейкой. Отец ее [...] Шереметьевский, повидимому происходил от бывших крепостных Шереметевых, про которых говорили: «Чьи они? Они – Шереметьевские». Мать ее чистокровная полька. Первый муж был Мамонтов, а 2-ой Вульфферт, синий кирасир, тоже к еврейству отношения не имел. Это был довольно образованный позер, разбирающийся в искусстве, но, по-видимому, не очень щепетильный в моральных вопросах, т. к. за развод он взял с Михаила Александровича 200 тысяч рублей. (Мой отец, который ведал «опекой» над имуществом Великого князя во время его «опалы», заплатил Вульфферту эту сумму из средств последнего по его распоряжению).

03.02.1964 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

... у меня живет Миша и с утра до вечера толпятся его товарищи, которые, видимо, тоже предпочитают (Как это ни странно!) сидеть у меня, чем «предаваться любовным похождениям».

12.02.1964 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Вчера проводила подопечного студента в Ижевск. У меня стало просторно, спокойно, но пусто после этого нашествия «иноплеменников» (имея ввиду, также и товарищей, которые были очень милы и всегда голодны!). При содействии Мунте, выдержки из книги которого я им читала, я в течение двух недель с честью выполняла свою роль «культуртренера».

19.02.1964 г. Вятские Поляны. Н.П. Потоцкой.

Вчера получила два письма Твое и от Трубецких и оба взбудоражили мою душу [...] письмо Трубецких приложением неопубликованных стихов Анны Ахматовой, относящихся к периоду 1935–1940 гг.

Стихи Ахматовой я перепечатаю и тебе пришлю. Они потрясающи. Ахматова описывает главным образом «очереди перед тюрьмой на Шпалерной». Это все описано и мною, но в другом плане. У нее несравненно сильнее и, как всегда, с оттенком мистики. У меня до известной степени «приглажено», буднично, у нее надрывно и предельно трагически.

12.12.1968 г. 197049 Ленинград. Ул. Л. Чайкиной д. 9 кв. 6. Н.П. Потоцкой.

...возобновила хлопотать о телефоне, кот.[орый] мне очень желателен. На «Анну Каренину», как и ты, боюсь идти, т.к. не люблю Самойлову. Зато смотрела итальянский фильм «Обнаженная Маха», – это о Гойя. Фильм красочный, красивый, но далекий от историч.[еской] достоверности. Прелестна итальянск.[ая] актриса, играющ.[ая] главную роль.

По Фейхтвангеру Гойя был достаточно отвратителен, а тут герой-идеалист, хотя немного сумасшедший.

01.08.1971 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Дорогой друг Наташа!

Зная, как ты близко принимаешь к сердцу мои радости и известия, прикладываю тебе для прочтения письмо, полученное от Серг.[ея] Дм.[итриевича] Шипова, сына известного дельца, Дмитрия Никол.[аевича] – дяди Ник.[олая] Бор.[исовича] Шереметева. Серг.[ей] Дм.[итриевич], которому значительно больше 80-ти лет, сдает Шиповский архив в рукописный отдел Лен.[инской] библиотеки и завел там разговор о записках Ровинского и моих. Все остальное ты поймешь из письма, которое мне было весьма приятно.

08.09.1971 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Очень рада, что оказалась права в вопросе генеалогии мужа Ады Аксаковой, и что он оказался, как я и говорила, братом того Коли Львова, который написал мне на нашей группе – «На память о хорошем прошлом – будущее не в нашем ведении» – это было в 1912 году, а осенью 1914 он был убит в Преображенском полку.

29.07.1972 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Дорогая моя! Надеюсь, что калужский проект Ваш осуществится, – у меня все время этот чудесный город перед глазами ...

Скажи Юле Аксаковой, что я не была у нее только потому, что очень спешила...

26.08.1972 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Дорогой мой друг Наташа!

Я одобряю ваше намерение посетить Калугу (хотя Рига была бы более эффективна). Жалею, что мы не можем быть на берегах Оки вместе – там остались ключья

моей души, и моя кратковременная поездка туда – наиболее яркое впечатление этого года.

29.08.1974 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Сама я здорова, но немного устала, т.к. из Ижевска приехал мой воспитанник Миша, просивший моего совета о дальнейшем устройстве своей жизни. Он блестяще защитил канд.[идатскую] диссертацию, оставлен на кафедре в Ижевске с зарплатой в 300 р. и возможностью работать дальше по научн.[ой] части. А капризная жена требует переселения ближе к культуре, на лечебную работу в окрестностях Ленинграда. Ему предложили место зав.[едующего] отделением в Гатчине (с квартирой при больнице), но у него хватило разума не поддаться женским капризам, не ставить крест на своей научной работе и по моему совету, он вернулся в Ижевск. – Не знаю, что будет дальше.

08.03.1975 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Самое удивительное – это то, что я «вхожу в моду» у молодежи, которая слушает меня разиня рот и окружает вниманием.

10.01.1976 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Прошу передать мою большую благодарность Сократу Александровичу за присылку портрета моего отца, в «лучах славы» которого я купаюсь! Публикация его изображения это, несомненно, дело рук М.Ю. Барановской, его «поклонницы», статья которой следует за портретом.

У меня есть эта фотография. – Нас с ним сняли в Историческом музее во время одного из моих «нелегальных» приездов из Полян. Меня отрезали, а его опубликовали, чему я конечно очень рада. Лучше поздно, чем никогда!

16.07.1976 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Дорогая моя!

Хочу опровергнуть твое мнение, что я «не люблю» Юлю Аксакову. – Это не так, и я вполне согласна, что роль тети Оли Акс.[аковой] была «неpaste», хотя Борис и я «ходили в любимчиках»! К Юле я давно собираюсь обязательно зайти, но пока я до Калуги еще не добралась.

16.10.1976 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

В «обывательском» отношении у меня все обстоит благополучно, в «каморке на Гулярной» тепло, тихо, приходят люди, окружающие меня вниманием и это облегчает мне «делать любезную улыбку жизни».

08.11.1977 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Дорогая моя Наташенька!

Мой домашний образ жизни скрашивается чтением интересных книг. И недавно я, волею судеб, была отброшена (мысленно) к годам моей юности. Получив на прочтение книгу Бор.[иса] Зайцева «Далекое», содержащую рассказы о разных выдающихся лицах, я нашла там очерк о покойном П.П. Мурашове. Тут мне вспомнилось, что, когда я, в 1913 г., готовилась к своей третьей поездке по Италии, мой отец, в качестве

руководства, дал мне с собой только что вышедшую и нагретую книгу Мурашова «Образы Италии». Эта книга сопровождала меня в моих хождениях по Венеции, Флоренции и Сьенне. Вспомнив все это, я решила попытаться достать «Образы Италии» из эрмитажской библиотеки. – Мне это удалось и теперь я, вместе с автором, возобновляю свои экскурсии по Итал.[ьянским] городам, сидя в «каморке на Гулярной».

21.07.1978 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Дорогая, дорогая моя Наташа!

Ты конечно, поняла, что я не получила твоего письма с извещением о кончине Сократа Александровича (Сократ Александрович Клепиков – муж Натальи Павловны Потоцкой – А.К.) и лишь сегодня узнала об этом печальном событии из твоего короткого послания от 19/VII. – Потрясена и опечалена, – так, один за другим, уходят представители старой русской интеллигенции! Вспомнила сегодня тот случай, когда мы с тобой завели разговор о родословных дворян Козельск.[ого] уезда и, вдруг, из-за перегородки раздался голос Сократа Александровича: «Вот я слушаю ваши разговоры «из пустого в порожнее» и вспоминаю Ал.[ександра] Ал.[ександровича] Сиверса: он мало говорил на эти темы и много делал на поприще русской генеалогии – берите с него пример!» – как это было умно сказано!

Здесь сейчас Кир.[илл] Ник.[олаевич] Голицын. Он обещал еще раз ко мне зайти, и я сообщу ему печальную весть о Сократе Алекс.[андровиче]. – Вот уже третьего человека нет с нами из тех, кто был на «банкете» по поводу выхода в свет книги Мунте: Фортинского, Ф.А. Петровского и теперь Сократа Александровича!

01.1979 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Когда будешь писать Люле Рождественской, передай ей мои приветствия и мою надежду на то, что я «окрепну», доеду до милой моему сердцу Калуги и ее увижу.

09.03.1979 г. Ленинград. Н.П. Потоцкой.

Дорогая моя Наташа!

Так как в моей жизни не происходит ничего экстраординарного, я ограничиваюсь открыткой [...]. Завидую тебе [...] и жду на берегах Невы. Сама же я вряд ли осилю традиционную весеннюю поездку в Москву. -

Мои мемуары завершены...

Аксаковы: Ксения Сергеевна, Нина Сергеевна, Вера Сергеевна

Из дочерей Сергея Николаевича Аксакова две – Ксения и Вера трудились в сфере народного образования.

Ксения, родившаяся 14 июня 1888 года,²²⁸ упоминалась в «Памятных книжках Калужской губернии» за 1909 и 1910 годы²²⁹ как учительница Женской прогимназии в городе Козельске.

Вера Сергеевна, родившаяся в 1892 году,²³⁰ отмечена в том же издании как учительница Приходского училища там же.²³¹

Нина Сергеевна родилась 2 апреля 1890 года.²³²

Была у Сергея Николаевича еще одна дочь Валентина, умершая в младенчестве. Она похоронена в селе Верхние Прыски Калужской губернии. Ее могилу обнаружила Татьяна Александровна Аксакова зимой 1918–1919 годов, когда заведовала в селе молочной фермой. Она вспоминала: «Помню, как однажды в зимние сумерки мы с Димой [сыном Татьяны Александровны и Бориса Сергеевича Аксаковых – А.К.] отправились на прогулку, и зашли в церковную ограду. К моему большому удивлению, я увидела памятник с надписью «Младенец Валентина Сергеевна Аксакова». Тут я вспомнила, что родители Бориса когда-то жили в Верхних Прысках (имение Россет) – по-видимому, тут была похоронена умершая маленькой сестра Бориса, и от вида этой запущенной снегом и всеми забытой могилки в моей душе прошла какая-то теплая волна».²³³

Старшая из сестер Ксения Сергеевна Аксакова после 1917 года переехала из Калуги в Москву, где жила по адресу: Покровское Стрешнево, ул. Центральная, д. 34-а, кв. 1. Она была замужем за Отто Вильгельмовичем Грамсом, 1884 года рождения, бывшим царским офицером. Подполковник О.В. Грамс, немец по происхождению, из мещан, уроженец польского города Лодзи, где проживал с отцом и сестрой Зельмой в собственном доме отца. По окончании Одесского военного училища был «произведен в поручики и направлен в 1904 г. в 10-й пехотный Новоингерманландский полк, стоявший в Манчжурии. С ним участвовал до конца Русско-Японской кампании и вернулся в Калугу в 1906 г.».²³⁴

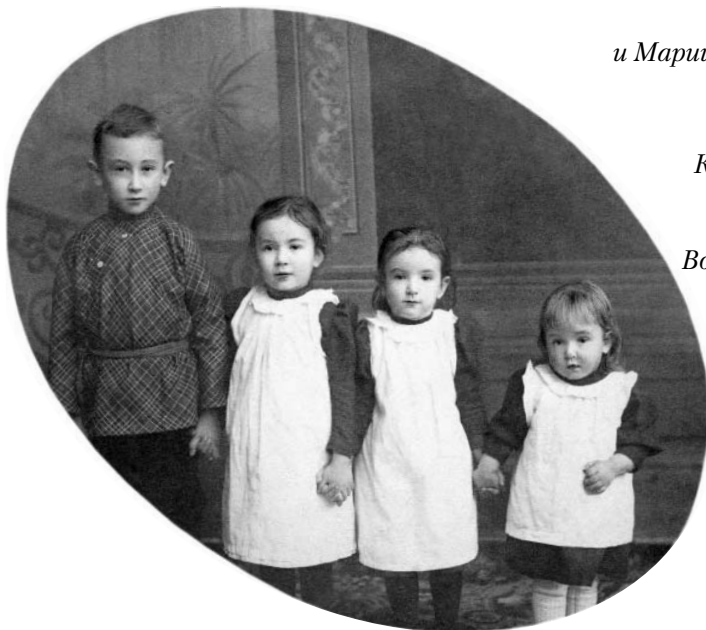
Начало первой мировой войны в 1914 году О.В. Грамс встретил в составе этого же полка, будучи командиром пулеметной команды. Участвовал в боевых действиях под Иван-городом, в Карпатах, «в основном против австрийцев». Затем был переведен с двумя ротами в формирующийся 198-й инженерный полк (впоследствии переименованный в 1-й Черноморский), командиром которого и был назначен после Февральской революции. С расформированием полка в мае 1918 года занимал ряд должностей по линии военных комиссариатов и военных училищ. В 1922 году был демобилизован из Артиллерийского Технического Училища по болезни.

Впоследствии находился на административно-хозяйственных должностях, в том числе полученных по протекции Николая Ивановича Смирнова – мужа Нины Сергеевны Аксаковой. О.В. Грамс и Н.И. Смирнов были женаты на родных сестрах. Последним местом работы О.В. Грамса, с 1933 г. по 1937 г. было НИИ № 9 НКОП (Народного Комиссариата Оборонной промышленности). Отто Вильгельмович Грамс исполнял должность заведующего жилым городком НИИ № 9 НКОП, проживал в деревне Островки Всевожского района Ленинградской области.

О.В. Грамс был арестован 27 июля 1937 года УНКВД СССР по Ленинградской области по обвинению в преступлениях, предусмотренных пунктом 6 статьи 58 УК РСФСР.

На вопрос следователя – «По чьей рекомендации поступили в НИИ № 9», О.В. Грамс ответил – «По рекомендации директора НИИ № 9 Николая Смирнова, который меня знал в бытность работы в «Рабочей газете», где он был редактором ее».

Под давлением следствия признался в шпионаже в пользу Польши. Показал, что секретную информацию о характере проводимых институтом научно-исследовательских

*Дети Сергея Николаевича
и Марии Ипполитовны Аксаковых.*

*Слева направо:
Борис (7 лет 3 мес. 20 дн.),
Ксения (5 лет 6 мес. 25 дн.),
Нина (3 года 9 мес. 2 дн.),
Вера (2 года 3 мес. 23 дн.).
Возраст указан на обратной
стороне фотографии.*

*Калуга. 1894 год.
В 1899 году в семье
родится еще один
мальчик Сережа.*

*Личное собрание
А.В. Антошко. Москва.
Россия.*

работ получал из разговоров с директором НИИ № 9 НК ОП Николаем Ивановичем Смирновым. Сведения передавал завербованному его Антиперовичу Петру Гордеевичу за денежное вознаграждение (всего получено было 700 рублей «в два захода»).

По постановлению Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 2 декабря 1937 года Отто Вильгельмович Грамс был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 10 декабря 1937 года в г. Ленинграде.²³⁵

Как указывалось ранее, способы изготовления и тиражирования фальсифицированных дел из-за крайне низкого уровня образования сотрудников госбезопасности того периода времени не изобиловали разнообразием. Дело О.В. Грамса было сфабриковано органами госбезопасности с целью получения компрометирующих материалов на его высокопоставленного родственника, бывшего заместителя Наркома связи, директора НИИ № 9 НК ОП Николая Ивановича Смирнова. А через него и на более высокое политическое руководство, которое оказывало Н.И. Смирнову свое покровительство (в частности – на В.М. Молотова, который в то время курировал оборонную промышленность как Председатель Комитета Обороны и был близко знаком со Смирновым).

По заключению Военной прокуратуры Ленинградского военного округа от 10 августа 1989 года Отто Вильгельмович Грамс был реабилитирован.²³⁶

В анкете арестованного от 27 июля 1937 года были указан состав семьи О.В. Грамса: жена Ксения Сергеевна (ур. Аксакова), 48 лет; дочь Нина, 21 год; сын Сергей – 16 лет; сестра Зельма – 40 лет. Со слов родственников Сергей погиб на фронте во время

*Ксения Сергеевна Аксакова
(в замужестве Грамс).*

Второй мировой войны ок. 1942 года. Нина, физик-ядерщик, умерла после радиоактивного облучения ок. 1947 года.

Ксения Сергеевна длительное время проживала с сестрой Ниной в ее квартире в Большом Гнездиновском переулке д.10 кв. 923 с подселением жильца, а после смерти Нины была помещена в дом престарелых, где скончалась около 1970 года. Ксения Сергеевна и ее дочь похоронены вместе в Москве на кладбище Донского монастыря.

Средняя сестра Нина Сергеевна Аксакова еще до 1917 года вышла замуж за будущего партийного работника Николая Ивановича Смирнова, большевика с дореволюционным стажем, соратника В.М. Молотова, в 1919 году – главного редактора газеты «Беднота». Татьяна Александровна Аксакова так описывала историю их знакомства: «Николай Иванович Смирнов, которого я видела раза два в Калуге во время войны, носил тужурку какого-то технического вуза и, как я слышала, был связан с подпольными революционными организациями, за что посидел в Шлиссельбургской крепости. Это был коренастый человек небольшого роста с резкими волевыми чертами лица. Своих «левых» мыслей он не скрывал, заводил подчас споры на политические темы с Сергеем Николаевичем Аксаковым [отцом Нины Сергеевны – А.К.] и, слушая бетховенские сонаты в исполнении Нины Сергеевны, постепенно подчинил эту замкнутую молчаливую девушку своему влиянию».²³⁷

Николай Иванович Смирнов, русский, родился 9 мая 1893 года в селе Нарафоминское Московской области, из крестьян (из мелкобуржуазной среды), по специальности

*Сестры Аксаковы:
Ксения (слева) и Нина.
Личное собрание А.В. Антошко.
Москва. Россия.*

совпартработник, в ВКП (б) с 1912 года, партбилет № 0599384, в 1914 году судим за революционную деятельность, член профсоюза слаботочной промышленности с 1917 года.

Жила семья Смирновых в Москве в знаменитом доме архитектора Нирензее, где селились партийные функционеры, в Большом Гнездиновском переулке, д.10, кв. 923. Нина Сергеевна полностью адаптировалась к окружающей обстановке и даже вступила в ВКП (б), что вызвало осуждение родственников. Ее родной брат Сергей Сергеевич Аксаков выражал недоумение тем, как можно «примириться» с Советской властью.²³⁸

В 1919 году Татьяна Александровна Аксакова побывала у Нины Сергеевны, поскольку та потребовала срочно забрать некоторые предметы, в том числе – офицерские вещи брата Бориса и его друга, князя Владимира Алексеевича Вяземского, хранить которые было небезопасно. Она отметила, что партийные работники «в ту пору не пользовались никакими преимуществами в быту» и Смирновы сожгли всю мебель, отапливая квартиру, а «единственным украшением жилища составляла [так в тексте – А.К.] висевшая на стене гипсовая маска Бетховена».²³⁹

Работала Нина Сергеевна Смирнова заместителем заведующей сектором по кадрам в Госплане РСФСР.

За плечами Н.И. Смирнова уже был опыт руководящей работы. С 1922 г. по 1927 г. он работал ответственным редактором «Рабочей газеты», с осени 1928 г. по ноябрь 1931 г. являлся Членом Коллегии Наркомата связи, а с осени 1930 г. заместителем Наркома связи.

*На отдыхе в Сочи.
Фото ок. 1925 г.*

*Личное собрание
А.В. Антошко. Москва.
Россия.*

Несмотря на дореволюционный стаж, партийная жизнь Н.И. Смирнова складывалась неровно. Несколько раз он подвергался критике вплоть до исключения из партии за грубость с подчиненными, политическую близорукость, перегибы и троцкизм.

В 1927 году постановлением секретариата ЦК ВКП (б) был снят с должности ответственного редактора «Рабочей газеты» с выговором за отказ опубликовать извинения «перед поэтом Демьяном Бедным за неправильную статью о нем».

В 1929 году в рамках кампании «по чистке рядов ВКП (б) Наркомпочтеля» [так в протоколе допроса от 28 октября 1938 года – А.К.] ему был объявлен «строгий выговор с предупреждением за неуплату членских взносов в течение десяти месяцев и отдельные случаи грубого обращения с сотрудниками Наркомпочтеля».

В ноябре 1931 года по настоянию Наркома связи Рыкова Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) Н.И. Смирнов был снят с должности заместителя Наркома связи, а решением бюро коллектива Радиоцентра был исключен из рядов ВКП (б) с формулировкой «за извращения в практике радиовещания, зажим самокритики и игнорирование парторганизации». Однако райком ВКП (б) Краснопресненского района г. Москвы это решение не утвердил и Н.И. Смирнов «был оставлен в рядах ВКП (б) без каких либо партийных взысканий».²⁴⁰

С 1932 года работал в Наркомтруде в должности начальника управления научно-исследовательских учреждений и был Членом Коллегии НКТ СССР. После ликвидации НКТ СССР летом 1933 года Н.И. Смирнов «был направлен Полит-Бюро

Нина Сергеевна Аксакова.

Фото ок. 1912 года.

*Личное собрание А.В. Антошко.
Москва. Россия.*

ЦК ВКП(б) на работу по организации Гос. Дет. Издательства», где проработал недолго, около четырех месяцев.

«С осени 1934 г. выполнял отдельные поручения Председателя Совнаркома СССР – Молотова», состоял на учете в резерве ЦК ВКП (б).

Видимо, пользуясь высоким покровительством, ему удавалось снимать с себя предъявленные обвинения. Например, позднее, уже после его ареста в 1937 году, наличие обнаруженных при обыске многочисленных трудов Троцкого – 27 книг, Зиновьева – 25 книг, Каменева – 16 книг, Бухарина – 35 книг и трудов их соратников он объяснил необходимостью знания идеологии троцкизма и правого уклона для борьбы с ними. Это, с его слов, было необходимо при работе на ответственном посту в средствах печати и радиовещания. И такое объяснение вполне удовлетворило следствие.

7 июля 1935 года Николай Иванович Смирнов был назначен на должность директора Ленинградского Научно-исследовательского института № 9 Народного Комиссариата Оборонной промышленности, который курировал Председатель Комитета Обороны В.М. Молотов.

НИИ № 9 НКОП было образовано на базе ЛЭФИ. Заместителем Н.И. Смирнова по научно-технической части был М.А. Бонч-Бруевич.²⁴¹

Лишь 31 августа 1937 года в Ленинграде Николай Иванович Смирнов был исключен из рядов ВКП (б) за притупление большевистской бдительности, за тесную связь с врагом народа О.В. Грамсом, за отрыв от партии и как не внушающий политического доверия.

6 ноября 1937 года он был арестован органами НКВД дома в Москве и 25 ноября 1937 года этапирован в Ленинград. К делу была приобщена выписка из протокола № 12 заседания Бюро ВКП (б) Выборгского района г. Ленинграда от 31 августа 1937 года об его исключении из партии.

Во время следствия Н.И. Смирнов занял жесткую бескомпромиссную позицию по отношению к обвинению, все отрицал, не допуская даже намеков на свою виновность. А по некоторым фактам сам инициативно давал сведения обличительного характера. В отношении Отто Вильгельмовича Грамса он заявил: «Я Грамса знал в течение 20 лет за честного человека [...] Когда меня ознакомили с выдержками из показаний Грамса и показаниями человека его завербовавшего, у меня создалось мнение, что протокол создан искусственно и, по видимому, под давлением на Грамса. [...] Грамс дал показания, что он является шпионом, после того, как у него, по выражению Белицкого, «борода выросла до пупа».²⁴²

Белицкий работал помощником Н.И. Смирнова по кадрам, ранее был сотрудником УНКВД и, по мнению Н.И. Смирнова, обманным путем внедрен в НИИ № 9 НКОП органами госбезопасности с целью его смещения.

Во время ареста у Н.И. Смирнова дома были изъяты:

Паспорт ЛЮ № 740628, удостоверение на право ношения оружия № 3096, пропуск в НКВД и т.п. Обыск в 316 номере гостиницы «Октябрьская» в Ленинграде, который занимал Н.И. Смирнов, дополнил материалы дела лишь списком поношенных вещей (рваные носки, нательное белье не первой свежести) и предметов личного пользования.

В контексте тех лет все шло к тому, что двухлетнее следствие с ноября 1937 года по ноябрь 1939 года должно было завершиться самым суровым приговором. Свидетели, давшие обличительные показания на Н.И. Смирнова о его шпионской деятельности (Вакуров, Лунев, Грамс), в соответствии с распространенной практикой тех лет были расстреляны и не могли опровергнуть выбитые из них сведения.

Однако, вместо этого, 17 января 1940 года из Управления НКВД по Ленинградской области в адрес секретаря горкома ВКП (б) т. А.А. Кузнецова была направлена «особая папка» за № 490585 под грифом «совершенно секретно».

Содержимое «особой папки» составляли материалы дела Н.И. Смирнова. Констатирующая часть заканчивается неожиданным выводом:

«При наличии вышеуказанных материалов дело по обвинению Смирнова в судебную инстанцию направлено быть не может.

Смирнов нами намечается к освобождению из-под стражи, если не будет с Вашей стороны возражений.

Зам. Начальника управления НКВД ЛО – Лагунов.
Зам. Нач. следств. части УНКВД ЛО – Ковальчук».

На возвращенных материалах «особой папки» резолюции А.А. Кузнецова обнаружить не удалось, тем не менее, Постановлением, утвержденным майором Госбезопасности Лагуновым от 26 февраля 1940 года, следственное дело № 38861 по обвинению Николая Ивановича Смирнова было прекращено и сдано в архив. Судя по расписке

*Нина Сергеевна Смирнова
(ур. Аксакова).*

*Личное собрание А.В. Антошко.
Москва. Россия.*

в получении личных вещей от 27 февраля 1940 года, Н.И. Смирнов в этот же день был освобожден из-под стражи. Больше о нем никто ничего не слышал.

В среде Аксаковых, родственников его жены Нины Сергеевны, информация о Н.И. Смирнове замалчивалась и не обсуждалась. Высказывались предположения, что он сразу уехал за границу, но документальными подтверждениями этого факта и сведениями о его дальнейшей судьбе мы не располагаем.

Детей у Нины Сергеевны и Николая Ивановича не было.

Нина Сергеевна Аксакова умерла в 1962 году, прямо на партийном собрании, похоронена в Москве на кладбище Донского монастыря.

Младшая из сестер Вера Сергеевна Аксакова также жила в Москве, она вышла замуж за инженера Виктора Сергеевича Лебедева, который работал в строительной отрасли.²⁴³ Сама Вера Сергеевна работала машинисткой в Жиртресте.

Три сестры поддерживали связь друг с другом, навещали в Москве брата Бориса, принимали участие в судьбе младшей двоюродной сестры Юлии Владимировны Аксаковой, оставшейся сиротой и проживавшей в Калуге. Общались с Натальей Павловной Потоцкой, чей дед Василий Владимирович Воейков, был родным братом Юлии Владимировны Аксаковой (ур. Воейковой) – бабушки Ксении, Нины, Веры и их многочисленных сестер и братьев.

С двоюродным братом, Михаилом Георгиевичем Аксаковым, виделась только Нина, да и то только один раз в 1933 году, за 4 года до его ареста и расстрела.

До революции сестры участвовали в светских мероприятиях, были на смотринах в имении Чебышевых «Аладино» и на свадьбе Бориса Сергеевича и Татьяны Александровны. Вместе проводили время с сестрами Катей и Лялей Запольскими, братом Татьяны Александровны, Шуриком Сиверсом, расстрелянным в лагере на Соловках в октябре 1929 года. Однако все это было давно и утрачено безвозвратно.

Прах Веры Сергеевны Аксаковой хранится в колумбарии Донского монастыря в Москве недалеко от могил ее родных сестер Ксении и Нины.

Сергей Сергеевич Аксаков

Младший сын Сергея Николаевича, названный в честь отца Сергеем, родился 20 апреля 1899 года²⁴⁴ в селе Верхние Прыски Козельского уезда Калужской губернии. Его судьба описана в Главе III, «Аксаковы в эмиграции».

Юлия Владимировна Аксакова

Единственная дочь Владимира Николаевича Аксакова (от второго брака с Еленой Николаевной Савицкой) Юлия родилась 20 октября 1903 года²⁴⁵ в Калуге, крещена 1 ноября в Покровской «на рву» церкви. Ее восприемниками стали: дед по матери, отставной генерал-майор Николай Владимирович Савицкий и тетка по отцу Ольга Николаевна Аксакова.²⁴⁶ Дочь была названа в честь бабушки – Юлии Владимировны Аксаковой (ур. Воейковой).

На момент смерти отца в 1916 году Юлия «воспитывалась» в Институте московского дворянства для девиц благородного звания.²⁴⁷ Когда в 1917 году ее мать покончила с собой, младший брат Василий учился в кадетском корпусе в Орле. Старшие братья Виктор и Николай (от первого брака отца) были офицерами и находились в своих воинских частях. С началом гражданской войны все оставшиеся мужчины из рода калужских Аксаковых пополнили ряды Белых армий. Забота о Юлии легла на плечи женщин, в частности ее двоюродных сестер – Ксению, Нину и Веру, которым помогали родственники, в частности Потоцкие, проживавшие в то время на Страстном бульваре в Москве.

Юлия была очень одаренным ребенком, училась в музыкальной школе и великолепно играла на фортепиано. С ней музицировала Нина Аксакова, которая из ее поколения лучше всех владела инструментом и сама давала частные уроки.²⁴⁸

В 2007 году одна из дочерей Юлии Владимировны Аксаковой (в замужестве Рождественской) вскользь упомянула о том, что у мамы хранилось фото великого русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова с дарственной надписью, подаренное им лично. Откуда и когда появилось это фото, точно никто не помнил. Зная, что Аксаковы состояли в близком родстве не только с Воейковыми, но и с Потоцкими, мы обратились в Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки.

Ситуацию прояснили трогательные детские воспоминания Натальи Павловны Потоцкой (Н.П. Потоцкая и Ю.В. Аксакова были кузинами), которые были обнаружены нами вместе с многочисленной перепиской.²⁴⁹

*Аксаковы: Юлия (Люля) – 12 лет
со своей двоюродной сестрой Ниной
(справа) – 26 лет.*

Фото 1915 года.

*Личное собрание А.В. Антошко.
Москва. Россия.*

«Наша квартира, в которой было семь высоких комнат, была точным повторением находящейся над нами квартиры С.В. Рахманинова (квартира № 8).

Из окон обеих квартир видны были: Страстной бульвар с круглой тумбой для афиш, узкая большая Дмитровка (теперь улица Пушкина) и Нарышкинский сквер. Вид из окон, выходящих на сквер, был чудесный. Только одна комната выходила окнами во двор: у нас это была гостиная, а наверху кабинет и рабочая комната Сергея Васильевича. В этой комнате раздавались чудесные звуки рояля...

Музыку Сергея Васильевича подарила нам судьба.

В 1914 году моя кузина Люля Аксакова (Юлия Владимировна Аксакова) поступила в Московский дворянский институт. Среди родных моей матери было много музыкально одаренных людей, но музыка эта была домашняя и не выходила за стены гостиных и помещичьих гнезд.

Люля Аксакова попала в институт, когда там часто бывал Сергей Васильевич. Это был совсем молодой институт, основанный московским либеральным дворянством, параллельно с седьмой мужской гимназией. Во главе стояла друг и поклонница Сергея Васильевича, прежняя начальница Елизаветинского института – Ольга Анатольевна Талызина, в институте часто устраивались концерты с участием Рахманинова, Гольденвейзера, Метнера; институток возили на экскурсии в Абрамцево, Останкино и т.п., а главное, что отличало Дворянский институт с его либеральным направлением от Смольного и Екатерининского, это то, что детей отпускали на воскресенье домой. Ближайшими родственниками Юли Аксаковой в Москве были мы, и в субботу за ней ездили моя тетка А.В. Воейкова или мой брат – гимназист 7-й гимназии (Алексей Павлович – А.К.).

Слева направо: Наташа, Ася и Алеша Потоцкие.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

В этом возрасте дети и их кузина Люля (Юлия Владимировна Аксакова) вечерами, сидя на лестничной клетке у двери, слушали игру композитора С.В. Рахманинова, семья которого проживала в квартире над Потоцкими, Страстной бульвар, дом 5. По просьбе мамы, Варвары Васильевны Потоцкой, Сергей Васильевич послушал игру Юлии и предсказал ей большое будущее, но этому не суждено было сбыться.

На исключительную одаренность и музыкальный слух Юли или Люли, как мы ее называли, обратил внимание Сергей Васильевич еще в институте. По просьбе моей матери он прослушал ее у нас и сказал, что у этой девочки музыкальное будущее. Но музыкальное будущее этой девочки сломала жизнь.

Страстная музыкантша, страстная поклонница Сергея Васильевича и не менее страстная шалунья и хохотушка Люля Аксакова вносила оживление в нашу строго размеренную жизнь. Прежде всего, приехав в субботу вечером на Страстной бульвар, она всегда осведомлялась «очень таинственно» через нашу горничную [...] или через швейцара, с которым она успела подружиться, будет ли музыка наверху. Игра часто начиналась поздно, а нас девочек неукоснительно отсылали спать в половине десятого. Люля и я покорно укладывались в постели в детской.

В десять часов мы обе по ее команде вставали, устраивали для возможного контроля со стороны нашей строгой тетушки А.В. Воейковой «тела» на постелях и почему-то всегда со спущенными чулками (очевидно для остроты ощущений) накидывали, в зависимости от сезона, пальто или шубы и выходили на черный ход, а чаще пристраивались на ступеньках около «силуэтов» [поклонников С.В. Рахманинова, тайком пробиравшихся в подъезд, слушать игру композитора – А.К.].

Я была очень застенчивой, некрасивой девочкой и, несмотря на страстное желание слушать «настоящую музыку», не решилась бы на такой «смелый» поступок. Я очень благодарна Люле за ее решительность и выдумки. Запретное сиденье на лестнице – это теперь яркое и озвученное воспоминание.

Иногда мы попадали на идущую наверх Варвару Аркадьевну Сатину – человека исключительной доброты. Она деликатно не замечала «силуэтов», но требовала,

*Юлия Владимировна
Рождественская (ур. Аксакова)
с мужем Рождественским Василием
Михайловичем, вернувшимся
с Сахалина.*

Калуга. Фото 1946 года.

*Личное собрание А.В. Антошко.
Москва. Россия.*

чтобы мы как следует оделись и шли наверх. Мы же предпочитали свой таинственный пост».²⁵⁰

Трудовой путь Юлия Владимировна Аксакова начала в 1921 году машинисткой Калужского Губисполкома, где она проработала до замужества в 1923 году, о котором известила другую свою кузину Аду Павловну Аксакову. Та с родителями после разгрома армий Колчака, где служил ее отец Павел Николаевич, через Харбин перебрались в Белград.

До 1934 г. Юлия Владимировна находилась на иждивении мужа Василия Михайловича Рождественского.

В 1925 году родилась первая дочь, которую назвали Екатериной в честь матери Юлии Владимировны. В 1926 году родилась Анна, а в 1930 году сын Владимир. С 3 июля 1934 года до выхода на пенсию по инвалидности 5 сентября 1957 года Юлия Владимировна работала сезонно на различных административно-хозяйственных должностях и по линии делопроизводства. В 1939 году участвовала во Всесоюзной переписи населения, о чем в ее трудовой книжке 20 июля 1939 года была сделана запись – «Совет Народных Комиссаров СССР объявил благодарность работникам Всесоюзной Переписи населения 1939 г.».²⁵¹ Во время войны Юлия Владимировна с детьми находилась в эвакуации в Омской области.

После возвращения в Калугу до пенсии работала в областном отделе социального обеспечения. В 1970 году была награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Муж Юлии Владимировны Рождественский Василий Михайлович родился 27 июля 1895 года в селе Сажино Спас-Деменского района Калужской области в крайне

бедной семье столяра-краснодеревщика. Он был младшим, двенадцатым ребенком. Образование среднее, в 1912 году окончил в г. Мосальске педучилище по специальности «учитель начальной школы». Трудовой путь начал в 1913 году конторщиком ссудосберегательной крестьянской кассы. В рукописном варианте автобиографии от 1953 года он писал: «В мае 1915 г. был призван на действительную военную службу, которую проходил в г. Ачинске Енисейской губернии до октября 1917 года в 31 Сибирском стрелковом полку ст. писарем». Однако в напечатанном (видимо более позднем) тексте своей автобиографии В.М. Рождественский указал, что в 1915 году был отправлен на фронт, где принимал участие в боевых действиях против немцев. В сентябре 1917 года в связи с ранением был «отпущен на поправку» домой, откуда в армию не вернулся.

В ноябре 1917 г., уже дома, был избран секретарем волостного продовольственного комитета и заведующим потребкооперации. С 1918 года работал в бухгалтерии Калужского Губсовнархоза, откуда в 1922 г. с должности главного бухгалтера добровольно поступил на военную службу в Калужский эвакупункт. В 1923 году женился на Ю.В. Аксаковой. До мобилизации в августе 1941 года работал по бухгалтерской линии на различных должностях в Калуге и Москве. Во время войны находился в составе Калининского, Первого и Второго Прибалтийских, а затем Дальневосточного фронтов, откуда 9 марта 1946 года был уволен в запас по болезни с должности начальника финансового довольствия 221 Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона в звании капитана интендантской службы. В январе 1946 года стал членом ВКП (б), партбилет № 7711643. Был награжден медалями «За победу над Германией», в мае 1945 года и «За победу над Японией», в сентябре 1945 года.

В 1946 г. Василий Михайлович Рождественский вернулся в Калугу, где его семья уже проживала после возвращения из эвакуации в 1943 г. С сентября 1946 г. по август 1952 г. работал главным бухгалтером в Калужском областном полиграфиздате, затем бухгалтером-экспертом филиала Бюро государственной бухгалтерской экспертизы при Калужском областном финансовом отделе. С 1953 г. вплоть до выхода 17 августа 1970 года на персональную пенсию «в связи с потерей зрения», как указано в заявлении, работал главным бухгалтером Калужского обкома КПСС.

В связи с 70-летием со дня рождения и за добросовестную работу, В.М. Рождественский Постановлением от 23 июля 1965 года был награжден Почетной грамотой обкома КПСС.

12 февраля 1966 года ему была вручена медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а 14 апреля 1970 года медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Василий Михайлович Рождественский умер 4 мая 1975 года, не дожив около двух месяцев до 80-летнего юбилея.²⁵²

Похоронен на Пятницком кладбище г. Калуги.

Юлия Владимировна Рождественская (ур. Аксакова) остаток жизни провела в Калуге, в своей двухкомнатной квартире. Когда у сына старшей дочери, Екатерины, родился ребенок – правнук Юлии Владимировны, она стала жить вместе с молодыми.

Василий Михайлович Рождественский.

На обратной стороне фото написано:

«На память от папы – с хохолком.

Калуга. Март 1944 г».

Личное собрание А.В. Антошко.

Москва. Россия.

В переписке с Н.П. Потоцкой отмечала, что ей порой не хватает тишины и спокойствия, а когда молодежь уезжала на отдых, страдала от одиночества, спасаясь прогулками со своей любимой собачкой Юттой и общением с котом Пушком.

Играть на фортепиано она уже не могла из-за очень слабого зрения и сильно переживала по этому поводу, а в проведении операции врачи ей отказали. Единственным утешением оставался телевизор «Рекорд 331» 1972 года выпуска, который к несчастью в январе 1977 года загорелся, став причиной пожара в квартире, и связь с внешним миром, казалось, была прервана навсегда. Поэтому, когда в марте этого же года Наталья Павловна Потоцкая и ее муж Сократ Александрович Клепиков купили и прислали Юлии Владимировне новый телевизор, жизнь вернулась в свое русло.

Юлия Владимировна писала кузине:

«19.10.1977 г. Калуга

В своем одиночестве я часто вспоминаю свою юность, окружающих в то время людей и сопоставляю, какая разница, как изменились люди!!!

16.03.1978 г. Калуга

Наташенька, вспомни моего папу, какой он был добрый, внимательный ко всем, и эту черту он оставил и во мне. Я очень часто вспоминаю свое детство, юность, и благодарю своих родителей, что они сумели вложить мне любовь к людям.

20.04.1979 г. Калуга

Помнишь, Наташа, этот праздник на Страстном бульваре и эти красные яички, подаренные моим папой. Какое было хорошее время, встречи, сколько радости. А сейчас нет никакого настроения, живешь одними воспоминаниями». ²⁵³

*Юлия Владимировна и
Василий Михайлович
Рождественские.*

*Личное собрание
А.В. Антошко.
Москва. Россия.*

Юлия Владимировна каждое лето варила Наталье Павловне варенье из земляники, а Сократу Александровичу из черники и клубники. Всякий раз в письмах интересовалась здоровьем их обоих, ее сестры Аси и племянницы Вари, советовала бывать на свежем воздухе. Письма подписывала, неизменно называя себя Люля, как ее звали в детстве.

Родная сестра Натальи Павловны, Анастасия Потоцкая, была второй женой С.М. Михоэлса, но это уже история других разбитых судеб.

Наталья Павловна Потоцкая активно переписывалась и ежегодно встречалась с Татьяной Александровной Аксаковой (ур. Сиверс), которая после сталинских лагерей жила в Вятских Полянах (в ссылке), а затем в Ленинграде. По просьбе Юлии Владимировны Аксаковой Н.П. Потоцкая дала ей Ленинградский адрес Т.А. Аксаковой, которая сама собиралась к ней заехать в Калугу. Обращаясь к Наталье Павловне, она писала:

«01.1979 г. Ленинград

Когда будешь писать Люле Рождественской, передай ей мои приветствия и мою надежду на то, что я «окрепну», доеду до милой моему сердцу Калуги и ее увижу»²⁵⁵, но возраст не позволил выполнить задуманное.

Переписку Юлии Владимировны Аксаковой с Татьяной Александровной, а также с ее сестрами Ксенией, Ниной и Верой пока найти не удалось. Как упоминалось ранее, она поддерживала связь со своей двоюродной сестрой Адой Павловной Аксаковой (в замужестве Львовой). Та в переписке с их двоюродным братом Сергеем Сергеевичем Аксаковым упоминает о свадьбе Юлии, которая состоялась в 1923 году.

*Надгробия
Рождественских на
кладбище г. Калуги.*

*Личное собрание
А.В. Антошко. Москва.
Россия.*

Из Югославии семья Ады Павловны в 1944 году переехала во Францию, а в 1950-х годах перебралась в Австралию, видимо, по этой причине связь была прервана. Кроме того, во время последней войны многие материалы были уничтожены. Например, известно, что холодными военными зимами в Калуге аксаковскими фотоальбомами, письмами и воспоминаниями топили печки. Некоторые материалы пропали после смерти одиноких родственников, а кое-какие из них пылятся в безымянных папках на полках различных архивов и ждут своего часа.

Юлия Владимировна прожила долгую жизнь:

«09.06.1978 г. Калуга

Просто не верится, что прожили три четверти века. Конечно, у нас было чудесное детство, которое забыть нельзя. В замужестве мне посчастливилось прожить 52 года с человеком, который был хорошим семьянином, это в наш век не всегда бывает».²⁵⁶

Умерла Юлия Владимировна 27 мая 1997 года, в 93 года, похоронена вместе с мужем на Пятницком кладбище г. Калуги. Ее дочери живут в Калуге (Екатерина) и Москве (Анна). Сын Владимир жил в Ярославле, умер в 2007 году.

Летчик-истребитель Михаил Георгиевич Аксаков

*«Это было, когда улыбался
Только мертвый,
Спокойствию рад...»*

А. Ахматова

После октября 1917 года гонения по отношению к дворянству, как социальной категории, интегрировались с репрессиями, которые проводились в отношении других социальных и профессиональных групп.

Не избежали репрессий и оставшиеся в СССР представители рода Аксаковых. В той или иной мере, от них пострадали практически все члены этой фамилии. Как упоминалось ранее, был арестован и 2 года находился под следствием муж Нины Сергеевны, Н.И. Смирнов. Муж Ксении Сергеевны, О.В. Грамс, был расстрелян по сфабрикованному обвинению. Дважды подвергался аресту Борис Сергеевич Аксаков, а его жена Татьяна Александровна отсидела в советском концлагере более двух третей 8-летнего срока, заразившись неизлечимой болезнью. Но особенно трагично сложилась судьба Михаила Георгиевича Аксакова.²⁵⁷

Михаил Георгиевич Аксаков родился 28 июля 1903 года в Калуге, крещен 6 августа того же года в церкви Божьей матери Одигитрии Смоленской²⁵⁸ там же. Восприимщиками были его бабушка Юлия Владимировна Аксакова (ур. Воейкова) и потомственный дворянин Николай Григорьевич Петров.

Определением Московского дворянского собрания от 25 октября 1914 года он вместе с матерью был внесен во 2 часть губернской родословной книги.²⁵⁹

Его отец, надворный советник Георгий Николаевич Аксаков, 1 июня 1914 года внезапно скончался от сердечного приступа на станции Сухиничи.

Окончив 4 класса гимназии в Белеве и не имея средств к существованию, Миша Аксаков с 14 лет (с 1917 по 1921 гг.) вынужден был работать деревообделочником на заводе в Калуге. Однако воспитанное в семье уважение в воинской службе оказало влияние на выбор окончательной профессии. В 1921 году в восемнадцатилетнем возрасте он поступил в школу мотористов в г. Егорьевске, затем окончил Ленинградскую теоретическую школу Военно-воздушных сил, а в 1926 году – Борисоглебское военное авиационное училище. Весельчак по характеру, летчик по призванию, он быстро вписался в коллектив сослуживцев, выступал душой компании, писал и публиковал стихи.

Поступая в военное учебное заведение, Михаил Георгиевич Аксаков скрыл дворянское происхождение. В 1921 году он стал членом Российского коммунистического союза молодежи, где состоял до 1927 года, пока не выбыл по возрасту, или, как было указано в личном деле, «по механическим причинам».

Жена двоюродного брата Бориса, Татьяна Александровна Аксакова, на допросе в 1935 году так описывала внешний вид Михаила Георгиевича: «Он был высокого роста, стройный худощавый, большие светло-голубые глаза, русые волосы».²⁶⁰

*Мама Михаила Георгиевича –
Мария Михайловна Аксакова.*

Козельск. 1911 год.

*Личное собрание Т.Б. Лебедевой.
Зеленоград. Россия.*

По окончании училища М.Г. Аксаков был направлен в Северо-Кавказский военный округ в город Ростов-на-Дону.

Обладая несомненными способностями к летному делу, он делал заметные успехи в воинской службе. За короткий срок в совершенстве освоил различные типы самолетов: У-1, Р-1, И-3, И-4, И-5, И-7, И-15. За два года стал сначала командиром звена, а затем командиром 9-го отдельного отряда 26-й истребительной авиационной эскадрильи.

Осенью 1929 года в составе той же эскадрильи под руководством И.Я. Лейцингера Михаил Георгиевич Аксаков на истребителе Р-1 был направлен для оказания поддержки в разрешении военного конфликта на КВЖД. В ходе боев проявил себя с лучшей стороны и был представлен к высшей на тот период государственной награде – ордену Красного Знамени, которым был награжден 31 октября 1930 года.

В 1927 году в Ростове-на-Дону М.Г. Аксаков женился на Юлии Гавриловне Покровской – младшей дочери известного в Кисловодске священнослужителя. В 1928 году у них родился сын Михаил, который в годовалом возрасте вместе с мамой последовал за отцом в Читу, для оказания тыловой поддержки уже главе семейства. Именно в поезде маленький Миша сделал свои первые шаги в этой нелегкой неоднозначной жизни.

Во время службы в Северо-Кавказском военном округе Михаил Георгиевич Аксаков познакомился с Владимиром Антоновичем Кушаковым – в то время комбригом и командующим Военно-воздушными силами округа. С ним они в 1928 году полгода проживали в одной служебной квартире, а их отношения продолжались и после того,

*И.Я. Лейцингер, командир
26 истребительной
авиаэскадрильи, бывший
офицер белой армии.*

*С обратной стороны фото
рукой Юлии Гавриловны
написано: «Погиб в 1937».*

как М.Г. Аксаков в 1930-е был переведен в Смоленск. Это знакомство, с одной стороны, способствовало карьере молодого летчика, а с другой – сыграло в его судьбе роковую роль.

В гражданскую войну Владимир Антонович Кушаков воевал в частях Червонного казачества у В.М. Примакова, а затем находился на различных командных должностях в Военно-воздушных силах Советской России. Оценивая происходящее в стране, он не в полной мере разделял политическую линию руководства. За «троцкистские» взгляды был исключен из ВКП (б), несмотря на боевые заслуги и членство в партии с 1914 года. Встречаясь с видными троцкистами, Владимир Антонович Кушаков попал в поле зрения органов государственной безопасности. От репрессий его спасла только смерть в начале 1937 года.

Другим столь же важным обстоятельством оказалась дружба Михаила Георгиевича Аксакова, которая началась там же, в Ростове-на-Дону, с Павлом Митрофановичем Монархо, впоследствии командиром 92-й истребительной авиационной бригады ПВО. Они дружили семьями, вне службы, в шутку называли Павла Монархо – «Монархом».

В апреле 1930 года Михаил Георгиевич Аксаков стал командиром отряда отдельной авиационной эскадрильи, расквартированной в Смоленске, а 31 октября 1933 года – командиром 33-й истребительной авиационной эскадрильи, которая располагалась в Бобруйске.

31 мая 1935 года он получил очередное назначение по службе, заняв должность командира 117-й истребительной авиационной эскадрильи, которая входила в состав

*Фотографии Юлии
Гавриловны и Михаила
Георгиевича Аксаковых,
сделанные в Ростове-на -Дону
в 1928 году.*

*После ареста мужа в 1937-м,
Юлия Гавриловна вырезала
себя и Михаила Георгиевича из
старых фотографий, чтобы
(по ее мнению) обезопасить
тех, кто был запечатлен на
снимках вместе с ними.*

*Личное собрание
М.М. Аксакова. Москва.
Россия.*

92-й истребительной авиационной бригады. Вскоре, 15 февраля 1936 года, Михаилу Георгиевичу Аксакову было присвоено звание майор, а весной в бригаду на должность комбрига прибыл его друг Павел Митрофанович Монархо.

92-я истребительная авиационная бригада базировалась в подмосковных Люберцах и входила в систему противовоздушной обороны Москвы. Ее основной задачей являлось обеспечение обороноспособности столицы и мест пребывания руководства страны на подмосковных объектах. Учитывая близость к Москве и элитность подразделения, бригада в первую очередь комплектовалась новыми истребителями, но личный состав, не имея необходимой летной подготовки, не успевал переучиваться и осваивать новые виды самолетов. В связи с этим командиры требовали детального изучения техники перед летной практикой, что позволяло снизить травматизм и аварийность.

Как вспоминает сын М.Г. Аксакова, Михаил Михайлович, жизнь в Люберецком авиационном городке № 5 была однообразной. Для мальчишки 7-летнего возраста она осложнялась еще и неудобством внезапного контроля со стороны отца. Заходя на посадку или делая вираж при очередном тренировочном полете, тот частенько наблюдал, как компания ребят «чистила» соседские яблочные сады, снижал высоту, сбрасывал скорость и, паря над сорванцами, показывал им огромный кулак. Отец сам очень любил яблоки, но только приобретенные законным путем.

Высокий рост является отличительной чертой мужской части калужско-московской ветви Аксаковых. Михаил Георгиевич – 2 метра 3 сантиметра, его сын, Михаил Михайлович и внук Андрей также ростом под два метра. Когда Михаилу Георгиевичу случалось болеть и лежать в постели, ему подставляли табуретку под ноги, просунутые между металлическими прутьями спинки кровати, а при прыжках с парашютом ему приходилось раскрывать сразу два – основной и запасной, так как один парашют его не держал.

*М.Г. Аксаков с сыном Мишей
и его жена Юлия, прибывшая в
Забайкалье для поддержки мужа.*

*Личное собрание М.М. Аксакова.
Москва. Россия.*

Наличие служебного автомобиля, который М.Г. Аксаков часто водил сам, и возможность покататься с отцом скрашивали однообразие гарнизонной жизни. Должность командира авиационной эскадрильи по тем временам была достаточно высокая. В начале Второй мировой войны на основе эскадрилий формировались авиационные полки.

Жилось трудно, процветало воровство. После очередной кражи у Аксаковых в квартире практически ничего не осталось. Унесли все, в том числе и постельное белье. Тогда комбриг В.А. Кушаков подарил им списанный шелковый парашют, который частично был распорот на постельное белье, а оставшаяся его часть фигурировала впоследствии как вещественное доказательство шпионской деятельности главы семейства.

Когда в гарнизонном городке случился очередной инцидент и был украден велосипед Аксаковых, Михаил Георгиевич сел на велосипед соседа и, пытаясь догнать вора, выстрелил в шину заднего колеса, но промахнулся и попал в пятку жулика. Это вызвало одобрительный гул собравшихся соседей, а вор, бросив свой трофей и прихрамывая, быстро скрылся.

Назначение под Москву М.Г. Аксаков воспринял спокойно, поскольку оно позволяло освоить другие типы самолетов (У-2, Р-5, УТИ-2, И-16, СМ-22 и СМ-25), к февралю 1937 года он имел 1286 часов дневного и 82 часа ночного налетов.

Однако его друг, П.М. Монархо, перевод в глубь страны расценил как политическое недоверие и был явно этим недоволен.

С занятием должности комбрига Павлом Митрофановичем Монархо служба М.Г. Аксакова должна была бы пойти еще более успешно. Однако осенью 1936 года в части случилось происшествие: прыгая с парашютом, погиб лейтенант Юенко. Разбитые в результате тренировочных полетов истребители ремонтировались медленно и содержались не в лучшем техническом состоянии. Поставленная перед бригадой

*15 февраля 1936 года командиру
117-й истребительной авиаэскадрильи
Аксакову Михаилу Георгиевичу присвоено
очередное воинское звание – майор.*

*Личное собрание М.М. Аксакова.
Москва. Россия.*

задача создания вокруг Москвы дополнительных аэродромов реально оказалась невыполнима, а предложение использовать для взлета и посадки подмосковные дороги было признано легковесным.

Ситуацию держал на контроле командующий Военно-воздушными силами СССР, заместитель Наркома обороны, командарм второго ранга Я.И. Алкснис, которому П.М. Монархо и М.Г. Аксаков лично докладывали о боеготовности эскадрилий во время его инспекционных проверок бригады, в том числе вместе с наркомом обороны К.Е. Ворошиловым.

Осенью 1936 года все они присутствовали на заседании Политбюро ВКП (б), где обсуждался вопрос о снижении травматизма в Военно-воздушных силах СССР.

В подобной ситуации командование бригады приняло верное, по сути, решение об уменьшении количества тренировочных полетов и о повышении за счет освобожденного времени качества теоретической подготовки молодого летного состава на земле. Одновременно нужно было осваивать поставленные на вооружение и поступившие в октябре 1936 года новые самолеты И-16, первые советские истребители с убираться шасси.

Однако данные мероприятия по обеспечению безопасности полетов были признаны «политически ошибочными» и трактовались как ухудшение подготовки летных кадров, что, в категориях 1930-х годов, называлось вредительством.

22 апреля 1937 года (по традиции, в годовщину рождения вождя мирового пролетариата – об этом уже писалось ранее) Михаил Георгиевич Аксаков был арес-

тован. Подверглись аресту и другие офицеры 92-й бригады: начальник штаба 116-й авиационной эскадрильи Иван Алексеевич Мещеряков, командир 118-й авиационной эскадрильи Аркадий Васильевич Малышев, метеоролог бригады Илья Михайлович Тимохин и другие. 9 августа 1937 года был арестован командир 92-й авиационной бригады Павел Митрофанович Монархо. Одновременно происходили аресты в руководстве противовоздушной обороны Москвы и Московского военного округа.

Подлинные причины массовых арестов раскрывают показания одного из организаторов этой акции, начальника 3-го отдела 3-го управления НКВД СССР, старшего майора государственной безопасности Александра Павловича Радзивиловского. Сам он был арестован позже, 3 сентября 1938 года как участник контрреволюционного заговора и агент германской разведки (расстрелян 25 января 1940 года). Он показал, что в соответствии с личными указаниями Н. Ежова и М. Фриновского требовалось, используя арестованных военных из Московского военного округа, «развернуть картину большого и глубокого заговора в Красной Армии». Было приказано немедленно приступить к допросам арестованного начальника Противовоздушной обороны РККА Медведева и добиться от него показаний на широкий круг участников заговора для доклада Н.И. Ежова в ЦК ВКП (б). Как показывал А.П. Радзивилковский, Н.И. Ежов дал ему прямое указание «применять методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе».

Одним из элементов сфальсифицированного заговора должно было стать разоблачение «врагов народа» в 92-й истребительной авиационной бригаде. Михаил Георгиевич Аксаков идеально подходил на эту роль.

Дворянское происхождение, которое он скрыл при поступлении в Красную армию, чрезвычайно «подозрительные» родственные связи. Большинство его родственников сражались в Белой армии или находились в эмиграции, а оставшиеся в Советской России – осуждены или подвергались аресту.

М.Г. Аксакову было предъявлено обвинение в том, что он является участником контрреволюционной вредительской троцкистской организации в системе Противовоздушной обороны Москвы. По утверждению следствия, организация ставила задачей «подрыв обороноспособности пролетарской столицы», и по ее заданиям вела «систематическую подрывную работу, направленную к выведению из строя 117-й авиаэскадрильи путем систематического срыва учебных заданий по боеподготовке».²⁶¹ Согласно обвинению, М.Г. Аксакову вменялись пункты 6, 7, 8 и 11 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР. Следствие вел начальник особого отдела 92-й истребительной авиационной бригады младший лейтенант государственной безопасности Федосей Иванович Васильев.

Арест Михаила Георгиевича являлся только одним из эпизодов большого дела о якобы существовавшей в Противовоздушной обороне Москвы «контрреволюционной троцкистской вредительской организации». Эти события были напрямую увязаны с показаниями бывшего командира полка ПВО Москвы Ивана Нестеровича Бердника, который был допрошен 7 апреля 1937 года и назвал Михаила Георгиевича Аксакова как члена «вредительской организации», сославшись на слова бывшего начальника штаба ПВО Москвы полковника Анатолия Федоровича Заколodka.²⁶²

*Ордер на арест М.Г. Аксакова
от 21 апреля 1937 года.*

*Архив управления ФСБ России
по Калужской области. Калуга. Россия.*

В ночь с 22 на 23 апреля 1937 года в квартире М.Г. Аксакова состоялся обыск, в ходе которого, были изъяты три пистолета, (со слов Михаила Михайловича у отца были: наградной ТТ, «Маузер» – видимо, штатное оружие, и малокалиберный спортивный «Вальгер», с которым играл маленький Миша), парашют («в распоротом виде»), переписка, топографические карты, фотографии, орденская книжка и билет члена Российского коммунистического союза молодежи.²⁶³

Содержался Михаил Георгиевич Аксаков на Лубянке, а затем в Таганской тюрьме. Во время следствия он был уволен со службы в РККА по пункту «в» статьи 44 (Приказ НКО СССР № 00101 от 26 апреля 1937 года).

Во время следствия Михаил Георгиевич Аксаков допрашивался 11 раз, наиболее интенсивные допросы пришлись на май 1937 года.

Допрос №1. 23 апреля 1937 года.

Первый и второй допросы состоялись в один день – 23 апреля 1937 года. Следователя интересовали, в основном, родственные связи арестованного по отцу и матери, свойственные связи по жене, а также круг знакомств. Среди лиц, с кем поддерживались отношения, М.Г. Аксаков указал на преподавателя Военно-воздушной академии

Следственное дело, заведенное на М.Г. Аксакова по указанию Н.И. Ежова, в котором на момент ареста обвиняемого отсутствовало даже определение состава преступления.

Архив управления ФСБ России по Калужской области. Калуга. Россия.

СССР
НКВД
УПРАВЛЕНИЕ
по Московской области

ДЕЛО № 3688

Аксакова
Михаила Георгиевича

обв. по ст. 58 п. 6, 7, 8, 11 УК

9/12/37
Особый Архив

ТОМ № 1

Начато "23" апреля 1937 г.
Окончено "23" октября 1937 г.
Количество томов

майора Виталия Ивановича Чайкина, с кем участвовал в боях на КВЖД в 1929 году, и слушателя Академии Генерального штаба Всеволода Матвеевича Лозового-Шевченко, с которым познакомился еще в Смоленске. Особенно подробно следователь расспрашивал об отношениях с Владимиром Антоновичем Кушаковым и о круге его знакомств. Кроме того, интересовались командиром 26 авиационной эскадрильи И.Я. Лейцингером, бывшим офицером Белой гвардии, непосредственным командиром Михаила Георгиевича Аксакова во время боев на КВЖД, представившим его к ордену.

Основная тема, интересовавшая следствие на данном этапе – троцкизм. Тон первого допроса был вполне мирным, никаких конкретных обвинений, в том числе и о принадлежности к троцкистской организации Михаилу Георгиевичу Аксакову не предъявлялось, а сам он утверждал, что о троцкистских взглядах Владимира Антоновича Кушакова узнал только после его смерти.

Допрос № 2. 23 апреля 1937 года.

В тот же день, 23 апреля 1937 года, М.Г. Аксаков был допрошен вторично. Допрос оказался более тяжелым. На нем впервые речь зашла о «троцкистском формировании» Кушакова-Чайкина-Зюки. Михаил Георгиевич Аксаков прямо не отвечал

на поставленные вопросы, ограничиваясь констатацией известных фактов, – об исключении В.А. Кушакова за троцкизм из ВКП (б), об аресте Зюки, как троцкиста, и о том, что Виталий Иванович Чайкин пытался добиться партийной реабилитации Владимира Антоновича Кушакова. Он не признал своего участия в «троцкистской группе», заявив, что с В.А. Кушаковым и В.И. Чайкиным был только в дружеских отношениях.

Очередной вопрос следствия, заданный М.Г. Аксакову во время допроса, был провокационным: «Следствие располагает данными, что вы были участником группы. Признаете это?».²⁶³ Разумеется, что никаких данных подобного рода у следователя не было, как не было и самой «группы». Михаил Георгиевич мужественно отрицал все лживые утверждения.

Хотя в протоколе отсутствуют указания на хронологию допроса, исходя из объема текста, который занимает более четырех страниц, можно сделать вывод, что он был довольно длительным.

Допрос № 3. 8 мая 1937 года.

Третий допрос Михаила Георгиевича Аксакова состоялся после двухнедельного перерыва. К этому моменту в качестве свидетеля был допрошен его шофер Александр Михайлович Зарубин, который подробно рассказывал, кого посещал М.Г. Аксаков во время поездок в Москву.²⁶⁴

Характер предъявленных обвинений на нем кардинально изменился. О троцкизме не упоминалось, и обвиняемый допрашивался о снижении боеспособности в 117-й эскадрильи и в 92-й авиабригаде в целом. Следователя особенно интересовали взаимоотношения Михаила Георгиевича Аксакова с Павлом Митрофановичем Монархо, а также с иностранцами. Обвиняемый признал, что в 1935 году в квартиру бывшего командира эскадрильи Фердинанда Фердинандовича Меча приезжали немцы и англичанка, которых тот называл «коминтерновцами»,²⁶⁵ но ничего конкретного о них не сказал.

Допрос № 4. 10 мая 1937 года.

На следующем допросе следователь Ф.И. Васильев, продолжая общую линию на выяснение недостатков в боевой подготовке, попытался получить от М.Г. Аксакова компрометирующие факты на руководство бригадой. Он спрашивал, была ли сорвана огневая подготовка всей 92-й авиабригады? Но Михаил Георгиевич ответил, что несет ответственность только за состояние своей эскадрильи. Однако, следователь настойчиво интересовался деятельностью П.М. Монархо. Именно на допросе 10 мая 1937 года разрозненные сведения о недостатках в боевой подготовке были квалифицированы как «вредительство».

Допрос № 5. 13 мая 1937 года.

Очередной допрос, произошедший 13 мая, стал в определенном смысле переломным. Следователь все более активно переходил к прямым обвинениям, а выдержанность ответов М.Г. Аксакова постепенно слабела. Начался допрос с утверждения о том, что обвиняемый является участником контрреволюционной организации. Оно было категорически отвергнуто. Тогда в качестве компрометирующего факта было указано на то, что служба обвиняемого в РККА началась с обмана, с сокрытия дво-

рянского происхождения, в чем М.Г. Аксаков признался, поскольку отрицать это не представлялось возможным. Затем в вину было поставлено, что к ордену его представил командир 26-й авиаэскадрильи И.Я. Лейцингер, «бывший белогвардеец», а награда истолковывалась как покровительство. М.Г. Аксаков заявил, что покровительства со стороны И.Я. Лейцингера не замечал.

Обоснованные возражения обвиняемого заставили следователя заявить: «У Вас все получается случайно: случайно все почти родственники оказались в белоэмиграции, случайно вы обросли знакомыми троцкистами, случайно ваша сестра оказалась замужем за активнейшим контрреволюционером Смирновым Иваном Никитичем»²⁶⁷ (двоюродная сестра Нина была замужем за другим Смирновым – заместителем Наркома связи, Смирновым Николаем Ивановичем). На это Михаил Георгиевич ответил, что с родственниками отца давно не виделся, знакомых знал не как троцкистов, а «как членов партии и командиров РККА». Тогда следователь, вновь вернувшись к теме «вредительства», с явным сарказмом спросил: «А на путь вредительства встали тоже случайно, без чьего-либо воздействия?»²⁶⁸ Подобные обвинения М.Г. Аксаков вновь отверг, пояснив, что даже если он и предпринимал действия, которые шли во вред боевой подготовке, то вредительскими их не считал.

Однако далее, видимо после определенной «обработки», в тексте протокола допроса появилась запись от имени обвиняемого: «непринятием зависящих от меня мер и несообщением в судебные органы о срыве боеподготовки, я содействовал срыву боевой подготовки эскадрильи».²⁶⁹

Добившись ожидаемого признания, следователь продолжал развивать версию о заговоре и потребовал сообщить, по чьим указаниям действовал подследственный, ожидая, что будут названы имена вышестоящих командиров. М.Г. Аксаков продолжал упорствовать, заявив, что это были исключительно его личные ошибки. Такой ответ снова не устроил следователя Ф.И. Васильева. Собирая воедино основные пункты обвинения («сомнительное родство», «троцкистское окружение»), он указал, что «ошибки не были случайными», находясь с компрометирующими фактами в «полном соответствии», и стал настаивать на влиянии «враждебных советскому строю лиц». В итоге следователь потребовал сделать «чистосердечное признание» и назвал Михаила Георгиевича Аксакова «активным участником» срыва боевой подготовки.

Обвиняемый сделал заявление, которое явно отличалось от всего сказанного им ранее, где он не только признал себя виновным в срыве боевой подготовки, но и отметил, что «должен понести судебную ответственность».²⁷⁰

Это было важное признание и первая серьезная победа следователя. Однако даже после него М.Г. Аксаков отверг связь с троцкистами, заявив, что с Виталием Ивановичем Чайкиным, Владимиром Антоновичем Кушаковым и другими у него были только дружеские или исключительно служебные отношения.

Допрос № 6. 16 мая 1937 года.

На следующем допросе, 16 мая, выбивание признаний продолжилось. Допрос начался с прямого вопроса: «Вы являетесь представителем враждебного класса?»,

на который был дан странный и путанный ответ: «Я происхожу из дворян, класса враждебного советскому строю, но я являюсь выходцем из этого класса».²⁷¹

Повторно перечисляя родственников, находящихся в эмиграции, М.Г. Аксаков признал, что его двоюродный брат Сергей Сергеевич Аксаков ведет «контрреволюционную работу». Тем не менее он продолжал утверждать, что ему было неизвестно о троцкистских взглядах знакомых, хотя Владимир Антонович Кушаков уже прямо был назван «троцкистом». В конце допроса следователь снова потребовал признать, что Михаил Георгиевич Аксаков являлся «участником контрреволюционной организации», по заданию которой занимался «вредительством». Однако обвиняемый вновь стал это категорически отрицать, признавая себя виновным только в том, что руководимая им 117-я эскадрилья являлась «не боеспособной».

Допрос № 7. 17 мая 1937 года.

Аналогичные требования следователя и ответы М.Г. Аксакова повторились 17 мая 1937 года. В ходе допроса позиция обвиняемого менялась. Следователь заявил, что из показаний других лиц известно, что подследственный являлся членом контрреволюционной организации, на что М.Г. Аксаков, уже не отрицая ее существования, заявил, что, возможно, из-за дворянского происхождения его считали «вполне подходящим для вербовки в свою организацию».²⁷² Кроме того, он уже не сопротивляется утверждению следователя, что проводимая им деятельность называлась вредительской. По его словам, «вредительство» заключалась в «торможении» боевой подготовки, уменьшении количества летных дней, в отсутствии должного контроля за состоянием материальной части и, таким образом, летный состав оказался неподготовленным к выполнению боевых задач. С одной стороны, М.Г. Аксаков признавал, что «вредительская деятельность» была известна вышестоящему командованию, а с другой стороны, он сам выполнял приказы вышестоящих командиров, в частности П.М. Монархо, которые наносили «вред» боевой подготовке.

Опираясь на полученное в ходе прошлого допроса мнение о том, что в контрреволюционную организацию «была возможна вербовка», следователь Ф.И. Васильев потребовал признать этот факт, но это было категорически отвергнуто. Отрицал обвиняемый и троцкистское влияние на его «вредительскую деятельность». Однако на повторный вопрос следователя – «Следовательно, троцкистское влияние в вашей деятельности было?», последовал краткий, логически не оправданный ответ: «Да. Признаю». На этом допрос завершился.

Допрос № 8. 19 мая 1937 года.

Добившись необходимых признаний, следователь Федосей Иванович Васильев допрос 19 мая 1937 года начал с утверждения, что обвиняемый признал свою виновность в ведении «вредительской деятельности» и влиянии на нее троцкистов. Теперь его интересовала «контрреволюционная организация», якобы существовавшая в бригаде. Первоначально Михаил Георгиевич отрицал ее существование, но затем почти сразу признал, что вредительская деятельность велась и в других эскадрильях (хотя

ранее говорил, что может свидетельствовать только о своей). Аналогичная, практически моментальная эволюция позиции произошла и в отношении другого важного для следователя вопроса – о командовании бригадой. Сначала М.Г. Аксаков сказал, что не знает, являются ли членами «контрреволюционной организации» Павел Митрофанович Монархо и командиры эскадрилий Аркадий Васильевич Малышев и Федор Григорьевич Курдубов, но в следующем ответе признал «молчаливое соглашение» во вредительской деятельности между Монархо, им, Малышевым и Курдубовым.²⁷³

Далее следователь выяснял «вредительскую деятельность» П.М. Монархо. Трактовка высказываний М.Г. Аксакова была истолкована следователем однозначно – он допускал возможность существования вполне оформленной вредительской организации.²⁷⁴

Допрос № 9. 21 мая 1937 года.

«Вредительская деятельность» Павла Митрофановича Монархо интересовала также следователя на следующем допросе, который произошел – 21 мая 1937 года. В конце допроса М.Г. Аксаков признал все, что пытался отрицать на предыдущем допросе – существование в бригаде «вредительской организации» и заявил, что может назвать лиц, в нее входящих.²⁷⁵

Допрос № 10. 22 мая 1937 года.

«Успех» следствия был окончательно закреплен на допросе 22 мая 1937 года, который носил итоговый характер. Вопросы и ответы были лаконичными и четкими, они фиксировали то, что с таким трудом удалось добиться ранее в неопределенной форме. Михаил Георгиевич Аксаков уже не отрицал, что занимался «сознательным вредительством», которое вел после получения в сентябре–октябре 1936 года директивы от командира бригады Павла Митрофановича Монархо и поводом для которого стало его дворянское происхождение. Осуществлять же вредительство было возможно только при осведомленности командования бригады.

Допрос № 11. 24 ноября 1937 года.

Последний допрос М.Г. Аксакова состоялся 24 ноября 1937 года, когда дело было официально закончено. Ему предшествовала очная ставка с метеорологом бригады Ильей Михайловичем Тимохиным, которая была проведена 20 октября 1937 года.

Допрос оказался самым продолжительным, его протокол занимает 6 страниц плотно напечатанного текста.²⁷⁶ Длительный перерыв связан с тем, что одновременно происходили допросы многочисленных свидетелей и других обвиняемых. Версия о существовании в бригаде «контрреволюционной организации» активно разрабатывалась и к этому времени окончательно оформилась как основная.

В начале Михаил Георгиевич кратко повторил все, что касалось существования в бригаде «контрреволюционной троцкистской организации», связанной с общей негативной ситуацией в системе Противовоздушной обороны Москвы, и его «работы» в ней.²⁷⁷

Следователь Ф.И. Васильев квалифицировал организацию как «фашистскую». В отличие от предыдущих допросов М.Г. Аксаков не предпринимал попыток отстаивать какую-либо личную позицию, полностью подчинился версии следствия. Он не только подробно рассказал о «вредительстве», но и о том, как его «завербовал» П.М. Монархо. Из участников организации неожиданно назвал метеоролога Илью Михайловича Тимохина, которого якобы сам привлек в организацию в марте 1937 года, поставив задачу – содействовать в отмене полетов, предоставляя ложные метеосводки.

По всей видимости, к этому времени М.Г. Аксаков был полностью психологически сломлен. Из непоследовательности его показаний и изменений подписи под протоколами допросов напрашивается вывод о сильном физическом воздействии на подследственного.

Затем, новым поворотом дела, выявившимся на допросе 24 ноября 1937 года, стало обвинение М.Г. Аксакова в шпионской деятельности в пользу Польши, которое основывалось на показаниях арестованного в сентябре 1937 года Сергея Владимировича Алексева, сослуживца по 26-й эскадрильи. Несмотря на абсурдность подобного утверждения, Михаил Георгиевич Аксаков дал подробные показания, каким образом В.А. Кушаков завербовал его для шпионажа, потребовав предоставлять сведения о состоянии Люберецкой авиабригады.

Протокол допроса Сергея Владимировича Алексева от 26 сентября 1937 года находился среди копий протоколов допросов других лиц, обвиненных в принадлежности к «вредительской и шпионской деятельности». Во время допроса В.А. Алексеев подробно рассказал о своей шпионской деятельности в пользу Польши. М.Г. Аксаков упоминался им только один раз, как знакомый В.А. Кушакова, которому Михаил Георгиевич передал письмо, чье содержание для С.В. Алексева осталось неизвестным.²⁷⁸ С.В. Алексеев был арестован не столько из-за знакомства с М.Г. Аксаковым, сколько благодаря его дворянскому происхождению.²⁷⁹

Арестованный полковник Анатолий Федорович Заколадкин на допросе 29–30 мая 1937 года, называя членов «контрреволюционной организации», сославшись на П.М. Монархо, заявил, что в нее входил М.Г. Аксаков, с которым лично связан не был.²⁸⁰

Участие И.М. Тимохина в «организации» «доказывалось» протоколом допроса его бывшей жены Марии Александровны Новиковой, состоявшегося 19 июля 1937 года. Она сообщила, что 3 июля супруг подробно рассказал ей о контрреволюционной организации, о ее планах, среди которых: переправка за границу трех эскадрилий самолетов из Люберецкого гарнизона, подрыв обороны Москвы, совершение налетов на дачи членов правительства, арест И.В. Сталина и даже взрыв Кремля.²⁸¹

На допросе 22 июля 1937 года Илья Михайлович Тимохин отрицал, что говорил жене подобное и что он принадлежал к контрреволюционной организации, но затем неожиданно признал все обвинения. Он заявил, что П.М. Монархо 12 марта 1937 года через него передал командиру 117 эскадрильи М.Г. Аксакову письмо. По мнению И.М. Тимохина, в нем была директива совершить террористический акт во время воздушного парада 1-го мая 1937 года, проведение которого планировалось с имитацией элементов воздушного боя.

Предложенная версия обвинения по расстрелу Московского Кремля у следствия не имела продолжения, поскольку парад 1-го мая 1937 года прошел без терактов, а среди так называемых «террористов» на момент его проведения был арестован только М.Г. Аксаков. Остальные подозреваемые были на свободе.

На допросе 19 октября 1937 года И.М. Тимохин вновь категорически отрицал все обвинения. Но потом, видимо по подсказке следователя, заявил, что его завербовал М.Г. Аксаков в марте 1937 года.²⁸² Причинами «вербовки» стали хранение И.М. Тимохиным троцкистской литературы, его исключение из РКСМ и «неустойчивое поведение в быту». Причинами «согласия» на сотрудничество назывались – недовольство служебным положением и обещание карьерного продвижения. Остальные сведения отличались от показаний, данных ранее.

20 октября 1937 года между Михаилом Георгиевичем Аксаковым и Ильей Михайловичем Тимохиным была проведена очная ставка, на которой последний заявил о том, что М.Г. Аксаков является членом «контрреволюционной троцкистской вредительской организации», завербовал его и требовал фальшивых прогнозов погоды, которые позволяли срывать полеты. Оба обвинения М.Г. Аксаков категорически отверг.²⁸³

В показаниях Павла Митрофановича Монархо (которому следствием отводилась роль руководителя «вредительской организации»), данных им на допросах 23 августа, 9 и 13 октября 1937 года, сообщалось, что проводниками «вредительской политики» являлись Михаил Георгиевич Аксаков, Аркадий Васильевич Малышев и Федор Григорьевич Курдубов, однако то, что он давал им «вредительские установки», отрицалось. Основным виновником вредительства П.М. Монархо называл начальника политотдела бригады Котова, который использовал М.Г. Аксакова и А.В. Малышева. К факту «вредительства» со стороны М.Г. Аксакова П.М. Монархо отнес выступление последнего на совещании командиров и комиссаров частей. В нем М.Г. Аксаков называл план боевой подготовки Военно-воздушных Сил РККА нереальным. Кроме того, ему в вину ставилось снижение количества летных дней до 4-х в декаду и отчисление якобы неспособных летчиков из эскадрильи.²⁸⁴ Из-за вредительства М.Г. Аксакова и А.В. Малышева в боевой подготовке, как показал П.М. Монархо на другом допросе, 92-я авиабригада стала небоеспособной.²⁸⁵ В показаниях не упоминается эскадрилья Федора Григорьевича Курдубова, хотя там дела обстояли не лучшим образом, за что он и был отстранен от руководства ею. Павел Митрофанович Монархо признал, что давал М.Г. Аксакову и А.В. Малышеву «ряд вредительских установок, направленных к свертыванию летно-боевой подготовки» и даже утверждал, что подобных установок требовали они сами.²⁸⁶ Факт вербовки Михаила Георгиевича Аксакова П.М. Монархо отрицал.

Одним из доказательств подготовки террористического акта против Советского правительства стало упомянутое ранее письмо, которое П.М. Монархо передал через И.М. Тимохина для М.Г. Аксакова.²⁸⁷ П.М. Монархо не отрицал, что письмо было, но содержало только указания по плановой боевой подготовке.²⁸⁸ Тем не менее, это

служебное письмо, которое так и не было обнаружено, стало «важным доказательством» террористических намерений обвиняемых.

Собирая сведения о родственниках и знакомых М.Г. Аксакова, следователь Ф.И. Васильев допросил его жену Юлию Гавриловну (11 мая 1937 г.) и мать Марию Михайловну (25 мая 1937 г.).²⁸⁹

К следственному делу также было приобщено адресованное начальнику особого отдела 92-й авиационной бригады Ф.И. Васильеву письмо майора Н. Трифонова, датированное 7 июня 1937 года.²⁹⁰ В нем давалась отрицательная характеристика состояния дел в 117-й авиационной эскадрильи. Указывалось, что «весь летный состав имеет очень малый налет», летчики не знакомы с новой техникой, которая к тому же медленно собиралась. М.Г. Аксакову автор письма ставил в вину то, что в «самый ответственный момент» тот находился в отпуске. Вывод следовал однозначный: «Аксаков сознательно делал все возможное, чтобы сделать эскадрилью небоеспособной и делалось это при попустительстве полковника Монархо». Под влиянием М.Г. Аксакова, якобы, находились начальник штаба эскадрильи Кириченко и военком Килин.

Со своей стороны военком Килин также обратился с письмом к начальнику особого отдела 92-й авиационной бригады. В нем сообщалось, что после ареста М.Г. Аксакова как «врага народа» он проанализировал состояние боевой подготовки в эскадрилье и взаимоотношения арестованного с полковником П.М. Монархо. В результате пришел к убеждению, что «полковник Монархо не мог не знать о вредительской деятельности врага народа Аксакова и более того, некоторые факты нужно расценивать как факты вредительства – проводились по прямым приказаниям Монархо».²⁹¹ В вину ставилось отчисление из эскадрильи ряда летчиков (особенно подчеркивалось, что все они состояли в ВКП (б)), а также то, что вылеты тормозились под предлогом неблагоприятной погоды. При отправке в зимний лагерь на 2–3 летчиков бралась всего одна машина, и что Павел Митрофанович Монархо запрещал летать помощнику начальника штаба Ковбе, а слишком длинный инструктаж Монархо перед началом одного из полетов привел к его срыву из-за низкой облачности и дождя и т.п.

В основном в документе сообщалось о «вредительской деятельности» П.М. Монархо. О Михаиле Георгиевиче Аксакове упоминалось вскользь и без конкретных подробностей.

24 августа 1937 года в адрес НКВД СССР на Павла Митрофановича Монархо поступило аналогичное заявление от Федора Григорьевича Курдубова.

«В своем заявлении я квалифицировал работу МОНАРХО как вредительскую под общим впечатлением того времени» – так ответил на допросе 29 декабря 1955 года член КПСС с 1927 года, начальник военной кафедры Московского Лесотехнического института Ф. Г. Курдубов.

23 октября 1937 года следствие по делу Михаила Георгиевича Аксакова было завершено.

Обвинительное заключение в декабре 1937 года утвердили Прокурор Союза ССР А.Я. Вышинский и начальник управления НКВД Московской области Реденс.²⁹¹

Михаил Георгиевич Аксаков обвинялся по двум пунктам.

Во-первых, в том, что на протяжении 1936 года имел связь с «агентом польской разведки» Владимиром Антоновичем Кушаковым, по заданию которого вел разведывательную работу в пользу Польши, собирая сведения о состоянии 92-й авиационной бригады.

Во-вторых, в том, что являлся активным участником контрреволюционной троцкистской вредительской организации, существовавшей в системе Противовоздушной обороны Москвы, и по ее заданиям проводил вредительство в боевой подготовке 117-й авиационной эскадрильи, а также завербовал в нее метеоролога Илью Михайловича Тимохина.

Дело подлежало рассмотрению в Военной коллегии Верховного суда СССР. Доказательствами по нему стали признание обвиняемого, показания Сергея Владимировича Алексева, Анатолия Федоровича Заколадкина, Ивана Нестеровича Бердника и Ильи Михайловича Тимохина, а также очная ставка с последним. Тяжесть обвинений не оставляла М.Г. Аксакову никаких шансов остаться в живых.

Еще до начала суда наказание в виде расстрела было решено руководством страны.

В «Списке лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР» от 3 января 1938 года Михаил Георгиевич Аксаков значился по 1 категории, что означало неизбежный расстрел (следом за М.Г. Аксаковым в списке из 71 человека значился С.В. Алексеев). Этот список был подписан И.В. Сталиным, К.Е. Ворошиловым, В.М. Молотовым и Л.М. Кагановичем.²⁹²

8 февраля 1938 года состоялось подготовительное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором было определено согласиться с обвинительным заключением, принять дело к производству, заслушать его на закрытом судебном заседании «без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей».²⁹³ Некоторых из «свидетелей» к тому времени уже не было в живых.

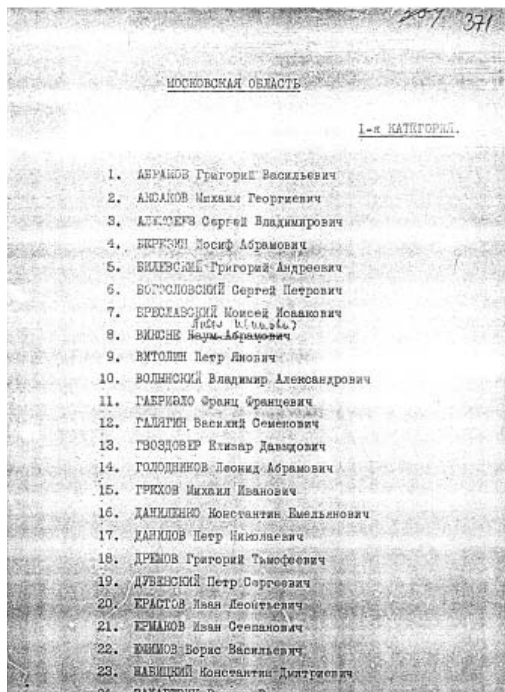
Суд над полковником Павлом Митрофановичем Монархо, 1904 года рождения, командиром 92 истребительной авиабригады состоялся 15 декабря 1937 года. П.М. Монархо виновным себя не признал. Расстрелян 15 декабря 1937 года.

Суд над Аркадием Васильевичем Малышевым, 1905 года рождения, командиром 118 истребительной авиаэскадрильи, состоялся 15 декабря 1937 года. А.В. Малышев виновным себя не признал. Расстрелян 15 декабря 1937 года.

Суд над Ильей Михайловичем Тимохиным, 1911 года рождения, метеорологом 92 истребительной авиабригады, состоялся 19 декабря 1937 года. И.М. Тимохин признал себя виновным и просил о снисхождении. Расстрелян 19 декабря 1937 года.

9 февраля 1938 года, состоялось закрытое судебное заседание, которое заняло всего 15 минут. Подсудимый Михаил Георгиевич Аксаков виновным себя не признал, данные на предварительном следствии показания отверг, сказав, что И.Н. Бердника не знает, а полковника А.Ф. Заколадкина видел всего один раз.

В последнем слове Михаил Георгиевич Аксаков заявил, что показания на предварительном следствии дал ложно и что участником антисоветской организации не является.²⁹⁴

Первый лист списка лиц от 3 января 1938 года, определенных к преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР 1-й категории (расстрел).

В списке числятся летчики-истребители

Аксаков М.Г. и Алексеев С.В.

Список подписан начальником 8 отдела ГУГБ НКВД СССР старшим майором госбезопасности Цесарским.

Санкция на расстрел дана Молотовым, Кагановичем, Ждановым, Ворошиловым и Сталиным.

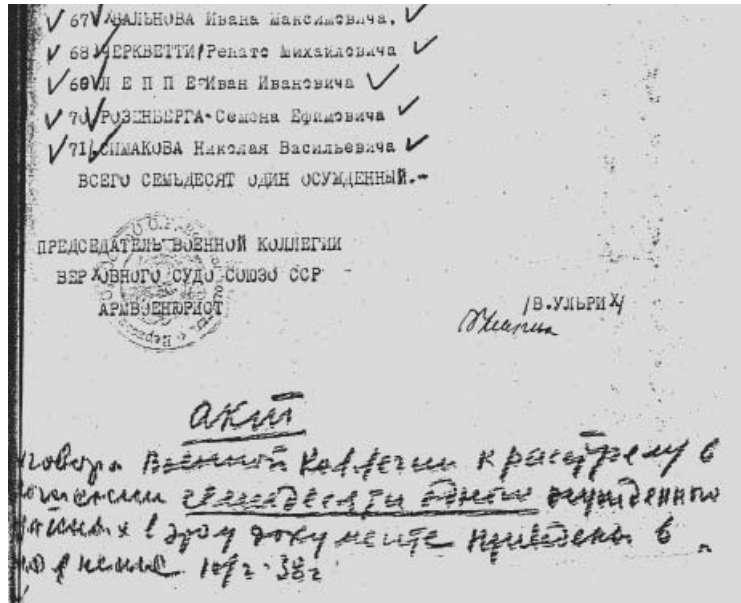
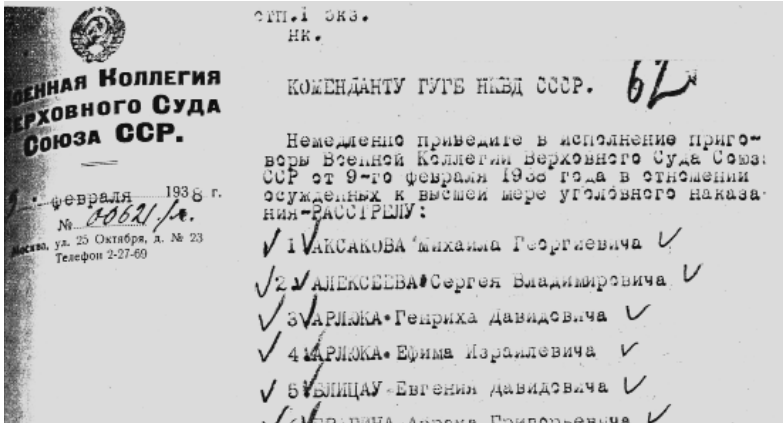
Архив Президента Российской Федерации. Москва. Россия.

Военная коллегия Верховного суда СССР, приговорила Михаила Георгиевича Аксакова к высшей мере наказания – расстрелу, лишению воинского звания с конфискацией лично ему принадлежащего имущества. Приговор был окончательный и в силу постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежал приведению в исполнение немедленно.²⁹⁵ Председательствующий – Диввоенюрист т. Никитченко; Члены: Военные юристы 1 ранга т.т. Кандыбин и Климин; Секретарь – Военный юрист 3 ранга т. Козлов.

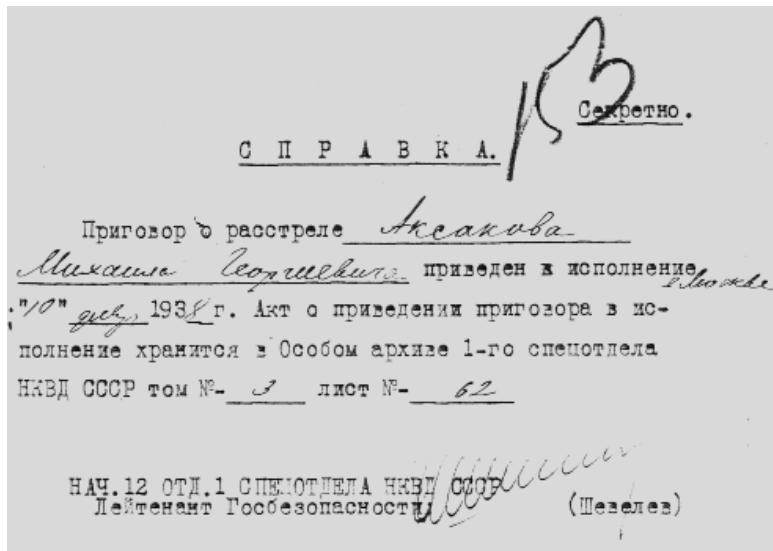
Однако произошла задержка на сутки, поскольку машина политических репрессий не успевала за валом судебных решений. В связи с этим, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В. Ульрих направил коменданту Главного управления государственной безопасности НКВД СССР приказ № 00621/л от 10.02.1938 г. с требованием немедленно привести в исполнение приговоры относительно 71 осужденного, вынесенные Военной коллегией Верховного суда СССР 9 февраля.²⁹⁶

10 февраля 1938 года приговоры, в том числе, в отношении Михаила Георгиевича Аксакова были приведены в исполнение.²⁹⁷ Вместе с ним были расстреляны 70 человек, в том числе его сослуживец Сергей Владимирович Алексеев. Официально сообщили, что все приговорены к 10 годам лишения свободы «без права переписки».

В середине 1950-х годов, когда начался процесс реабилитации жертв политических репрессий, было пересмотрено дело о «заговоре» в системе Противовоздушной

Список (начало и окончание страницы) тех же лиц (71 человек), расстрелянных 10 февраля 1938 года на Лубянке по экстренному указанию Председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР В.В. Ульриха. Красным карандашом, видимо по шершавой стене, написан Акт о приведении приговора в исполнение. Фамилии подписавших акт копировать запрещено.

Справка с грифом
«Секретно»,
защитая в
следственное
дело Михаила
Георгиевича
Аксакова
о приведении
приговора в
исполнение.

Архив управления
ФСБ России
по Калужской
области. Калуга.
Россия.

обороны Москвы. Дело вел старший следователь особого отдела КГБ при Совете министров СССР по Московскому округу ПВО майор Андронов. В течение декабря 1955 – февраля 1956 годов качестве свидетелей им были допрошены: бывший командир авиационной эскадрильи полковник Федор Григорьевич Курдубов; бывший уполномоченный особого отделения 92-й истребительной авиабригады Иван Иванович Демичев; бывший инструктор политотдела бригады и комиссар эскадрильи полковник Никанор Иванович Западалов; бывший политработник 92-й истребительной авиабригады Федор Матвеевич Лосев. Ведший дело следователь Федосей Иванович Васильев, как выяснилось в ходе следствия, после тяжелой болезни уже умер от язвы желудка.

Во время допросов следователя Андропова интересовало, в основном, применялись ли к М.Г. Аксакову и другим подследственным меры «физического воздействия», что, естественно, отрицалось. Одновременно были осмотрены архивно-следственные дела Ильи Михайловича Тимохина и Аркадия Васильевича Малышева, составлены обзорные справки по делу Александра Павловича Радзивиловского, расстрелянного в качестве участника заговора в НКВД СССР, а также материалы по делу Павла Митрофановича Монархо.

30 декабря 1955 года был проведен анализ архивно-следственного дела Михаила Георгиевича Аксакова, в результате которого появилось заключение Главной военной прокуратуры СССР от 29 апреля 1956 года. В нем давалась вполне адекватная оценка данному делу. Было установлено, что Павел Митрофанович Монархо, который проходил как вербовщик М.Г. Аксакова, также на суде виновным себя не признал, и его дело также представлено в Военную коллегия Верховного суда СССР с заключением о прекращении. Полковники Федор Григорьевич Курдубов и Никанор Иванович Западалов,

знавшие М.Г. Аксакова по совместной службе, охарактеризовали его «исключительно положительно, как примерного летчика».²⁹⁸

На вопрос следователя, как Вы можете охарактеризовать Аксакова за время совместной службы в 92-й авиабригаде, бывший комиссар 117 эскадрильи Н.И. Западалов ответил:

«АКСАКОВА я считал как достаточно подготовленного, грамотного и культурного командира эскадрильи. Сам он был хорошим летчиком, много времени уделял боевой подготовке летного состава. Во время работы комиссаром эскадрильи ко мне от летчиков поступали жалобы на то, что Аксаков затягивает ввод их в строй. Я об этом докладывал комиссару бригады Котову, и сам беседовал с Аксаковым. Аксаков мне заявил, что пока он не будет уверен в полной готовности того или иного молодого летчика, он выпускать не будет. Позже, когда я овладел достаточными знаниями летного дела, я пришел к выводу, что Аксаков в принципиальной постановке этого вопроса был прав. Такая всесторонняя подготовка летного состава уменьшала аварийность».²⁹⁹

Показания Ивана Нестеровича Бердника и Анатолия Федоровича Заколадкина были дезавуированы, поскольку они знали об «участии» М.Г. Аксакова в «антисоветской организации» со слов других лиц. Вывод был однозначен – приговор отменить, а дело прекратить.

18 июля 1956 года Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела дело по обвинению Михаила Георгиевича Аксакова, приговор «по вновь открывшимся обстоятельствам» был отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Михаил Георгиевич Аксакова был реабилитирован посмертно.³⁰⁰

Немаловажную роль в реабилитации, как указано в определении Верховного суда СССР, сыграло то обстоятельство, что Михаил Георгиевич Аксаков был арестован по указанию бывшего руководящего работника НКВД Леплевского. И по ордеру, подписанному бывшим заместителем начальника Управления НКВД по Московской области А.П. Радзивиловским, «которые впоследствии были привлечены к уголовной ответственности за массовые, необоснованные аресты и фальсификацию следственных дел».³⁰¹ В определении также отмечалось, что доказательства виновности обвиняемого в шпионаже в деле отсутствуют.

В августе 1956 года Военная коллегия Верховного суда СССР обратилась к начальнику Управления КГБ СССР по Московской области с просьбой найти родственников Михаила Георгиевича Аксакова для объявления им определения о реабилитации.³⁰² При этом на бланке письма типографским способом было отпечатано, что сообщение о реабилитации необходимо сделать «не объявляя полностью содержания определения», а только результат его рассмотрения. По данным Центрального адресного бюро города Москвы была найдена мать Михаила Георгиевича, Мария Михайловна Аксакова, проживавшая на станции Сходня Химкинского района Московской области, которой 28 сентября 1956 года³⁰³ и сообщили о посмертной реабилитации сына.

Дело М.Г. Аксакова являлось типичным для периода политических репрессий. Как и другие подобные дела, оно было полностью фальсифицировано, не содержало никаких доказательств вины обвиняемого и нарушало нормы права. Несомненно, что

к Михаилу Георгиевичу Аксакову применялись методы физического воздействия. Об этом свидетельствуют не только методы следствия, применявшиеся в 1930-е годы. Косвенным доказательством является текст самих протоколов допросов, в которых в ряде случаев отсутствует логика в ответах, появляются неожиданные признания фантастических, полностью вымышленных обвинений, а также прослеживается изменение почерка обвиняемого при подписании протоколов.

В этом контексте показателен один из эпизодов. Доказательством «связи» М.Г. Аксакова с троцкистами являлся брак его двоюродной сестры Нины Сергеевны Аксаковой с Иваном Никитичем Смирновым.³⁰⁴ Следователь подробно развивал эту тему в допросе 13 мая 1937 года. На самом деле Нина Сергеевна Аксакова была замужем за другим Смирновым, тоже высокопоставленным партийным работником, заместителем Наркома связи – Смирновым Николаем Ивановичем (арестован НКВД 6 ноября 1937 года). М.Г. Аксаков прямо не признал, что его сестра состоит в браке с Иваном Никитовичем Смирновым, но, даже не предпринял попытки отрицать очевидную путаницу (а может быть, был не в состоянии это сделать). Он сказал только, что полагал, что речь идет о другом Смирнове.

В первые дни после ареста Михаил Георгиевич Аксаков оказывал довольно последовательное сопротивление нелепым обвинениям, однако затем оно стало слабеть. Стратегия следствия заключалась в том, чтобы сначала добиться признания личной виновности обвиняемого, а затем – получить сведения о контрреволюционной организации в авиационной бригаде в целом. «Вредительская деятельность» самого Михаила Георгиевича Аксакова интересовала следствие только в контексте общего заговора в системе Противовоздушной обороны г. Москвы. Следствие больше внимания уделяло выяснению круга участников организации, чем аспектам ее деятельности, которая освещена в допросах поверхностно и неконкретно.

Одной из несомненных причин репрессий в отношении М.Г. Аксакова явилось его дворянское происхождение, трактовавшееся как достаточное основание для склонности к антисоветской деятельности.

Его следственное дело являлось столь же фальсифицированным, как и дело Татьяны Александровны Аксаковой. Разница между ними состояла лишь в том, что если М.Г. Аксакову в вину ставили преимущественно его служебную деятельность, а его дворянство играло роль отягчающего обстоятельства, то Т.А. Аксакова была репрессирована практически исключительно за социальное происхождение. Во время ее допросов следователя интересовали только родственные связи и круг знакомств. Основным пунктом обвинения стала частная жизнь, которая была интерпретирована в правовых категориях. Подобный подход еще раз демонстрирует неоправданность репрессий, которым мог подвергнуться любой гражданин СССР, вне зависимости от социального положения, только в силу наличия родственных и дружеских связей. Абсурдность обвинений не оказывала влияния на методы ведения следствия, которые в любом случае продолжали оставаться противозаконными и сопровождалась физическим и психологическим воздействием.

*Михаил Михайлович
Аксаков рядом
со стендом,
посвященным тем
далеким событиям,
в которых принимал
участие его отец.
Фото 2004 года.*

Семье Аксаковых до сих пор не дает покоя следующий факт. Где-то в 1940–1941 гг. из эшелона, проходившего через Ростов-на-Дону, в спичечном коробке, на котором был написан ростовский адрес, на пути была выброшена записка от Михаила Георгиевича Аксакова, которая была передана родственникам его жены, проживавшим в этом городе. Как утверждал племянник М.Г. Аксакова Юрий Дмитриевич Покровский, державший записку в руках, в ней были несколько фраз, написанных красным карандашом: «Оля, Митя [родители Ю.Д. Покровского – А.К.] – проезжаю Ростов, куда везут, не знаю. Я ни в чем не виноват. Передайте семье, что жив...».

В Центральном музее авиации в подмосковном Монино есть стенд, созданный в далекие 1950-е годы. Посвящен он героям-летчикам, участникам боев на КВЖД в 1929 году, награжденным орденом Красного знамени. В центре экспозиции под № 20 помещена фотография улыбающегося молодого человека в летном шлеме. Под ней подпись – командир отряда Михаил Георгиевич Аксаков.

Рядом можно увидеть фотографии участников описанных выше событий...

Михаил Михайлович Аксаков

После расстрела Михаила Георгиевича Аксакова его семья получила предписание в трехдневный срок покинуть квартиру люберецкого авиационного городка. Его жена Юлия Гавриловна³⁰⁵ вместе с 9-летним сыном Михаилом до осени скрывались в Подмоскovie, а затем у родных в Ростове-на-Дону, от которых годы спустя и узнала о существовании записки от мужа, затем семья «врага народа» перебралась в подмосковное село Поварово к дяде мужа Евгению Михайловичу Лебедеву, работавшему лесничим.

Быстрый отъезд из авиационного городка помог избежать ареста. В деле М.Г. Аксакова приложен рапорт сотрудников госбезопасности, в котором излагалось, что, прибыв на место его жительства, никого из членов семьи осужденного обнаружить не удалось. Со слов соседей его жена с сыном уехали в неизвестном направлении, не оставив адреса.

Сын Михаила Георгиевича Аксакова, Михаил, родился 25 ноября 1928 года в Ростове-на-Дону. Его трудовая деятельность началась в годы Великой Отечественной войны. В апреле 1942 года в 13-летнем возрасте он поступил на работу на авиационный завод № 459 в Солнечногорске, где по военным нормам проработал медником и слесарем до августа 1945 года. Его мать трудилась музыкальным работником в детском саду.

В Солнечногорске Юлии Гавриловне помог устроиться Н.А. Соколов – директор детского дома имени 8 марта, который находился в населенном пункте Поваровка (между Солнечногорском и Москвой), и где Ю.Г. Аксакова работала несколько лет до начала войны. Там Аксаковы познакомились с детским писателем Аркадием Гайдаром и его женой, Дорой Матвеевной, которые приезжали на лето к работавшей в детском доме родственнице. Все знали о семейной трагедии Аксаковых и проявляли сочувствие. Когда органы стали интересоваться Юлией Гавриловной, директор детского дома, предупредил ее о грозящей опасности и посоветовал уехать, оказав содействие в трудоустройстве в Солнечногорске.

Наступил 1941 год. Именно в этом городе Михаил Аксаков со сверстниками увидели передовые отряды немцев. Это было утром 25 ноября 1941 года в 13-й день его рождения. Танки с крестами на башнях остановились на горке перед въездом в Солнечногорск по краям заснеженной дороги со стороны Клина. Весь ее пологий склон был усеян трупами красноармейцев, которых потом хоронили в братской могиле в центре города. Стоял сильный мороз. С брони слезли немецкие солдаты, сняли велосипеды и по снежному покрову покатали в город по протоптанным пешеходным тропинкам. Десятью днями позже, 5 декабря 1941 года, по этому же склону, но в обратном направлении, они спешно бежали, бросив много техники, которая отказывалась заводиться.

Из Солнечногорска фашистов выбила армия под командованием генерала А.А. Власова, хотя, как утверждают историки, в руководстве данной операцией он участия не принимал.

Для Михаила жизнь между этими двумя событиями запомнилась еще одним фактом, оставившим глубокий след в его памяти. Немцы на подростков реагировали спокойно. Например, сын заведующей детским садом Николай Кедрин, который был старше Михаила на несколько лет, постоянно ссорился с одним рыжим немецким солдатом и даже частенько с ним дрался. Причину ссор Михаил понять не мог. У дра-

7 мая 1938 года. 2-й «А» класс 78-й школы в Ростове-на-Дону, куда Миша (в предпоследнем ряду, 3-й слева) с мамой, опасаясь ареста, приехали из подмосковных Люберец. Отец, Михаил Георгиевич Аксаков, был арестован 22 апреля 1937 года и 10 февраля 1938 года расстрелян. Но семья об этом не знала.

Личное собрание М.М. Аксакова. Москва. Россия.

чунов был языковой барьер, но они непременно находили причины, приводившие к потасовкам. Тем не менее, последствий от этих стычек не было, пока не случилось следующее. Как-то, уличив момент, Михаил с друзьями сбросили пулемет, установленный немцами на крыше клуба Лепсе. В результате удара о землю ствол пулемета деформировался, его оторвало при пробном выстреле, и огневая точка была выведена из строя. Немецкие солдаты не стали разбираться, кто принимал участие в этом мероприятии, а кто нет. Они схватили всех попавшихся на глаза подростков и пристроили их к колонне задержанных и выводимых из города в сторону Клина.

До сих пор Михаил Михайлович Аксаков с благодарностью вспоминает мужчину, который, пользуясь сумерками, вытолкнул его из строя в сугроб. Когда колонна удалась, из снега вылезли еще трое ребят, в том числе и Николай Кедрин. Ребята знакомыми дворами и закоулками, чтобы не попасться снова, благополучно вернулись домой.

После изгнания немцев продолжились тяжелые военные будни. Многочасовой, изнурительный труд на заводе, хроническое недоедание и недосыпание изматывали неокрепшие организмы подростков. Ребята частенько просыпали и опаздывали на работу, что влекло за собой неминуемое осуждение и наказание. Не удалось этого избежать и Михаилу.

*Детский дом имени
8 марта, где Юлии
Гавриловне с сыном
была предоставлена
комната для
проживания.*

*Фото от 22 марта
1941 года.*

*Личное собрание
М.М. Аксакова.
Москва. Россия.*

Юлии Гавриловне предложили место музыкального работника на курсах «Выстрел», где она познакомилась, а затем 25 апреля 1944 года вышла замуж за преподавателя курсов, полковника Заикина Александра Ивановича, но свою фамилию Ю.Г. Аксакова сохранила.³⁰⁶

А.И. Заикин родился 2 января 1897 года, сын крестьянина, православного вероисповедания, в 1913 году окончил полный курс учения в Московском Басманном городском 4-х классном училище с льготой в части воинской повинности, предоставленной 2-му разряду по образованию, о чем выдан аттестат от 22 мая 1913 года.³⁰⁷

Бывший царский офицер, участник Первой мировой войны. На фронте сильно обморозил ноги, которые в 1960-х годах, уже в Майкопе, ему ампутировали. Александр Иванович был человеком мягким и доброжелательным, что среди прочих отмечала и его первая жена Клавдия Ивановна. Она умерла от туберкулеза, которым долго болела, да и сам Александр Иванович имел скрытую форму этого заболевания и наблюдался у врачей. На «Высших Стрелково-Тактических Краснознаменных и Ордена Ленина Курсах Усовершенствования офицерского состава пехоты Красной Армии «Выстрел» им. Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова» А.И. Заикин преподавал тактику. Юлия Гавриловна хорошо вписалась в коллектив преподавателей курсов, она проработала там ровно три года, с марта 1943 г. по март 1946 г. В семейном архиве сохранилась Грамота от 1946 года, которой она была награждена.

«ТОВАРИЩУ Аксаковой Ю.Г.

За активное участие в общественно-массовой работе курсов «ВЫСТРЕЛ», в честь Международного женского дня – 8-е марта.

Начальник Курсов «ВЫСТРЕЛ», Генерал-Полковник Рейтер.

Через некоторое время Юлия Гавриловна Аксакова устроилась на работу на курсы «Выстрел».

Личное собрание М.М. Аксакова. Москва. Россия.

Начальник Политического Отдела, Полковник Рябухин».

Хотя бои шли уже далеко за границей СССР, в душе Михаила Аксакова, как и у его сверстников, все сильнее росло желание сбежать на фронт. Кроме того, в отличие от своих товарищей, Михаил считал себя в ответе за отца, вину которого он не знал, но должен был ее обязательно искупить. Война закончилась победой над Германией, а он еще не достиг призывного возраста и ничего не успел сделать. И вот осенью 1945 года вместе с другом, никого не предупредив о своем решении, два 16 летних парня запрыгнули в проходящий мимо товарный поезд, чтобы бросить якорь в школе Юнг в Ленинграде.

Написавшим заявление на прием в школу ребятам не удивились, такие случаи были рядовыми по тому времени явлениями. Они попали в 4-й, так называемый, Соловецкий набор, хотя на Соловки этот призыв уже не посылался, а обучение было организовано в Кронштадте.

В 1946 году после годичного обучения Михаил Михайлович Аксаков с отличием по всем предметам окончил полный курс подготовки Кронштадской школы Юнг, был выпущен по первому разряду, профиль «моторист-дизелист».³⁰⁸ Служить был направлен на Черноморский флот матросом на крейсер «Молотов», который находился в порту Севастополя.

И здесь не обошлось без памятных событий. Летом 1947 года крейсер «Молотов» в обстановке полной секретности под конвоем подводных лодок и авиации прибыл в Ялту, где 19 августа 1947 года на его борт в сопровождении свиты поднялся И.В. Сталин. В середине однодневного похода в Сочи, примерно в час дня, по просьбе командования Черноморского флота глава Советского государства поднялся на палубу, чтобы сфотографироваться с командой на память.

13

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР**

Отдел актов гражданского состояния

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ № 27

Гр. Александр Иванович Зайцев
ИМЯ Александр ОТЧЕСТВО Иванович

Гр-ка Юлия Гавриловна Зайцева
ИМЯ Юлия ОТЧЕСТВО Гавриловна

ушли в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния
о браке за 25 / 1944 г. Гавриловна Зайцева Александр Иванович Зайцев
Юлия Гавриловна Зайцева Александр Иванович Зайцев

произведена соответствующая запись под № 27

Фамилия после заключения брака Зайцев
она Зайцева

Место регистрации Саминское Рай Бюро ЗАГС
1944 г.

по ЗАГСу Зайцев Декларировавший

25 апреля 1944 года Юлия
Гавриловна вышла замуж
за преподавателя курсов
«Выстрел», Зайкина
Александра Ивановича.
Свидетельство о браке № 27.

Личное собрание
М.М. Аксакова. Москва.
Россия.

М. Аксаков в этот день был разносчиком пищи в своей боевой части и опоздал присоединиться к товарищам, которые расположились за спинами И.В. Сталина, А.Н. Косыгина и членов командования Черноморского флота. Он успел занять место на башне главного калибра, чем и выделился из общей массы сослуживцев.

Так судьба свела на одной палубе сына расстрелянного военного летчика и того, чьим росчерком пера была прервана жизнь его отца.

Во время службы М.М. Аксаков постоянно учился, а если не находилось времени, сдавал экзамены экстерном. Свои обязанности знал и исполнял блестяще.

В сентябре 1948 года окончил электромеханическую школу учебного отряда Черноморского флота по профилю «командир отделения, моторист-дизелист». ³⁰⁹ В 1948–1950 гг. М.М. Аксаков, старшина второй статьи, служил на миноносце «Бойкий» и в Первой бригаде торпедных катеров, являлся командиром отделения мотористов.

В 1951 году был переведен в отдельный дивизион торпедных катеров Балтийского флота, а в 1951–1953 гг. находился на боевом тралении мин в Финском заливе. В апреле 1953 года экстерном успешно сдал экзамены по профилю «старшины команды специалистов-мотористов». ³¹⁰ В 1953–1956 гг. служил на Северном флоте.

22 сентября 1953 г. М.М. Аксаков женился на Людмиле Ивановне Денисовой (родилась 10 ноября 1932 г. в Москве). ³¹¹

В 1954 году в Москве у них родился сын Андрей, который вместе с мамой приехал на север к месту службы отца.

Михаил Аксаков. 1945 год. В этом возрасте (16 лет) он «самовольно оставил завод» и с другом убежал в Ленинград поступать в Соловецкую школу Юнгов.

Личное собрание М.М. Аксакова. Москва. Россия.

К тому времени Юлия Гавриловна, мать Михаила Михайловича, уехала в Майкоп со вторым мужем, который в 1946 году демобилизовался. По рекомендации врачей для проживания они выбрали этот южный город с теплым сухим климатом. Там им был предоставлен дом с участком на улице Калинина – 243. Юлия Гавриловна до самой пенсии в 1963 году и после до 1968 года трудилась музыкальным работником сначала в детских учреждениях, затем в Майкопском пищекомбинате Райпотребсоюза. За время работы имела 11 благодарностей, 15 грамот (в том числе 5 Почетных), награждена медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» от 23.04. 1946 г., «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» от 14.10 1948 г., «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» от 7.05.1965 г., Знаком «Отличник народного образования» от 5.08.1965 г.

Известие о реабилитации отца, летчика-истребителя Михаила Георгиевича Аксакова, застало его сына Михаила на Севере в 1956 году.

В справке Военной Коллегии Верховного Суда Союза СССР от 27 сентября 1956 года, № 4н-010396/56 было написано:

«Дело по обвинению АКСАКОВА Михаила Георгиевича пересмотрено Военной Коллегии Верховного Суда Союза СССР 18 июля 1956 года. Приговор военной коллегии от 9 февраля 1938 года в отношении АКСАКОВА М.Г. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

АКСАКОВ Михаил Георгиевич реабилитирован посмертно».

Чувство безграничной радости в сочетании с горечью невосполнимой утраты полностью овладели сознанием Михаила Михайловича. В один миг он прочувствовал весь трагизм своего прежнего положения, положения «сына врага народа». Служить больше не смог, да и теперь не было смысла, не было необходимости скрывать прошлое, прятаться, подбирать слова. Командование Северного флота с пониманием отнеслось к его состоянию и оказало всяческое содействие, подведя в июне 1956 г. под увольнение по организационно-штатным мероприятиям в связи с плановым сокращением воинских частей. Семья Аксаковых вернулась в Москву.

Хлопоты по возвращению конфискованных документов и вещей отца ожидаемых результатов не дали. Кроме приведенной выше справки и скромной денежной компенсации, в том числе за пропавшие в хранилищах госбезопасности карманные часы (с учетом их износа), были выданы орденская книжка на имя отца без фотографии³¹² и вырванный из его личного дела листок с послужным списком и перечислением типов освоенных самолетов.

В 1962 году у Михаила Михайловича и Людмилы Ивановны Аксаковых родился второй ребенок, дочь Татьяна, а в 1963 году они получили новую отдельную двухкомнатную квартиру в отдаленном районе, на Севастопольском проспекте, куда и переселились с уже полюбившейся им коммуналки на Шаболовке. Приняли к себе бабушку Марию Михайловну, которая давно мечтала переехать к внуку и где она прожила до самой смерти в 1966 году.

Она иногда принималась рассказывать о прошлом, о дворянских корнях Михаила, о Шурике и Татьяне Сиверс, о родне ее мужа, Георгия Николаевича Аксакова, и об особенностях «Аксаковского характера». Но внук не придавал этому значения, о чем сейчас вспоминает и говорит с сожалением. В его голове до сих пор звучит ее ласковый голос: «Миша, ты все равно придешь к изучению своих корней». Так и вышло.

Проживая в Москве, М.М. Аксаков работал в Научно-исследовательском институте приборостроения «Полюс» водителем на различных легковых, грузовых автомобилях и автобусах. К работе относился ответственно, был передовиком производства, «Ветеран труда», награжден 14-ю почетными грамотами.

Неоднократно направлялся на уборку урожая в южные районы страны. В газете «Колос» Иловлинского района Волгоградской области от 31 июля 1971 года в статье «Посланцы столицы на уборке урожая» написано: «В совхозе «Пролетарий» работают 86 автомобилей. На 27 июля водители перевезли из-под комбайнов на ток 152 тысячи центнеров и с тока на элеватор 105 тысяч центнеров хлеба. Лучших результатов добились шоферы тт. Власов В.Е., Нестеров В.В., Аксаков М.М. [...], выполняющие дневное задание на 180–220 процентов».

В 1977 году к Михаилу Михайловичу из Майкопа переехала мать Юлия Гавриловна, которая прожила с ними недолго и умерла 27 декабря 1978 г. в Москве. Похоронена она рядом с Марией Михайловной на Котляковском кладбище. Ее второй муж Александр Иванович Заикин умер в 1966 году и похоронен в Майкопе. Их дом отошел государству.

Лишь в начале XXI века Михаил Михайлович Аксаков преодолел душевный барьер и занялся восстановлением своей родословной. Им были направлены запросы

*Михаил Михайлович
Аксаков у своего
401 Москвича,
припаркованного
рядом с домом на
Севастопольском
проспекте, где
Аксаковы получили
отдельную квартиру.*

Фото 1970 года.

*Личное собрание
М.М. Аксакова.
Москва. Россия.*

во многие архивы и управления ФСБ России в различных областях страны, где долгие годы под грифом «секретно» хранилась информация об его ближайших родственниках, которые не менее горячо, но по-своему любили Россию.

В 2003 году он обратился в прокуратуру г. Москвы, откуда получил справку о реабилитации:

«В соответствии со ст. 1-1, ч. 2 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» Аксаков Михаил Михайлович как оставшийся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца необоснованно репрессированного по политическим мотивам, признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован».³¹³ Михаил Михайлович и Людмила Ивановна Аксаковы в настоящее время живут в Москве, в 2003 году отметили «Золотую свадьбу». У них двое детей, пять внуков и один правнук.

Андрей Михайлович Аксаков

Старший ребенок Михаила Михайловича и Людмилы Ивановны Аксаковых, Андрей, родился 6 декабря 1954 года в Москве.

После школы работал лаборантом в Научно-исследовательском институте приборостроения «Полус» (1972–1973 гг.), затем, как и его предки, решил посвятить себя военной службе.

В 1976 г. окончил Горьковское зенитно-ракетное училище по специальности «военный радиотехник». В звании лейтенанта А.М. Аксаков был назначен начальником расчета автоматизированной системы управления ракетными комплексами на командном пункте Кировско-Путиловского полка ПВО, где прослужил до 1980 года.

В 1984 году окончил Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского, факультет космического вооружения, по специальности «военный инженер».³¹⁴ В том же году получил звание капитана и был назначен военным представителем в один из московских научно-исследовательских институтов, занимался контролем качества производства аппаратуры космических аппаратов.

В 1987–1997 гг. служил в Управлении кадров и высших учебных заведений Штаба Военно-космических сил Министерства обороны Российской Федерации.

В 1997 г. А.М. Аксаков уволился в запас в звании полковника. С 1998 г., находясь на пенсии, работает в коммерческой фирме.

В июле 1980 года Андрей Михайлович Аксаков женился на Людмиле Васильевне Балдуевой (родилась 10 декабря 1957 г. в Москве).³¹⁵ У них две дочери: Екатерина и Юлия, а также сын Даниил (родился 16 ноября 1997 г. в Москве).

Татьяна Михайловна Аксакова

Дочь Михаила Михайловича и Людмилы Ивановны Аксаковых, Татьяна, родилась 28 декабря 1962 года в Москве. Ее муж, А.С. Кулешов, сын Андрей, дочь Наталия.

Семья Аксаковых очень дружна, все праздники справляются вместе. Они являются членами Российского дворянского собрания. Михаил Михайлович и его сын

Андрей Михайлович Аксаковы участвуют в деятельности современных дворянских организаций. В 2004 г. А.М. Аксаков был избран депутатом Московского дворянского собрания по Северо-Западному округу Москвы.

Поддерживаются родственные связи как с потомками большой Аксаковской Калужской семьи, проживающими в России, Австралии, Аргентине и Франции, так и с потомками Аксаковых уфимско-самарской ветви. Вместе с представителями однокоренных родов Аксаковы принимали участие в торжествах, посвященных 625-й годовщине Куликовской битвы, в Международных Аксаковских праздниках в Башкортостане. Активно участвовали в организации и проведении первой научно-практической конференции «Аксаковы и Калужский край», состоявшейся в Калуге 25 апреля 2007 года.

Ведут поиск архивных документов и свидетельств о ратных и трудовых делах представителей дворянского рода Аксаковых и их родственного окружения.

В частности, 24 июля 2007 года в д. Субботники Сухиничского района был торжественно открыт и освящен мемориальный комплекс в честь вице-адмирала Петра Афанасьевича Чебышева (1820–1891 гг.) и лейтенанта морского флота России Андрея Петровича Штера (1878–1907 гг.). О них, о своих родственниках, писала на страницах «Семейной хроники» Татьяна Александровна Аксакова.

В настоящее время по заказу телевизионного канала «Культура» ведется съемка исторического трехсерийного документального фильма с рабочим названием «Россия Аксаковская», в основу сценария которого положены воспоминания Т.А. Аксаковой и материалы, изложенные в данной книге.

КРАТКИЙ ЭПИЛОГ К СОВЕТСКОМУ ПЕРИОДУ.

К концу XX века в роде Аксаковых сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, которая может привести к его угасанию.

К настоящему времени существуют 11 его представителей:

трое мужчин (Михаил Михайлович Аксаков, его сын Андрей Михайлович и внук Даниил Андреевич – все Москва);

четыре женщины (дочь М.М. Аксакова Татьяна Михайловна и две его внучки Екатерина Андреевна и Юлия Андреевна – все Москва, Екатерина Дмитриевна Аксакова – Ницца, Франция);

четыре супруги (жена М.М. Аксакова Людмила Ивановна и его невестка Людмила Васильевна – Москва, жена С.С. Аксакова Марина Александровна – Буэнос-Айрес, Аргентина и жена И.П. Аксакова – Джун Мари – Мельбурн, Австралия).

Все одиннадцать человек принадлежат калужско-московской ветви этого древнего дворянского рода.

Фактически, в настоящее время в последнем поколении имеется только один представитель мужского рода – Даниил Андреевич Аксаков.

В таких условиях приобрел актуальность вопрос о сохранении фамилии в качестве мемориальной традиции по женской линии. В роде Аксаковых сложилось два подхода к решению данной проблемы, которые характерны и для других современных дворянских семей.

В калужско-московской ветви было сочтено целесообразным носить двойную фамилию, и сын Юлии Андреевны Аксаковой, Кирилл, родившийся в Москве 30 января 2002 г., носит фамилию Рябцова-Аксакова. Сама Ю.А. Аксакова после замужества также стала носить двойную фамилию. Таким образом, калужско-московская ветвь следовала антропонимической традиции передачи фамилий, сложившейся в России еще в конце XVIII века, когда фамилия угасшего рода присоединялась к другой.

В уфимско-самарской ветви вопрос был решен иначе. Фамилия была передана по женской линии без каких-либо оговорок. Сын Ирины Сергеевны Аксаковой, Сергей Витальевич, родившийся 6 апреля 1964 года, и внуки Сергей и Иван носят ее фамилию. Одна из дочерей Ольги Сергеевны Аксаковой, проживающая в настоящее время в Минске, также сохранила фамилию матери.

Начало XX века было для семьи Аксаковых периодом адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям, когда значительная часть дворянства (в том числе две из трех ветвей рода) лишилась земельных владений, составлявших материальную основу ее существования ранее. Дворяне Аксаковы постепенно интегрировались с другими социальными слоями, что наглядно проявилось в матримониальных связях с представителями других сословий.

Как и дворянство в целом, они сохраняли социально-политическое, интеллектуальное значение, продолжали активно служить в государственном и военном аппарате, участвовать в интеллектуальной жизни России.

Глава III

Аксаковы в эмиграции

«Ей, России, принесем мы в подарок сбереженные реликвии нашей государственности. Ей отдадим мы наши старые знамена, сохранные в годину лихолетья. К ее ногам положим трехцветные знамена и скажем:
«Суди!»»

В. Даватиц

По состоянию на 1 января 1917 года род Аксаковых насчитывал 28 человек (без учета Александра Петровича Аксакова из тульско-рязанской ветви, который умер в 1917 году, однако точная дата его смерти не установлена). Из них было 11 мужчин, 11 женщин и 6 супруг.

По ветвям они распределялись следующим образом: в калужско-московской: 9 мужчин, 8 женщин и 4 супруг (всего 21 человек), в уфимско-самарской ветви: 2 мужчин, 3 женщины, 2 супруга (всего 7 человек).

Таким образом, к 1917 году демографическая ситуация в роде являлась вполне благополучной, пресечение ему не угрожало. Так сложилось благодаря калужско-московской ветви, в уфимско-самарской ветви вероятность угасания была выше.

Из упомянутых 28 Аксаковых с 1917 года по 1921 год умерло 4 человека: Юлия Владимировна (в возрасте около 80 лет), Ольга Григорьевна (в возрасте 72 лет), Екатерина Николаевна (в возрасте около 36 лет), Серафима Ивановна (в возрасте около 59 лет).

Из оставшихся в живых 24 представителей рода 12 эмигрировало. Особенно значителен был этот показатель среди мужчин – 8 человек (6 мужчин из калужско-московской ветви и 2-е мужчин из уфимско-самарской ветви).

Из 4-х женщин, оказавшихся в эмиграции, две принадлежали к калужско-московской ветви (Ада Федоровна и ее дочь Ада Павловна) и две к уфимско-самарской ветви (Вера Евгеньевна и ее дочь Вера Сергеевна).

Из мужчин в Советской России осталось всего трое: Борис Сергеевич Аксаков с двухлетним сыном Дмитрием (впоследствии также оказавшимся в эмиграции), а также 14-летний Михаил Георгиевич Аксаков. Все трое принадлежали к калужско-московской ветви.

Известно, что Борис Сергеевич Аксаков, воевавший в составе Добровольческой армии, в 1920 году должен был эмигрировать из Новороссийска, но этому помешала неожиданная тяжелая болезнь (сыпной тиф).

Среди представителей рода Аксаковых, оказавшихся в эмиграции, наиболее примечательной явилась деятельность двух полных тезок – Сергеев Сергеевичей Аксаковых. Один из них (принадлежавший к калужско-московской ветви) известен как мичман русского флота и последний выпускник Морского корпуса, а второй (принадлежавший к уфимско-самарской ветви), как русский - советский композитор.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ, РУССКИЙ - СОВЕТСКИЙ КОМПОЗИТОР

Сергей Сергеевич Аксаков посвятил себя творческой деятельности,¹ он родился 24 декабря 1890 года в Самаре в семье коллежского секретаря Сергея Григорьевича Аксакова. Его отец и мать Серафима Ивановна (ур. Свешникова – дочь контр-адмирала Ивана Ивановича Свешникова) окрестили сына 6 января 1891 года в Самарской Преображенской церкви. Восприемниками были: дядя по матери приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета титулярный советник Митрофан Иванович Свешников и сестра отца Ольга Григорьевна Аксакова, любимая внучка писателя Сергея Тимофеевича Аксакова.

Сережа был не первым ребенком в семье. Старшей сестре Марии в это время было почти 6 лет, брату Константину шел третий год.

Определением Самарского дворянского собрания от 16 сентября 1900 года Сергей Сергеевич Аксаков был причислен к роду и внесен в губернскую родословную книгу.²

Как подобало детям дворянского звания, его определили в знаменитую Поливановскую гимназию в Москве, где с братом Константином они учились вместе с будущим чемпионом мира по шахматам А.И. Алехиным и поэтом С.Д. Шервинским.

Музыкальные способности у Сережи Аксакова проявились рано.³ Непродолжительное время он посещал занятия в Московской консерватории, оставив которую продолжал заниматься в частных студиях, в том числе композицией – у композитора А.Т. Гречанинова (ученика Н.А. Римского-Корсакова), фортепиано – у профессора К.Н. Игумнова, музыковедением у профессора Ю. Энгеля. С 1904 по 1911 год под их руководством усвоил полный объем программы консерватории. Отец Сережи также был неравнодушен к музыке и хорошо играл на скрипке.

В расположенной рядом Арсеньевской женской гимназии училась Татьяна Александровна Сиверс (в замужестве Аксакова), из воспоминаний которой видно, что талант Сережи уже в юношеском возрасте был замечен не только взрослыми, но и его сверстниками.

«... По субботам у детей Морозовых собирались гости. [...] общество распалось на два кружка, между которыми чувствовалась неприязнь. Наш клан мог только выставить фортепянную игру Сергея Сергеевича Аксакова (прямого потомка Сергея Тимофеевича). Братья Сергей и Константин Аксаковы тоже учились у Поливанова, причем Константин вследствие детского паралича, который он в шутку приписывал

*Мама композитора
Серафима Ивановича Аксакова
(ур. Свешникова).*

*Личное собрание И.С. Аксаковой.
Город Лобня Московской
области. Россия.*

*«Папа вспоминал тихого отца
и властную мать, дочь контр-
адмирала Свешникова. Дети
ее боялись. В день ее именин
съезжались гости со всей
губернии и в именин палили
из пушек».*

Из воспоминаний И.С. Аксаковой.

«гимназическим волнениям», плохо владел ногой и рукой. Несмотря на этот физический недостаток, он любил танцевать, а резко выраженное заикание не мешало ему выступать с декламацией. Из-за его плохой дикции я в ту пору не оценила стихов А.Блока.

У Сергея Аксакова было круглое лицо с тупым носом и очень маленьким ртом. Он отличался серьезностью, медлительностью и с важным видом говорил: «Мы очень древнего рода!».⁴

Забавно, но в перерыве между светскими субботаами, во время гимназических будней, учащиеся двух гимназий придумали хитроумный способ общения, подкладывая в карманы пальто рассеянным преподавателям записочки, адресованные своим избранникам. Учителя же, ничего не подозревая и проводя занятия поочередно в обоих учебных заведениях, оказывались этакими «почтовыми голубями» для влюбленных молодых людей.

По настоянию отца, как это было уже традицией в роде Аксаковых, Сергей поступил в Императорский Александровский лицей для получения высшего юридического образования. Переехав для учебы в Петербург, он продолжил музыкальное образование в области композиции и оркестровки у профессора Петербургской консерватории С.М. Ляпунова (продолжателя традиций «Могучей кучки»). Уже тогда обозначились музыкальные пристрастия Сергея Сергеевича Аксакова, отдававшего предпочтение камерной музыке.

В 1914 году появились его первые музыкальные произведения, началась концертная деятельность, прошли выступления как пианиста в Москве, Киеве, Минске и других городах.

Лицейст Сергей Сергеевич Аксаков.

*«Бутылочного цвета мундир, красные
обшлага, серебряное шитьё на
воротнике, а в старших классах –
золотое...».*

*Личное собрание И.С. Аксаковой.
Город Лобня Московской области.
Россия.*

В семейном архиве его дочери Ирины Сергеевны Аксаковой сохранились фотографии Сергея Сергеевича в форменном мундире и в зимней лицейской шинели.

Один из тогдашних лицейстов так вспоминал о своих сокурсниках:

«Бутылочного цвета мундир, красные обшлага, серебряное шитьё на воротнике, а в старших классах – золотое, треуголка, серая николаевская шинель до пят (с пелеринкой и бобровым воротником), да ещё шпага в выпускной год! На фоне петербургских дворцов мы казались сами себе видением пушкинской поры. [...] Традиции лицея были очень своеобразны: многие из них восходили к пушкинским годам».⁵

Как позже вспоминал сам композитор, не каждый мог позволить себе такой роскошный наряд, но «устав» лицейстов допускал возможность носить эту роскошь по-очереди. «Души прекрасные порывы» частенько приводили подвыпивших друзей к состоянию чрезмерного веселья, так что его бобровая пелеринка насквозь была пропитана винными и табачными парами, которые не могла выветрить ни одна чистка.

23 мая 1914 года С.С. Аксаков окончил Императорский Александровский Лицей, был утвержден в чине губернского секретаря и определен на гражданскую службу в отделение свода законов Государственной канцелярии.

В этом же году он женился на соседке по самарскому имению Вере Евгеньевне Усаковской (родившейся 19 июня 1891 г.),⁶ дочери генерала от инфантерии.⁷ Она была состоятельной невестой, в 1915 году ей принадлежало 1500 десятин земли при селе Ключи Бугурусланского уезда Самарской губернии.⁸ Жених так же владел значительным земельным участком в 3000 десятин земли при селе Страхове Бузу-

*Имение Аксаковых
«Страхово» под
Самарой. Константин
Сергеевич держит
лошадь под уздцы.
Сергей Сергеевич
в повозке со своей
будущей женой Верой
Евгеньевной Усаковской.*

*Личное собрание
И.С. Аксаковой.
Город Лобня Московской
области. Россия.*

лукского уезда в той же губернии.⁹ В 1916 году от этого брака родилась дочь Вера (1916 – ок.1999 гг).

Началась первая мировая война. Старшая сестра Мария Сергеевна Аксакова стала сестрой милосердия в одном из госпиталей.

Сергей Сергеевич уволился из Государственной канцелярии и 16 февраля 1915 года поступил в Пажеский корпус, где по окончании ускоренного годичного курса обучения, ему было присвоено офицерское звание. В 1916 году он был назначен Начальником отряда Общества Красного Креста и направлен в Полоцк, затем в Ригу и Псков.

Как писал в автобиографии сам Сергей Сергеевич, в 1918 году отряд был расформирован. Он уехал в Куйбышев (Самару), а оттуда с семьей в Харбин, куда прибыл «легально» в 1920 году.

Н.Н. Мазараки со ссылкой на Памятную книжку лицезов за рубежом (Париж, 1929 г.) указывал, что в это время Сергей Сергеевич Аксаков был в армии адмирала А.В. Колчака.

В Харбине пришлось работать на Китайско-Восточной железной дороге, где С.С. Аксаков заведовал климатическими станциями сначала временно, а 1 января 1927 года был зачислен в штат.

23 февраля 1928 года он стал временным агентом Экономического бюро, откуда уволился 1 февраля 1929 года.¹⁰ Работа давала небольшой, но стабильный, заработок и Сергей Сергеевич параллельно начал педагогическую деятельность в Харбинской

В годы первой мировой войны. Сергей Сергеевич Аксаков после окончания ускоренного курса Пажеского корпуса в 1916 г. был назначен Начальником отряда Общества Красного Креста и направлен в Полоцк, затем в Ригу и Псков.

Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.

высшей музыкальной школе имени А. Глазунова, которой занимался вплоть до отъезда в Шанхай в феврале 1929 года.

Харбинский период жизни был для семьи одновременно и счастливым и несчастным. Радовала дочка Вера (ее в семье, даже когда она повзрослела, звали Ляля, чтобы не путать с мамой Верой Евгеньевной).

Налаживался процесс возврата к музыкальной деятельности, однако судьба приготовила очередное испытание – стал распадаться брак. Хотя отец (со слов дочери Ирины) не был безгрешен, он выступал против развода. Тем не менее, по настоянию жены они разошлись, и Вера Евгеньевна сразу связала свою дальнейшую судьбу с состоятельным в то время эмигрантом Василием Ивановичем Лавровым.

В те годы обстановка в Китае была крайне напряженная. Бессилие центральной власти (по сути, шла гражданская война) усугублялось присутствием сотен тысяч русскоязычных эмигрантов со своими планами, идеями и амбициями. Обеспечить приличный по тем временам уровень жизни могли лишь два обстоятельства – востребованная специальность и знание, как минимум, английского языка, чем большинство беженцев, как правило, не располагало. Ситуация в стране накалялась. В 1928 году, буквально за год до боевых действий на КВЖД (осенью 1929 г.), С.С. Аксаков получил приглашение в Шанхайскую государственную консерваторию и решил на переезд в более обеспеченный и музыкально просвещенный Шанхай.

Там он трудился в качестве профессора фортепианного класса в течение 15 лет с 1 сентября 1929 года по 31 января 1945 года. Одновременно в 1932–1934 годах Сергей

Коммерческое Собрание.

В понедельник 26-го марта 1928 года

ЭКСТРЕННЫЙ КОНЦЕРТ

посвящается произведениям

С. С. АКСАКОВА.

ПРОГРАММА.

Начало в 9 час. вечера.

тип. «Новости Жизни»

Программа концерта композитора С.С. Аксакова в Харбине 26 марта 1928 года.

Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.

Сергеевич читал курс истории музыки и лекции по теоретическим музыкальным предметам для иностранных студентов.

Заработная плата профессора (от 96 юаней в 1929 г. до 220 юаней к 1937 г.), частные уроки и открытие собственной музыкальной студии в 1930 году позволили купить приличный дом, обзавестись прислужгой.

В феврале 1930 года Сергей Сергеевич Аксаков заявил о себе как композитор: написал цикл вокальных интерпретаций произведений А.А. Ахматовой, музыку на слова известного писателя А.М. Ремизова. Всего же к тому времени ему принадлежало более 30 романсов, много фортепьянных пьес и сонат, несколько хоров, симфоническая поэма «Из Данте», была начата работа над оперой «Психея». Музыкальными критиками он воспринимался как композитор лирического направления. Рецензенты давали следующие характеристики его творчеству: «...Последний период музыкального творчества С. Аксакова представляет собой сферу новых особых исканий. Это направление мы попытаемся охарактеризовать как стилизацию романтизма, своеобразный и самообытный «нео-романтизм»».¹¹

В ноябре 1935 года произошло объединение двух эмигрантских организаций, находившихся в Шанхае – «Востока» и «Шанхайской Чураевки». Председателем единого общества, получившего название «Шатер», стал Сергей Сергеевич Аксаков. В состав объединения входили люди творческих профессий – музыканты, поэты, художники, они издавали сборник «Врата», который пользовался большой популярностью среди эмигрантов.

В 1930-е годы музыкальная деятельность С.С. Аксакова приобрела более заметный общественный резонанс, часто отмечалась в газетных и журнальных статьях. Он воспринимался как известный композитор, музыкант и педагог.

Одновременно с музыкальной деятельностью Сергей Сергеевич продолжал заниматься правом, интересовался юридическим положением эмигрантов. В феврале 1930 года он был избран членом Русского юридического общества в Шанхае.

В 1934 году Сергей Сергеевич Аксаков женился вторично на дочери богатого фабриканта и домовладельца Клавдии Степановне Ивановой-Колударовой (1905–1996 гг.). От этого брака родилось две дочери: Ирина (31 августа 1939 г. в Шанхае) и Ольга (там же 1 ноября 1942 г.).

Согласно семейному преданию, крестная Сергея Сергеевича, его тетушка Ольга Григорьевна Аксакова говорила племяннику – пока не назовешь моим именем свою дочь, не видать тебе сына! Шутки шутками, но третья девочка была названа Ольгой, однако пророчеству не суждено было сбыться. Видимо поэтому, когда много лет спустя, уже в СССР, родился внук Сережа, ему досталась (да простят нас за это утверждение) большая часть любви деда, тем более, что оба были схожи в своих пристрастиях, в частности, в любви к шоколадным конфетам.

Несмотря на произошедшие изменения, Сергей Сергеевич и его первая жена Вера Евгеньевна поддерживали отношения, переписывались. Однако подарки от нее к различным праздникам Сергей Сергеевич не принимал и постоянно возвращал обратно.

*С.С. Аксаков с К.С. Аксаковой
(ур. Ивановой-Колударовой)
в Шанхайском парке. Шанхай.
Китай. Фото ок. 1935 года.*

*Личное собрание И.С. Аксаковой.
Город Лобня Московской области.
Россия.*

Через некоторое время по обоюдному согласию к нему в Шанхай переехала их дочь Ляля, к тому времени очень красивая девушка, с которой Клавдия Степановна сразу подружилась. С этого момента все самое лучшее предназначалось исключительно ей. Отъезд Ляли из Харбина в Шанхай к отцу был вызван рядом непростых обстоятельств. Второй муж Веры Сергеевны серьезно заболел. У него развился рассеянный склероз, он «впал в детство» и, сидя в кресле, постоянно беспомощно плакал и звал жену. Вере Евгеньевне, чтобы содержать семью, пришлось устроиться на работу в аптеку, но обо всем этом она умалчивала и делала вид, что все в порядке.

Очень скоро Ляля вышла замуж за преуспевающего бизнесмена – весельчака Виктора Андреевича Меньшикова (в семье у него была кличка Hello-boy), который вел свои дела с японцами, что тогда в обществе считалось чуть ли не преступлением, поэтому дома об этом говорили шепотом, а вне дома вообще умалчивали.

Семья Меньшиковых жила в престижном районе города. Сама Ляля была буквально осыпана бриллиантами. На Пасху она всегда одевала ожерелье из золотых пасхальных яиц, которые по традиции ей каждый год дарили родные и близкие.

Очень скоро у Ляли родилась первая дочь Наташа, следом у ее отца на свет появилась дочь Ира. Потом у Ляли родилась вторая дочь Таня, а за ней у Сергея Сергеевича дочь Оля. Так и получилось, что тетки были младше своих племянниц. Дружили девочки попарно в соответствии с возрастом. Повзрослев, Наташа с Ирой уже подумывали о кавалерах, а младшие Таня и Оля еще бегали в компании сверстников по Шанхаю.

Будни детей композитора и его внучек с их друзьями. Шанхай. Китай. 1940-е годы.

Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.

Семья Ляли была очень дружна с семьей отца, дети росли вместе, вместе справляли дни рождения и различные праздники.

Однако в подходах к воспитанию детей ощущалась существенная разница. Если Наташу и Таню воспитывали в духе проамериканских ценностей, то Ире и Оле прививали элементы русской и европейской культуры. То, что было обыденным для детей в семье Ляли, в семье композитора не приветствовалось. Тем не менее, вспыльчивый аксаковский характер, присущий всем представителям данной древней фамилии, порой стирал грани в стилях воспитания. Как, правило, происходило это следующим образом. Обычно, экспансивная Оля начинала свои нападки на старшую и более сдержанную сестру Ирину, постепенно переходя от слов к «боевым действиям». Это выражалось в выбрасывании через окно из детской, расположенной на втором этаже, игрушек своих сестер. Когда накал страстей выводил из равновесия Ирину, в окно вылетали уже Олины игрушки. Стоявшая под окном и привыкшая к подобным сценам прислуга, дождавшись падения последнего предмета, заносила все обратно, и жизнь входила в нормальное русло.

И все же, каждое появление в доме композитора семьи Меньшиковых нарушало размеренный ритм жизни его обитателей и было предвестием веселых розыгрышей и забав. Однажды, в день рождения Ирины, когда она принимала ванну, готовясь появиться перед гостями, в помещение ворвался Виктор, который

Шанхайский период творчества композитора С.С. Аксакова.

Период преподавания в Государственной Консерватории Восточного Китая и открытие частной музыкальной студии. Шанхай. Китай. 1940-е годы.

Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.

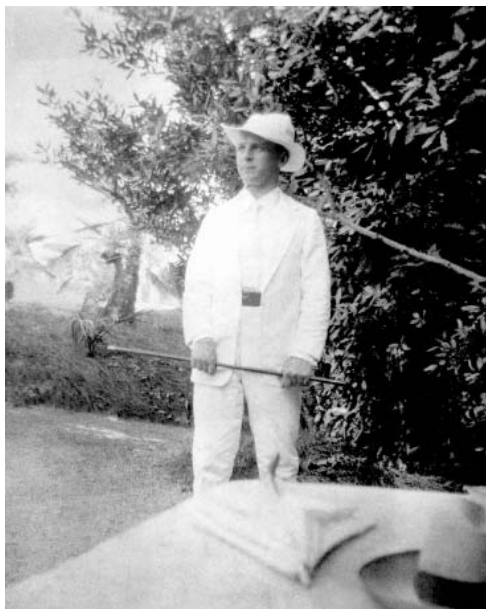
был ее крестным, вытащил из пены изумленного подростка, завернул ее в полотенце и под оживленный смех собравшейся родни надел на руку подарок – золотые швейцарские часы.

В Сочельник Сергей Сергеевич неизменно садился за фортепиано и каждый раз исполнял печальную лирическую мелодию из одноактной оперы Ребикова «Елка».

На Пасху в его обязанности входило прорастивать овес, в зеленые ростки которого клали разноцветные пасхальные яйца. Яиц обязательно было сто штук. Клавдия Степановна выпекала двадцать куличей и собственноручно готовила огромную рульку окорока. Стол постоянно был готов к трапезе, а двери дома были открыты для гостей, которые каждый год довольно длительное время приходили похристосоваться и отведать угощения.

Русская школа воспитания и бережное отношение к своему роду стали причиной искреннего негодования по поводу того, что книга «Семейная хроника», автором которой являлся прадед композитора Сергей Тимофеевич Аксаков, вышла на французском языке под названием «Полудикари». Возмущенный Сергей Сергеевич добился от издательства извинений и снятия тиража с продажи.

Начало второй мировой войны и последовавшее нападение Германии на СССР было встречено русской эмиграцией неоднозначно. Одни эмигранты восприняли события позитивно, надеясь на падение коммунистического режима и возможное возвращение на Родину. В других крепки патриотические настроения и надежды на примирение с Советской властью.

*Константин Сергеевич Аксаков.
Личное собрание И.С. Аксаковой.
Город Лобня Московской области.
Россия.*

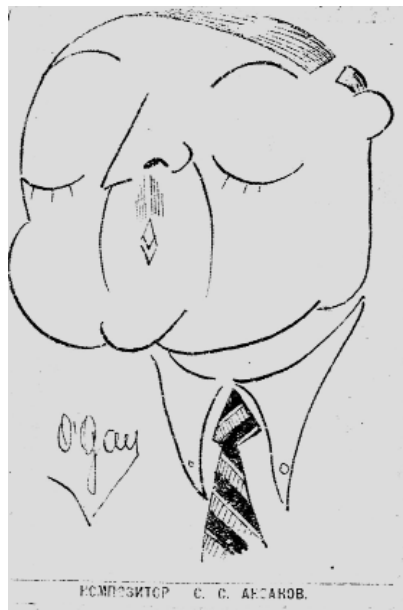
После 1943 года, когда стала ясна неизбежная победа СССР над Германией, многие эмигранты обращались в Генеральное консульство СССР в Шанхае с просьбой о разрешении вернуться на Родину.

К этой группе принадлежал и С.С. Аксаков. В 1946 году он получил гражданство СССР, стал членом Общества граждан СССР в Шанхае, в котором вел обширную общественную работу. В 1947–1948 годах являлся членом Художественного Совета при культурном отделе и в этом качестве провел в Клубе советских граждан СССР в Шанхае цикл лекций по истории музыки. Принимал участие в концертах в дни советских государственных праздников и различных знаменательных дат.¹²

Вместе с семьей С.С. Аксакова неразлучно жил его брат Константин, который заведовал в Китае бюро по найму прислуги и хозяйственного персонала. Но бизнес развалился, а с физическим недостатком (паралич руки и ноги) найти работу было трудно. Константин Сергеевич Аксаков по-прежнему продолжал увлекаться театром, в браке не состоял и находился на иждивении брата, который его любил и считал своим ангелом-хранителем.

В конце 1940-х годов, когда Сергей Сергеевич всерьез задумался о возвращении на родину, здоровье его брата резко ухудшилось. Это обстоятельство отложило переезд семьи в Советскую Россию, где ее неминуемо ждала участь первых репатриантов – сталинские концлагеря.

Сергей Сергеевич до конца дней повторял жене и детям, что Константину они обязаны всем, даже самой жизнью.

Дружеские шаржи на композитора и исполнителя С.С. Аксакова из шанхайских газет 1930–1940 годов.

Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.

Константин Сергеевич Аксаков умер в Шанхае 23 ноября 1950 года,¹³ был кремирован, прах захоронен.

Тем временем дела у Меньшиковых пошатнулись, и в 1952 году они приняли решение – уехать в Америку. С собой забрали Веру Евгеньевну и Лаврова, которые к тому моменту развелись. На попечении Сергея Сергеевича осталась их няня, которая весь остаток жизни ждала вызова от своих хозяев, но тщетно.

Не обошла стороной нужда и семью композитора. Аренда престижных помещений для репетиций с учениками требовала больших финансовых трат. Начали образовываться долги, однако ситуацию спасло наследство жены, Клавдии Степановны, полученное после смерти ее отца. Денег хватило и на выравнивание семейного финансового положения и на поддержание отъезжающей семьи дочери Веры (Ляли), у которой были выкуплены обременяющие их мебель и различные вещи.

Наконец, в 1954 году семья Аксаковых получила долгожданное извещение, подписанное генеральным консулом СССР в Шанхае Н. Шестериковым, которое разрешало возвращение в СССР на работу по освоению целинных и залежных земель. Выезд был назначен на 16 июля 1954 года.¹⁴

При отъезде из Китая Шанхайская государственная консерватория выдала С.С. Аксакову удостоверение о трудовой деятельности, в котором выразила «глубокую благодарность за его долгую работу в области музыкальной педагогики».¹⁵

По прибытии в СССР семью композитора разместили в школе небольшого рабочего поселка совхоза «Новоивановский» Омской области, основной контингент жителей которого составляли ссыльные молдаване. Вместе с другими семьями, вернувшимися из Китая, Аксаковы устроились в зале, разделив помещение тряпичными занавесками, имитирующими стены. Осознав, что освоение целинных и залежных земель стала реальной перспективой его дальнейшей деятельности в Советском Союзе, Сергей Сергеевич (со слов дочери Ирины) на три дня впал в глубокое раздумье. Прибывший в совхоз ревизор по перемещенным лицам, внимательно выслушав композитора, посоветовал ему незамедлительно выехать в Омск. Так и было сделано. С.С. Аксаков отсутствовал около трех недель, чем вызвал серьезное беспокойство семьи, так как никаких известий за это время от него не поступало. К большой радости Аксаковых глава семьи вернулся с паспортом гражданина СССР. Кроме того, ему удалось устроиться на работу руководителем фортепианных и теоретических классов в музыкальной школе города Тара Омской области.

В то время это был провинциальный исключительно деревянный одноэтажный городок, основанный в давние времена российскими государями с целью ссылки туда неугодных подданных. Половину одного из таких домов сняла семья Аксаковых, как напоминает Ирина Сергеевна, у местной жительницы Галины Балогонской. В Таре с Ириной произошел забавный случай. В неполных пятнадцать лет она выглядела совершеннолетней девушкой и, так получилось, что в местном доме пионеров начала преподавать балетные азы, которые усвоила еще в Шанхае. К ней в кружок потянулись сверстницы и примерно через месяц администрация, убедившись в серьезности намерений Иры, попросила принести паспорт и трудовую книжку, чем поставила в тупик молодую начинающую учительницу, которая изо всех сил хотела выглядеть старше. Ситуация осложнялась язвительными заявлениями 11 летней сестры Оли, которая в пылу мелких бытовых конфликтов постоянно угрожала предать огласке истинный возраст Иры. К всеобщему удовольствию руководство дома пионеров само разобралось в ситуации и только через год, когда семья покидала Тару, преподавателю насильно было выдано неприлично большое денежное вознаграждение, сопровождаемое справкой о величине трудовых подвигов.

В начале 1950-х годов Сергеем Сергеевичем Аксаковым были написаны фортепианное трио, концерт для фортепиано с оркестром, фантастический танец для фортепиано, концертный этюд, песни и романсы.

В 1955 году с согласия композитора Министерство культуры СССР направило его для музыкально-педагогической деятельности в Минск, где он преподавал в музыкальном училище при Минской консерватории.

В своем письме к двоюродной сестре Кире Митрофановне Гастевой (ур. Свешниковой), композитор писал: «Я так счастлив, что я, наконец, вернулся на Родину, где меня приняли великолепно, дали сразу отличную службу, уже выбрали членом Музфонда

СССР, собираются печатать мои произведения, записали мою игру на пластинки, а на днях родители моих учеников в музыкальной школе поднесли мне в подарок такой роскошный письменный прибор из серого мрамора, что мне даже стало неловко.

Здесь со мной моя вторая жена Клавдия Степановна (ей только 45 лет) и 2 дочери Ирина и Ольга, обе продолжают свое образование в школе.

Моя первая дочь Ляля вышла замуж в Шанхае за Меньшикова и уже имеет 2-х дочерей. Они еле уехали в Северную Африку, и я уже давно потерял их из виду.

Значит, в конце июня мы свидимся, и тогда ты мне расскажешь обо всем, что меня интересует, так как мне хочется знать и о наших родных со стороны отца и о семье Мазараки и о многих моих товарищах по школе».

Выбор Минска для места жительства, во многом, обуславливался материальными соображениями, возможностью быстро получить квартиру и медицинское обслуживание, которое было для него важно в силу возраста (64 года).

Различные исследователи творчества Сергея Сергеевича Аксакова утверждали, что семье композитора было запрещено проживать в Москве и других крупных городах Советского Союза. Это не соответствует действительности.

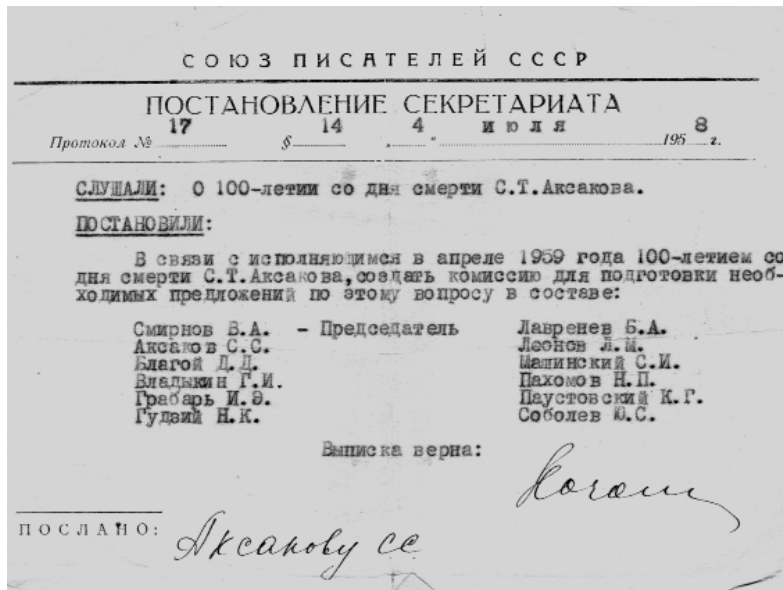
В письме дочери Ире Сергей Сергеевич указывал: «В пределах РСФСР не оказалось ничего подходящего – везде ничтожные оклады, не ехать же на 800 рублей. В Белоруссии же положение другое. [...] распоряжением Зам. Министра культуры мне предложено самому съездить в Минск, чтобы выяснить лично с Министром культуры Белорусской ССР город, оклад и квартирный вопрос. Принципиально вопрос уже решен ими по телефону, но детали надо выяснить на месте».

Не обделяло его заботой и Правление союза композиторов СССР.

8 октября 1955 года, композитор получил письменное уведомление, подписанное Г. Восканяном: «По поручению Т.Н. Хренникова сообщаю Вам, что 4/X с.г. за его подписью направлено письмо Секретарю ЦК КП Белоруссии тов. Патолічеву с просьбой содействовать предоставлению Вам квартиры. Что касается Ваших фортепианных произведений – они будут рассмотрены Ред. Советом в октябре – ноябре и, в случае принятия их, будут включены в план изданий 1956 года».

К этому времени композитор восстановил отношения с друзьями по лицу и Поливановской гимназии, в том числе с поэтом С.Д. Шервинским.

Вскоре Сергея Сергеевича Аксакова признали «деятелем советской культуры», в 1955 году избрали членом Музыкального фонда СССР при Союзе композиторов СССР, а в 1957 году – членом Союза композиторов СССР. Его произведения активно исполнялись, продолжалась напряженная композиторская деятельность. В 1950-е годы С.С. Аксаков написал концертную увертюру, симфоническую фантазию «Над Неманом», симфоническую поэму «В Журавской пуще», романсы, песни, этюды, вальсы. На творчестве этого периода отразились требования, которые предъявлялись к советским композиторам, проявилась идеологическая ангажированность – «Песнь о Ленине», «Марш молодежи» и т.д. В советское время была известна симфоническая поэма Сергея Сергеевича «В Туровской пуще», написанная на стихи поэта В. Дубовки. Она посвящалась советским воинам, сражавшимся в годы Великой Отечественной

*Постановление
об участии
С.С. Аксакова в
составе комиссии
по организации
мероприятий,
посвященных
100-летию со
дня смерти его
прадеда, русского
писателя Сергея
Тимофеевича
Аксакова.*

*Личное собрание
И.С. Аксаковой.
г. Лобня
Московской
области. Россия.*

войны. На мотивы стихов поэта Якуба Колоса он написал поэму для оркестра «Лесная сказка».

В 1956 году семье С.С. Аксакова была выделена отдельная квартира в столице Белоруссии – Минске. Сестре Кире Митрофановне (от 16 июля 1956 года) он пишет: «Я получил квартиру в новом доме со всеми удобствами, но мы будем переезжать только 20 июля, т.к. там еще нет света».

12 мая 1959 года С.С. Аксаков с дочерьми принял активное участие в торжественных мероприятиях по случаю 100-летия со дня смерти Сергея Тимофеевича Аксакова, которые проходили в Москве в Колонном зале Дома Союзов. Он являлся членом организационного комитета торжеств, в который кроме него входили известные советские писатели и композиторы. А в ноябре Сергей Сергеевич получил весточку от своей первой жены Веры Евгеньевны, которая вместе с семьей его старшей дочери Ляли (Веры Сергеевны) обосновалась в Сан-Франциско. В письме сообщалась, что младшая внучка Таня окончила школу. Старшая, Наташа уже три года замужем. Ее сыну два года, так что Сергей Сергеевич уже прадед. Пришло письмо кружным путем через Махачкалу, где проживала сестра Веры Евгеньевны и которую она просила:

«Не можешь ли ты написать несколько слов Сергею Сергеевичу, по-моему, они по-прежнему в Минске и он преподает в консерватории. Они не пишут, а хотелось бы знать, как они живут. Я лично сохранила с ним самые лучшие отношения и жена его очень милая и хорошая женщина (лучше меня), а главное моя Ляля хотела бы знать о них и их двух дочерях».

Уважаемый товарищ!

Правление Московской писательской
организации и Правление Центрального
Дома литераторов приглашают Вас на

В Е Ч Е Р,

**посвященный 75-летию со дня рождения
и 50-летию литературной, научной,
режиссерской, педагогической
и общественной деятельности**

**Сергея Васильевича
ШЕРВИНСКОГО**

Председательствует

Н. С. Тихонов

Выступления писателей и деятелей
искусств

Приветствия

К О Н Ц Е Р Т

*Программка творческого вечера друга С.С. Аксакова по Поливановской гимназии
поэта С.В. Шервинского.*

*Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.
«С.В. Шервинскому и папе было присуще умение вести светскую беседу. Однако я
частенько нарушала размеренный ее ход бесцеремонным вторжением в диалог быв-
ших гимназистов. Однажды Шервинский не выдержал и с напускной серьезностью
воскликнул, обращаясь ко мне – «Ах – Шанхайская девчонка!», но папа, смеясь, стал
на мою защиту, и беседа продолжилась дальше в том же размеренном русле».
(Из воспоминаний Ирины Сергеевны, записанных с ее слов в 2006 году).*

В 1961 году Союз композиторов Белорусской ССР и общественность Минска широко отмечали семидесятилетний юбилей Сергея Сергеевича Аксакова.

Из письма композитора двоюродной сестре Кире Митрофановне: «11 января в Союзе композиторов торжественно праздновали мой 70-летний (увы!) юбилей. Было много телеграмм и приветствий, в том числе от Министра культуры, от Союза писателей, от Союза композиторов и др. организаций и лиц. После торжественной части был большой концерт из моих произведений. В результате я очень устал и сейчас мечтаю только об отдыхе».

Умер композитор Сергей Сергеевич Аксаков 4 сентября 1968 года и похоронен в Минске.

Его первая жена Вера Евгеньевна прожила около 104-х лет, ее 100-летие отмечали в Сан-Франциско 2 июля 1991 года.

Их дочь Ляля (Вера Сергеевна Аксакова) после смерти мужа Виктора Андреевича Меньшикова вышла замуж за Вадима Норкевича, давнего поклонника еще по Шанхаю, так что остаток ее жизни не был обделен вниманием. Ее дети полностью ассимилировались. Вера Сергеевна умерла в августе 1998 года в Сан-Антонио (штат Техас), где проживала ее дочь Наташа, но похоронена, как и ее мама Вера Евгеньевна, в Сан-Франциско.

Дочери Сергея Сергеевича Аксакова от второго брака так же, как и отец были связаны со сферой культуры.

Ирина Сергеевна Аксакова продолжила сценическую традицию. Она окончила Белорусский государственный театрально-художественный институт. Работала в театре, затем художественным руководителем в Московском физико-математическом институте. Была замужем. У нее взрослый сын Сергей Витальевич Аксаков (6 апреля 1963 г.р.), женатый на Марии Маевне Тихомировой (11 февраля 1969 г.р.) и двое внуков Сережа (15 сентября 1995 г.р.) и Ваня (17 октября 2004 г.р.). В настоящее время семья сына проживает в Подмосковье, в городе Лобне. В квартире Ирины Сергеевны помимо других предметов в серванте стояла фарфоровая статуэтка Будды, подаренная ее сестрой Лялей и напоминавшая о далеких годах детства и юности, проведенных в Поднебесной.

Ирина Сергеевна Аксакова умерла 7 октября 2007 года.

Ее младшая сестра Ольга Сергеевна Аксакова работала сотрудником Минского музея изобразительных искусств. Была замужем за Валерием Борисовичем Зайцевым. У нее две дочери Екатерина и Наталья (последняя сохранила фамилию Аксакова). Ольга Сергеевна умерла 22 февраля 1987 года и похоронена в Минске. Ее дочери и внуки в настоящее время проживают в Белоруссии, в Минске.

Из воспоминаний дочери композитора Ирины Сергеевны Аксаковой

(записаны с ее слов в городе Лобне Московской области в 2006 году).

«Я смотрю архивы Аксаковых и вспоминаю, возвращаясь в ноябрь 1942 года.

Мне 3 года. Я раздосадована: папа не дает поиграть с велосипедной корзинкой (в Шанхае в те времена к велосипеду крепилась корзинка для покупок с крышкой). Ощущаю отсутствие мамы. Папа говорит, что в корзинке приедет беби (смеется, видимо, шутит). Уезжает на велосипеде. Это родилась моя сестра Оля.

Наша столовая, купель со свечами, много людей. Олю окунают в купель. Большой стол. Я языком лизнула зеленый ликер. Впервые попробовала спиртное.

Гостиная, которая одновременно и папина студия, куда приходят ученики. Папа сидит за фортепьяно, я стою рядом и пою: «Мой миленький дружок, прелестный пас-

тушок. О чем я вздыхаю, и страсть забыть желаю». У меня хороший слух и звонкий жалобный голос. Гости умиляются.

Мне уже 7 лет. В доме с утра до вечера музыка, приходят ученики, певицы, исполняющие папины романсы. Мне особенно понравился цикл – женские песни, на стихи Ахматовой: «Девичья», «Любовная», «Вдовья». Настаиваю – папа сдается, покорно разучивает со мной весь цикл. Я пою «Любовную»:

«Я окошко не завесила,
прямо в горницу гляди.

Оттого мне нынче весело,
что не можешь ты уйти».

В семье считают – ребенок подает надежды.

В нашей гостиной часто собирается творческий Шанхай: проф. Захаров, Прибыткова, поэт В.Слободчиков, Наташа Ильина, впоследствии в СССР она напишет «Возвращение» и будет работать в редакции «Крокодила» в рубрике «Вилы в бок». Папа оживленный, невероятно остроумный, замечательный рассказчик, вдохновенно исполняет новые произведения. Воля Слободчиков читает свои стихи (в СССР впоследствии он стал известным лингвистом). Н.Ильина читает новые юморески.

Мама замечательная кулинарка. Гостям предлагают ее изделия: корзиночки с салатом, икрой, грибами, вафли с каймаком.

Особенно ярко вспоминаю Пасху. Папа по традиции всегда дома исполнял «Град Китеж». Великолепный пианист, страстный до такой степени, что в первом ряду было слышно его мычание.

Маму папа называл «мой ангел», а мама боготворила папу. Необыкновенно кроткая, преданная жена и мать. Папа говорил мне: «У твоей матери ангельский характер».

Это была настоящая жена композитора – муза его творчества.

Вспоминаю большое событие в Шанхае – открытие или празднование годовщины открытия памятника Пушкину (в Китае это и сейчас вспоминают). Я стою рядом с отцом, исполняется папина кантата Пушкину на слова В.Слободчикова. В нашей семье никогда не подавляли детскую личность, прощали шалости и мое озорство. В конечном счете, останавливал нас не запрет, а высокая духовность наших родителей.

Мне 13 лет. Читаем с папой Э.Золя. Папа – у себя в кабинете в подлиннике на французском. Я – у себя в комнате на русском. В 13 лет я прочла почти всю французскую классику, читала запоем, теперь понимаю – это влияние папы. В этот год папа особенно вспоминает прошлое. Он замечательный рассказчик. Ярko представляю его коллекцию бабочек, которую он собирал в имении Страхово. Папа все детство ловил бабочек, и была у него одна самая редкая бабочка с Мадагаскара. Мне даже казалось, что я ее трогала, но это разыгралось воображение.

Вспоминал Ольгу Григорьевну, свою тетку и крестную мать. Она известна всем как любимая внучка С.Т. Аксакова. Папа был ее любимым племянником, именно ему

она хотела оставить наследство. Папа с юмором вспоминал ее прижимистость, как она ездила в Страхово в поезде третьим классом.

Вспоминал тихого отца и властную мать, дочь контр-адмирала Свешникова. Дети ее боялись. В день ее именин съезжались гости со всей губернии, и в именин палили из пушек.

В этом же году часто приходят письма из Америки от папиного учителя А.Т. Гречанинова. Он присылает свою книгу, в которой целая глава посвящена семье Аксаковых и их имению Страхово, где он часто бывал. Но поскольку он был обижен на большевиков и критиковал советскую власть, уезжая из страны, эту книгу мы оставили в Шанхае.

Лето 1954 года. Наш отъезд в СССР, последний день в Шанхае. Нельзя взять с собой тибетскую болонку Бобби, который жил у нас много лет. Родители решают его усыпить, чтобы он не страдал в разлуке. Папа кормит его царским обедом, но никто не радуется. Затем ведет его на поводке к ветеринару. Через час он приходит назад вместе с Бобби, говорит: «Не могу!». Мы оставляем Бобби китайцам.

Подъезжают две черные машины. В последний раз мы едем по Шанхаю. Потом много лет мне снился Бобби.

Выдержки из выступлений С.С. Аксакова по минскому радио.

Внимание! Говорит Минск!

Дорогие друзья! Предлагаем вашему вниманию третью передачу из цикла «Композиторы у микрофона». Сегодня у нас в студии находится композитор Сергей Сергеевич Аксаков. Он длительное время жил в Москве. Он был свидетелем многих интересных событий в культурной жизни музыкально-театральной Москвы начала двадцатого столетия и согласился поделиться своими воспоминаниями об этом времени. Итак, дорогие товарищи, слушайте рассказ композитора Аксакова о музыкально-театральной Москве 1900–1915 годов.

Пожалуйста, уважаемый Сергей Сергеевич, приглашаем Вас к микрофону.

Аксаков: Это были годы очень интересного для того времени расцвета русского искусства в Москве: театр Станиславского, с его замечательными постановками пьес Горького, Чехова, Гамсуна, Толстого, Шекспира и других; Малый драматический театр, с великолепными артистами Ленским, Садовским, Яблочкиной, Пашенной, Ермоловой, Южиным и др. Большой оперный театр, где тогда пели гениальный Шаляпин, Собинов, тенор Смирнов, Нежданова, Збруева, Тукова, баритоны Гризунов и Шевелев и другие, интересные симфонические концерты с дирижером Купером, Суком, Ипполитовым-Ивановым и Рахманиновым, концерты «Керзинского кружка» камерной музыки; концерт трио «Шор, Крейн и Эрлих» и, наконец, отдельные концерты пианистов Игумнова, Гольденвейзера, Мейчина и другие.

Кроме того, Москва той эпохи оказалась местопребыванием многих крупных композиторов – Рахманинова, Аренского, Гречанинова, Танеева, Скрябина, Метнера, Ребикова, Ипполитова-Иванова, Кочетова и других.

С Большим театром успешно конкурировала частная опера в театре Солодовникова. Там тоже были прекрасные певцы – сопрано Петрова-Званцева, Дейва-Сианицкая, тенора Климентьев, Севастьянов, Ломарев, бас Сперанский и другие. А главное, благодаря более гибкому аппарату, менее бюрократическому и менее тяжеловесному, чем в Большом театре, в частной опере гораздо чаще бывали новые постановки. Именно там мы впервые слышали оперы Маснэ «Вертер» и «Манон», «Кащей бессмертного» Римского-Корсакова, «Мадемуазель Фи-фи» Кюи, «Страшную месть» Кочетова и другие.

Самым интересным в этой эпохе было то, что она явилась периодом новых исканий и началом утверждения на сцене реализма и жизненной правды. После Стравинского, Качалова, Ленского, Шаляпина и Собинова уже нельзя было играть и петь как раньше. На сцене надо было не играть, а жить. Этот лозунг был с увлечением подхвачен как артистами, так и публикой. Конечно, не всем артистам это удавалось в одинаковой степени, но, в общем, все они старались тогда не только петь, но, главное, создавать правдивый и жизненный образ на сцене. Разумеется, впереди всех в этом отношении шел Шаляпин, образы которого оставались в памяти на всю жизнь. Это удавалось ему даже во второстепенных партиях. Вот, например, Шаляпин в эпизодической роли беглого монаха Варлаама в опере Мусоргского «Борис Годунов».

Незабываемые по своей правдивости образы, созданные Шаляпиным, были связаны не только с его искусством перевоплощения, но и с удивительным владением звуковой интонацией. Таким же искусством голосовой интонации обладал Собинов, в исполнении которого даже старые романсы звучали совсем по иному. Вот он поет романс Чайковского «Средь шумного бала...» и сколько теплоты, искренности и какой-то удивительной грусти слышится в его пении.

Из других оперных артистов той эпохи, сумевших создать яркие сценические образы, остались в памяти Нерон и Герман в исполнении тенора Клементьева, Вертер в исполнении Севастьянова, Онегин в исполнении баритона Грызунова, Сальери и Гремин в исполнении баса Сперанского, и замечательная исполнительница романсов и песен Мусоргского сопрано Дейва-Спаницкая.

Мы – молодежь, преданная искусству – буквально разрывались на части, чтобы попасть на все лучшие спектакли и концерты. Мне в этом отношении как-то везло и всегда удавалось попасть на все наиболее интересное. А, кроме того, благодаря моим учителям Гречанинову и Игумнову, мне удалось раза три побывать в особняке композитора С.Н.Танеева, где часто собирался «Танеевский кружок» композиторов и музыкантов. Там, забившись куда-нибудь в уголок, я с замиранием сердца слушал их музыку, следил за их спорами. Как сейчас помню громадную угловатую фигуру Рахманинова, иногда молчаливого и рассеянного, а иногда веселого и громогласного; медлительного, добродушного и тучного Танеева; порывистого и нервного Скрябина; вечно куда-нибудь спешащего Игумнова и, наоборот, спокойного молчаливого Гречанинова; всегда очень вежливого, но довольно язвительного Метнера; изящного и обаятельного Собинова; веселого и бодрого Гольденвейзера; красноречивых и остроумных музыкальных критиков Кругликова и Энгела; известного органиста Рубека и многих других.

На этих вечерах композиторы играли свои новые произведения, иногда пели хором, а потом обсуждали, давали советы, критиковали, иногда восхищались, иногда молчали. Как сейчас помню эту большую, уютную гостиную в доме Танеева, в одном из тихих московских переулков недалеко от Арбата. Гречанинов играет и поет свои новые басни на слова Крылова. Всем нравится, особенно Танееву, который шумно выражает свои одобрения. Но вот за рояль садится Рахманинов и играет свой, ставший сейчас знаменитым, прелюд, только что вышедший тогда в издании Гутхемля.

Прелюд вызывает общее восхищение и его приходится повторить, затем одна из присутствующих певиц поет новый романс Аренского на слова Фета «Одна звезда».

Другая певица поет романс Танеева «Колыбельная».

Иногда на таких вечеринках выступали и небольшие камерные ансамбли. Вспоминаю, как горячо приняли присутствующие «Трио» Аренского.

А вот за рояль садится Скрябин и с увлечением играет свое новое Произведение – прелюд для рояля под названием «Желание».

Скрябин великолепный пианист, особенно в октавной игре, но иногда, увлекаясь, он так громко начинает подпевать, что заглушает собственное исполнение. Прелюд всем нравится, все начинают горячо обсуждать его гармонические новшества. Вечер проходит интереснее, дружнее, весело, даже шумно.

Несомненно, что музыкальная удача каждого радует всех собравшихся. И это кажется тем более удивительным, что здесь собрались представители совсем различных музыкальных течений. Танеев и Метнер – представители «академического» направления, Рахманинов и Аренский – наследники «позднего романтизма», Гречанинов – апологет «народничества» и Скрябин – модернист. Очевидно, любовь к хорошей, передовой музыке, любовь к русскому искусству в целом так сильна, что разбивает все условные перегородки.

Композитор Ребиков, представитель русского импрессионизма, на этих собраниях не бывал, держался особняком, с композиторами почти не дружил, иногда он давал на рояле концерт из своих произведений в «Литературном клубе» на Тверской, но играл он за закрытым занавесом и публика видела его только перед концертом и после. Он жил один во флигеле, во дворе дома, где жила его семья, и из открытого окна целыми днями доносилась его музыка. Я часто к нему заходил. Он очень меня любил, но иногда давал странные советы. Так, однажды, он мне сказал: «Что, Сережа, все учиться? Бросьте, лучше пишите прямо оперу!»

С Римским-Корсаковым мне удалось встретиться только один раз, так как он жил в Петербурге. Но, кажется, в 1906 году он приезжал в Москву на премьеру своей оперы «Град Китеж». И вот, после первого спектакля, прошедшего с блистательным успехом, небольшая группа музыкальной молодежи (в том числе и я) решила пойти с цветами в гостиницу «Метрополь» поздравить автора. Он принял нас очень радушно и каждого из нас расспрашивал о его планах и музыкальных вкусах. А когда он узнал, что я ученик его ученика Гречанинова, то весело закричал: «Ну, значит, вы мой внук!» И долго жал мою руку.

В 1914 году началась Первая мировая война. Я покинул Москву и с сожалением уехал в Петербург. Но и тут мне повезло: на вокзале в Москве я, уезжая, встретил кумира всей тогдашней молодежи – Федора Ивановича Шаляпина. Помню, что поезд уже тронулся, и вдруг на перроне показалась огромная фигура, и раздался громоподобный голос: «Где дежурный? Остановите поезд!» Прибежал дежурный по станции. И вновь прогремел незабываемый голос: «Остановите поезд! Я – Шаляпин». И поезд остановился...

А незадолго до моего отъезда из Москвы, как бы прощаясь со мной, Игумнов устроил у себя ужин, на котором были, кроме меня, Гречанинов, музыковед Энгель и писатель Алексей Николаевич Толстой. Этот ужин навсегда остался в моей памяти. Гречанинов сыграл и спел целый акт из своей новой оперы «Сестра Беатриса», только что снятой со сцены по распоряжению обер-прокурора церковного Синода, как произведение антирелигиозное, подрывающее устои!» и прочее.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ – МИЧМАН РУССКОГО ФЛОТА

В селе Верхние Прыски Козельского уезда Калужской губернии 20 апреля 1899 года родился мальчик. Назвали его Сережей в честь отца – члена Калужской губернской земской управы Сергея Николаевича Аксакова.

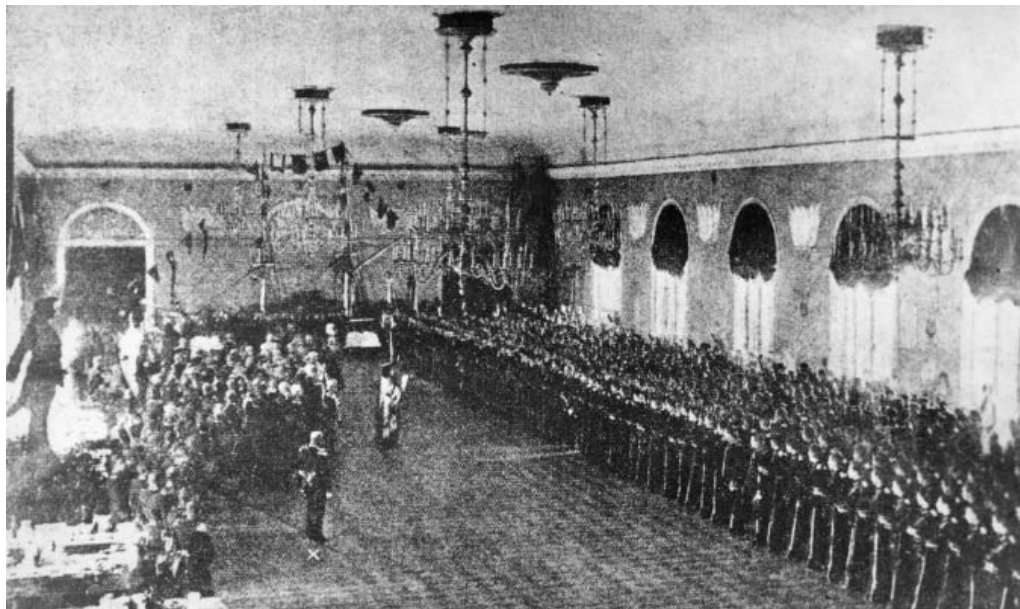
К моменту появления на свет Сережи, у его родителей уже было четверо детей. Старшему Борису – впоследствии мужу известной мемуаристки Татьяны Александровны Аксаковой (урожденной Сиверс), шел тринадцатый год. Три сестренки Ксения, Нина и Вера были моложе. Была еще одна дочь Валентина, но она умерла в младенчестве.

Как приводилось раньше, на имя отца Сережи, Сергея Николаевича Аксакова, был записан большой двухэтажный дом в Калуге, приобретенный 17 апреля 1885 года у жены губернского секретаря Надежды Дмитриевны Мухановой (урожденной Тангель). Сергею Николаевичу – в то время подпоручику 5-го гренадерского Киевского полка было 23 года отроду. В этом доме, на Нижней Садовой улице – 46, Аксаковы жили в зимнее время.

Куплен он был родителями Сергея Николаевича – надворным советником Николаем Васильевичем Аксаковым (участником Крымской войны 1853–1856 гг.) и его женой, Юлией Владимировной (урожденной Воейковой) за 3000 рублей серебром.

В легкое время все большое семейство Аксаковых, а у Николая Васильевича и Юлии Владимировны было 8 детей и 13 внуков, как правило, проживало в имении Антипово, которое Юлия Владимировна в 1860 году унаследовала по духовному завещанию своего отца (152 десятины земли). Там, на высоком берегу живописной извилистой речки Серёны, среди красивого яблочного сада стоял небольшой усадебный дом, который впоследствии также унаследовал Сергей Николаевич.

В имении он пытался наладить производство яблочной пастилы, для чего за 900 рублей выписал огромную американскую сушилку. Однако она не поместилась

Морской кадетский корпус Петра Великого. Санкт-Петербург. 1910-е годы.

Личный архив М.А. Аксаковой. Буэнос-Айрес. Аргентина.

ни в одно из имеющихся строений, так и не была запущена в дело, проржавела и стала «народным достоянием».

Все мужчины этой Аксаковской семьи и их предки выбирали военную карьеру, были участниками практически всех войн, которые выпали на долю России.

Сережа также пошел по их стопам, но, в отличие от отца и старшего брата Бориса, он был романтиком и с детства, начитавшись Станюковича, мечтал о море.

«...смуглый, черноглазый, похожий на отца мальчик...» – такое описание внешности Сережи дает Татьяна Александровна в «Семейной хронике».¹⁶ Когда брат Борис и его жена Татьяна отправлялись в свадебное путешествие в Египет, Сережа взял с них слово, что те привезут ему воды из Нила и песку из африканской пустыни. Обещание было выполнено с добавлением некоторых пустынных колючек, сорванных в окрестностях Гелуана.

Все это предопределило дальнейшую судьбу юноши – его выбор пал на основанный 14 января 1701 года Петром Великим Морской корпус, которому в 1914 году был пожалован шеф – Наследник Цесаревич Алексей Николаевич.

Став кадетом Морского корпуса, Сергей Сергеевич принялся прилежно изучать военное ремесло. Как и большинство его сверстников, постигал жизненную мудрость и пропитывался духом морского товарищества.

В основе успеха всех его дел лежал веками передававшийся из поколения в поколение знаменитый на всю округу «аксаковский» характер, отличительными чертами которого было неприятие любой несправедливости, принципиальность и преданность своей Родине до конца.

Из воспоминаний вдовы Сергея Сергеевича, Марины Александровны (урожденной Гершельман), проживающей в Аргентине в Буэнос-Айресе:

«Будучи подростком, в Морском корпусе, Сергей за какую-то «шкоду» угодил в карцер. Как раз отец, Сергей Николаевич, был в Санкт-Петербурге и захал навесить сына. Узнав, что тот наказан, он оставил гостинец, но не согласился, чтобы дежурный офицер просил начальство выпустить Сергея для встречи, и уехал в Калугу. Можно себе представить разочарование мальчишки, обожавшего отца. Потом, уже взрослым, он с восхищением и одобрением рассказывал об этом случае. Как расценивать поступок отца? Как «аксаковский характер» или как принципиальные меры воспитания? Не знаю, что калужане называли «аксаковским» характером, потому не могу судить, насколько Сергей Сергеевич унаследовал его. Во всяком случае, он был старых правил жизни и очень принципиален в своих взглядах, от своего мнения не отступал...».¹⁷

Шло время, за будничными заботами незаметно наступил 1917 год, когда для Сергея и его сверстников, казалось, рухнуло все.

Вспомогательный крейсер «Орел», на борту которого находился гардемарин Сергей Сергеевич Аксаков¹⁸, находясь в учебном плавании, в порт приписки не вернулся. Он бросил якорь в порту Владивостока, куда из Санкт-Петербурга были переведены старшие роты Морского корпуса.

Команда «Орла» сошла на берег и влилась в армии адмирала А.В. Колчака. Известно, что Сергей Сергеевич Аксаков находился в составе частей, предпринимавших отчаянные попытки отбить у красных царскую семью.

Из воспоминаний Марины Александровны: «Впоследствии, вспоминая свою долгую и интересную жизнь, Сергей Сергеевич любил рассказывать (и делал это увлекательно) о плаваниях, о Корпусе... О войне говорил – Это самое ужасное, но ужаснее всего это Гражданская война. Ведь там брат убивал брата! С содроганием вспоминал как им, 19-летним юношам приказывали расстреливать пленных. Он, когда мог, уклонялся от этого, но не было тыла и их некуда было отправлять. То же было и у красных.

В конце жизни Сергея Сергеевича я случайно присутствовала при его вечерней молитве, которую он заканчивал словами: «Господи, упокой всех убитых мною и из-за меня». Теперь, молясь за Сергея Сергеевича, я добавляю – и всех им поминавшихся».¹⁹

2 апреля 1920 года по результатам экзамена в Сингапуре, гардемарин 1 роты были произведены в корабельные гардемаринны.

27 октября 1920 года Сергей Сергеевич Аксаков на посыльном судне «Якут» прибыл в Севастополь. До эвакуации Русской Армии П.Н. Врангеля исполнял должность воспитателя Морского корпуса.

10 декабря 1920 года был произведен в мичманы.²⁰ Когда было принято решение покинуть родные берега, боевые корабли русского флота, на борту одного из которых находился мичман С.С. Аксаков, с заходом в Константинополь прибыли в Бизерту.

На отдыхе.

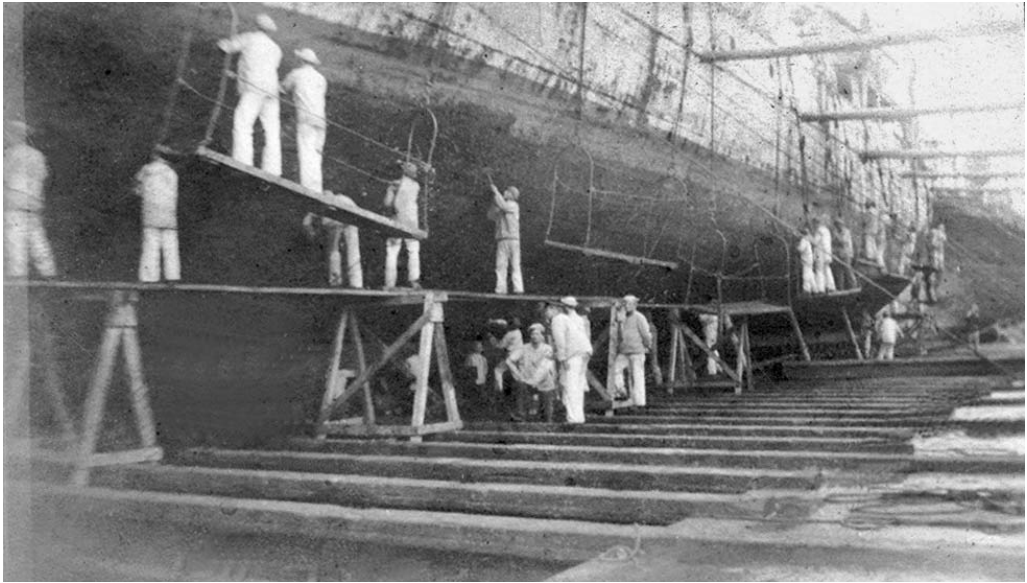
Личное собрание М.А. Аксаковой. Буэнос-Айрес. Аргентина.

Бизерта находилась на севере Африки в Тунисе и служила в то время второй после Тулона базой французского средиземноморского флота. В начале Первой мировой войны в соответствии с договором, подписанным министром Сазоновым, в случае победы она должна была отойти России.

В нескольких километрах от морского берега располагалось глубокое озеро, из которого в море вытекала река. По слухам площадь поверхности озера составляла около 150 квадратных километров, и в нем смогли бы разместиться все военные флота мира того времени. Здесь и должны были бросить якоря около 60 Российских боевых судов и 20000 человек, вынужденные покинуть свою Родину.

Для размещения личного состава был выбран форт «Джебель Кебир», а лагерь «Сфаят» был отдан для обустройства персонала, складов и служб. В Бизерту был переведен и Морской корпус, где с января 1921 года по октябрь 1924 года прошли долгие месяцы неизвестности и несбывшихся надежд.

В Морском кадетском корпусе вместо классов были роты, и обучение начиналось с 7-ой роты, соответствующей 4-му классу общеобразовательной школы. Кроме кадетских рот было три (от 3-ей до 1-ой) гардемаринских роты, соответствующих специальному высшему образованию. Заканчивалось обучение годом практических занятий в период кругосветного плавания, по результатам

Во время учебы в Морском корпусе кадетам пришлось не только изучать точные науки, но и приобретать много других необходимых навыков.

Личное собрание М.А. Аксаковой. Буэнос-Айрес. Аргентина.

которого старшие гардемарины 1-ой роты производились в корабельные гардемарины.

Именно этот порядок освоения морского военного дела, принятый в России, дал основание считать выпуск Морского корпуса в апреле 1920 года, где был Сергей Сергеевич Аксаков, последним – по полному курсу обучения.

Программа существовавшего в Бизерте на субсидии французского правительства Морского корпуса была приравнена к программе средних учебных заведений Франции. Диплом Морского корпуса выпускников периода после 1921 года соответствовал французскому «Башо», то есть аттестату зрелости.

Бытовые неудобства: отсутствие электричества (ветровой динамки хватало лишь на освещение корпусной церкви), маленькие для молодых здоровых организмов пайки – все компенсировалось романтикой предстоящих походов, возвратом на дорогую любимую Родину.

Да и преподаватели Морского корпуса были овеяны славой предыдущих войн.

Например, комендантом форта и начальником строевой части был назначен Георгиевский Кавалер (Кавалер Георгиевского Оружия) капитан 1-го ранга М.А. Китицын. Чтобы понять, что для кадетов значило это имя, приведем один факт его боевой биографии.

В короткие минуты отдыха на суше и на море. «Команда петь и плясать!» Бизерта. Тунис. 1920-е годы.

Личное собрание М.А. Аксаковой. Буэнос-Айрес. Аргентина.

Во время Первой мировой войны он командовал подводной лодкой «Тюлень», которая в Черном море крейсировала под Анатолийскими берегами на близком расстоянии от турецких батарей, лишь временами показывая свой перископ над водой. Однажды экипажем лодки был замечен большой турецкий военный транспорт, идущий вдоль берега под защитой турецких батарей. Точно рассчитав расстояние, М.А. Кितिцын взял курс на сближение с неприятельским судном и всплыл в ста метрах от него со стороны берега.

Транспортное судно «Родосто» было загружено вооружением, которое везло на Кавказский фронт для снабжения турецкой армии.

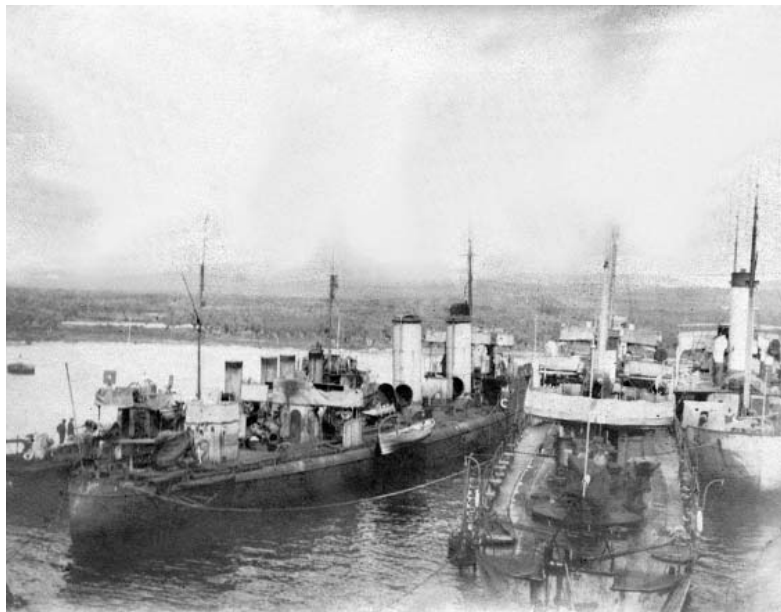
«Тюлень» сразу же открыл огонь из своих 75 миллиметровых орудий и пулеметов. Ответный, но беспорядочный огонь «Родосто» из орудий крупного калибра был безрезультатен. На «Родосто» вспыхнул пожар, началась паника, команда, спустив турецкий флаг, подняла белый. Турецкая береговая батарея не смогла оказать помощь, рискуя потопить транспорт своим огнем. Приблизившись к судну, М.А. Кितिцын высадил на «Родосто» команду из 10 матросов и офицера, которые разоружили турок и оказавшихся там немецких офицеров. Плененный корабль через два дня прибыл в ликующий Севастополь в сопровождении маленького «Тюленя».

Среди кораблей, нашедших свой последний причал в Бизерте, было и учебное судно «Моряк», служившее базой для морской практики воспитанников Морского корпуса.

*Корабли Русского
Императорского
флота у чужих
берегов далекой
Африки.*

*1920-е годы.
Бизерта. Тунис.*

*Личное собрание
М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес.
Аргентина.*

Построен «Моряк» был на Сормовском заводе в 1904 году и до Бизерты носил имя «В.К. Ксения Александровна». Этот тип судна имел три мачты с прямыми парусами (всего 14 парусов общей площадью в 9000 футов). Кроме этого на «Моряке» была паровая машина и два котла, угольный и нефтяной – для практики будущих моряков. Помещения и кубрики были рассчитаны приблизительно на 100 человек.

Вахтенным офицером на «Моряке» и служил все эти годы мичман Сергей Сергеевич Аксаков, передавая свой опыт кадетам Морского корпуса, которые были не намного младше его самого.

Из письма выпускника Морского корпуса Н.Остелецкого Марине Александровне после смерти ее мужа: «Что же могу Вам сказать о Сергее Сергеевиче, только много хорошего. Воспитал последнего председателя Морского Собрания (в Париже), коим я являюсь уже 35 лет. В последний раз я видел Сергея Сергеевича в Париже, он чудом спасся в Петербурге, где были расстреляны несколько наших товарищей по Корпусу, отправленных в Россию и преданных еще до их отъезда из Парижа. На его письмо с покаянием о том, что он когда-то наказывал меня в Корпусе, я ответил, что мало наказывал, если бы больше, то я был бы лучшим председателем.

Его кадеты любили, это очень трудно заслужить воспитателю – кадетскую любовь. Он сам был кадетом и знает, что это такое. Сергей Сергеевич был скромн и справедлив, у него была морская душа, он никогда не сердился и не придирался, и это было исключением. Тем более его выпуску было очень трудно быть воспитателями из-за

малой разницы в годах: со мной только 6 лет. Потом, конечно, еще больше сблизилась и на кораблях и затем здесь в Париже, часто видясь и имея во всем общие взгляды. Вернувшись из России, он был в Париже только одну ночь, из которой он потратил на наше свидание два часа».²¹

Осенью 1924 года Франция признала СССР. Это был конец национального флота России.

15/28 октября бледный от волнения, симпатизировавший русским морякам Вице-Адмирал Эксельманс, префект Бизертинского военного округа, сообщил русским офицерам о состоявшемся факте. Помня, что немцы по окончании мировой войны, приведя для передачи англичанам свой флот, затопили его на глазах у последних – адмирал Эксельманс снова обратился к офицерам: «Неправда ли вы даете мне честное слово, вы не потопите ваших кораблей?», – но русские офицеры стояли как вкопанные, сохраняя гробовое молчание.

16/29 октября 1924 года в 17 часов 25 минут по сигналу русского адмирала в соответствии с уставом Флота на русских военных кораблях были спущены Андреевские флаги. Горнист на «Генерале Алексееве» стал играть «Спуск флага...», но не в состоянии был докончить сигнал, нервная спазма сдавила горло. Флаги спустили до уровня человеческого роста, чтобы все смогли поцеловать их.

Так был спущен Андреевский флаг, данный русскому флоту Петром Великим в 1703 году после занятия устья Невы. Он был обречен на хранение у рассеянных по всему миру русских моряков, как символ военной доблести и наивысшей ценности – служению России.

Сергей Сергеевич Аксаков перебрался в Париж, где сразу начал сотрудничать с монархическим движением. Его тогда возглавлял пользовавшийся большим авторитетом у военных бывший Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич. Помощником по организации «особой работы» против Советской России был генерал Александр Павлович Кутепов. Там же в Париже Сергей Сергеевич вступил в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), созданный П.Н. Врангелем в сентябре 1924 года. Он устроился на автозавод Рено, где работал маляром и шофером. В 1926 году С.С. Аксаков закончил боевые «Кутеповские курсы», сблизился с генералом А.П. Кутеповым.

По указанию А.П. Кутепова Сергей Сергеевич начал сотрудничать с Польской разведкой, готовясь к первой нелегальной заброске на территорию Советской России.

Приведем некоторые выдержки из агентурных донесений советской контрразведки.

«... в обзоре деятельности резидентуры «R-7/I» (Москва, 1924/27 г.г.), составленном Министерством национальной обороны Польской Народной Республики, в списке членов монархической организации, доставляющих информацию резидентуре «R-7/1» и непосредственно II отделу Генштаба буржуазной Польши, проходит АКСАКОВ Сергей Сергеевич.

АКСАКОВ С.С. проживал в Париже. По соглашению со II отделом Генштаба буржуазной Польши приезжал в Варшаву в 1926 г.

*Генерал-полковник Кутепов
Александр Павлович –
Руководитель Русского
Общевойнского союза, сменивший
на этом посту барона
П.Н. Врангеля.*

Кроме того, в обзоре резидентуры «Пилигрим» (Париж, 1934/38 г.г.) II отдела Генштаба буржуазной Польши, составленном вышеуказанным Министерством, в списке агентов резидентуры проходит АКСАКОВ Сергей. Подлинные документы находятся в Польше».²²

К периоду 1926 года относится и первое задание Сергея Сергеевича Аксакова, связанное с нелегальным проникновением в Советскую Россию с целью создания в Санкт-Петербурге контрреволюционного подполья и сбора информации разведывательного характера. Кроме того, необходимо было выполнить личное поручение генерала А.П. Кутепова, который просил разыскать его сестру и оказать ей помощь, в том числе материальную. Во время выполнения этого задания С.С. Аксаков был арестован, но из-под стражи бежал. По данным самого Сергея Сергеевича первый нелегальный поход в Советскую Россию был им предпринят в 1927 году, однако, в архивах советских органов госбезопасности факт его ареста и побега был датирован 1926 годом.

Проживая во Франции, Сергей Сергеевич все же поддерживал связь с родными. Через объявление в газете его разыскали родственники Татьяны Александровны Аксаковой – жены старшего брата Бориса.

Ее мать Александра Гастонова (урожденная Эшен) была француженкой, эмигрировала из России вместе с последним мужем князем Владимиром Алексеевичем Вяземским во Францию, где имела состоятельную родню. Жила в Ницце, содержала ресторанчик «Café des Fleurs», где собиралась бывшая российская аристократия. Дружила с женой Великого Князя Михаила Александровича, Натальей Сергеевной Брасовой. Гостившего у нее и трагически погибшего Джоржа – сына Натальи Сергеевны и

Великого Князя Михаила Александровича, похоронила в своей родовой усыпальнице на закрытом парижском кладбище Пасси.

В октябре 1926 года в Париже состоялась встреча Сергея Сергеевича с Татьяной Александровной перед ее возвращением в Россию. По просьбе брата Бориса и теток Ольги и Александры С.С. Аксаков передал через нее весточку о себе и свою фотографию, которую очень хотели заполучить сотрудники ОГПУ.

Татьяна Александровна в это время вывезла из России сына Дмитрия и племянника Алика, опасаясь за их жизни. Что касается встречи с братом мужа, то в своих мемуарах она писала: «Последний вечер в Париже я провела с Сережей Аксаковым (вечер этот мне потом дорого обошелся!)...». В протоколах допросов Т.А. Аксаковой (Сиверс) на Шпалерной в 1935 году чекисты усиленно интересовались их встречей, о которой упоминалось и на ее допросах в 1937 году, когда она была осуждена на 8 лет концлагерей. Деятельность Сергея Сергеевича обсуждалась и при допросах на Лубянке его двоюродного брата Михаила Георгиевича Аксакова (расстрелян 10.02.1938), матери Михаила Георгиевича и его жены в 1937 г.

От Татьяны Александровны Сергей Сергеевич узнал, что одна из его родных сестер Нина вышла замуж за партийного функционера Николая Ивановича Смирнова (впоследствии заместителя Наркома связи, арестованного НКВД 19 ноября 1937 г.), стала членом партии и проживала в центре Москвы, в престижном доме, заселенном высокопоставленными партийными работниками. Эта информация очень сильно его возмутила, он никак не мог понять и простить поступок сестры.

В 1927 году генералом А.П. Кутеповым Сергей Сергеевич Аксаков был направлен для организации взаимодействия с английской разведкой в Румынию, где проживал под фамилией Богдан, стал кадровым сотрудником британской «Интеллидженс сервис». Официальное прикрытие – журналист.

К этому периоду относится следующая информация.

«В фонде «Управление гестапо» г. Берлина его фамилия значится в фотокопии схемы белоэмигрантских связей – РОВС'а за границей. Согласно этой схеме, АК-САКОВ, капитан (звание указано ошибочно – А.К.), находился в Румынии и был связан там с генералом Геруа и генералом фон Штейфон, а также поддерживал связь с генералом Шатиловым – руководителем тайной организации РОВС'а «Внутренняя линия», полковником Зайцевым (А.А.Зайцовым – А.К.) и инженером Байдалаковым, находившимся в Югославии.»²³

«В одном из дел, заведенном французской полицией на Какко Варвару, урожденную Проняеву, родившуюся 28 ноября 1893 г. в Киеве, эстонскую гражданку, упоминается АКСАКОВ Сергей, родившийся в Калуге, проживавший в 1930 г. в Румынии. Он являлся отцом ребенка Какко Варвары – Какко Сергея, родившегося 22 августа 1929 г. в Париже (по сведениям Какко В. – в июле 1929 г.). Сведения за 1930 г.»²⁴

Как вспоминает Марина Александровна: «В «шпаргалках» для исповеди Сергей Сергеевич писал – «бросил сына в младенчестве», считая это одним из своих тяжелых грехов».

Вот как сам Сергей Сергеевич Аксаков позднее представил свой послужной список в закрытом журнале Морского училища, выпуск 1920 года. «Список для публикации 30 лет спустя», дополнение №1, изданное в Нью-Йорке в марте 1951 года.

1921–1924 гг. Бизерта, Отделенный Начальник. Вахтенный начальник учебного судна «Моряк».

1924–1927 гг. Париж. Работа на заводе «Рено» маляром и шофером.

1927 г. Ездил в Советскую Россию тайно.

1928 г. Командирован в Румынию генералом Кутеповым для руководства антикоммунистической работой.

1929–1931 гг. Работа в Румынии в секретной организации.

1931–1936 гг. Служба в Румынии в Английской разведке по указанию генерала Кутепова.

1936 г. Увольнение из Английской разведки за «Белую работу» и высылка из Румынии.

1936–1938 гг. Болгария, София. Работа землемером.

1938–1940 гг. Турция, Анкара. Шофер в Швейцарском посольстве.

1940 г. Болгария.

1941–1944 гг. В Германской армии на Восточном фронте, переводчик.

1944 г. Командирован в штаб формирования Власовской армии.

1945 г. Американский плен. Освобожден из армии генерала Власова за ее расформированием.

1945–1948 гг. Лагерь в Зальцбурге (Лагерь беженцев или перемещенных лиц – А.К.).

1948 г. Аргентина, Буэнос-Айрес.

Сопоставляя факты, бросается в глаза ряд неточностей, которые могли появиться и вследствие давности происходивших событий.

Например, арест и побег Сергея Сергеевича из-под стражи в Ленинграде были зафиксированы в 1926, а не в 1927 году. К этому же году относится посещение С.С. Аксаковым Польши, о котором он также нигде не упоминает. Визит был осуществлен в рамках достигнутой договоренности между руководством РОВСа и Польским Генеральным Штабом по обмену развединформацией и сотрудничеству в этой области.

Далее, по данным советской контрразведки, С.С. Аксаков был направлен А.П. Кутеповым в Румынию не в 1928, а в 1927 году.

И, наконец, в 1931 году генерал А.П. Кутепов не мог отдать распоряжение С.С. Аксакову на работу в составе британской Интеллидженс Сервис. Уже 26 января 1930 года А.П. Кутепова не было в живых в результате неумелого действия агентов ИНО ОГПУ при попытке его похищения в Париже, хотя этот факт долгое время скрывался и не предавался гласности.

Работа в Румынии стала следствием тайного соглашения А.П. Кутепова с английской разведкой, которой предложили воспользоваться молодыми офицерами, находящимися в эмиграции, для ведения шпионской работы против СССР. Сергей Сергеевич Аксаков был направлен в Румынию в составе группы офицеров, в задачи

которых входила вербовка в РОВСе лиц, которых можно было направлять на территорию Советской России для шпионской и террористической деятельности. Задача самого С.С. Аксакова состояла в организации разведывательной работы в СССР.²⁵

При содействии генеральных штабов буржуазной Польши и Финляндии создавались окна или коридоры для заброски разведгрупп на территорию Советской России.

Здесь же в Румынии Сергей Сергеевич Аксаков вступает в состав секретного подразделения РОВС «Внутренняя линия», которое к 1927 году окончательно сформировалось.

Первоначально «Внутренняя линия», созданная по указанию А.П. Кутепова, являлась контрразведкой РОВСа, целью которой было соблюдение чистоты рядов Союза, предотвращение проникновения в РОВС провокаторов и агентов ОГПУ. Но впоследствии эта организация стала претендовать на руководство Белым Движением. Теневые рычаги, по мнению участников и очевидцев тех событий, уже были у нее в руках.

В книге Н. Свиткова «Внутренняя Линия» (Н. Свитков – псевдоним автора – Николая Филипповича Степанова), изданной в Бразилии в 1964 году, приводятся выписки из газетных статей, посвященных данной теме. В частности, в газете «Наша страна», № 47 Ксения Деникина пишет:

«Понемногу организация эта, основанная генералом Кутеповым, с годами попала всецело в руки трех лиц – капитана К.А. Фосса, ген. П.Н. Шатилова и шт. кап. Закржевского (вместе с ген. Ф.Ф. Абрамовым эти лица являлись идеологами «Внутренней линии», создавшей свои центры более чем в 17 странах мира – А.К.) и выродилась в подпольный и очень страшный организм со множеством щупальцев в разных странах и обществах российского рассеяния...».

На полях этой книги напротив данного абзаца рукой Сергея Сергеевича Аксакова была сделана пометка – «Верно!».²⁶

1930-е годы в деятельности румынского отделения «Внутренней линии» были связаны с рядом серьезных провалов, участились аресты эмиссаров, забрасываемых с ее территории. Показательные судебные процессы, выколоченные на допросах в НКВД необходимые признания и следующие за ними расстрелы задержанных с опубликованием в прессе их подлинных фамилий, приводили «линейцев» в ярость.

К румынскому периоду деятельности Сергея Сергеевича Аксакова относится интересное сообщение иностранного отдела НКВД своему руководству:

«ИНО Главного управления государственной безопасности получены сведения, что руководитель террористической работой РОВС в Румынии полк. Жолондовский заявляет, что НКВД [...] совершенно разгромил всю английскую разведку, ведущуюся из Румынии, и всю румынскую линию Жолондовского.

По словам Жолондовского, нарушены все организации всех разведок. На Жолондовского произвело впечатление опубликование в советской печати настоящих фамилий двух расстрелянных террористов в Харькове [...]. Жолондовский заявляет, что сейчас со стороны Румынии невозможна работа террористического характера, но в то же время он считает необходимым, чтобы РОВС снова провел террористический акт по какой-либо другой линии против т. Жданова или т. Постышева.

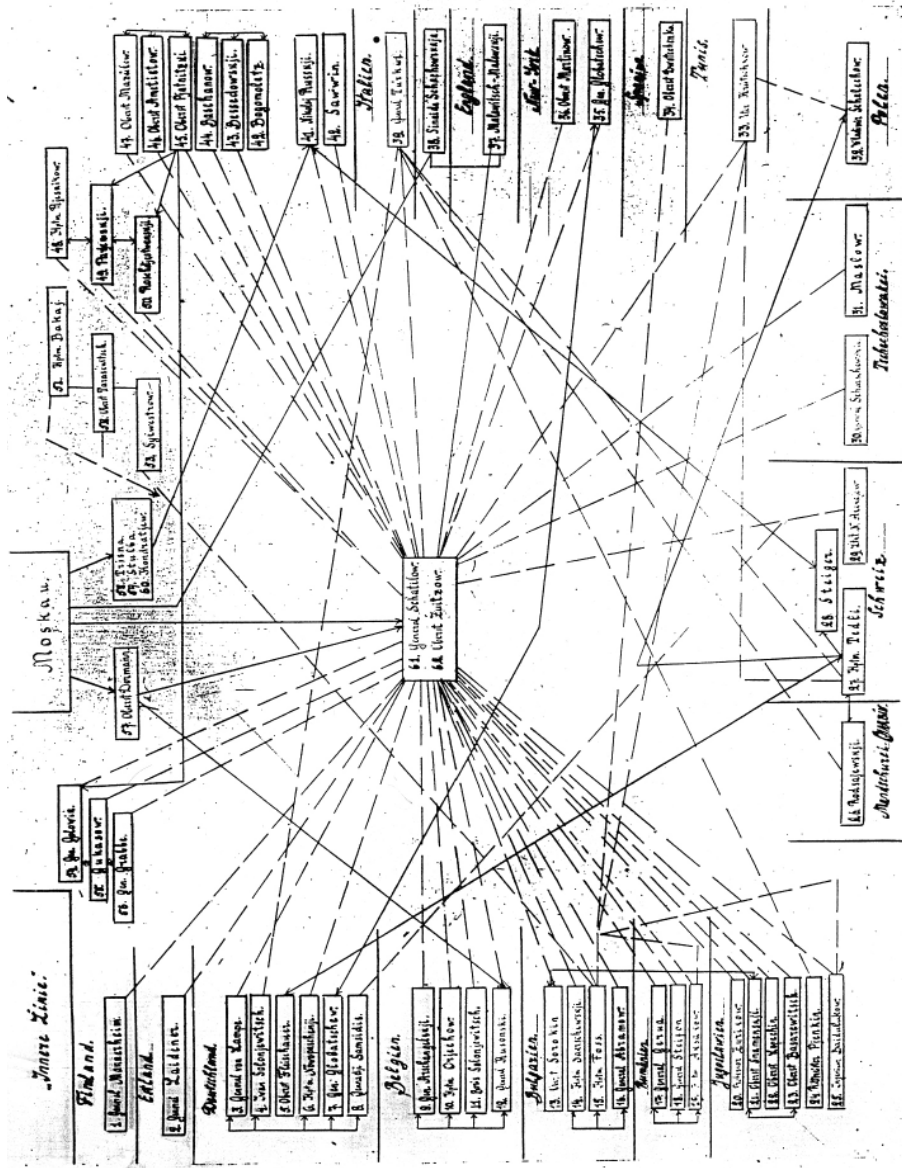

Схема конспиративных связей руководства «Внутренней линии» в 17 странах мира, обнаруженная советской контрразведкой в архивах берлинского управления гестапо. Среди членов этой организации в Финляндии значился К.Г. Маннергейм, в Румынии С.С. Аксаков, в центре генерал Абрамов Ф.Ф. и Защиров А.А.

Российский государственный военный архив.

Ген. Абрамов [...] и капитан Фосс [...] считают, что Жолондовский всех обманывал. Он тратил получаемые от РОВС 5 тыс. франков на свои личные нужды, ведя неприличный образ жизни, и на взятки Мурузову (один из руководителей румынских спецслужб).

По словам Абрамова и Фосса, все посылки людей в СССР Жолондовским проходились на английские деньги, а счет представляли ген. Миллеру...».²⁷

В 1936 году (По данным советской контрразведки 16 февраля 1934 года через город Русе – А.К.) Сергей Сергеевич прибыл в Болгарию, где стал руководителем «Внутренней Линии» болгарского отдела РОВС, официально же оформился на работу землемером. Легализация С.С. Аксакова в Болгарии проходила с большим трудом, однако его представили министру просвещения как родственника писателя, славянофила Ивана Сергеевича Аксакова, пользовавшегося большой народной любовью за вклад в освобождение страны от турецкого ига, и все преграды были устранены.

Сергей Сергеевич принадлежал к калужско-московской ветви дворян Аксаковых, имеющей единый корень с уфимско-самарской ветвью известных русских писателей, к которой относился полный его тезка, композитор Сергей Сергеевич Аксаков – внучатый племянник славянофила Ивана Сергеевича, и находившийся во время описываемых событий в Шанхае, где преподавал в консерватории.

В Болгарию Сергей Сергеевич прибыл с женой Ксенией Павловной, с которой проживал в Софии на улицах Велико Тырново – 22, Артиллерийская – 62 и Братьев Бъкстон – 7.

Ксения Павловна, 1914 года рождения, русская, уроженка г. Минска оказалась в Румынии среди перебежчиков, переправившихся через Днестр. У нее при себе не было никаких документов. С ее слов она была дочерью русского помещика, балериной по специальности. Из продолжительных бесед и проверочных мероприятий выходило, что она говорит правду, но в силу обстоятельств, связанных с невозможностью документально подтвердить ее личность, необходимо было принять конкретное решение. Это, либо депортация обратно, либо тюремное заключение за незаконное проникновение на территорию другого государства. Последнее слово было за С.С. Аксаковым.

Он положил на весы свою репутацию и уже весомый авторитет «кутеповца», зарегистрировал брак с Ксенией Павловной, легализовав ее пребывание в Румынии и тем самым, обезопасив от неминуемых неприятностей.

Этот благородный поступок был достойно оценен его товарищами. Брак существовал до их вынужденной разлуки в 1939 году, а добрые отношения остались навсегда. Жизнь их разлучила, но пока была возможность получать друг от друга весточки, они этим обязательно пользовались.

Забегая вперед, приведем несколько строк из письма Ксении Павловны Сергею Сергеевичу Аксакову:

«18.07.1944 год, София.

Дорогой старичок!

Хочу сегодня уже по настоящему поздравить тебя с именинами. Поздравляю не только я, но и весь дом, а также все твои товарищи, уехавшие сегодня в неизвестном направлении. Крепко тебя целую, мой дорогой старичок, и желаю всего наилучшего!

Около твоего портрета поставлен букет. [...] Васька (кот, Сергей Сергеевич очень любил животных, в частности кошек – А.К.) не смог съесть весь *Verpflegung* (дневной рацион – А.К.) и угрюмый сидит рядом с недоеденной миской (на всякий случай, чтобы кто-нибудь не упер). Сейчас кончу тебе писать письмо и попытаюсь прорваться сквозь дождь на почту и в библиотеку. Это два места, куда я хожу.

Дорогой старичок, желаю тебе в этот день выжить, а также угости чем-нибудь кота, что во дворе.

До свиданья, милый друг. Будь здоров и да хранит тебя Бог.

Крепко целую. Оксана».²⁸

Известно, что в 1920–1930-е годы Сергей Сергеевич Аксаков четыре раза нелегально побывал в Советской России. Со слов родственников, находящихся в эмиграции, во время одного из посещений СССР в 1937 году ему удалось устроиться водителем секретаря Ленинградского обкома ВКП (б). Параллельно с ним в Ленинграде нелегально работал его коллега полковник Николай Алексеевич Зуев, который, будучи еще подростком, прославился своими смелыми рейдами в Порт-Артуре во время Русско-Японской войны. Зуев, также как и Аксаков, нелегально проникал в Советскую Россию 4 раза.

Если верить скупой информации о деятельности С.С. Аксакова, полученной из различных источников, в последнем походе в 1938 году он был задержан на границе.

В очерке отца Марины Александровны, полковника Александра Сергеевича Гершельмана «Один из сорока трех» изложено реальное описание событий, произошедших с Сергеем Сергеевичем в тот четвертый раз, и которые были поведаны автору самим их участником. Для конспирации судьба героя представлена от лица двух персонажей, а суть событий состояла в следующем.

Сергей Сергеевич Аксаков пересекал границу один, что, видимо, как и в предыдущие походы, гарантировало большую вероятность успеха. Но в этот раз его сдал проводник.

После нескольких допросов С.С. Аксакова поместили в одиночную камеру и объявили, что утром он будет расстрелян.

К тому времени Сергей Сергеевич Аксаков уже имел профессиональный багаж и был знаком чекистам как непримиримый борец с большевизмом, так что рассчитывать на сотрудничество с ним было нелепо. Ликвидация же С.С. Аксакова не давала никакого значимого результата, и чекисты пошли на следующий шаг. Ночью перед объявленным расстрелом, Сергей Сергеевич был вызван к более высокому начальству. Ему было сделано предложение о сотрудничестве с советской разведкой. После формального торга и достижения видимого согласия был подписан документ об освобождении его из-под стражи.

С целью сохранения жизни агентам РОВСа разрешалось идти на сотрудничество с чекистами, но и чекисты знали об этом. С.С. Аксакову были подобраны необходимые материалы для доставки в «Центр» РОВСа и он был переправлен через границу обратно.

Прибыв к своим, Сергей Сергеевич доложил о случившемся высокому руководству (Судя по всему генералу Павлу Николаевичу Шатилову, в Париже – А.К.). И это спасло его репутацию, ибо среди привезенных материалов была обнаружена подложенная чекистами та самая его расписка об освобождении, подписанная в ночь перед объявленным расстрелом.

*Один из создателей секретной
организации РОВС «Внутренняя
линия».*

*Генерал Шатилов Павел
Николаевич – 1 отдел РОВС.
Париж. Франция.*

Фото 1940-х годов.

Расчет сотрудников госбезопасности был прост. Либо С.С. Аксаков не доложит о своем задержании и утратит доверие, когда обнаружится подброшенная записка, либо все расскажет, но больше не будет доставлять хлопот чекистам на территории СССР.

Действительно, Сергей Сергеевич Аксаков после этого случая на территорию Советской России более не забрасывался.

Приведем цитаты из высказываний Марины Александровны:

«В своих воспоминаниях Сергей Сергеевич почти никогда не упоминал о своей работе «кутеповцем». Только с благодарностью говорил о следователе, который ночью вызвал его из «одиночки», куда сажали приговоренных к расстрелу, и выпустил его. Он это считал чудом...

Сергей Сергеевич был очень дружен с моим отцом (полковником Александром Сергеевичем Гершельманом – А.К.), у них было много общих интересов, всегда находились темы для интересных бесед. Я так жалею, что, несмотря на усиленные уговоры моего отца, Сергей Сергеевич ни за что не хотел писать свои воспоминания (а писал он хорошо), отговариваясь тем, что боится кого-нибудь подвести...

Свое спасение из «одиночки», на Шпалерной, он считал чудом. Только один раз, с большим трудом, со стаканом вина в руке он рассказал мне более подробно об этом, все боялся подвести следователя и кого-нибудь другого, которые ночью его выпустили. Да и вообще, видимо ему тяжело было об этом вспоминать. Но откровеннее и полностью он поведал все только моему отцу в начале 1950-х, здесь в Аргентине».²⁹

Начало второй мировой войны С.С. Аксаков встретил в Болгарии, где вместе с Н.А. Зуевым занимался подготовкой спецгрупп («Молодой смены») в тесном сотрудничестве с полковником П.Н. Богдановичем, одним из руководителей НОРР (Национальной организации российских разведчиков).

К этому времени лагерь русских эмигрантов разделился на две части. Первые считали, что для ликвидации большевизма в России хороши любые средства и шли на сотрудничество с немцами, полагая, что русскому народу не удастся навязать чужие порядки. Вторые, понимая, какие беды несет их соотечественникам немецкая оккупация, с негодованием отвергали позицию первых. В быту это порой выглядело грустно, когда, ранее искренне дружившие люди, неожиданно столкнувшись на улице, переходили на разные ее стороны и отворачивались друг от друга.

«В жаркий летний день, вскоре после вторжения немцев в СССР, в квартире полковника Жолондовского в Бухаресте царило необычное оживление. Из Софии прибыл капитан Фосс и с ним десятка два молодых людей, воспитанных под наблюдением «Внутренней Линии» в рядах НОРР и жаждавших борьбы с коммунизмом. В Бухаресте они задержались недолго. Вместе с Фоссом молодые люди отправились в Россию.

Об их деятельности в немецком тылу сведения были нехорошие. Известно, что они побывали в Крыму. В Симферополе при их участии выходила немецкая газета на русском языке [...]. Сам Фосс принимал участие в охране ставки Гитлера в Виннице, за свои дела был он награжден «Железным крестом». После окончания Второй мировой войны Фосс под фамилией Александра вынырнул в районе баварского города Кемптена. Затем он переехал в Мюнхен и поселился у некоего Моисеева на Леопольдштрассе. Здесь, под прикрытием вывески «строительной конторы», он занялся привычным делом, на сей раз для американской контрразведки».³⁰

Вслед за Клавдием Александровичем Фоссом появился на оккупированных немцами территориях и Сергей Сергеевич Аксаков, прибыв туда со второй группой.

В задачи этих групп входила организация администраций на освобожденных от Красной Армии территориях, для обеспечения, по возможности, нормальной жизни населения. Приведем некоторые выдержки из книги участника тех событий Павла Николаевича Буткова, который так их описывает:

«Только в августе с Кубани прибыла группа наших во главе с Фоссом [...]. В нее входили мой очень хороший друг мичман Аксаков и еще двое. Мы должны были отправляться в Винницу, где находилась главная квартира фюрера, и где формировались украинские соединения. Мы должны были разобраться в этих украинских делах, так как немцы совсем в них запутались. Клавдий Александрович Фосс был в восторге от этого задания, так как он считал, что наша правда об украинцах-галичанах взяла верх, и немцы думают, что они ошиблись в том, что делали ставку на них.

В то время многие офицеры немецкой армии были за создание русского правительства в Киеве, но потом нацисты со своим фюрером решили иначе и стали делать ставку на украинцев-галичан, которые массами пошли к ним и создали даже дивизии эсэсовцев. На Украине они были самыми ближайшими помощниками немецкой

администрации, и ее исполнителями. Эти безумные нацисты со своим фюрером хотели все себе подчинить – и всю Россию, и особенно Украину.

С большим подъемом мы готовились к отъезду в Винницу. Ехали мы на нескольких машинах и увидели еще много интересных мест юга России. По пути мы разговаривали с местными жителями, которые, узнав, что мы русские-белые, с большим интересом и откровенно с нами разговаривали. Никто почти не высказывал своих симпатий к галичанам, которых считали совершенно чужими и продажными шкурами.

Мы старались развязать узел, который в Виннице сплетался с различными группировками украинских самостийников. Там были бендеровцы, петлюровцы, махновцы, и все имели свои политические и стратегические намерения относительно «устройства самостийной Украины». Мой друг мичман Сергей Сергеевич Аксаков набрел на самую для нас интересную «подпольную» организацию украинцев, которых всюду в местной администрации было полно. Все, кто был связан с этой подпольной украинской организацией, были сняты с работы и ввиду того, что большинство было из галичан, высланы из Винницы. После этого немцы перестали так доверять украинцам, и их самостийные формирования и школы в Виннице были закрыты». ³¹

В сводках советской агентуры за 1942 год Сергей Сергеевич Аксаков фигурирует как сотрудник немецкой армейской разведки Абвер. Много лет спустя стало известно, что в этот период времени ему удалось помочь многим соотечественникам, имевшим серьезные проблемы как со сталинским, так и с гитлеровским режимами. Среди прочих на оккупированных территориях он встретил и помог своим бывшим товарищам по учебе в Морском корпусе.

В 1951 году Сергей Сергеевич Аксаков для журнала своего выпуска писал:

«Во время войны [...] я в Русском Корпусе не был, но служил в Германской армии, побывал на Восточном Фронте. Был в Одессе, Николаеве, Севастополе, по всему Крыму, в Ростове и под Новороссийском. Повидал много интересного и поучительного. Узнал и немцев, и подъяремный русский народ. Вероятно, многих [...] будет шокировать наличие «Коллаборанта». Впрочем, времена подходят такие, что придется выбирать между коммунизмом и «Коллаборанством», нынче, быть может, с Америкой. Мы это все знали еще тогда, почему и шли к немцам на службу, не строя никаких иллюзий, как теперь пойдут на службу к американцам.

Наша главная задача – всячески бороться с «Помутнением мозгов» в какой бы форме, и от каких причин они не появлялись. Надо, чтобы все наши поняли, что, например, все прошлые заслуги адмирала Кедрова не могут ни оправдать, ни извинить его бесславного конца (хождение на поклон в Советское Посольство в Париже). Мы должны верить, что в среде нашей нет изменников и подлецов, и мы можем только жалеть, а не оправдывать и превозносить людей, околпаченных на старости лет большевиками.

30 с лишним лет захлебывается в крови Русский народ. Уже 5 лет рассеялись как дым всякие «Ялтинские увлечения» и большевизм раскрыл свой звериный лик. Даже тупоголовые иностранцы с их Готтентотской моралью начинают понимать, что мир окончательно разделится на два лагеря и идет последняя борьба на жизнь и на смерть. Сатанинская власть беспощадного террора и рабства не скрывает своего намерения

поглотить весь мир с его Христианской культурой и всеми достижениями права и справедливости. Уже прошло время, когда можно было прятать голову под крыло и оставаться нейтральным и «вне политики»... И вот на фоне всего этого встречаются опять какие-то рассуждения о высоком чувстве патриотизма в связи с советской властью. Между двух стульев теперь сидеть нельзя. Каждый должен честно определить свою линию и стать направо или налево. Это надо было сделать 30 лет тому назад, а теперь уже нельзя этого не сделать».³²

Знакомство с будущей спутницей жизни Мариной Александровной, которая была младше его почти на тридцать лет, состоялось после окончания войны, в американском секторе, в лагере для перемещенных лиц в Австрии – в городе Зальцбург.

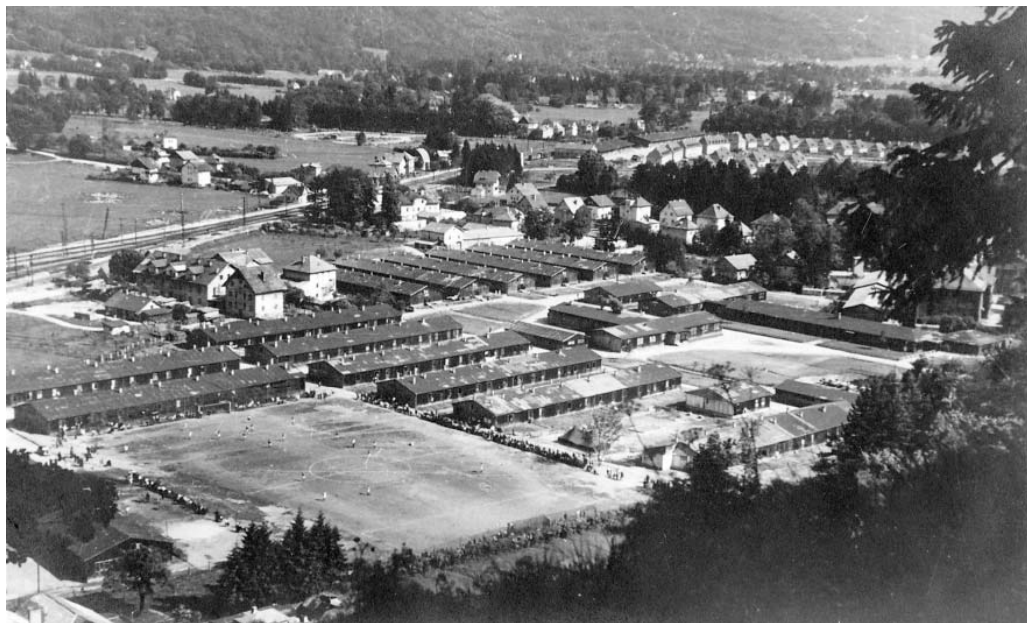
Ее отец полковник Александр Сергеевич Гершельман (сын генерал-губернатора г. Москвы в 1906–1909 гг. генерал-лейтенанта Сергея Константиновича Гершельмана – собирателя портретной коллекции руководителей Москвы, размещенной сейчас в Мэрии столицы России) и Сергей Сергеевич Аксаков оказались очень близки по духу и убеждениям.

Их объединяли не только монархические взгляды, но и схожие оценки происходящего в мире. Александр Сергеевич был тем единственным человеком, кому в полном объеме и абсолютно откровенно поведал Сергей Сергеевич историю своей удивительной жизни и который, как говорилось выше, точно изложил ее в повести «Один из сорока трех».

О лагере и о том времени Марина Александровна вспоминает: «Теперь уже немногие знают, что этот лагерь, как и многие другие, был беженским, в котором было дано убежище 2500 русским со всей Европы, в том числе и советским подданным. Лагерь был открытым, выход и вход свободным. Были свои: церковь, школа, гимназия, клуб, театр, свой бюллетень, мастерские, лазарет и хозяйственная часть, где выдавали полагающиеся пайки сахара, хлеба и т.д. Кто хотел, мог записываться на общий котел и получать горячие обеды, все это на послевоенные карточки с небольшой добавкой от оккупационных властей».³³

В этом же городе состоялось еще одно событие. Прибыв в 1945 году в Зальцбург, Сергей Сергеевич посетил пункт по регистрации беженцев, который размещался в уцелевшей части полуразрушенной школы. Открыв дверь в комнату, он обомлел от радости. За столом сидел его двоюродный брат, Николай Владимирович Аксаков, который ранее также служил в белой армии. Из его рассказа узнал Сергей Сергеевич о судьбе их младшего брата Василия, который в 1918-м в неполных тринадцать лет был истерзан и убит красными. О том, что в 1942 году Николаю удалось навестить в Белграде родных – семью дяди, Павла Николаевича Аксакова, двоюродных брата Игоря и сестру Аду. И вот – неожиданная встреча с Сергеем.

Годы, проведенные в лагере, можно охарактеризовать одним словом – выживание. Делалось все возможное, чтобы сэкономить немного продовольствия для помощи скрывающимся в лесах Австрии советским подданным. В соответствии с ялтинскими соглашениями советская контрразведка под прикрытием репатриационных комиссий делала рейды в американский сектор с целью выявления и последующей передачи под советскую юрисдикцию интересующих их лиц. В основном это касалось советских граждан, попавших ранее в плен или вывезенных немцами на работы в Германию.

*Лагерь «Париш» для беженцев и перемещенных лиц. Американская зона оккупации. В комнате № 5 барака № 15 жили братья Николай Владимирович и Сергей Сергеевич Аксаковы. Снимок лагеря сделан во время футбольного матча. Зальцбург. Австрия. 1946 год.
Личное собрание М.А. Аксаковой. Буэнос-Айрес. Аргентина.*

Этому сопротивлялись исходя из возможностей местных условий. Из сырого картофеля вырезались подобиya печатей для оформления «липовых» документов. Наспех изготовленные справки и удостоверения складывались и засовывались в голенница сапог, чтобы при ходьбе «состарить» бумагу и придать ей подобающий помятый затертый вид, «подтверждающий» их возраст. В основном изготавливались фальшивки на сербском языке. Люди заучивали сербские фразы, запоминали наизусть карту Белграда и придумывали себе достоверные легенды. Так продолжалось до 1948 года.

Ряд государств, экономика которых поправилась за счет военных поставок, и где требовалась рабочая сила, согласились принять к себе перемещенных лиц, и лагерь постепенно стал пустеть.

«В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине...»,

– так Сергей Сергеевич Аксаков начинает для своего журнала повествование об очередном этапе своей жизни, где ему опять пришлось все начинать с нуля...

*Буэнос-Айрес.
Аргентина. 1950-е
годы. Одно из
ежегодных собраний
членов Кают-
компаний по случаю
морского праздника
6/19 ноября в день
Св. Павла. Сергей
Сергеевич Аксаков
крайний слева.*

*Личное собрание
М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес.
Аргентина.*

«Высадился я 24 октября 1948 года с американского военного транспорта «Gen. Heintzelman», прибывшего из Генуи с «грузом» перемещенных лиц из Зальцбурга (Австрия). Эта особая порода людей (Displaced persons) образовалась в конце последней войны, когда немцы хватали и таскали в свой тыл на работу всех, кто не успел улепетнуть. Большинство этих людей было без родины и без дома, и заботами о них занялись сначала UNRRA, а потом IRO. Ни эти организации, ни их руководители сами не понимали толком, что это за народ, и что с ним делать. По началу, пытались выдавать русских эмигрантов в СССР (во исполнение ялтинской конференции), но, получив отпор, вплоть до самоубийств, махнули рукой и стали отсылать всех в экзотические страны, где нужна была рабочая сила. Аргентина, разбогатевшая в результате войны, справляла в это время «медовые» годы «царствования» Перона. Доллар стоил 4 пезо и простые рабочие жрали бифштексы величиной с тарелку и одевались как лондонские денди. В эмигрантском доме, куда нас высадили с транспорта, я встретил Витю Прохорова с супругой, которые только что прибыли на другом пароходе из Франции. Выяснилось, что в настоящее время уже много лет здесь проживают наши моряки: Родзевич, Хотунцов, Алексеев и Добровольский. Все – в Буэнос-Айресе. Кроме Алексева, который жил на даче, на островах в дельте реки La Plata. Свою городскую квартиру он уступил Вите Прохорову. Хотунцов занимался геодезией и имел семью. О Добровольском же, приставшем к нам, кажется в Сингапуре, никто точно не знал, где он живет и что делает. Было ясно, что центром этой маленькой группы, являлся Родзевич. Он являлся администратором небольшой текстильной фабрики, жил в центре города, недалеко от порта и центрального вокзала, а главное, с настоящим, братским радушием принял всех нас и старался каждому, по мере возможности, помочь. Как

*Любимое место С.С. Аксакова –
на пристани, у легендарного
парусного судна «Sarmiento».*

*Буэнос-Айрес. Аргентина.
Фото 1950-х годов.*

*Личное собрание
М.А. Аксаковой. Буэнос-Айрес.
Аргентина.*

он, так и Хотунцов имели взрослых сыновей и были женаты на местных уроженках. Вся русская колония, как везде, собиралась на церковных дворах, где встречала знакомых и устраивала свои делишки. Именно там я встретил ныне покойного Торина, прибывшего с нами на «Орле» в составе младшей роты. При его помощи я получил первую работу – маляром в немецкой артели. С работой по началу было трудно – был я без языка. Красили мы новую школу. Жить же я устроился в русский пансион, который содержал русский старover из Бессарабии, женатый на литвинке. Жили мы по три человека в комнате, но публика подбиралась своя, приличная. Через короткое время таким же путем прибыл Юрий Степанов. С ним я встретился еще в Зальцбурге, и мы почти три года жили в одном лагере и даже в одной комнате. По приезде в Буэнос-Айрес, он сразу стал читать и петь в церкви, встретив своего старого духовника, еще в Братиславе (Чехия), о. Михаила Дикого. Вскоре он поступил на работу в маленькую мастерскую, вырабатывавшую химикалии для очистки паровых котлов и труб от нагара. Основателем и хозяином этого предприятия был известный нам по «Орлу» мичман Бауман, ныне уже умерший. В таком положении Юрий оставался до своей смерти, последовавшей в 1966 году, когда мастерская эта уже принадлежала некоему англичанину, который его и похоронил. Жил Юрий скромно, пил много, и у всех оставил по себе добрую память. К сожалению, все его вещи и, в том числе, стихи, были забраны полицией и пропали навсегда. Это был один из верных членов нашего братства, талантливый, прекрасный товарищ, но, как это иногда бывает, не нашедший себе счастья в жизни. Что касается меня, то, погуляв некоторое время без работы, я устроен тем же Родзевичем на ту фабрику, где служил и он, в качестве привратника, сторожа и на должность: «а ну, подскочь». Хозяином был русский еврей из Бухары со

Здание в Буэнос-Айресе, в работах по проектированию которого принимал участие С.С. Аксаков.

*Личное собрание М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес. Аргентина.*

страшной фамилией Иссасадех, что, впрочем, в переводе означает: «Сын Исаяи». Имя ему было Авраам, но звали его «Don Alberto».³⁴

Работал Сергей Сергеевич Аксаков до осени 1956 года, пока не заболел туберкулезом. С работы его уволили, выдав небольшое пособие. Хотя медицинское обеспечение в Аргентине формально было бесплатное, на деле за лекарства и услуги приходилось платить. Пенсия по инвалидности С.С. Аксакова в пересчете была 30 долларов в месяц, и он подрабатывал чертежными работами, участвовал в проектировании и расчетах зданий города, которые украшают Буэнос-Айрес и в настоящее время. Ему оказывалась материальная помощь от товарищей из Америки, как это уже делалось в период его пребывания в лагере в Австрии.

Офицеры последнего выпуска Морского корпуса 1920 года избрали Сергея Сергеевича Аксакова Председателем Выпуска:

«Аксаков Сергей Сергеевич человек – совершенно особенный в «Выпуске» и, как писалось в «30 лет спустя», его жизнь за 30 почти лет прошла на служение России, как он понимал и действовал согласно своей совести и чести офицера. С. Аксаков не думал о себе, о своем благополучии семейном или материальном. Он, прибыв из Бизерты в Париж, почти сразу же утвердил себя на служение России. Служение России он видел в освобождении Родины от большевиков, в действительной борьбе против них, чем он занялся и занимался все эти годы».³⁵

На страницах «Выпуска» он пишет:

«Здоровье мое было хорошее. Но годы и пережитое дают себя знать, то здесь, то там выскакивают неожиданные болезни. В моральном отношении чувствую усталость, одиночество и полную безнадежность в смысле будущего».

*Сергей Сергеевич
и Марина
Александровна
во дворе ее дома.*

*Фото ок.
1968 года.*

*Личное собрание
М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес.
Аргентина.*

Со слов Марины Александровны русские люди в Аргентине богатства не нажили, но своими домами постепенно обзавелись. О Сергее Сергеевиче она пишет:

«Он очень любил животных. Здесь много кошек, потому что плодятся чаще, чем в Европе. Многие не решаются топить котят при рождении, считая это жестоким, но потом выбрасывают их на голодную смерть. И вот если Сергею Сергеевичу случалось услышать писк брошенного котенка, то на обратном пути он шел другой дорогой, ведь взять его было некуда. А в детстве он летом все убегал на конюшню и пропадал там целыми днями, лазил между и под лошадьми [...] и доигрался. Одной из них надоело, что под брюхом кто-то копошится, и она схватила Серезу за волосы, шрам на голове остался на всю жизнь. А здесь, в первые годы, еще было много телег и тележек, развозивших разные продукты по домам, так он непременно гладил или похлопывал по хвату – «приставал», как он выражался, к лошадям.

А при эвакуации (В 1920 году – А.К.) Борис Сергеевич, как считал Сергей Сергеевич, заболел тифом и не попал на корабль, его подобрала сердобольная семья, выходила и с чужими документами отправила домой. Татьяна Александровна иначе это описывает.

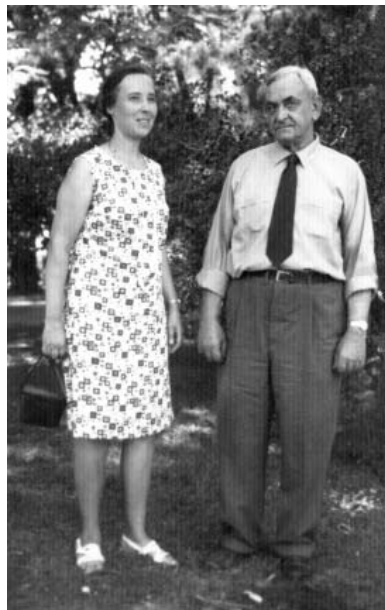
Еще Борис Сергеевич дружил с князем В.А. Вяземским. И Сергей Сергеевич с юмором рассказывал как оба одновременно сватались – один к матери (Александре Гастоновне, ур. Эшен – А.К.), а другой к дочери (Татьяне Александровне, ур. Сиверс – А.К.)».³⁶

Анализируя свой жизненный путь и будучи, человеком глубоко и искренне верующим, Сергей Сергеевич размышлял не только о борьбе и месте в ней каждого. Его мысли о Боге, о сути бытия также были искренны и просты.

*Сергей Сергеевич и Марина Александровна,
25-летие знакомства.*

Буэнос-Айрес. 1971 год.

*Личное собрание М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес. Аргентина.*

«Ужасно, что мы ничего не хотим делать для Господа, даже и добро стараемся делать для своей пользы или удовольствия. Если же делаем что для Господа, то в тайном расчете получить за это вознаграждение.

Что более чарует нас в жизни? Всякого рода величие и могущество. Прежде всего, свое собственное, затем окружающих. В этом и есть главная работа дьявола. Даже самый хороший из людей несознательно старается возвеличиться. Иногда через самоунижение. Истинное смирение – есть наивысшая добродетель весьма трудно достигаемая».³⁷

Сергей Сергеевич обосновался у Марины Александровны в предместье Буэнос-Айреса – Виллья Балльестер (Villa Ballester – Argentina).

Примерно в 1951–1955 гг. начал поиск своих родных, разбросанных по всему свету.

Он узнал, что его дядя, Павел Николаевич Аксаков, в 1944 году умер и похоронен на сербском кладбище Нова Гробля в Белграде.

Его сын Игорь, двоюродный брат Сергея Сергеевича, вернулся из Греции, где был женат первым браком и работал после окончания Люблянского университета, разыскал в Ницце семью своей сестры Ады и вместе с матерью вывез их в Австралию.

В 1960-х годах Ада Павловна с мужем Владимиром Николаевичем Львовым навещала Сергея Сергеевича в Аргентине. Вспоминали детские годы, проведенные в имении «Антипово», как брат угощал ее конфетами и катал на велосипеде.

В Ливане Сергею Сергеевичу удалось отыскать племянника Дмитрия – сына старшего брата Бориса Сергеевича и Татьяны Александровны, с которым он пытался наладить переписку.

В своем ответном письме Дмитрий пишет:

«Дорогой дядя Сережа,

очень благодарю тебя за длинное письмо и такое интересное – оно мне принесло какой-то новый дух, возродило во мне гордость и сознание, что именно такие рода, как наш, тесно связаны с историей страны. Сознание это во мне существовало всегда, частью инстинктивно, частью, конечно, потому, что, как я тебе говорил, получил в детстве рудименты чисто русского воспитания. К сожалению, я был слишком много предан сам себе, и в отроческом возрасте мне часто было тяжело отсутствие отца и матери. Редкие и короткие письма от отца из России, которые я получал, не заменяют, конечно, постоянное внушение, которое получается в нормальном воспитании.

Любовь к старой России и ненависть к большевикам мне были переданы бабушкой и её мужем, покойным кн. Вяземским (которого я звал дядя Володя). Главной моей целью в жизни было до сих пор – выйти в люди. Благодаря Анне Павловой мне была дана материальная возможность закончить высшее образование, и я благодарен, что меня направили на техническую отрасль, благодаря которой я всегда и всюду могу иметь приличный заработок. Начало было не всегда легкое, и война заставила потерять время. Но пока я доволен достигнутым результатом. Не жалею, что покинул Францию, где материально труднее жить. Я, конечно, был принужден принять франц. [узское] подданство. Эту формальность я не считаю изменой, и, сама по себе, она не имеет для меня окончательного значения. Не считаешь ли ты, что я, все-таки, должен был жениться на русской? Моя жена очень милая, и я уже женат 10 лет. Прилагаю тебе карточку, снятую с ней на прошлой неделе на одном приеме. Я вчера получил письмо из Австралии от И. Аксакова. (Игорь Павлович Аксаков – дядя Димы – А.К.). Я не знал о его существовании. Как он нам приходится? Буду с нетерпением ждать дальнейшие сведения о нашей семье. Я написал бабушке, и она ответит мне подробно об отце и матери. Заказал себе золотой перстень с гербом, знаешь ли ты значение камня на траве? Пожалуйста, пришли мне свою фотографию, и опиши мне подробно твою теперешнюю жизнь – как ты попал в Аргентину.

Крепко тебя обнимаю. Твой Дмитрий».³⁸

По просьбе Дмитрия Сергей Сергеевич откровенно изложил свой жизненный путь, описал работу в Белом движении, службу у немцев на Восточном фронте, жизнь в американском секторе после войны, но ответа не дождался. Возможно, это было связано с нехваткой времени, так как Дмитрию по работе приходилось часто и надолго выезжать в командировки. Возможно, тот осуждал Сергея Сергеевича за службу у немцев, так как сам с братом Аликом воевал во французской армии против них.

В 1967 году Дмитрий Борисович, находясь в командировке на Мадагаскаре, заболел и скоропостижно скончался.

Его дочь Катрин, проживающая сейчас в Ницце, о существовании родни в Аргентине, Австралии и России узнала от нас лишь в 2005 году.

Брат Николай, которого Сергей Сергеевич встретил в лагере в Зальцбурге, осел в США, получив в 1950-м году американское гражданство. Изредка присылал письма.

В начале 1970-х перенес операцию на сердце. Умер в 1974 году и был похоронен на кладбище Ново-Дивеевского монастыря в Нью-Джерси.

О переписке с родственниками в СССР не могло быть и речи.

В 1954 году С.С.Аксаков дал сведения о своем древнем роде в эмигрантский журнал «Новик», который был основан известным генеалогом Л.М. Савеловым. Журнал в то время издавался в Нью-Йорке, на его страницах печатались дополнения к поколенной росписи В. Руммеля и В. Голубцова.

В росписи Аксаковых были внесены известные Сергею Сергеевичу (хотя и неточные) дополнения о судьбах представителей калужско-московской ветви.

В Буэнос-Айресе Сергей Сергеевич сблизился с другим Аксаковым – Павлом Александровичем (сподвижником польского генерала Булах-Балаховича), который причислял себя к уфимско-самарской ветви писателя Сергея Тимофеевича, хотя это утверждение пока документально не подтверждается.

В Аргентине ему принадлежал ресторан, и его жизнь была более обеспеченной, чем у других переселенцев.

Павел Александрович носил золотое кольцо с гербом аксаковского рода для опечатывания корреспонденции. Аналогичное кольцо, но серебряное, он подарил Сергею Сергеевичу. Тот часто им пользовался, опечатывая сургучом переписку закрытого характера с членами морского товарищества, тем самым, подчеркивая свое древнее благородное происхождение, которым он очень гордился, но никогда не выпячивал.

При всех бытовых проблемах и неурядицах со здоровьем Сергей Сергеевич ни на минуту не прекращал думать и заниматься в меру своих сил делом, служению которому посвятил всю свою жизнь. Он писал и публиковал в морском журнале статьи, вел интенсивную переписку с рассеянными по всему миру своими товарищами, давал им ценные советы и рекомендации. Как уже говорилось ранее, выполнял обязанности Председателя Выпуска. В этой связи, для подтверждения сказанного уместно привести письмо В.Жукова – руководителя НОРР в США от 24 декабря 1979 года, которое приводится без сокращения.

«Многоуважаемый Сергей Сергеевич, поздравляю Вас с Новым Годом и наступающими праздниками Рождества Христова. От всей души желаю Вам много счастья, здоровья и душевной бодрости. Рад, что Вы без всяких осложнений получили денежный перевод. Таким же путем пересылаю Вам наш Рождественский подарок. Надеюсь, Вы получите его своевременно. Примите это как вещественное доказательство наших к Вам теплых чувств. Это все от Ваших знакомых и «учеников» по Болгарии. К. Полторацкий, В. Бутков, В. Эггер, В. Путилин, К. Балкунов и я. Что касается бумаг П.Н. Богдановича (Полковник П.Н. Богданович – руководитель НОРР в Болгарии в 1930-е гг. – А.К.), то положение следующее. Я узнал адрес крестной дочери полк.[овника] Богдановича. Её зовут Людмила Борисовна Носович. Ей я уже писал и получил ответ, что она, к сожалению, ничего не получала и не знает. Её предположение, что все бумаги остались в старческом доме, но Вы пишете, что они были переданы полиции, так что я пока не знаю с какого конца начинать. Постараюсь, что-нибудь придумать. (Речь идет об архивах «Внутренней Линии» и НОРР – А.К.)

Павел Александрович Аксаков, бывший ротмистр, в 1930–1940 годы владелец ресторана в Брюсселе, а затем в Аргентине.

Поддерживал отношения с Сергеем Сергеевичем и преподнес ему в подарок серебряный перстень-печатку с гербом рода Аксаковых, которым любил пользоваться при опечатывании закрытой переписки мичман русского флота.

Фото 1920-х годов.

*Личное собрание М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес. Аргентина.*

Теперь относительно моей второй просьбы. Вы совершенно правы, что в эмиграции была М.В.Захарченко-Шульц.³⁹ Вся беда, что никакого письменного следа об этом, сейчас нет.

В свое время была маленькая книжечка «Работа там», кажется издания Галлиполийского вестника. Её было бы уже достаточно, но вся беда в том, что ее нигде не найти. Сейчас вышла из печати книжка известного солидариста /не могу вспомнить фамилию/, но он посвятил свою жизнь и в разных статьях доказывал, что РОВС насквозь был пронизан провокаторами, так что я ничего хорошего от нее не жду, хотя и выписал.⁴⁰ О восстаниях в Сов.[етском] Союзе тоже почти ничего нет. Историей восстаний в эмиграции никто не занимался хотя бы потому, что было мало информации. Спасибо покойному Сречинскому, который начал собирать материал из советских источников /воспоминания разных партийцев участников подавления этих восстаний/. Конечно, весь материал тенденциозный, но, сопоставляя разные описания, можно получить какую-то картину и даже цифры. К сожалению, смерть помешала ему закончить это исследование, но хотя бы начало положено.

Я отдаю себе отчет, что Вам в Вашем возрасте и при Ваших болезнях, трудно что-то писать, но если бы Вы смогли, хотя бы урывками что-то написать, то для нас была бы большая помощь. Это не предназначается для печати, а для воспитательной работы в школе Инструкторов.

Что касается нашей работы здесь, то хотя и медленно, но все же движемся вперед. 13 лет уже существует лагерь НОРР. Вся трудность заключается в том, что НОРР в США существовала много лет, но по личным и «партийным» побуждениям Начальника отдела весь отдел целиком вышел из НОРР, создав самостоятельную организацию,

ПОРР /Патриотическая Организация Русских Разведок/, и, к моменту переезда сюда наших «болгар» из Марокко – НОРР здесь больше не существовал. Прошло насколько лет, пока мы, приехав и осмотревшись, не начали все снова. Затруднением было и полное отсутствие средств, так, чтобы выжить, надо было все делать самим, включая постройки всех лагерных удобств. В настоящее время виден просвет, наконец-то!

Необходимо сказать несколько слов о самой молодежи. Условия, в которых мы росли и воспитывались в Болгарии, в корне отличаются от здешних. В наше время господствовал порядок. Любовь к Родине было нормальным явлением. Мы жили и учились в Славянской стране, в которой хотя бы алфавит был тот же, и если юноша умел читать по-болгарски, то так же хорошо он мог читать по-русски. В Болгарии все напоминало о России. Революция была свежа в памяти всех и все, включая и молодежь, переживали ее последствия. Наконец, как это ни парадоксально, неприязненное отношение к русским со стороны многих болгар, содействовало нашей спайке.

В наших условиях молодежь сознательно воспитывается в полной свободе, никакого патриотизма, который не только не поощряется, но наоборот всячески изгоняется из сознания как пережиток темного прошлого. Вообще никакого чувства долга – оно системой воспитания атрофировано. Молитва в школе запрещена. Материальное благополучие с развращающим влиянием телевизора, все программы избилуют разлагающим содержанием с почти открытой пропагандой всех пороков и наркотиков. Наконец, официальная точка зрения, что Америка это плавильный котел, в котором все национальности должны расплавиться, чтобы создать американца. Вот неполный перечень, в каких условиях и наперекор всем мы пытаемся сохранить нашу молодежь. Трудно, очень трудно, но что-то делать надо и надеюсь, что какой то результат есть.

На этом пока и кончаю. Крепко жму Вашу руку.

Уважающий Вас В. Жуков».⁴¹

Сергей Сергеевич Аксаков тихо скончался у себя дома в Буэнос-Айресе 19 сентября 1987 года, не дожив полгода до 89 лет. Его имя известно многим, память о нем хранится в сердцах его товарищей и родных, а в глобальной мировой информационной сети «Интернет» он был упомянут как «Последний офицер Русского Флота».

Его друзья писали:

«Жил С.С.Аксаков очень скромно, вращался только в своей «белой» среде. В его квартире висели портреты с национальными трехцветными ленточками его друзей, погибших в борьбе за Россию. Он был «традиционером», выполнял все воинские формальности и очень любил зарубежную русскую молодежь. А главное – был верующим православным христианином. В Софии его всегда можно было встретить в соборе св. Александра Невского на всенощных, которые он очень любил. Он их выстаивал с начала и до конца, и стоял всегда у правого притвора огромного храма в полумраке.

Последние десять лет своей жизни Сергей Сергеевич отдался духовно-религиозным размышлениям, очень много читал религиозно-нравственной литературы и часто говел и причащался св. Таинств. Его русская, глубоко религиозная душа, наконец, обрела свободу от воинского подвижничества и целиком отдалась духовному деланию. Скончался он полностью примиренный со своей совестью, постоянно призывая к покаянию других.

*Павел Николаевич
Бутков
(крайний слева)
на могиле жены
на Британском
кладбище в
Буэнос-Айресе
с другом
С.С. Аксаковым и
своей дочкой.*

*Фото
ок. 1960 года.*

*Личное собрание
М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес.
Аргентина.*

Да будет нам примером героическая жизнь этого истинного Русского патриота и Белого воина приснопамятного раба Божия воина Сергия.

Верим нерушимо, что Свободная Россия занесет его имя и имена его соратников на золотые скрижали Отчественной истории 20-го века.

В. Бутков⁴²

Из воспоминаний Марины Александровны:

«Милостью Божьей, кончина была мирной и спокойной. На секунду лицо отразило боль, или скорее какое-то усилие – это когда душа отделялась от тела (так я понимаю), еще один легкий вздох, и все...

Поздно вечером отвезли его в храм «Корпусного Дома», как он просил, там отец Владимир отслужил литию. Днем было отпевание, собралось около 45 человек, что по местным меркам порядочно, я не ожидала столько. На третий день около 15 часов состоялось погребение на Английском кладбище в могиле, которую Сергею Сергеевичу завещал Цешке. Гроб был накрыт Андреевским флагом с одного из русских кораблей, нашедших свой последний причал в далекой Бизерте. Во время похорон вдруг с какого-то соседнего кладбища послышалась военная музыка. Как будто специально для него, ведь он так дорожил всеми старыми традициями. Просил пустить кассету с «Коль славен...», когда будут выносить его гроб, а о военном оркестре и мечтать не мог.

Когда наплывают воспоминания, то останавливаю себя, представляю его себе, каким он был в последнее время, и понимаю, что так должно было быть и надеюсь на милость Божью, что «там» ему будет хорошо, ведь он был очень верующим, часто причащался и много

С.С. Аксаков (слева) и Ю.А. Антонов держат спасенную в период революции в России корабельную икону Св. Николая Чудотворца, которую Сергей Сергеевич оберегал до конца своих дней.

Буэнос-Айрес. 1960-е годы.

*Личное собрание М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес. Аргентина.*

молился. Когда я его невзначай заставала за молитвой, то видела, что его лицо умиленно просветлялось. Дал бы Богу безбедно пройти «мытарства» и упокоиться с праведными!».⁴³

На памятной плите, как и завещал Сергей Сергеевич Аксаков, скромная надпись: «Мичман Русского Флота. Рожден близ Оптиной Пустыни».

После 1917 года Сергею Сергеевичу Аксакову не довелось повидать ни своего старшего брата Бориса ни трех его сестер.

В 2005 году Марина Александровна прислала из Буэнос-Айреса горсть земли с могилы Сергея Сергеевича, которую мы рассыпали на могиле его брата Бориса в Москве, тем самым заочно выполнив одно из желаний «Мичмана Русского Флота».

Из воспоминаний Сергея Сергеевича Аксакова.⁴⁴

История иконы Святителя Николая Чудотворца.

Краткая история Иконы Свт. Николая Мир-Ликийских Чудотворца. Записано со слов ныне покойной баронессы Александры Богдановны Мейендорф, по памяти.

Однажды, ночью 1917 года, когда бушевала распропагандированная русскими революционерами и иностранными агентами распущенная матросская банда, оставшаяся без убитых ими же офицеров, раздался стук в окно одной из дач вблизи Гельсингфорса, принадлежащей русскому офицеру, успевшему бежать от большевиков из Петрограда. Хозяин, подойдя к окну, ужаснулся, увидев матросскую фуражку.

Матрос, однако, заверил его, что не пришел со злом и просил открыть ему двери. Вошедши, он благопристойно приветствовал хозяина и сообщил ему: «Я – «образник» с миноносца Российского Императорского Флота. Я принес Вам нашу судовую икону, которую «товарищи» всячески оскверняли и хотели порубить на щепки. Я, Ваше Благододие, верующий и прошу Вас сохранить ее». С тем он удалился, не назвав ни себя, ни корабля с которого он был.

В тридцатых годах баронесса Мейендорф, вырвавшись, наконец, из советского ада, будучи в Финляндии, зашла к упомянутому хозяину дачи, бывшему ее старым хорошим знакомым. Он ей рассказал все вышеизложенное и, вручив эту икону, сказал: «Эта икона должна быть святыней для всех русских военных моряков, оставшихся верными Андреевскому Флагу. Вы едите в Европу, прошу Вас вручить ее первому встреченному Вами морскому офицеру Российского Императорского Флота, которого найдете достойным.

Баронесса Мейендорф, будучи в Зальцбурге (Австрия) в 1946 году передала эту святыню мне. Я тогда жил в лагере для «перемещенных» лиц и в скором времени выехал в Аргентину, тут я доложил все вышеизложенное старшему из морских офицеров. Тот ответил мне: «Мы сейчас не имеем возможности достойно поместить эту икону. Храните ее бережно и заботьтесь о ней», что я по мере сил и делал.

Теперь, будучи одинок, придя в преклонный возраст, и страдая многими болезнями, я решил эту нашу морскую святыню передать на вечное хранение в старейшую в Южной Америке церковь, имеющую к тому же придел Свт. Николая Мир-Ликийских Чудотворца.

Примечания.

1. Свт. Николай Чудотворец всегда считался особым покровителем Российского Императорского Флота. Каждый корабль при вступлении в строй получал икону «судового образа».
2. На малых кораблях, где не было постоянного священника, назначался исправный, верующий матрос, который должен был заботиться о судовом образе, зажигать перед ним лампаду, а по приезде священника – прислуживать ему. Этот матрос назывался «образник».
3. Прошу молить настоятеля Храма Св. Троицы о моей грешной душе. Имя мое Сергий.

23.11.1978 года, Буэнос-Айрес.

Лагерные воспоминания – 1.

Никогда из памяти моей не изгладится пережитое там. Но особое место в этих воспоминаниях принадлежит обыкновенному и довольно потрепанному окну. В нем были сломаны задвижки и из него всегда дуло, а летом в него влетали пыль и мухи. Из него открывался чудесный вид на главную площадь и улицу, ведущую к церкви и школе. Это окно многое знает; оно видело и дни тревоги и отчаяния и светлые радости майских дней. Скольких разных мыслей, то черных и назойливых, как мухи, то ярких и смелых, как радуга, повисли в нем. Целыми днями, с тоской и надеждой хоть издали, на миг увидеть любимую, смотрел я в него. Я ждал, когда она пойдет из школы домой, и гадал: пойдет ли одна, веселая ли будет, посмотрит ли в мою сторону... Из

ревности, мне всегда хотелось, чтобы она шла одна, но было хорошо, если по дороге к ней пристраивалась какая-нибудь старушка. Тогда они шли медленно, а иногда останавливались, и можно было долго, долго смотреть. Я, правда, хоть и не очень сильно, ревновал и к старушкам. В мою сторону она смотрела редко и даже, как мне казалось, проходя, отворачивалась. Выждав момент, я выходил на крыльцо и глядел ей вслед, уходящей мимо моего дома, своей деловой быстрой походкой. Но иногда она задерживалась с кем-нибудь у крыльца, и приходилось делать вид, что я очень спешу куда-то по делу. Потом я возвращался к окну и оставался со своими мыслями до следующего дня. Окно было моим другом и посредником, оно одно знало мою тайну. Потом оно стало моим сообщником, и мы увидели лучшие времена. Она уже всегда, проходя, украдкой взглядывала на нас и чаще задерживалась перед нами на площади. Окно говорило мне: «Вот видишь, не все так мрачно, как мы думали». И я любовно вытирал его грязной чернильной тряпкой.

Пришел май, и с ним она пришла к окну. Нас стало трое. Окно передавало ничего не значащие слова, но оно трепетало от тех флюидов, что их сопровождали. Через окно передавались банки с супом, но с ними летело мое сердце. Иногда она в забывчивости бралась рукой за окно. После ее ухода я целовал это место.

Однажды окно передало пропуск, и она уехала. Настали дни тревожного ожидания. Посоветовавшись, мы послали телеграмму. Вернувшись, она стала приходить ко мне через дверь, и я охладел к окну. Опечалившись, окно говорило: «Все равно ты не обойдешься без меня. Даже когда ее не будет больше здесь, ты через меня будешь смотреть на те места, где она проходила ...»

Уезжая, я пошел проститься с ним. Тусклое и грязное болталось оно на поржавевших петлях. Внутри новые хозяева прилаживали какие-то полки. Болезненно улыбнувшись, оно сказала надтреснутым голосом: «Да, мой друг, все кончается, перевернулась и эта страничка. Бог знает, что будет со мной. Но не забывай никогда той светлой и чистой радости, что мы пережили здесь. Передай и ей мой прощальный привет».

(Описываемое относится к 1946 году. Окно – в канцелярии хозяйственной части.)

Лагерные воспоминания – 2.

Ах, никакие пальмы не заменят мне милых Зальцбургских буков, орешки которых мы так прилежно собирали. Бывало, нападешь на место и сгребешь их целыми пригоршнями, а сам одним глазом смотришь: где мелькнет среди кустов зеленый сарафанчик с темно красным фартуком. Чудный был воздух в Зальцбургских лесах: пьешь всей грудью и не надьшишься, как молодое хорошее вино. К вечеру выходим на опушку, и расстилается перед нами бархатный зеленый ковер, да с каким узором! Маринка расправит свои крылья-руки и побежит одна в поле, просто так, от избытка чувств. Сарафанчик надуется, волосы растреплются; на щеках румянец, что твое яблочко, а в глазах небо бездонное с искорками-звездочками. Солнце красным шаром спускается за Гнигльскую колокольню и в вечерних его лучах стайками вьется мошкара – на погоду. И вот далекий одинокий звон плывет из долины, - это ударили благовест к вечерне в нашей лагерной церкви. Как он всегда убожеством своей берет за сердце и тревожит какие-то уснувшие струны.

А вот и лагерь открылся сразу весь, как в панораме. На футбольном поле мечутся дико какие-то фигуры. Кучкой собрались политики около радиоузла, и между ними шныряют спекулянты с разным товаром. По пыльной улице поспешает в церковь отец Даниил, в черной камилавочке, сам сгорбленный, а быстрый. Чуть трясется от старости изжелто-белая борода; из прищуренных глазок льется ласка. Увидит ребя-тенка – обязательно остановит и благословит. Вот уже и «прачкин дом», и мостик через канавку, и уже слышен гугнивый голос дьячка Шевцова. Как хорошо бывало, обновленному природой, войти в Божий Дом и благодарить Его за Его безграничную милость, за то, что Он создал этот чудный мир, и лес, и цветы, и Маринку. Вот и она стоит, и уже совсем другая. Лицо строгое и вдумчивое, глаза устремлены к алтарю и видно, что вся душа ее через них в молитвенном порыве отдается Всемогущему. В эти минуты она так близка и извечно знакома. Откуда я знаю это лицо? Кто это? Мона Лиза, Мадонна Рафаэля? Может быть тургеневская Лиза, или Маргарита Гете? Не все ли равно. Все духовное богатство многовековой культуры слилось в ней и сделало ее прекраснее всех красавиц мира.

Кончилась служба; полутемная церковь быстро пустеет. Только в углу, перед Иконой Богородицы молится Маринка, да копошится у свечного ящика Зубков. Лунным светом серебрится Капуцинская гора, загорелись огоньки в Гнигльском замке. Выхожу за шлагбаум и закурываю свой «Олд Голд» – «маячок» как говорит Маринка. Вот и она. Идем молча, разговор не клеится, еще не проломлена «стенка». Пьяняще пахнет свежим сеном на тропинке под горой.

– «Как пойдём?» – «Как хотите». – На спуске: «Осторожней, здесь ямка». Стенка не проламывается. Да и как ее проломить? Маринка такая далекая, как бы чужая. Я знаю, чья она сейчас – Божия; и потому не смею к ней приблизиться. Смею ли вообще? Гоню эти мысли, на все воля Его! Ведь я вымалывал ее у Бога и Господь не отвел ее от меня.

Перекрестились на Распятие и «запрещенной» лесенкой спускаемся вниз. Почти всегда здесь проламывается стенка. Маринка смотрит на меня чудным своим взором и ласково берет за руку. Сердце мое готово выпрыгнуть на крышу. Не замечаем, как доходим до дома и еще кружим вокруг него, как голодные волки.

– «До завтра?» – «Да, в церкви.» – «Пусть Вам будет хорошо.» – «Спасибо.»

И когда загорится окошко в ее комнате, посылаю ей с темной улицы еще один привет и умиленный иду домой.

– «Как хорошо жить на свете! Слава Творцу!»

Лагерные воспоминания – 3.

– Что Вам угодно?

– Я две недели пролежала в больнице ...

– И?

– Я хочу получить сахар! На прошлой неделе выдавали по 200 грамм.

– Вы должны были получить его в больнице.

- Но там ничего не выдавали!
- В больнице сахар употребляется в пищу.
- Какая же там пища, один бульон, а в «Ауфруфе» 200 грамм сахара. Вы должны мне его дать!
- Сударыня, я ничего сделать не могу. Сахар на Вас не выписан.
- Жулики! Подавитесь моим сахаром! Найдем и на вас управу...
- Вон!
- Как Вы смеете, я на Вас в Си-Ай-Си пожалуюсь!
- Убирайтесь сейчас же вон! ...

Боже мой, почти каждый день одно и то же. Но, слава Богу, уже 6 часов, можно закрывать канцелярию и идти домой. Тушу свет, запираю дверь и выхожу на улицу. Жадно глотаю свежий горный воздух и также жадно оглядываюсь вокруг. Справа на Унтерсберге отчетливо виден крест. Еще правее багряная от заката крепость. Милые горы, как полюбил я вас здесь, в Зальцбурге.

В лагере вечернее оживление. Стоят отдельными кучками, с заговорщицким видом перед хозяйственной частью, лазаретом. По улице гуляет молодежь, девушки, за ними парни, совсем как в деревне.

Как ни стараюсь проскочить быстро и незаметно, но до барака обязательно 2 или 3 раза кому-нибудь попадусь. Вот старик Николич.

– Здравствуй, как живешь? Ты слышал, весь лагерь переводится в Марокко. Это из авторитетных американских источников! Кстати, Александр Сергеевич дома? (Александр Сергеевич Гершельман – отец Марины – А.К.).

– Право не знаю, заходи завтра в канцелярию, потолкуем.

Бегу дальше. Вот, наконец, и барак. В мутно-освещенном, грязноватом коридоре наталкиваюсь на Камаева.

– А, завхоз, здорово, что завтра на обед?

Затаив в душе искренний ответ: «Пошел к черту», с кислой миной мямлю:

– Суп с галушками.

– Ох, уморите вы нас этими галушками. Придумали бы что-нибудь другое.

Черта с два здесь придумаешь, когда на эту неделю ничего кроме муки не дали.

Вот и наша 4-я комната. Все дома. За столом, сурово поблескивая очками, Николай Владимирович (Н.В. Аксаков – двоюродный брат Сергея Сергеевича – А.К.) штемпелует театральные билеты. Против него, красный и пьяный Юрий укладывает в свой чемоданчик американские сигареты, плитки шоколада, туалетное мыло и еще какую-то дрянь. Молчаливый Кука на своей койке возится над починкой обмундирования.

– Тебя еще не арестовали? – деловито осведомляется рыжий.

– Слушай, Сергей, ты не можешь посидеть за меня в кассе? Я обещал проводить Лили. – Также деловито осведомляется Николай Владимирович.

– Нет, я иду в город.

Кука неодобрительно вскидывает глаза.

– В город? А я заготовил тут 200 граммчиков. Жаль!

– Прости, Кука, в другой раз.

– Да этого другого раза не дожدهшься. Каждый вечер – хвост трубой. Эх, был молодец, да изъездился.

Быстро переодеваюсь и, бросив на ходу: «До свиданья, братцы», бегу. Чтобы скорее вырваться из лагеря – через 2-ю виллу на каменную дорожку. Уже темнеет, и только западная половина замка освещена уходящим солнцем. Почти бегом иду до «Ойсер Штайн». Вот пошел трамвай к Сандре. Штайнсгассе тиха и таинственно освещена скудными огнями маленьких средневековых окон. Когда идешь по ней – охватывает особенное настроение. Кажется, вот выйдет из-за угла укутанная в плащ фигура со шпагой и в шляпе с перьями, а сверху в маленькое оконце выглянет головка в напудренном парике, с мушкой на щеке. Я так живо представляю ее себе – и это Маринка.

Перед старыми средневековыми воротами в город – маленькая площадка с перилами.

Сколько раз мы стояли здесь, часто молча, но сердца наши бились вместе и думали мы об одном. Бесстрастный Зальцах катил свои волны к Дунаю. Он видел много таких как мы. Он помнит кавалеров со шпагами и дам в напудренных париках.

Вот, наконец, наш Крест. Перед Распятием горит лампадка, и в маленькой загородке, такие значительные и прекрасные в вечернем сумраке цветы.

– Господи, помилуй мя грешного. Господи, спаси и сохрани Маринку. Да будет воля Твоя, но милостив буди нам грешным.

Маленькая церковь в старинном монастыре. В боковом, темном притворе, полуосвещенная странная такая, будто негритянская Мадонна. Там почти никого нет. Но там мы всегда молились вместе, или вдвоем, или порознь. И эта чужая и странная Мадонна больше всех знает и наши радости и наше горе. И потому она всегда будет близка и дорога нам.

Наконец я у цели. Полуразрушенный, но такой дорогой вход. Тринадцать ступенек.

Сердце бьется. Кто дома? Как встретят?

Стук, стук!

– Да!

Мария Александровна что-то печатает на машинке. Маринка, с ногами на кровати штопает чулки. Александр Сергеевич в отъезде и никого чужих нет. Как хорошо. Как уютно в этой маленькой комнатке, где все дышит Маринкой. Ее иконки, лампадка, книги и капотик, все такое дорогое, нужно. И сама она здесь, чудная, любимая. Какое счастье быть одной из ее необходимых вещей! Всегда быть около нее и быть ей нужным.

Мария Александровна сегодня добра и ласкова. Она сэкономила бутылочку водки и угощает меня. Маринка тоже пригубливает. Присутствие Маринки и ее ласковый взгляд действуют на меня как целая бочка водки. Говорим о лагерных новостях, вспоминаем красочное прошлое. Мария Александровна на минутку выходит в кухню, Маринка смотрит так ласково и тянет ручку. Это торопливое, мгновенное пожатие – такое счастье, такая радость! Кажется, что больше ничего не надо и лучше ничего не может быть.

Но уже 11 часов, надо уходить. Боже, как не хочется. Но Мария Александровна непреклонна. Маринке пора спать. Еще один взгляд, пожатие руки, крепкое, хорошее, и я, счастливый, спускаюсь по 13-ти ступенькам вниз.

Не хочется в лагерь. Иду долго, нарочно кружной дорогой. Вот тут жили Мухины. Здесь я встречал Маринку, возвращавшуюся от них. Сюда Маринка выезжала с Сандриком на прогулку. А вот в этой боковой улочке мы одно время встречались.

В воротах лагеря полицейский в тропическом шлеме, подозрительно смотрит. Узнает, отдает честь.

Лагерь уже спит. Только светятся огоньки перед бараками.

Но у нас в комнате еще свет. Комната проветрена и пуста. Рыжего нет, торгует. Николая Владимировича тоже – провожает Лили. За чисто прибранным столом сидит Кука, читает английский журнал.

– Здравствуй, старик, я тебя ждал. Теперь, надеюсь, выпьешь рюмашку?

Хозяйственно, аккуратноненько приготовлена закуска.

Кука болезненно деликатен. Никаких вопросов.

– Тебе хорошо? Будем здоровы!

Кука никогда не заговаривает о Маринке, хотя знает многое. А когда меня прорвет и заговорю я, он только скажет:

– Да, Марина Александровна девушка исключительная, дай Бог ей здоровья! Таких теперь нет.

Мне становится стыдно. Этот одинокий, деликатный человечек тоже хочет ласки и любви. Может быть, я один близок ему сейчас. И он целый вечер ждал меня, любовно приготовив свою любимую настойку и скромную закуску – что Бог послал. Его никто не любит, и серенькая жизнь его беспросветна. Может быть, единственный просвет – была дружба моя – и вот я, если не совсем ушел, то отдалился. Но чувствую, что Кука понимает и сочувствует мне. Потому что это не просто увлечение, которого он не простил бы. Потому что это – Марина.

Однажды Кука спросил: «А она?» – Я ответил: «Не знаю». Кука сказал: «Не важно. Главное ты л-ю-б-и-ш-ь?» – «Да!» – «Так за ее здоровье! И за ее счастье. А ты, если надо будет, для ее счастья пожертвуешь и жизнью!».

Из письма Сергея Сергеевича к Марине Александровне.

08.03.1953 г. Буэнос-Айрес, Аргентина.

Дорогая Маринка!

Поздравляю Вас с Днем Вашего Ангела. Надеюсь, что это письмо попадет вовремя. Хочу, чтобы в этот день Вам было хорошо. [...]

Вы пишете, чтобы я не сердился на кастежан.⁴⁵ Невозможно! Они пишут в своих газетах, что со смертью Сталина мы потеряли великого человека, и, что Сталин за 30 лет превратил полудикую страну (Россию) в мировую державу, которая победила непобедимую до сих пор Германию и диктует свою волю всему миру. Думаю, что на этот раз, и Вы рассердитесь. К этому они добавляют, что русский народ переживает эту страшную потерю почти также как они, аргентинцы, пережили смерть Евиты.⁴⁶

Невозможность сейчас же выпороть шомполами этого мерзавца, который написал этот некролог Сталину в партийной правительственной газете, не дает мне спать вот уже две ночи. Старый прохвост Черчилль заявил, что со смертью Сталина, погибла последняя надежда на мир во всем мире! Папа Римский, в трогательном единодушии с «патриархом Всероссийским» Алексием, до последней минуты воссылал моления о здравии «раба Божия, Иосифа». Тут уже и пороть мало. А Вы говорите: «Не сердитесь». Ну да черт с ними. Пусть беснуются. Мне жаль только, что Сталин не успел посадить Черчилля, а, заодно и римского «Первосвященника» в Воркуту (это конц.[ентрационный] лагерь за полярным кругом). Впрочем, он, вероятно, вывел бы их «в расход».

Однако, видите, я таки рассердился и письмо получается не именная. Постараюсь переменить тему. Был в церкви на выносе креста. Служил наш Владыка и пели пасхальный канон. Было бы совсем хорошо если бы не ужасная жара и влажность, стоящая в эти дни. [...]

По случаю смерти Сталина была коленопреклоненная молитва о спасении русского народа от Богоборческой власти.

Вот и все наши новости. Милая моя Маринка, пусть Вам будет хорошо. Не думайте ни о чем и верьте в милость Божию. [...]

Ваш Сергей.

СЕМЬЯ ПАВЛА НИКОЛАЕВИЧА АКСАКОВА

Как и многие семьи русских эмигрантов, семья Павла Николаевича Аксакова обосновалась на Балканском полуострове. Он прибыл туда вместе с женой Адой Федоровной, сыном Игорем и дочерью Адой.

Павел Николаевич Аксаков был участником Белого движения, исполнял должность коменданта Иркутска при адмирале А.В. Колчаке (1920 г.). После окончания Гражданской войны некоторое время работал на КВЖД, откуда посылал сестре Ольге деньги в Калугу. Затем продал свои боевые ордена и перебрался с семьей в Югославию,⁴⁷ жил в городах Зимун и Белград.

Его сын Игорь Павлович Аксаков, как было принято в калужско-московской ветви, также избрал военную карьеру. Н.Н. Мазараки сообщал в поколенной росписи, что он был кадетом Московского и Орловского кадетских корпусов, но окончить их не успел.⁴⁸ Эвакуировался на Дальний Восток, затем попал в Дубровник, учился в Любляне, окончил Сараевский корпус в Югославии, потом жил в Греции. В 1950-е годы перебрался в Австралию, работал землемером. Женат был дважды, первым браком на гречанке (имя установить не удалось), затем на австралийке ирландского происхождения June Mari Stern (которую нежно называл Юня), вдове с двумя дочерьми, своих детей не имел.

Его сестра Ада Павловна Аксакова окончила курсы в городе Зимун.⁴⁹ В 1927 году в городке Панчево, близ Белграда, сочеталась браком с Владимиром Николаевичем Львовым (27 декабря 1905 – 16 июля 1996 гг.),⁵⁰ сыном товарища председателя IV Государственной Думы, саратовского помещика Николая Николаевича Львова (5 мая 1865 – 24 ноября 1940 гг., по другим данным 1944 г.) и крестьянки села Бобылева Саратовской губернии Анны

Ада Павловна Львова (ур. Аксакова).

Сидней. Австралия. 1970-е годы.

*Личное собрание А.В. Львова. Сидней.
Австралия.*

«Мне сегодня как-то особенно грустно. А тут еще это социалистическое и прокоммунистическое правительство. До чего же они густны и отвратительны со своим вечным враньем... Неужели же всюду такое? Болит душа за Солженицына, а в то же время невольно завидуешь той силе духа – использовать все свои возможности и пожертвовать собой, чтобы сказать всему миру о том зле и преступлении, которое производится с русским народом в России, что они сделали с нашей прекрасной страной. Только поймут ли люди, откликнутся ли? Неужели все зря и зло так торжествует в мире?»

Из письма Ады Павловны в Буэнос-Айрес, двоюродному брату С.С. Аксакову, 28.01.1974г.

Степановны Григорьевой.⁵¹ Николай Николаевич Львов был первопоходником, галлиполийцем – эти события он описал в своих мемуарах «Свет во тьме. Очерки ледяного похода».

Вскоре после свадьбы молодожены перебрались в Белград, где была большая русская колония. Они жили вместе с родителями жены, Павлом Николаевичем и Адой Федоровной Аксаковыми. В 1929 году у Львовых родился сын Алексей. Все члены семьи работали. Львовы занимались предпринимательством, в 1935–1936 годах арендовали участок земли, разводили коз, продавали молоко, выращивали землянику.⁵² Ада Федоровна делала искусственные цветы, Павел Николаевич Аксаков служил в интендантском ведомстве, сотрудничал с военными организациями, являлся членом РОВСа.⁵³ Все это время поддерживал связь с выпускниками Чугуевского училища, дружил с его последним начальником. Умер Павел Николаевич Аксаков 15 сентября 1944 года в Белграде. Похоронен на сербском кладбище Ново Гробля в русском секторе там же.

После второй мировой войны, в 1949 году, когда Югославия оказалась в зоне советского влияния, семья Львовых и А.Ф. Аксакова уехали во Францию, в Ниццу, где проживали мать и сестры Владимира Николаевича Львова.

В начале 1950-х годов Игорь Павлович Аксаков через Красный Крест разыскал своих родных, которых через некоторое время, в середине 1951 г. переправил в Австралию. Мать Ада Федоровна поселилась в Сиднее, где впоследствии и умерла 11 марта 1965 года.⁵⁴ Похоронена на кладбище «Rookwool». Там же, в Сиднее, осела и семья Львовых.

Игорь Павлович в тот момент работал геодезистом на строительстве гидроэлектростанций. С ним на заработках трудился и его племянник Алексей. Позднее они установили контакт с Сергеем Сергеевичем Аксаковым, который эмигрировал в Аргентину и проживал в Буэнос-Айресе, вступили с ним в переписку. В 1970-е годы Ада Павловна с мужем пересекла океан, чтобы повидаться с братом.

Ада Павловна Аксакова скончалась в Сиднее 1 февраля 1983 года, похоронена там же, где и мать, на кладбище «Rookwool».

Игорь Павлович Аксаков в 1974 году вышел на пенсию и переехал в Мельбурн, где ранее они с женой купили небольшую, но уютную квартиру в престижном районе города.

Игорь Павлович Аксаков умер 5 апреля 1977 года в Мельбурне, похоронен там же.

В заключение повествования о судьбе семьи Павла Николаевича Аксакова приведем воспоминания его внука, сына Ады Павловны, Алексея Владимировича Львова, написанные специально для данной книги.⁵⁵

«Родители мои Владимир Николаевич и Ада Павловна Львовы (Аксакова) женились в 1927 г. в городке Панчево, что на Дунае около Белграда. В Белград они переехали вскоре после свадьбы, где в то время была большая русская колония тысяч 15 на общее население 300 000. Благодаря опекунству короля Александра, учившегося в Пажемском корпусе до войны 1914 года, русской колонии были дарованы учебные заведения на русском языке, помощь старикам и инвалидам войны в очень скромных размерах, но дающих возможность на существование; остальные перебивались, как могли, частью работали на государство, частью на других работах, физических не исключая. Эмиграция состояла из интеллигенции и служилого сословия, в большинстве своем военных, уехавших из России с армией Врангеля в Константинополь, потом в Сербию или Болгарию. Во Франции и Германии колонии были побольше и другого состава.

Отец приехал в Белград вместе с семьей из Константинополя году в 1922/23 в возрасте 18/19 лет. Среднее образование получил ускоренное – за год четыре года среднего учебного заведения. Полюбилось ему шоферство, и работал он водителем при разных посольствах и у чиновных сербов. Отношения были сносные, иногда замечательные, как в случае с первым секретарем английского посольства, который относился как к другу. Шоферство надоело, начал пробовать другие пути, пока, наконец, не занялся предпринимательством, в коем совершенно неожиданно преуспел. Мама тоже работала как «угорелая», ведя производственную часть дела. По правде сказать, рос я в очень тесном общении с бабушкой Адой Федоровной и дедушкой Павлом Николаевичем, они во мне души не чаяли. Мальчиком я был замкнутым и застенчивым, слушал и наблюдал и отчаянно краснел, когда ко мне обращались. Бабушка была очень способна на руки и делала замечательные искусственные цветы на заказ, тогда была на них мода. Дедушка служил по военному интендантству, и мимо меня не прошло его отрицательное отношение к офицерскому фанфаронству, а к нижним чинам в меру вежливое, а подчас и сердечное отношение. Так переносилось мое понятие о дедушке – «слуга царю, отец солдатам».

Служил дедушка в г. Калуге в 10 Новоингерманландском полку. Прощедши курс в прогимназии, поступил в Чугуевское юнкерское училище и вышел в упомянутый

выше полк. Волонтером поехал в Китай – «боксерское восстание», потом волонтером же на Японскую войну. В первую мировую полк был отправлен на южный участок фронта. Дважды был ранен, не серьезно. В середине 1916 г. [23 сентября 1917 г. – А.К.] был назначен командиром полка, один из очень немногих оставшихся кадровых офицеров. Летом 17-го был произведен в генерал-майоры, но фронт и армия начали разваливаться, и он никогда не считал себя генералом к большому неудовольствию бабушки, которой хотелось считаться генеральшей, вот такая у нее была человеческая слабость. Золотые они были для меня люди, вечная им память. В те трудные времена, когда люди попали из князи в грязь, никогда не слышал от них жалоб на судьбу. Ностальгия, конечно, была, но такая тихая, спокойная. Так шли эмигрантские будни, пока не грянула война (апреля 1941).

Дедушка мне много читал (слава Богу, телевидения тогда не было). Читал С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова – внука» – гениальное произведение негениального писателя, как про него сказал один литературный критик. Как мы знаем, там частенько упоминаются охота и рыбная ловля. Белград стоит на холме при слиянии Савье и Дуная. Благодатное место для рыболова. Обзавелся он удочками, и каждое воскресенье летом выходили мы на ужение. Вставали с петухами и по пустынным улицам шли к реке; рыбу ловили на донные удочки. Иногда удачно, иногда нет. Когда улова не было, по пути домой заходили на рыбный базар, где покупали 2–3 увесистые рыбы и гордо приносили «улов» домой. Этот маленький обман мы оба хранили в секрете. [А.В. Львов вспоминал, что к старости у его деда во рту остался всего один зуб. Будучи в его возрасте, Алексей Владимирович удивляется, как дед справлялся с этим неудобством? – А.К.] Вообще, дедушка любил всякие шуточки. Когда покупалась какая-нибудь мелочь, клал какую-нибудь старую, ненужную вещь в мешочек, привязывал леску, протягивал к окну (жили мы в партере) и наблюдал из-за занавески, как легковерный прохожий нагибался, чтобы поднять, леска дергалась, и мы веселились над неудачником. Человек он был несложный, но жизнь всех вместе в сравнительно небольшой квартире не способствовала гармонии.

У отца же характер был нелегкий. Он никогда не реагировал сразу, а вынашивал обиду, мнимую или нет, днями, а потом высказывался долго, темпераментно. Я всегда боялся этих извержений, и нельзя сказать, чтобы чувствовал к отцу близость и привязанность. Мама являлась главной мишенью, очень страдала от этого, у нее появилась депрессия, которая продолжалась до самой кончины. Она болела добрые два года, бремя ухода за больной легло на отца, и нужно сказать, он это сделал добросовестно. Года два спустя смерти мамы решил жениться, жалуясь на одиночество, и выписал нашу старую знакомую из Аргентины. Брак этот лопнул, что и нужно было ожидать. Последние года четыре жизни отец жил у нас. Ему была сделана пристройка, третья по счету. Первая и вторая были совершены для Мариночки и Алешеньки [дочери и внука Алексея Владимировича – А.К.] после смерти ее первого мужа и отца Алешеньки.

Возвращаюсь к воспоминаниям о дедушке Аксакове. Большинство его друзей и знакомых были военные. Потихоньку они умирали, и дед часто брал меня с собой на панихиды и похороны. Вот тут я и познакомился с дореволюционной военной средой. Конечно, не все понимал, но какая-то часть осталась в памяти и понимании.

Как я уже упомянул, мы русские жили своей жизнью и с сербами не имели много общего и смотрели на них несколько критически-иронично, они нам платили тем же. Учился я в русской школе и кончил 4 класса русской гимназии, а когда пришлось идти в сербскую (после войны русские учебные заведения закрылись), мои новые соученики смеялись над моим сербским, но в 14–15 лет живо воспринимаешь все новое.

До войны 1939 г. французский считался международным языком и меня пичкали им с пятилетнего возраста. В 1935/1936 родители снимали участок земли в Земуне на высоком берегу Дуная. Разводили коз, продавали козье молоко, которое было в моде, и культивировали землянику. С нами жила одинокая старушка, баронесса Корф, которая занималась со мной французским. Напротив жило семейство Родзянок, сына председателя Думы. Огромное семейство, что было редкостью в эмиграции, а рядом с нами жил генерал Батюшин со своей дамой сердца. Почему вспомнил о даме сердца: местный священник как-то сказал, что Николай Степанович живет во грехе, и мне тогда казалось, что генерал обязательно попадет в гиену огненную вместе с дамой сердца. Она была тихим существом, пописывающим стихи. Вышеназванное заведение как-то не вязалось с ее обликом. Так вот, память этого генерала почтили известные органы (ФСБ): его останки привезли в Россию из Бельгии. Он был начальником русской военной разведки в Австро-Венгрии, а потом возглавлял какую-то комиссию. В километре от нас была военно-кавалерийская школа, где бывшие русские офицеры обучали солдат-югославов верховой езде. Первые 4 года начальной школы я ходил в училище, в котором обучалось около 30–35 русских детей. Также в Земуне был югославский военный аэродром, где главным инструктором был русский летчик Байдак. В одном из номеров «Родины» читал воспоминания некоего Байдака, главного адъютанта при Брусилове, должно быть его родственник. Я перестал выписывать этот журнал с год тому назад и, следовательно, пропустил статью о трагической гибели отца Михаила Михайловича (летчик-истребитель М.Г. Аксаков – двоюродный брат Ады Павловны и Игоря Павловича, расстрелян 10.02 1938 г. – А.К.).⁵⁶ Когда в 1949 г. мы уехали во Францию, я попал в более или менее знакомую среду, но и во Франции чувствовал себя не в своей тарелке. Мое русское воспитание давало себя знать. Как мы попали во Францию? В 1948 Тито, югославский диктатор, поссорился со Сталиным и из дорогого товарища попал в фашистские подонки. Оставшейся русской эмиграции предоставили три выбора: принимать югославское подданство, уезжать в Советский Союз или убраться куда хотим. Мы выбрали гнилой запад, куда выписали нас родственники со стороны отца.

Отец сразу стал заниматься предпринимательством, к которому у меня не было никакого расположения, но приходилось ходить с ним и переводить. У отца французский застыл на детском уровне, т.к. у него обнаружили туберкулез спинного хребта и положили в клинику, где он провел два года. Потом пришел февраль 17-го и «великий октябрь», гражданская война, беженство и прочие прелести. Отец был младшим сыном, три старших погибли в Первой мировой и гражданской войнах. Вся семья: его родители и две замужние сестры из Константинополя двинулись в Белград, а немного позже во Францию. Один отец остался в Югославии (тогда она слыла под названием Королевство сербов, хорватов и словенцев).

Я немного откатился назад. В Париже хождения с отцом мне надоели, и я нашел работу – собирать старую бумагу. Мне выдали трехколесный велосипед с огромной фанерной коробкой, куда складывалась «добыча». Под Парижем в русском старческом доме жила моя другая бабушка Львова Анна Степановна. Бабушка была из крестьянок. Дедушка в молодости увлекался Толстым и, по-видимому, это сыграло роль. Бабушка как-то не могла приспособиться и чувствовала себя потерянной и обиженной.

В 1950/51 году дядя Игорь Павлович Аксаков нас нашел через Красный Крест и выписал бабушку Аксакову и меня. Была такая организация помощи переселенцам, которая оплатила проезд до Австралии. Путешествие длилось 3 месяца, плыли через Панамский канал и причаливали во всех портах Карибского моря и Тихого океана (тогда французские владения). Приплыли в Австралию в сентябре 1951 г. Нас встретил И.П. (Игорь Павлович Аксаков – брат матери. А.К.), и мы сразу окунулись в греческо-русскую колонию. И.П. прожил в Греции лет 15. Бабушка осталась в Сиднее с русско-греческой семьей, а я с дядей отправился в Снежные горы, где строилась сеть гидростанций. Игорь работал там землемером. Я бегал с рейкой и рубил деревья. Пробыл там года полтора. В 1953 г. приехали родители и начали обживать в новой стране. Тогда работы было завалось и люди работали на фабриках и в мастерских. Труд оплачивался хорошо. Главным образом преуспели бывшие землеробы, для которых земля играла главную роль в жизни. Для нас, горожан, земля была «без надобности», а мужички разбогатели. Цены на землю поднимались и поднимались.

Главная амбиция для новоприезжих бала покупка дома и машины. Машина в этой стране необходимость. Город огромный по площади (100×60 км) и дома главным образом для одной семьи на участках 15×50 м. Все это требует ухода, следовательно, труда и денег. Люди поэтому продают дома и покупают квартиры. Несмотря на потерю жилплощади, квартиры стоят столько же. Мы живем в доме, который постепенно разрастался. Сейчас дело следить за домом лежит на внуке Алешеньке. Летом надо косить траву (газон) раз в неделю, для меня это уже не по силам. Алешенька чудный мальчик, порядочный лентяй, но это ему прощается из-за его шарма и большого остроумия.

Мы женились в 1957 г. Первые годы были трудными. Теперь у нас тишь да гладь, просто старосветские помещики. Признавать себя старосветским помещиком как-то неловко, но ничего не поделаешь.

Муж дочери австралиец, живут они в ладу, оба спокойные, уравновешенные, но наши отношения с ним сводятся к погоде и самочувствию. У него двое детей: сыну 26, дочери 24 года. Сын женат на турчанке и принял магометанство. У каждого барона своя фантазия, но в смысле ума – с неба звезды хватает. Геофизик с академическим будущим, дочь не столь блестящая, но без фантазий.

Здоровье у нас так себе, но благодаря современной медицине держимся. Учю Алешеньку водить машину, есть заметный прогресс. Сейчас получают права в 17 лет, а с 16 начинают учиться. Мечтает стать офицером в армии, надеемся это только отороческие фантазии.

Вот я и исполнил обещание, и летопись окончена моя, завещанная мне, грешному.

А.В. Львов, Сидней, февраль 2005 г».

В 2007 году внук Алексея Владимировича Львова, Алексей Грант, добился своего и поступил в военное училище в Мельбурне. Мы послали ему в подарок золотой значок в виде двуглавого орла – герба России, с маленьким бриллианчиком в центре, а его дед сделал из значка перстень, который внук носит по торжественным случаям и гордится своими русскими корнями.

Выдержки из переписки Ады Павловны и Игоря Павловича Аксаковых со своими родственниками.⁵⁷

Ада Павловна Львова (ур. Аксакова)

28.10.1973г.

(В Буэнос-Айрес, двоюродному брату С.С. Аксакову).

«Нет слов выразить то чувство радости, случайно узнав о тебе [...], что ты находишься в Аргентине и переписываешься с Л.В. Казанским, живущим здесь в Сиднее. Много лет прошло, как старалась найти тебя, но все было безрезультатно и печально. Я не могу сказать, в каком году ты был в последний раз в Калуге, в году 13 или в 14. Смутно помню, что ты был у нас, и более ясно запомнился только один момент в моей памяти, когда мы оказались на улице, ты посадил меня на велосипедную раму и мы с тобой, вероятно, поехали к бабе Юле. Мы жили тогда на Нижней Садовой, где был и ее дом. Я была тогда маленьким ребенком, но этот момент врезался в моей памяти и душе так ясно и на всю жизнь. Мой отец, твой дядя Паша, очень любил тебя, и когда мы говорили о тебе, то я всегда представляла тебя в морской форме...

Игорь живет не в Сиднее, а в Мельбурне: женат на ирландке, моложе его намного – она ровесница нашего сына. Видим их редко. Она тоже хорошая жена и они, видимо, по-своему счастливы.

Очень трудно все написать за эти многие, многие года, когда мы навсегда покинули Россию. Все разбросаны по разным краям света, многих не стало...

Мой папа умер за 2 недели до уличных боев, а затем и взятия Белграда большевиками. Он несколько месяцев был тяжело болен, и мы не могли бежать в Германию, чтобы спастись от этого ужаса. Моего отца спасла смерть от ареста, ссылки или же расстрела. Мы прожили в этом аду 5 лет; мой муж больше половины этих лет по тюрьмам, а все года в ожидании доноса, ареста и бесконечных обысков.

К нашему счастью советская Россия и Югославия порвали дружеские отношения. Мы были выпущены нищими из тюрем, но зато остались без советского подданства ...».

28.11.1973г.

(В Буэнос-Айрес, двоюродному брату С.С. Аксакову).

«Не сетуй на меня за мое письмо, что я тебе послала. Я хотела тебе написать побольше и ничего не вышло... Огорчила меня и болезнь Коли [Николай Владимирович Аксаков, их двоюродный брат, в описываемый период времени проживал в США – А.К.], что у него? Он был во время войны в Болгарии и постоянно бывал у нас. Мы

все его очень полюбили. Где и с кем он живет и где его жена? Напиши нам все о своей жизни, есть кто около тебя? Кто о тебе заботится?».

28.01.1974г.

(В Буэнос-Айрес, двоюродному брату С.С. Аксакову).

«Я помню по Москве Бориса и его жену Таню (рожд. Сиверс). Когда я была с [...] Алешей в Нище у Володиных родителей и сестры [...], я знала, что она была у своей матери кн. Вяземской и привезла к ней сына Митю, и что Борис был в Бутырках.

Не помню, поблагодарила ли я тебя за присланную твою фотографию. Ты хорошо выглядишь. Ты, по моему, похож на бабушку... Есть и фамильное сходство с моим папой.

Мне сегодня как-то особенно грустно. А тут еще это социалистическое и прокоммунистическое правительство. До чего же они гнусны и отвратительны со своим вечным враньем... Неужели же всюду такое? Болит душа за Солженицына, а в то же время невольно завидуешь той силе духа - использовать все свои возможности и пожертвовать собой, чтобы сказать всему миру о том зле и преступлении, которое производится с русским народом в России, что они сделали с нашей прекрасной страной. Только поймут ли люди, откликнутся ли? Неужели все зря и зло так торжествует в мире?»

25.04.1974г.

(В Буэнос-Айрес, двоюродному брату С.С. Аксакову).

Рукой Сергея Сергеевича на конверте сделана пометка – получено 11.05.1974, отв. 26.06.1974).

«Я его [Сергея Николаевича – отца С.С. Аксакова – А.К.] помню; помню, когда он умер; это было не то летом 15 г. или 16 г. Мы болели тогда вместе одной болезнью, кажется дизентерией и вот, он умер, а я поправилась. Помню, что папа писал с фронта, что в этот день у него в окопе упала икона, и на меня это произвело глубокое впечатление.

Что касается Юли [Юлия Владимировна Аксакова, в замужестве Рождественская, их двоюродная сестра – А.К.], то я училась с ней в одном институте в Москве, только она была старше меня на 3–4 класса, была прекрасный музыкант. Это было в 1916 г., я тогда поступила в приготовительный класс, и тогда умер дядя Володя [отец Юлии – А.К.] от контузии, последствием чего был менингит. Грустные мои воспоминания с детства, а я все принимала близко к сердцу. Во время НЭПа году 26-м мы получили письмо из Калуги, где она написала, что вышла замуж и, по-моему, кончила консерваторию, ведь она была очень талантлива. Насчет бедного Васи и тети Катеньки [брат и мать Юлии – А.К.] напишу в следующем письме, а то не хватит места.

Во время революций февраля и октября я почти каждый день бывала у них. Папа в начале 18 г. скрылся из Калуги и пробрался в Казань к татарам, где офицеры конспиративно организовались, чтобы, когда придет время, выступить против большевиков».

Игорь Павлович Аксаков.

28.12.1973г.

14 Firmin Rd. Churchill – 3842, Vic. Australia.

(В Буэнос-Айрес, двоюродному брату С.С. Аксакову).

«В сочельник моя сестра позвонила нам и сообщила все новости о тебе. Для меня это было действительно счастье, узнать, что ты жив и здоров, а главное, что ты еще помнишь нас, не смотря на то, что наша переписка прекратилась по совершенно не понятным для меня причинам почти 20 лет тому назад. Конечно, я виню во всем только себя [...] вероятно, мое настроение в то время, которое было более, чем ужасное, как результат страшного для меня разочарования, последовавшего после приезда жить в Австралию.

Я был принужден уехать из Сиднея и вернуться на мою прежнюю работу в захолустье, т.к. служить, и оставаться в Сиднее было невозможно, заработки были недостаточны для выплаты долгов за переезд [...] из Европы в Австралию...

Я никогда не чувствовал себя так одиноко и беспомощно, как в это время! К счастью все это в прошлом и забыто давно!

В 1960 году я женился на вдове с двумя дочерьми, в то время им было 12 и 14 лет; наконец то у меня была своя семья и начало самого счастливого периода в моей жизни. Юня, австралийка, но по духу она настоящая русская, любит все наше и понимает меня настолько, что никогда в моей жизни не был так близок мне. Ей только 45 лет и я для нее муж, друг и часто отец. Дочери выросли, старшая вышла замуж, у нее трехлетний сын, наш единственный внук, они живут в Мельбурне, около 160 км от нас, навещаем их часто, у них свой дом, ее муж немец, очень хороший и честный человек. Младшая живет в Сиднее и еще не думает о семье.

В начале марта следующего года (1974) я выхожу в отставку (принудительную, благодаря моего возраста) и мы переедем в Мельбурн, где мы купили три года тому назад небольшую квартиру в отличном доме и в самом хорошем районе города. Будем жить на пенсию [...] одна от государства, а другая со службы, что даст нам возможность жить вполне прилично. Наш дом в Churchill продаем [...] жаль оставлять его, ведь мы прожили здесь 8 лет.

В середине января к нам приезжают погостить семья Алеши (сына Ады). Ему уже будет 45, а дочери (Марине) 13. Они живут в Сиднее, это около 1000 км. от нас.

В последний раз мы были в Сиднее на Пасху, останавливались у Ады. К счастью моя жена правит (ездили на автомобиле) так что менялись за рулем и это не так утомительно...».

20.04.1974г.

1\2 Coolullah Ave. , South Yarra, Vic. 3141, Australia.

(В Буэнос-Айрес, двоюродному брату С.С. Аксакову).

«Алеша никогда не звал меня дядей, он считал меня старшим братом и я для него, также как и для его жены Светланы только Игорь. У них дивная дочка – Марина, очень похожая на ее маму.

Мы переехали в Мельбурн 12-го марта. 8-го, накануне моего дня рождения (70 лет) я вышел в отставку. Про нашу квартиру, которую мы купили три года тому назад, я уже тебе написал, должен только признать, что мы очень довольны. Отремонтировали и обставили по нашему вкусу, почти все у нас новое, включая автомобиль. Мне только 10 минут езды от центра города и в самом лучшем районе Мельбурна.

У меня к тебе большая просьба, напиши мне, пожалуйста, все, что ты знаешь о родословной нашей семьи, а также подробно о нашем родстве с Сергеем Тимофеевичем и его сы-

новьями. Почему Константин Сергеевич был в Греции и умер там? Я уверен, что ты знаешь и помнишь все подробности. Я никак не могу понять, кто был Василий, отец нашего дедушки.

Вторая же просьба, напиши мне откровенно, если мы сможем сделать что-нибудь для тебя. Жена думает, что мы сможем посылать тебе немного денег регулярно и что это наша обязанность. Вкладываю две фотографии, и ждем ответа».

22.04.1974г.

Мельбурн, Australia.

(В Лейквуд, штат Нью Джерси, США, двоюродному брату Н.В. Аксакову).

«Дорогой Коля. Я получил твой адрес от Сережи и спешу написать тебе несколько строк. Ты подумай только, 30 лет прошло с тех пор, когда мы все были полны надежд, что недалеко то время, когда будет возможность вернуться на Родину. Папа еще был жив, как он мечтал о возвращении. Ведь вся его жизнь была там, только воспоминания о счастливом времени. Но все рухнуло, все надежды прошли, и действительность разбросала нас по всему миру. Я уже 25 лет в Австралии, целая жизнь. Я приехал сюда в конце 1949. В середине 1951 мне удалось привести маму и сестру с ее семьей. Они поселились в Сиднее, где устроились довольно хорошо, продолжая ту же работу, что делали в Белграде, т. е. шитье шляп и т. д. Я работал в то время в 300 милях от Сиднея, как межевой инженер над огромным проектом по орошению и постройке электрических станций. В 1960 году я переехал в Сидней, где женился на Австралийке, вдове с двумя дочерьми, девочками тогда 12 и 13 лет. В 1964 году был переведен в Морвель недалеко от Мельбурна, где и проработал до 8 марта этого года, когда должен был выйти в отставку по возрасту (70 лет). И мы переехали с женой в Мельбурн, где три года тому назад купили квартиру. Старшая дочь вышла замуж в Мельбурне и у нас внук почти 4 лет, младшая в Сиднее, получила университетское образование и начала служить. Думает переехать к нам в Мельбурн, где ее сестра. Моя жизнь течет спокойно и счастливо, в следующем письме пришлю фотографии мои и жены. Она замечательная женщина и, несмотря на 25 летнюю разницу в нашем возрасте, мы оба счастливы и наслаждаемся нашей жизнью.

Здоровье мое не очень хорошее, в прошлом году было воспаление легких, и после этого имелись неприятные последствия.

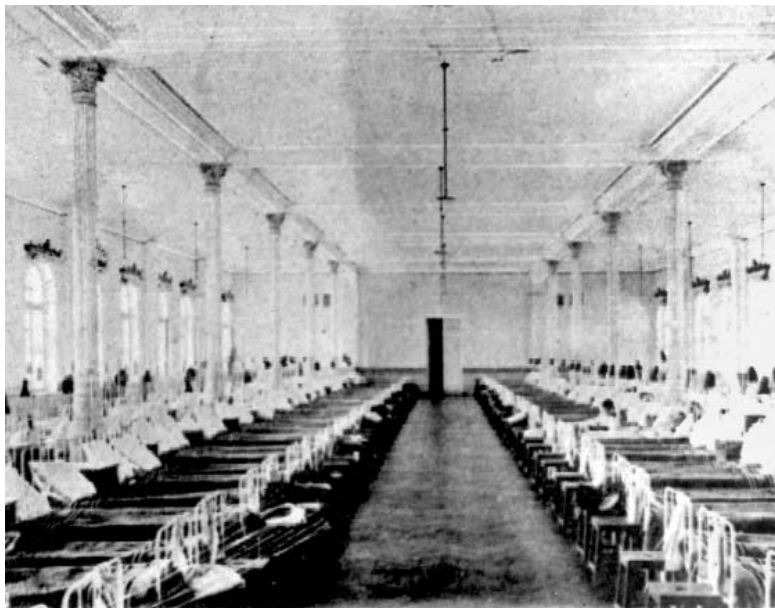
[...] Сережа написал мне, что ты в госпитале и у тебя была операция. Будь добр, напиши подробно о твоей болезни и что ты собираешься делать по выписки из больницы, могу ли я помочь тебе, в чем-нибудь? Имеешь ли какую-нибудь пенсию, я с женой получаем 200 австралийских долларов в месяц как пенсию, это неплохие деньги, но плохо то, что жизнь дорожает с каждым днем. Любящий тебя твой брат Игорь».

13.07.1974г.

1\2 Coolullah Ave. , South Yarra, Vic. 3141, Australia.

(В Буэнос-Айрес, двоюродному брату С.С. Аксакову).

«Сегодня получил твое письмо с извещением о смерти Коли. [...] В последний раз я его видел, уезжая из Белграда в Грецию, куда был послан моим командиром на ответственную и высокую должность. В тот же день я простился с папой, и это был

*Казарма 1 роты
Одесского
кадетского
корпуса.*

Фото 1907 года.

*Личный архив
М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес.
Аргентина.*

тоже последний раз нашей встречи. Уже, будучи раненым, и лежащим в госпитале в Праге, я узнал о его смерти.

Помню, как Коля сказал мне, еще полный надежды: «Игорь, встретимся в Калуге!». Это была наша мечта, и мы в нее верили, что скоро придет этот день, когда сможем вернуться на Родину... Но и это рухнуло, пропало и ничего больше не осталось в нашей жизни, как только бороться за существование, не имея никаких возможностей к возвращению к старой жизни. Это было тридцать лет тому назад, мы еще были молоды...

Теперь же остались только воспоминания и непреклонная любовь к нашей Родине, которая дает нам силу и счастье быть и считать себя Русскими!».

СЫНОВЬЯ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА АКСАКОВА: ВИКТОР И НИКОЛАЙ

Помимо семьи Павла Николаевича Аксакова, в эмиграции оказались также два сына его родного брата, Владимира Николаевича Аксакова – Виктор Владимирович и Николай Владимирович (оба от первого брака).

Старший сын Виктор родился 29 октября 1892 года,⁵⁸ в 1912 году был юнкером Киевского военного училища.⁵⁹

*Принятие
военной присяги
кадетами
Одесского
кадетского
корпуса.*

1910 год.

*Личный архив
М.А. Аксаковой.
Буэнос-Айрес.
Аргентина.*

Н.Н. Мазараки указывал, что он имел чин подпоручика, что представляется вполне правдоподобным, поскольку, по возрасту, он должен был успеть окончить училище.⁶⁰ О его судьбе практически ничего не известно, кроме того, что Виктор Владимирович Аксаков умер в 1945 году в Берлине, в Германии.⁶¹

Средний сын Николай родился 11 марта 1894 года в Варшаве.⁶² Он поступил в I Московский императрицы Екатерины II кадетский корпус, затем перевелся в Одесский кадетский корпус, который окончил в 1912 году, на казенный счет. Затем был зачислен юнкером в четвертую роту Павловского военного училища.⁶³ В учебном заведении ему давались вполне положительные характеристики, хотя отмечался и ряд недостатков: «Нравственная устойчивость не прочна. Способен поддаваться чужому влиянию. Подвергался 4-м взысканиям в младших классах.

[...] В нравственном отношении хороший, характер добрый, умственные способности хорошие, но ленив и беспечен. По службе исполнительный, делает промахи по невниманию. В строевом отношении хорош».⁶⁴

После получения военного образования Николай Владимирович Аксаков служил в 13-м пехотном и Лейб-гвардии Егерском полку.⁶⁵

В годы Гражданской войны служил в войсках Юга России, в начале 1919 года – командир батальона Лейб-гвардии Егерского полка в I Сводном гвардейском полку,

около 1920 года – командовал ротой в том же полку, был эвакуирован из Крыма, полковник, галлиполиец.⁶⁶

В 1921–1922 годах фигурировал в документах как полковник Алексинского пехотного полка,⁶⁷ в 1925 году как полковник 26-го отряда города Ловеч,⁶⁸ находился в составе Гвардейского отряда в Болгарии,⁶⁹ где упоминался до 1930 года.

Во время Второй мировой войны Николай Владимирович Аксаков был на восточном фронте, в РОА генерала А.А. Власова. В 1942 году посетил своего дядю Павла Николаевича Аксакова в Белграде. В 1945 году вместе с двоюродным братом, Сергеем Сергеевичем Аксаковым, находился в американском секторе в Австрии, в г. Зальцбурге. Затем уехал в США.

В 1951 году в Нью-Йорке получил карту социального страхования (ssn 085-26-1599). Вел переписку с двоюродным братом Сергеем Сергеевичем Аксаковым, проживавшим в Буэнос-Айресе, в Аргентине. В начале 1970-х годов перенес операцию на сердце, на проведение которой долго не давал согласия, считая недопустимым хирургическое вмешательство в организм, созданный Господом. После операции в период депрессии медсестра, следившая за ним, привела в палату его любимца – пятнистого мраморного дога, который поднял дух пациента и дела пошли на поправку.

Умер Николай Владимирович Аксаков 30 мая 1974 года в городе Лейквуде, штат Нью-Джерси.⁷⁰ Похоронен там же, на кладбище Ново-Дивеевского монастыря.

Его некролог⁷¹ был опубликован в журнале «Часовой».

До момента издания данной книги считалось, что Н.В. Аксаков был холост. Однако летом 2007 года вдова, Сергея Сергеевича Аксакова, Марина Александровна, разбирая документы и фотографии в своем личном архиве в Буэнос-Айресе, обнаружила старые фотографии малолетнего сына и жены Николая Владимировича, снятые в Болгарии. На одной из них с обратной стороны написано: «г. Троян, 1944 год». То, что Николай Владимирович был женат на болгарке, подтвердил и его племянник Алексей Владимирович Львов, проживающий в Сиднее. Так что в этом вопросе ставить точку рано.

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ АКСАКОВ

Последним из Аксаковых в эмиграцию (во Францию) попал сын Бориса Сергеевича Дмитрий. Он был вывезен весной 1926 года матерью, Татьяной Александровной Аксаковой, вместе с его двоюродным братом Аликом (Александром Александровичем Сиверсом)⁷²

Их бабушка, княгиня Александра Гастонова Вяземская (ур. Эшен), в 1925 году обосновалась в Ницце, где купила небольшой ресторанчик «Café des Fleurs». Деньги были получены от продажи дома в Висбадене. Она и предложила дочери Татьяне перевести обоих своих внуков во Францию.

Причины, которые побудили Татьяну Александровну расстаться с сыном, четко указаны в воспоминаниях: «В ту пору я не сомневалась в правильности принятого решения: перед мальчиками стояло неизбежное хождение по мукам, их надо было от этих мук избавить – и я одна могла это сделать».⁷³

Т.А. Аксакова понимала, что социальное происхождение детей практически обязательно станет причиной репрессий. Она была крайне удивлена, что ей были

Дмитрий Борисович Аксаков.

Франция. Фото 1929 года.

*Собрание сектора генеалогии
Государственного музея А.С. Пушкина.*

выданы документы для выезда за границу и связывала подобную легкость с тем, что в 1924 году вернулась из аналогичной поездки в срок, а также с тем, что «международная обстановка продолжала оставаться более или менее спокойной».⁷⁴

Ее сын Дмитрий Борисович Аксаков закончил инженерную школу Ecole Violet в Париже. Поступление в учебное заведение осложнялось тем, что, как писала Т.А. Аксакова, «высшая школа во Франции очень дорого оплачивается»,⁷⁵ а необходимых средств не было. Решить проблему удалось благодаря благотворительности. После смерти выдающейся русской балерины Анны Павловой содержавшиеся ею благотворительные организации были ликвидированы, и вместо них учреждались стипендии для русской молодежи, поступавшей в высшие учебные заведения Франции. Одну из стипендий получил Дмитрий Борисович Аксаков.⁷⁶ Этому содействовала родная тетка Дмитрия, Валентина Гастонова де Герн (ур. Эшен), работавшая у Павловой и управлявшая общежитием для девочек в Сен-Клу, под Парижем.

Позднее он отмечал, что очень доволен своим техническим образованием, поскольку оно «всегда и всюду» дает «приличный заработок».⁷⁷ Жил Д.Б. Аксаков в интернате, а праздничные дни проводил у бабушки. В каникулы подрабатывал слесарем по металлу на заводе авиационных моторов, причем предпочитал ночную смену, потому что за нее больше платили. На заработанные деньги потом отдыхал на Ривьере.⁷⁸

После окончания школы Дмитрий Борисович отбывал воинскую повинность во французской армии, первый год провел в Алжире. Потом поступил в Версальскую офицерскую школу.

Дмитрий Борисович Аксаков.

Франция. Фото 1931 год.

*Собрание сектора генеалогии
Государственного музея А.С. Пушкина.*

Как и многие русские эмигранты его возраста, Д.Б. Аксаков принял французское гражданство, так же традиционно для эмигрантской среды чувствовал себя при этом виноватым. Во всяком случае, в письме дяде, Сергею Сергеевичу Аксакову в Аргентину от 14 июня 1951 года он писал, фактически оправдываясь: «Эту формальность я не считаю изменой, и, сама по себе, она не имеет для меня окончательного значения».⁷⁹

В годы Второй мировой войны Дмитрий Борисович Аксаков был офицером французской армии, затем работал инженером-электриком на Ближнем Востоке, в 1953 году, в частности, жил в городе Триполи в Ливане.⁸⁰ Женился на француженке Ренэ Делятр (1921 – 27.09.1997 г.), свадьба состоялась в г. Монпелье 29 марта 1940 года. Имел дочь Екатерину (Katherine Aksakoff), родившуюся в 1951 году в Гренобле.

Будучи оторванным от непосредственного общения с отцом, от которого, по собственному признанию, получал только редкие и короткие письма, воспитываясь преимущественно бабушкой с материнской стороны, и ее третьим мужем князем Владимиром Алексеевичем Вяземским, он мало знал о роде Аксаковых. О неосведомленности свидетельствует упомянутое выше письмо к Сергею Сергеевичу Аксакову, которого он благодарил за рассказ о роде: «... Оно [письмо дяди – А.К.] мне принесло какой-то новый дух, возродило во мне гордость и сознание, что именно такие рода [так в тексте – А.К.], как наш, тесно связаны с историей страны».⁸¹ В нем же Дмитрий Борисович Аксаков спрашивал, кем ему доводится Игорь Павлович Аксаков, который прислал письмо, хотя тот являлся достаточно близким по понятиям дворянской генеалогической культуры родственником – двоюродным дядей.

Умер Дмитрий Борисович Аксаков 25 января 1967 года по болезни в Антананариву (Мадагаскар), где оказался по работе.

Его дочь Екатерина Дмитриевна Аксакова (Katherine Aksakoff) в настоящее время живет во Франции в Ницце, крупный чиновник от культуры. Её занятие – реализация культурных программ в многочисленных подведомственных ей департаментах Лазурного берега Франции. Полностью ассимилировалась, русского языка не знает, поддерживает связь с родственниками во Франции и в России.

ВЗАИМОСВЯЗИ

В эмиграции Аксаковы уделяли большое внимание поддержанию отношений друг с другом, поиску родственников. Павел Николаевич Аксаков из Китая и Югославии переписывался с сестрами Ольгой и Александрой, проживавшими в Калуге.⁸²

Его дочь Ада Павловна из Югославии поддерживала связь с тетками Ольгой и Александрой, а также с двоюродной сестрой Юлией, также жившей в Калуге. Впоследствии, уже из Австралии, вела активную переписку с двоюродным братом Сергеем Сергеевичем и даже навещала его в Аргентине. Ездил с сыном в Париж с целью повидаться с сыном Татьяны и Бориса Аксаковых, Димой.

Сергей Сергеевич Аксаков переписывался с двоюродным братом Николаем, осевшим в США и двоюродными: братом Игорем и сестрой Адой, проживавшими в Австралии.

Игорь Павлович Аксаков в 1950-е годы нашел не только ближайших родственников, но и разыскал двоюродного племянника Дмитрия Борисовича Аксакова, с которым раньше не был знаком.

Стремилась поддерживать связи и с родственниками, оставшимися в СССР. Дмитрий Борисович Аксаков, хотя и редко, но все же вел переписку с отцом Борисом Сергеевичем Аксаковым. Поддерживал он отношения и с дядей Сергеем Сергеевичем Аксаковым.

До ареста в 1937 году Татьяна Александровна Аксакова писала во Францию матери, сыну и тетке, графине Валентине Гастоновне де Герн,⁸³ затем переписка прекратилась.

Постепенно связи между эмигрантами и их родственниками в СССР слабели, сведения становились все более отрывочными. Татьяна Александровна Аксакова, например, не знала точно дату смерти своей матери. Не сразу ей стало известно о смерти сына, который сам долгое время был уверен, что его матери нет в живых. Описывая в мемуарах кончину ближайших родственников и, понимая вероятную неточность дат, она отмечала, оправдываясь: «Все эти сведения дошли до меня кружным путем».⁸⁴ Тем не менее, она знала о рождении у сына Дмитрия дочери, о чем сообщила своему бывшему мужу. В ответном письме, датированном 19 декабря 1952 года, Борис Сергеевич Аксаков написал, что был «крайне удивлен», поскольку считал, что Дмитрий и Ренэ «разошлись безвозвратно».⁸⁵

Борис Сергеевич Аксаков просил Татьяну Александровну через ее тетку графиню Валентину Гастоновну де Герн, проживавшую во Франции, разыскать брата Сергея. Та поместила в парижских газетах объявление о розыске Сергея Сергеевича Аксакова.⁸⁶

Аксаковы другой ветви рода также искали родственников.

Первая жена композитора Сергея Сергеевича Аксакова, Вера Евгеньевна, из Сан-Франциско через свою сестру, проживавшую в Махачкале, переслала в Минск письмо с описанием своей жизни в США. Оттуда же ее дочь Вера Сергеевна (Ляля) вела переписку со своей сестрой Ириной Сергеевной.

Дворянская родовая культура, одним из элементов которой являлось обязательное поддержание связей с родственниками, сохранялась среди дворян до середины XX века.

Как и в других дворянских родах, гражданская война и эмиграция имели заметные демографические последствия для рода. В роде впервые появились браки с иностранцами, которые являлись важным фактором, способствовавшим в дальнейшем полной ассимиляции Аксаковых.

В настоящий момент за границей проживает одна представительница рода Аксаковых (Katherine Aksakoff) и две вдовы (Сергея Сергеевича Аксакова – Марина Александровна и Игоря Павловича Аксакова – June Mari), во Франции, Аргентине и Австралии соответственно. И все это мы узнали лишь в начале XXI века...

Заключение

Род Аксаковых принадлежал к средним слоям дворянского сословия России. По легенде, он восходил к XI веку и его родоначальником являлся «знатный варяжский князь» Шимон, потомки которого играли заметную роль при великокняжеском московском дворе в XI–XV веках, занимая высокие должности и участвуя в политически значимых событиях.

Род Аксаковых выделился из рода Вельяминовых в конце XV века. Уже в начале XVI века он разделился две ветви, историческая судьба которых была различна и отражала вариативные модели развития дворянского рода.

Одна из ветвей, которую условно можно назвать московской (со второй половины XIX века калужско-московской) в XVI–XVII веках сохраняла положение при царском дворе, ее представители состояли в стольниках и дворянах московских, назначались на воеводские должности, владели значительными земельными наделами. В XVIII веке эта ветвь потеряла свою социальную нишу, переместившись в ряды мелкопоместного дворянства. Традиционной для ее представителей стала военная служба в низших и средних чинах.

Другая ветвь (арзамасская, впоследствии уфимско-самарская), попав во второй половине XVI века в категорию провинциального дворянства, выдвинулась в XVIII веке. Принадлежавшие к ней лица достигли наиболее высоких среди Аксаковых чинов (действительного тайного советника), званий (сенатора) и должностей (губернатора), активно участвовали в общественно-политической, научной и литературной жизни страны (Сергей Тимофеевич, Иван Сергеевич и Константин Сергеевич Аксаковы). Для этой ветви была характерна гражданская служба.

В демографическом отношении род Аксаковых никогда не был многочисленным, в XVI–XX веках он насчитывал менее 300 человек (без учета жен).

На протяжении XX века в роде развивались негативные демографические процессы, выразившиеся в значительном уменьшении числа представителей, причем основную негативную роль в этом процессе сыграли репрессии 1930-х годов. Если в 1917 году род насчитывал 28 человек, то в настоящее время (без учета носящих фамилию по женской линии) – 10. Из бывшей уфимско-самарской ветви не осталось ни одного представителя (праправнучка Сергея Тимофеевича Аксакова, Ирина Сергеевна, умерла в октябре 2007 года), а в калужско-московской ветви в последнем поколении остался лишь единственный мужчина (Даниил Андреевич Аксаков). Таким образом, в XX веке существенно возросла вероятность пресечения рода Аксаковых, что

обусловило стремление к сохранению фамилии путем образования двойной фамилии или передачи ее по женской линии.

Судьбы представителей рода Аксаковых в XX веке отразили историю русского дворянства в целом. В первые годы столетия Аксаковы продолжали участвовать в общественно-политической жизни страны, трудились в сфере государственного управления, в земских органах, служили в армии. В сферах образования и здравоохранения работали женские представители рода. Несмотря на потерю значительной части земельных владений в калужско-московской и тульско-рязанской ветвях, Аксаковы приспособились к изменившемуся материальному положению. В социальном отношении род стал более открытым, появились браки с лицами недворянского происхождения.

События Октября 1917 года повлекли новую стратификацию рода на оставшихся в СССР и эмигрантов. Аксаковы в большинстве не приняли политических изменений. Те, кому позволял возраст, участвовали в Белом движении и антисоветской борьбе, что в советский период сделало практически недоступным информацию об их судьбах, аккумулированную, в основном, в следственных делах органов госбезопасности.

Больше половины представителей рода эмигрировали. Проживали в Китае, Югославии, Германии, Австрии, Румынии, Болгарии, Франции, а с середины XX века – в США, Аргентине, Австралии, Ливане.

Некоторые из эмигрантов в 1950-е годы вернулись в СССР, потомки оставшихся за рубежом во втором–третьем поколениях полностью ассимилировались.

Находившиеся в СССР Аксаковы утратили прежнее правовое и социальное положение, но советская власть не могла полностью игнорировать их потенциал. Несмотря на официальные декларации властей, потомки дворян Аксаковых продолжали трудиться в сферах образования, управления, науки и культуры.

В калужско-московской ветви сохранялась традиция несения военной службы, а в уфимско-самарской – тяготение к занятиям творчеством.

В XX веке Аксаковы сохранили социальный, нравственный и интеллектуальный потенциал, который использовался не только в СССР, но и в зарубежных странах. Однако эффективность его использования могла бы быть гораздо выше, если бы в угоду классовому подходу дворянство сознательно не уничтожалось, что особенно наглядно проявилось в ходе репрессий, в том числе, по отношению к Аксаковым.

Все обвинения, выдвигавшиеся против них, были умышленно фальсифицированы, дворянское происхождение при проведении следствия играло роль отягчающего обстоятельства.

Испытывая внешние воздействия, семья Аксаковых сохраняла в XX веке родовые традиции и собственные устои, постепенно приспособлялась к изменениям, преобразуя их в новые подходы к воспитанию молодого поколения, к мотивации поступков.

Предпринятое в настоящей работе изучение судеб представителей рода Аксаковых выявило несколько методических проблем, связанных с изучением истории русских дворянских родов в XX веке.

Изучение дворянства в указанный период имеет ряд объективных источниковедческих трудностей, которые связаны с тем, что после 1917 года отсутствовал специализированный генеалогический и сословный учет.

Источники по истории рода могли находиться в разных странах (учитывая эмиграцию) или быть недоступными (находиться в частной собственности, на ведомственном или специальном хранении, как, например, дела репрессированных в 1920–1940-е годы).

Учитывая массовый характер репрессий против дворянства, привлечение материалов органов государственной безопасности и суда является практически обязательным. Однако, как показало сопоставление воспоминаний Татьяны Александровны Аксаковой с ее следственными делами 1935 и 1937 годов, степень достоверности генеалогической и биографической информации в судебно-следственных материалах невысока. Это обусловлено, во-первых, фальсификацией предъявлявшихся обвинений и доказательств, во-вторых, попытками подследственных умышленно не сообщать подробных сведений о родственниках и знакомых, чтобы не подвергать их репрессиям и не навлекать дополнительных обвинений на себя.

При изучении генеалогии дворянства в XX веке важно общение с ныне живущими представителями потомками родов. Без использования семейных архивов, устной информации, просопографическое исследование оказывается невозможным. Кроме того, ряд источников, связанных с политическими репрессиями 1930-х годов, официально доступен только лицам, находящимся в близких родственных отношениях с репрессированными.

Поиск потомков дворянских родов в настоящее время труден и может не увенчаться успехом. Задача осложняется не только их возрастом, но еще и тем, что необходимо устанавливать потомство по женской линии, что значительно расширяет границы исследования. Например, при изучении рода Аксаковых установление потомства Ады Павловны Аксаковой от брака с Владимиром Николаевичем Львовым позволило существенно дополнить и уточнить информацию о судьбе семьи деда, Павла Николаевича Аксакова.

Уменьшение количества источников личного происхождения для XX века необходимо компенсировать широким привлечением устных источников от потомков рода по мужской и женской линиям родства. Это создает комплекс дополнительных исследовательских проблем.

В источниковедческом отношении устные сведения требуют тщательной фиксации и проверки достоверности, сопоставления их с письменными источниками. Необходима специальная методика собирания устной информации, разработка примерного вопросника и косвенных способов датировки информации (например, относительно известных исторических событий: до великой Отечественной войны и т.п.).

Возможности использования устной информации в изучении судеб русского дворянства после 1917 года ограничены не только неполнотой и отрывочностью информации, но и возможными ошибками и неточностями. В исторической перспективе

возможность собирания подобных материалов будет уменьшаться в силу естественных причин.

Биографический материал, относящийся к XX веку, бывает информационно обеднен, если нет источников личного происхождения от людей, лично знавших изучаемую семью.

При исследовании судеб русского дворянства в XX веке существенное гносеологическое значение имеет комплексное сочетание устных и письменных источников, их сопоставление, взаимная проверка и уточнение.

Изучение судеб представителей рода Аксаковых позволяет определить проблемы, которые в настоящий момент обладают наибольшей актуальностью и требуют скорейшего разрешения для изучения истории и генеалогии русского дворянства в XX веке.

Во-первых, разработка теоретико-методических основ изучения истории русского дворянства в XX веке.

Во-вторых, объективное изучение практической генеалогии, включая советский период и современность, на основе синтеза микроисторических и макроисторических подходов.

В-третьих, активизация археографической деятельности, массовое введение в научный оборот генеалогической информации, особенно устной, требующей собирания и фиксации, в том числе материалов личных архивов.

В-четвертых, создание полной эвристической системы, опирающейся на новейшие информационные технологии и позволяющей отыскивать сведения в различных видах опубликованных и архивных источников, относящихся как к советской истории, так и к периоду эмиграции.

История семьи является неотъемлемой частью представления о прошлом. Без конкретного и достоверного знания о судьбах родов изучение исторических процессов и реалий может оказаться неполным и искаженным. Массовый анализ судеб русских дворянских родов в XX веке способен вывести изучение прошлого России на новый качественный уровень, помочь совершенствованию методологических и гносеологических основ познания истории.

ПРИЛОЖЕНИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

А.А. Молчанов

Тысячелетние корни славного русского рода: ростово-суздальские и московские тысяцкие

В процессе создания Древнерусского государства, как известно, весьма заметную роль сыграл скандинавский элемент. Военные предводители и их дружинники, предприимчивые купцы, священники и монахи, многие другие варяги, попадавшие на территорию Восточной Европы, оставались там навсегда и органично вливались в состав многоплеменного и разноязычного населения как Северной, так и Южной Руси. Процесс этот шел активно во второй половине IX–XI в. Имеющиеся в распоряжении историков письменные и иные источники позволяют в отдельных случаях проследить судьбы не только ближайших, но и отдаленных потомков обрусевших скандинавских выходцев.

На первое место здесь, конечно, следует поставить княжеский, а позднее и царский, род Рюриковичей, давший нашему Отечеству много славных государей. От него ведут свое начало различные титулованные и нетитулованные дворянские фамилии Российской империи. Отпрысков этого рода по мужской или женской линии можно отыскать ныне на всех обитаемых континентах Земли. Казалось бы, все основные моменты генеалогии Рюриковичей давно должны были быть изучены. Но в действительности тщательное и вполне объективное изучение истоков этого знаменитейшего рода стало возможным только в последние десятилетия, когда, благодаря прежде всего упорному труду отечественных археологов, открылись новые неоспоримые факты, касающиеся ранних скандинавско-восточнославянских контактов в Приладожье и Приильменье.

Существенную помощь здесь оказало и привлечение данных ономастики, в частности выявление круга бытования знакового династийного имени Рюрик (древнескандинавское Хрёрек, т.е. «Славный могуществом»)¹.

Генеалогию еще одного знатного рода скандинавского происхождения, давшего в XI – первой трети XIII в. целый ряд посадников Ладоге и Новгороду, удалось реконструировать совсем недавно². Предок всех этих посадников – Рёгнвальд, сын Ульва – выехал на Русь при князе Ярославле Мудром. Он доводился двоюродным братом Ингигерде (Ингигерд), жене Ярослава, и сначала правил, имея титул ярла, областью Гаутланд (Ёталанд) в Швеции.

Не менее высоким статусом обладал, судя по всему, знатный варяг Якун, согласно «Повести временных лет», приглашенный Ярославом Мудрым на Русь в 1024 г.³ Русский летописец именует его «князем варяжским». Позднее из Скандинавии к тому же Ярославу Мудрому прибыл племянник Якуна – Шимон, сын Африкана. Именно с этих трех имен начинается родословная скандинавско-русского семейства Шимоновичей, о деятельности которого повествуют не только летописи, но и другие письменные источники. К этому семейству, ставшему особенно влиятельным в Северо-Восточной Руси, восходят корни целого ряда знаменитых в истории нашего Отечества дворянских родов, и в частности Аксаковых.

Столь древняя и богатая крупными историческими личностями родословная, конечно, не могла не привлечь к себе внимание исследователей. Изучением ее занимались как профессиональные историки⁴, так и генеалоги-любители, в том числе и в буквальном смысле «кровно» (т.е. по прямому родству) заинтересованные в детальном рассмотрении данного сюжета⁵.

Среди первых встречались предельно осторожные гиперкритики, не считавшие возможным, из-за некоторой неполноты дошедшей до нас, увы, с лакунами средневековой поколенной росписи, говорить о едином родословном древе, восходящем к XI в. Даже теперь можно встретить абсолютного скептика, прямо-таки страшась (почти в духе «панического антинорманизма») допустить малейшую возможность наметить прямую линию преемственности между боярством Древней Руси и высшей знатью Московского государства⁶. Но всем им специалисты, использующие современную методiku комплексного источниковедения, смогли представить такую аргументацию, с учетом которой непрерывное существование единой родословной «легенды» Шимоновичей, начавшей складываться в XI в. и переходившей затем, вплоть до ее первой официальной письменной фиксации в XVI в., из поколения в поколение, теперь не может быть подвергнуто сомнению⁷.

В феодальном обществе обладание необходимой генеалогической информацией имело для представителей «благородного сословия» большое значение. Сохранение и передача из поколения в поколение сведений об отдаленных, начиная с родоначальника, и более близких предках были зачастую очень важны для поддержания статуса их потомков и правопреемников, какого бы ранга феодалами они не являлись.

Среди родословных «легенд» древнерусских боярских родов в наиболее сохранном виде дошла до нас именно генеалогия Шимоновичей. Из этой устной семейной хроники, первоначальная основа которой дополнялась в течение нескольких столетий, в разное время и по разным поводам заимствовали отдельные сведения составители летописных сводов, авторы литературно обработанных повествований о чудесах и связанных с ними благочестивых деяниях богобоязненных вельмож (таковы «Слово о создании церкви Печерской», «Слово об оковании гроба преподобного Феодосия Печерского» и «Завещание ростовского тысяцкого Георгия Шимоновича», вошедшие позднее в состав «Киево-Печерского патерика» в редакции первой трети XIII в.), агиографы (ср.: «Житие преподобного Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, 1417–1418 гг., и «Житие преподобной Евфросинии Суздальской» инока Григория,

второй четверти XVI в.) и даже писатели-публицисты (см. «Историю о великом князе Московском» Андрея Курбского, 1573 г.)⁸.

Длительное непрерывное бытование этого развернутого генеалогического предания, опиравшегося на документальные материалы (завещания, ктиторские записи, синодики и др.), но существовавшего как единое целое только в устной форме (что обусловило естественное варьирование отдельных деталей и общего объема изложения в процессе «перманентного редактирования»), завершилось официальной фиксацией его в родословных книгах 40-х годов XVI – конца XVII в.⁹ Там генеалогия данного рода предстает в предельно сокращенном, конспективном варианте. Она излагается теперь согласно образцу, принятому для родословных книг как особого вида государственных делопроизводственных документов Российского царства.

В семейной хронике Шимоновичей за XI–XIII вв., реконструируемой на основе анализа содержащих отдельные ее фрагменты различных письменных источников, могут быть вычленены конкретные факты жизни и деятельности представителей знатного рода, надежно утвердившегося в среде древнерусского боярства. О первом по хронологии из этих фактов – прибытии на Русь «князя варяжского» Якуна – уже упоминалось выше.

Якун явился на зов Ярослава Мудрого в очень трудный для последнего момент. В 1024 г., когда Ярослав находился в Новгороде, его младший брат Мстислав Владимирович Храбрый, княживший до того в Тмутаракани, попытался захватить столичный Киев. Киевляне отказались принять Мстислава, и тогда он обосновался в Чернигове. Ярослав Владимирович стал готовиться к войне с братом. Но сначала ему пришлось усмирить волнения в Суздале. Чуть позже, вернувшись в Новгород, Ярослав «послал за море за варягами». При этом он, конечно, рассчитывал в первую очередь на помощь своего тестя – шведского короля Олава Шётконунга. И такая помощь вскоре последовала.

В Новгород прибыл значительный воинский контингент, состоявший из варягов. Во главе его стоял уже упоминавшийся выше «князь варяжский» Якун, явно представитель весьма знатного рода (надо думать, обладавший на родине титулом ярла – наследственного владетеля значительной по размеру области). Среди окружающих он выделялся своей весьма импозантной внешностью. Всеобщее внимание привлекало его роскошное одеяние и особенно его златотканый плащ.

Соединив свои силы, киевский князь и варяжский предводитель выступили на юг, следуя по Днепровскому пути. Их встреча с ратью Мстислава Храброго произошла осенью 1024 г. у города Листвена на Черниговщине¹⁰. Ночное сражение закончилось полной победой младшего Владимировича. Ярослав и Якун были вынуждены спасаться бегством, при этом «князь варяжский» бросил свой столь приметный златотканый плащ. Путь их снова лежал в Новгород. Там Ярослав оставался вплоть до заключения с Мстиславом мирного соглашения, согласно которому они разделили Древнерусское государство пополам (границей их владений стал Днепр). А Якун сразу же отправился к себе на родину, где впоследствии и скончался.

О Якуне и его ближайшей родне повествуется в «Слове о создании церкви Печерской», которым открывается «Киево-Печерский патерик» (приводим соответствующий

фрагмент в переводе на современный русский язык): «Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, который лишился своего златотканного плаща, сражаясь на стороне Ярослава с лютым Мстиславом. У этого Африкана было два сына Фрианд и Шимон. И после смерти их отца Якун изгнал обоих братьев из их владений. И пришел Шимон к благоверному князю нашему Ярославу...»¹¹.

Автор «Слова о создании церкви Печерской», несомненно был знаком с информацией о Якуне, содержащейся в «Повести временных лет». Непосредственно из летописного рассказа заимствована характеристика последнего: «И бе Якун съ леп, и луда бе у него золотом истъкана» (т.е. «И был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан»), но при этом начальная часть ее оказалась по ошибке переосмыслена и превратилась в эпитет «Слепой».

Нуждаются в комментариях и все четыре личных имени, фигурирующие в приведенном выше пассаже из «Слова о создании церкви Печерской». Якун – древнерусская передача расхожего скандинавского имени Хакон. К сожалению, никого из известных ныне по письменным источникам скандинавов Хаконов, кто жил в 20-х годах XI в. и имел подходящий социальный статус, нельзя отождествить с неудачливым союзником Ярослава Мудрого. Все попытки такого рода, имевшие место, безусловно следует признать неубедительными: не подходят здесь ни ярл Хакон Эйрикссон из рода Сэмингов (племянник датского короля Кнута Могучего и его наместник в Норвегии), ни Анунд (Энунд) – Якоб Шведский из рода Инглингов (сын и наследник Олава Шётконунга, брат Ингигерды)¹².

Таинственный Фрианд (Фриянд) – скорее всего, вовсе не личное имя, а слегка искаженное древнескандинавское слово «фрианди» со значением «родич», «родственник»¹³. Шимон – ни что иное, как христианский антропоним Симон с диалектным изменением первого звука (данная фонетическая особенность позволила Ф.А. Брауну связать семью «князя варяжского» Якуна с областью Сёдерманланд в Швеции¹⁴). Имя Африкан тоже взято из святцев. Поэтому нет никакой надобности выискивать, и тем более реконструировать, для сравнения с ним какие-либо сходные по звучанию формы (типа Афреки-Офреки) в древнескандинавском ономастическом материале.

В «Слове о создании церкви Печерской» приводятся любопытные подробности о жизни Шимона Африкановича, его службе Рюриковичам и благочестивых деяниях¹⁵. Прибыв на Русь где-то ближе к концу княжения Ярослава Мудрого (умершего в 1054 г.), Шимон стал главным сановником при одном из Ярославичей – Всеволоде (родившемся в 1030 г.). Как установил М.Ф. Мурьянов, проанализировав данные о культовых предметах, употреблявшихся в семье Африкана и Шимона, обоим названным варягам довелось какое-то время находиться в Средиземноморье, где они оба и приняли христианство¹⁶. Не приходится удивляться тому обстоятельству, что крещеный варяг Шимон, возможно бывавший и в Константинополе, оказался затем среди приближенных молодого князя Всеволода Ярославича, женатого на дочери византийского императора Константина IX Мономаха (царствовал в 1042–1055 гг.).

Дату рождения Шимона можно установить лишь приблизительно. Он был, наверное, старше Всеволода Ярославича, но не намного, и, следовательно, родился в 1020-х

годах. На Русь же судьба занесла его в 1040-х годах или в самом начале 1050-х годов. Шимон верно служил своему князю, получившему от отца, Ярослава Мудрого (еще при жизни последнего), в удел Переяславль Южный. Под началом у него находилось до трех тысяч наемных варяжских воинов вместе с чадами и домочадцами, включая и католических священников.

В 1068 г. Шимон участвовал, в числе других русских воевод, в битве с половцами при Альте, где Ярославичи – Изяслав Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский – потерпели сокрушительное поражение. В благодарность за свое чудесное спасение от смерти в жестокой сече, он сделал богатый вклад в Киево-Печерский монастырь на построение в нем каменного храма. С этого времени Шимон, перешедший со всеми своими близкими и подчиненными из католичества в православие, стал руководствоваться наставлениями преподобных Антония и Феодосия Печерских. В дальнейшем его ктиторская помощь той же обители не прекращалась. Монастырский каменный храм Успения Пресвятой Богородицы, согласно летописным сообщениям, был заложен в 1073 г., завершен в 1077 г., освящен в 1089 г.¹⁷ Шимон, которого его русские восприемники от купели официально именовали Симоном¹⁸, позднее оказался первым похороненным в новопостроенном соборе, начавшем функционировать с 1089 г.

Как видно, еще при жизни Шимона-Симона обращенный вместе с ним в православие его юный сын Георгий¹⁹ после трехлетней болезни глаз, полностью лишившей его зрения, исцелился благодаря преподобному Феодосию Печерскому. Это событие произошло не ранее 1068 г. но и не позже 1074 г., когда скончался преподобный Феодосий.

Георгий (Юрий) Шимонович был одним из самых доверенных лиц Владимира Всеволодовича Мономаха, По данным «Киево-Печерского патерика», ему Мономах поручил быть главным советником при сыне своем Юрии (прозванном впоследствии Долгоруким)²⁰, отправленном на княжение в Ростово-Суздальскую землю в 1108 г.²¹ Данное назначение Георгия Шимоновича вряд ли было случайным. Теперь об этом можно говорить с полной определенностью. К такому выводу приводят данные археологии и лингвистики.

Археологические раскопки в Суздале показали, что среди обитателей этого города где-то в третьей четверти XI в. появилась группа дружинников скандинавского происхождения.²² В то же время, как установил Б.А. Воронцов-Вельяминов, в топонимии Ростово-Суздальского края, и только там, встречаются названия поселений, производные от личного имени Шимон, уникального для древнерусского именослова. Таковы: два села с названием Шимоново на реке Малый Киржач, село Шимониха на дороге из Ростова в Суздаль, село Шимоново в 20 верстах к югу от Можайска²³. Все эти топонимические данные, взятые вместе, делают еще более убедительным предположение Б.А. Воронцова-Вельяминова о том, что Шимон был ростово-суздальским тысяцким и приобрел во вверенном ему крае земельные владения²⁴.

Правда, здесь следует сделать одно небольшое уточнение: наместничал он там не как воспитатель Владимира Мономаха, а как административное лицо, ответственное непосредственно перед отцом последнего – князем Всеволодом Ярославичем, которому с 1054 до 1093 г. принадлежало Ростовское княжество²⁵.

Георгий Шимонович официально именовался «ростовским тысяцким» (по главному центру княжества), но жил в Суздале²⁶. Он постарался сохранить связи с Киево-Печерским монастырем, возникшие у его семьи с конца 1060-х годов. Несомненно, не без его участия появился суздальский филиал знаменитой обители – Дмитриевский монастырь. Летопись под 1096 г. упоминает о «дворе монастырском Печерского монастыря» с церковью св. Дмитрия, как уцелевшем при сожжении врагами Суздаля²⁷. Составитель «Киево-Печерского патерика» свидетельствует о том, что Дмитриевский храм стал, согласно завещанию тысяцкого Георгия, родовой усыпальницей его потомков, вплоть до правнуков, живших в первой трети XIII в.²⁸ С территории бывшего Дмитриевского монастыря в Суздале происходит белокаменный саркофаг XII в., явно предназначавшийся для погребения в нем очень знатного лица. Предполагается, что в этом саркофаге был похоронен кто-то из членов семьи тысяцкого Георгия²⁹.

Однако Георгий Шимонович не ограничивался поддержанием ктиторских отношений с дочерней суздальской обителью. Он послал большое количество серебра и золота в Киев для украшения раки преподобного Феодосия. Ценнейший дар доставили по назначению подчиненный Георгию Шимоновичу боярин Василий и его спутники. Подробный рассказ о доставке сокровища содержится в «Слове об оковании гроба преподобного Феодосия Печерского», включенном в «Киево-Печерский патерик»³⁰. Краткое упоминание об этих событиях попало в летопись, где оно помещено под 1130 г.³¹

Сохранились сведения и о деятельности Георгия Шимоновича как военачальника. В 1120 г. он участвовал в победоносном походе Юрия Долгорукого на Волжскую Болгарию.³² Вместе с тем же князем и его союзниками-половцами ходил Георгий Шимонович в 1149 г. на Изяслава Мстиславича Киевского³³. Когда после этого Юрий Долгорукий занял престол в Киеве (его первое княжение там приходится на 1149–1151 гг.), он «тысяцкому своему Георгию, как отцу, передал в управление всю землю Суздальскую»³⁴. Больше сведений о Георгии Шимоновиче не имеется, и, учитывая, что в самом конце 1140-х годов ему должно было быть уже под 80 лет, логично предположить: умер он около 1150 г. или несколько позднее.³⁵

О потомках Георгия Шимоновича в ближайших двух–трех поколениях почти ничего не известно. Составитель «Киево-Печерского патерика» самой ранней редакции ограничился указанием на то, что представители этой виднейшей боярской семьи продолжали жить в Суздале и оставались ктиторами тамошнего Дмитриевского монастыря вплоть до первой трети XIII в.³⁶ При этом дается лишь одно небольшое, но очень важное уточнение: в указанное время жили и действовали правнуки Георгия Шимоновича. К счастью, благодаря данным других источников, есть возможность хотя бы частично восполнить тот пробел в генеалогии Шимоновичей, который приходится на вторую половину XII и большую часть XIII в.

В «Житии преподобной Евфросинии Суздальской» упоминается один из потомков Шимона Африкановича – Мина Иванович, живший в первой трети XIII в.³⁷ Данное агиографическое сочинение написано иноком Спасо-Евфимьева монастыря в Суздале Григорием во второй четверти XVI в.³⁸, но несомненно опирается на более древние источники. Критический разбор содержащихся в нем сведений и объяснение

возникших искажений анахронистического характера содержатся в работе Б.А. Воронцова-Вельяминова³⁹. Историческое ядро начальной части жития составляет рассказ о сватовстве богатейшего суздальского вельможи Мины Ивановича из рода Шимоновичей, возможно занимавшего пост тысяцкого, к юной дочери черниговского князя Михаила Всеволодовича – Феодулии (в дальнейшем – инокиня Евфимия). Пятнадцатилетняя княжна в 1227 г. прибыла к своему жениху в Суздаль, но уже не застала его в живых и сделалась монахиней местного Ризположенского монастыря.

Имя жениха княжны Феодулии сохранилось, по-видимому, и в суздальской топонимии. Древнее село Мининское (позднее – пустошь Минино селище) находилось в трех верстах к югу от Суздаля на Владимирской дороге⁴⁰. Оно упомянуто в «данной грамоте» 1453 г.⁴¹

В.Л. Янин одно время отождествлял Мину Ивановича с князем Святославом Мстиславичем, правнуком Юрия Долгорукого, и относил ему свинцовые вислые печати с изображением св. Мины (на одной стороне) и лично-родового княжеского знака (на другой стороне)⁴². Однако позднее он отказался от этой идеи в связи с пересмотром атрибуции соответствующего разряда сфрагистических памятников⁴³. Следует добавить, что упомянутые печати, судя по топографии их находок, явно принадлежат к атрибутам власти должностных лиц Новгородской феодальной республики, но никак не Суздальской земли.

Как точно подметил Б.А. Воронцов-Вельяминов, Мина Иванович жил в Суздале как раз в годы составления там «Киево-Печерского патерика», причем именно он и его близкие родичи могли быть информаторами составителя названного сборника, познакомив его со своими семейными преданиями и документами (в том числе с «Завещанием ростовского тысяцкого Георгия Шимоновича»)⁴⁴. Но, как нам представляется, есть возможность установить личность еще одного члена той же боярской семьи, тоже жившего в первой трети XIII в. и равным образом принадлежавшего к поколению правнуков Георгия Шимоновича.

Во всех сохранившихся родословных росписях потомков Шимона, переселившихся в последней трети XIII в. в Москву, содержатся имена родоначальников – Шимона Африкановича и его сына Георгия (Юрия), а затем обнаруживается лакуна, как минимум, в одно-два поколения, и лишь потом снова следует непрерывная цепочка имен: Иван – Федор – Протасий и т.д.⁴⁵ Хронологический разрыв в стемме, смущавший многих исследователей, теперь уже сам по себе не вызывает удивления, будучи легко объяснимым в конкретном историческом контексте⁴⁶.

Официальная фиксация родословной «легенды» Шимоновичей-Протасьевичей состоялась впервые только в 40-х годах XVI в.⁴⁷ Уже тогда она фигурировала в явно сокращенном виде. Но придавать этому обстоятельству слишком большого значения не приходится. Ведь и в некоторых линиях потомства Рюрика имеются подчас весьма значительные лакуны. Достаточно напомнить в данной связи об удельных смоленских князьях – Ржевских, Фоминских, Березуйских – и их ближайших отпрысках, утративших в большинстве своем княжеский титул. При этом в «родословных легендах» таких отпочковавшихся от Рюрикова дома фамилий всегда сохранялась память

о происхождении их от конкретных предков по прямой мужской линии, пусть и не прослеживаемая по всем поколениям. Схожая картина наблюдается и в поколенной росписи Редедичей (потомков побежденного в 1022 г. Мстиславом Тмутараканским касожского князя), тоже сумевших сначала пережить монгольское нашествие, а потом возвыситься при московском дворе.

Однако для нас крайне важно установить, сколь велика в действительности отмеченная лакуна в стемме Шимоновичей-Протасьевичей. Согласно их семейному родословцу и «Житию преподобного Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, Протасий Федорович прибыл из Владимира в Москву вместе с князем Даниилом Александровичем и одновременно с целой группой других знатных выходцев из Ростово-Суздальской земли. Даниил Александрович родился в 1261 г. и стал править Московским княжеством где-то в 1270-х годах⁴⁸. Тогда же мог занять при нем пост тысяцкого Протасий. Следовательно, последний мог родиться не позднее 1250 г., скорее всего – в 1240-х годах. А значит, его отец, Федор Иванович, возможно, появился на свет довольно близко к рубежу XII–XIII вв.⁴⁹, то есть вполне годится Мине Ивановичу в младшие современники или даже в младшие братья⁵⁰.

В результате, казавшаяся непоправимо разорванной единая цепь поколений потомков «князя варяжского» Африкана вроде бы смыкается, и число ее звеньев наконец-то определяется более или менее достоверно, хотя одно из них (четвертое по счету) остается пока безымянным (см. генеалогическую таблицу).

Протасий Федорович, ставший основателем целой «династии» московских тысяцких⁵¹, носил, судя по всему, и другое имя – Вельямин (искаженное Вениамин)⁵², которое повторилось позже в его потомстве (так звался праправнук Протасия, он же дед Ивана Федоровича Аксака – непосредственного родоначальника Аксаковых). Он прожил долгую жизнь. Будучи первым сановником в княжеском окружении, Протасий пользовался авторитетом и среди иерархов церкви. Не случайно митрополит Петр незадолго до кончины (последовавшей 21 декабря 1326 г) назначил своим душеприказчиком этого вельможу⁵³. Выполняя последнюю волю покойного владыки, тот принял сразу же активное участие в церковном строительстве. Предполагается иногда, что Протасий завершил в 1340 г. постройку каменного собора в московском Богоявленском монастыре (ставшем позднее родовой усыпальницей его потомков), а умер около 1341 г.⁵⁴ Но достоверные сведения на сей счет отсутствуют и с полной уверенностью можно говорить лишь о том, что он был еще жив в 1327 г. Возможно именно благодаря Протасию в Москве получил официальное покровительство и обрел популярность культ черниговских мучеников – святых страстотерпцев Михаила и Федора⁵⁵.

Анализ подмосковной топонимии, дополненный археологическими данными, позволяет составить представление об обширных земельных владениях Протасия и его потомков в XIV в.⁵⁶ К числу таковых относились не менее семи вотчин и еще целый ряд отдельных сел и деревень в разных уголках Московского княжества. В столице Протасьевичи также владели землей. Им принадлежал комплекс дворов внутри Московского Кремля, в его юго-восточной части – в районе Спаских и Тимофеевских ворот⁵⁷.

О деятельности ближайших потомков Протасия Федоровича на протяжении XIV в. писали многие историки⁵⁸. Эта тема уже разработана достаточно подробно (насколько позволяют наличествующие источники) и далее мы остановимся лишь на самых главных событиях семейной истории Протасьевичей в указанный период⁵⁹.

После смерти Протасия-Вельямина Федоровича его семья сохранила свое высокое положение при дворе московских князей. Сын его Василий Протасьевич был тысяцким при князе Симеоне Ивановиче Гордом (1340–1353 гг.). Судя по всему, он скончался, как и его государь, во время опустошительной эпидемии чумы 1353 г.

Представитель следующего поколения Протасьевичей-Вельяминовых, Василий Васильевич, занимал с 1357 г., при следующем московском князе – Иване Ивановиче Красном (1353–1359 гг.), тот же пост, что его отец и дед. В начальный период княжения Дмитрия Ивановича (будущего Донского), с 1359 по 1366 г., он вместе с митрополитом Алексием фактически управлял государством. Василий Васильевич скончался 17 сентября 1374 г. (как схимник Варсонофий) и был погребен в семейной усыпальнице в Богоявленском монастыре⁶⁰. Вдова его Мария (дочь видного московского боярина Михаила Александровича) в 1389 г. крестила княжича Константина, младшего сына Дмитрия Донского⁶¹.

Выдвигалась в разных вариантах гипотеза о том, что близость тысяцких Вельяминовых к московским князьям на протяжении всего XIV в. определялась, кроме всего прочего, еще и их тесными родственными связями с семьей Калиты. Сам князь Иван Данилович якобы был женат в первый раз на дочери Протасия Федоровича⁶².

На самом деле о первой жене Калиты достоверно известно лишь то, что звали ее Еленой и родила она четырех сыновей (Симеона – в 1317 г., Даниила – в 1319 г., Ивана – в 1326 г., Андрея – в 1327 г.), а умерла – в 1331 г. Наиболее правдоподобной является версия о том, что отцом ее был смоленский князь Александр Глебович⁶³.

Высказывалась и другая, на первый взгляд, более приемлемая, ввиду ее определенной аргументированности, догадка. Согласно ей, жена Ивана Ивановича Красного, княгиня Александра, приходилась дочерью тысяцкому Василию Протасьевичу. В пользу наличия таких традиционных (уже не в одном, а даже в двух подряд поколениях) прямых матримониальных связей московских князей с семьей Протасьевичей-Вельяминовых истолковывался тот факт, что Симеон Гордый и Иван Красный называли своих тысяцких, соответственно отца и сына, «дядями»⁶⁴. Однако, как разъяснил В.А. Кучкин, в указанных случаях «дядя» – это всего лишь почетное наименование старших бояр, бывших воспитателями своих государей⁶⁵.

Отметим вдобавок, что если бы тысяцкие Вельяминовы и Даниловичи Московские находились в столь близком родстве, как допускают авторы упомянутых гипотез (при этом Симеон Гордый оказался бы по материнской линии внуком Протасия, а Дмитрий Донской – его правнуком), данное обстоятельство вряд ли ускользнуло бы от внимания местных летописцев (но те об этом молчат), и уж наверняка отразилось бы в семейном родословце Протасьевичей (там на сей счет тоже нет ни слова).

Летописные и иные свидетельства о первом по знатности боярском семействе Москвы XIV в. отмечают важнейшие вехи его насыщенной бурными событиями

жизни. После смерти Василия Васильевича Вельяминова в 1374 г. новым тысяцким никто назначен не был. Но один из младших братьев покойного высшего сановника, Тимофей Васильевич, обладал званием окольного, имевшим тогда почти столь же большое значение. Он был не только крупным администратором (его имя фигурирует в документах 1371–1389 гг.), но и выдающимся военачальником⁶⁶. 11 августа 1378 г. Т.В. Вельяминов участвовал в сражении на Воже, где было наголову разгромлено ордынское войско. Двумя годами позже он был среди тех, кто вел русские полки на Куликово поле⁶⁷. Его единственный сын Семен умер бездетным.

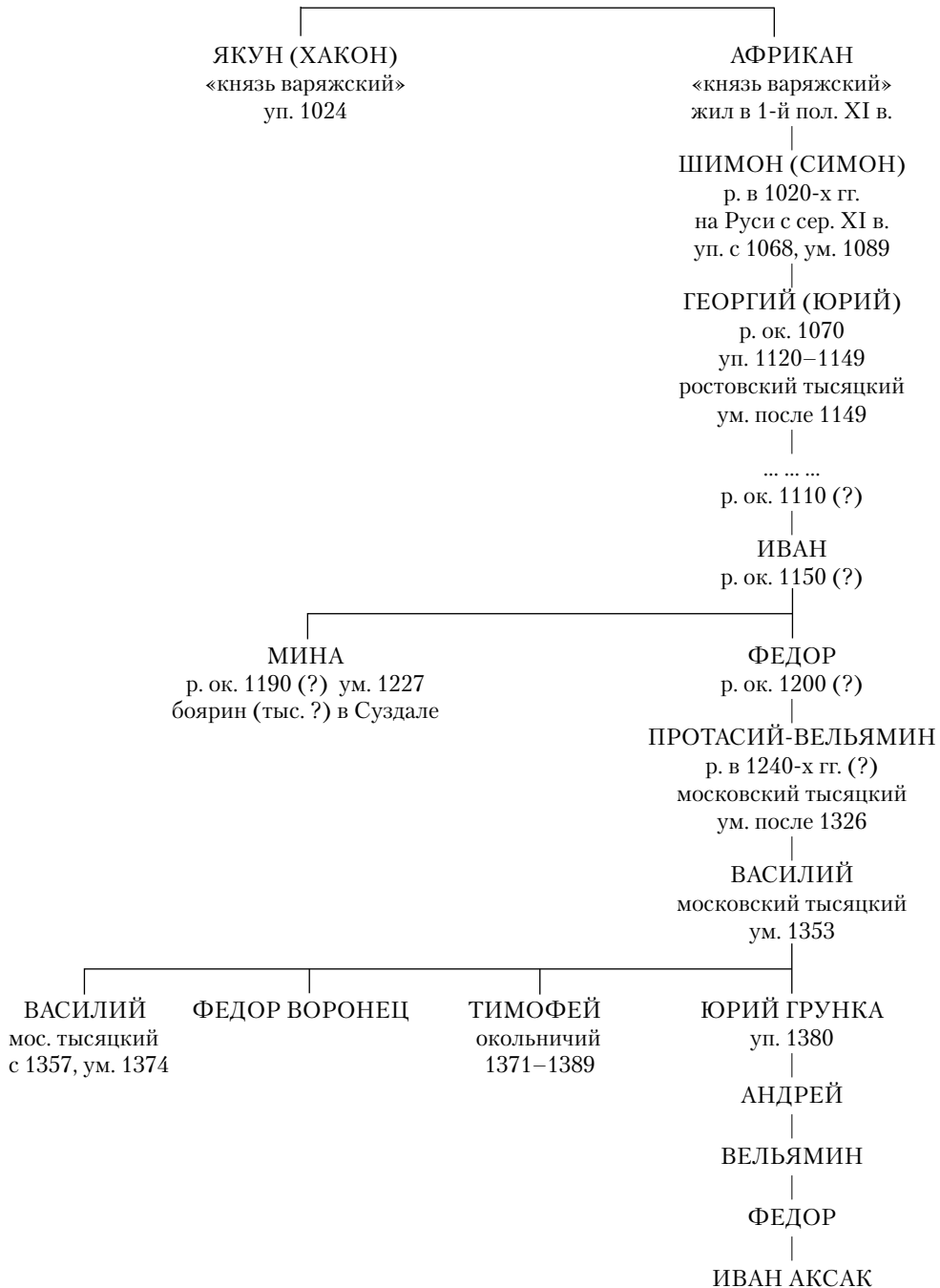
Племянники Тимофея, сыновья тысяцкого Василия Васильевича, оставили по себе разную память. Старший из них, Иван, недовольный утратой его семьей сана тысяцкого, на получение которого он рассчитывал, стал врагом московского князя (своего государя Дмитрия Ивановича, будущего Донского) и был им позднее казнен в Москве на Кучковом поле (30 августа 1379 г.). Потомки Ивана Васильевича оказались в опале и захудали.

Микула (Николай) Васильевич женился в 1366 г. на Марии, дочери князя Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского и стал, таким образом, свояком Дмитрия Донского (ведь последний тогда же обвенчался с другой дочерью того же князя – Евдокией Дмитриевной). Он был в 1370-х годах наместником в Коломне⁶⁸. Участвовал в качестве воеводы коломенского полка в Куликовской битве и погиб там (8 сентября 1380 г.).

Полуект (Полиевкт) Васильевич погиб по трагической случайности (упал с колокольни). Его дочь Евпраксия (в монашестве Евфросиния) вышла в 1406 г. замуж за князя Петра Дмитриевского (сына Дмитрия Донского), умерла в 1467 г.

На службе у князей из дома Калиты успешно подвизались потомки двух братьев тысяцкого Василия Васильевича и окольного Тимофея Васильевича Вельяминовых – Федора Воронца и Юрия Грунки. Воронцовы сначала были боярами удельных князей. Но в первой половине XVI в. они возвысились при московском дворе и там прочно заняли место в Боярской думе⁶⁹.

Внуки и правнуки Юрия Грунки⁷⁰ опирались, как видно, на удельные связи. Они имели земельные владения в Дмитровском уделе⁷¹. Напомним, что Вельямин Андреевич, внук Юрия Васильевича Грунки, был троюродным братом Евпраксии Полуектовны, жены князя Петра Дмитриевича Дмитриевского. Внуком Вельямину Андреевичу приходился Василий Федорович Вельяминов, боярин княжившего в Дмитрове в 1462–1472 гг. Юрия Васильевича, сына Василия II Темного. А младшим братом этого Василия Федоровича был живший в середине XV в. Иван Федорович Вельяминов, по прозвищу Аксак (тюркское «хромой», «хромец»). От него и пошли русские дворяне Аксаковы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Молчанов А.А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей (О роли отдельных компонентов в полиэтнической основе формирования Древнерусского государства) // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 13-15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992. С. 44-47; Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX - начала XI в. М., 2001. С. 68-96.

² Молчанов А.А. Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (Потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладого и Новгороде) // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 10-15 сентября 1997 г. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 136-138; Он же. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гурятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80-84. Ср. также: Гиппиус А.А. «Суть людие новгородци от рода варяжьска...» (Опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 11-13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001. С. 59-65; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимии. М., 2006. С. 357-363.

³ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 65, 202.

⁴ В той или иной связи этой темы касались такие известные ученые как Н.П.Лихачев, Л.М.Савелов, А.А.Шахматов, И.Е.Забелин, С.Б.Веселовский, М.Е.Тихомиров, Д.С.Лихачев, Б.А.Романов, В.Т.Пашуто, А.А.Зимин, В.Л.Янин, В.Н.Бочков, В.Б.Кобрин, Ю.А.Лимонов, В.А.Кучкин, М.В.Седова, М.Е.Бычкова и другие. Статьи о родах, ведущих свое происхождение от Шимона, включались в основные генеалогические справочники: Спиридов М.Г. Родословный российский словарь. Ч. I. М., 1793; Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 4. СПб., 1857; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886.

⁵ Воронцов-Вельяминов С.И. Род дворян Воронцовых-Вельяминовых. Тула, 1903; Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. С.Б.Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 124-139; Он же. Отмена института тысяцких и судьба Протасьевичей // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 167-170; Он же. От варягов к строителям коммунизма. Рукопись. М., 1955. В четырех частях. Хранится в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (фонд 773); Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых, 1027-1997. М., 1997. Отметим попутно, что некоторые работы современных генеалогов-любителей, затрагивающие интересующую нас тему, увы, пестрят ошибками и домыслами (см., например: Кюнтцель В.В. Тысяцкие // Московский журнал. 1995. № 9 С. 24-28).

⁶ Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII - начало XV в.) по данным археологии. М., 1994. С. 238. Прим. 104.

⁷ Бочков В.Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 78; Бычкова М.Е. Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 138-142; Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 134-139; Молчанов А.А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках (Ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимоновичи-Протасьевичи в XI-XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 18-20 апреля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990. С. 79-83; Он же. Рецензия на книгу: Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII - начало XV в.) по данным археологии. М., 1994 // Славяноведение. 1999. № 2, С. 107, 108; Он же. Варяжско-русский род Шимоновичей в XI - первой половине XIV в.: генеалогическая фикция или историческая реальность? // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Архангельск, 2001. С. 103, 104; Пчелов В.В. Генеалогическое предание о Шимоне Африкановиче в ряду легенд о скандинавских предках русского дворянства // 850-летию Москвы и 700-летию Московского Градоначальства посвящается. Материалы Юбилейной научно-общественной конференции «Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность». Москва, февраль 1998 года. М., 1998. С. 58, 60, 61.

- ⁸ Сочинения князя Курбского. Т. 1 // Русская историческая библиотека. Т. XXXI. СПб., 1914. Стлб. 167.
- ⁹ Бычкова М.Е. Родословные книги ... С. 19, 36-38, 65, 66, 95, 111, 120.
- ¹⁰ Коваленко В.П., Шекун А.В. Летописный Листвен (К вопросу о локализации) // Советская археология. 1984. № 4. С. 62-74.
- ¹¹ Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 7 (древнерусский текст), 109 (перевод).
- ¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I (Т. 1-2). М., 1959. С. 214, 215, 323 (Прим. 314); Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 125, 126. Ср. при этом, например: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 27-29; Повесть временных лет. С. 479 (с механическими повторениями в комментариях ошибочного мнения). Гипотезу о тождестве Якуна с Хаконом Эйрикссоном продолжает отстаивать О.Прицак (Pritsak O. The Origin of Rus. Cambridge; Mass., 1981. Vol. 1. P. 404-423), хотя она не только не находит опоры в известных фактах биографии норвежского ярла, но и самым очевидным образом противоречит им (Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 153, 177, 179-181, 279, 280, 282, 308, 309, 319, 320, 326, 331, 332, 335-339, 356).
- ¹³ Браун Ф.А. Фрианд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. VI. Кн. 1, СПб., 1902. С. 359-365; Рыдзевская Е.А. К варяжскому вопросу. Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси // Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение общественных наук. Л., 1934. № 8. С. 621, 622.
- ¹⁴ Браун Ф.А. Указ. соч. С. 360.
- ¹⁵ Древнерусские патерики. С. 7-10, 109-112.
- ¹⁶ Мурьянов М.Ф. Золотой пояс Шимона // Византия, Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В.Н.Лазарева. М., 1973. С. 188-198. Исследователь даже допускает рождение Африкана «от смешанного средиземноморско-скандинавского брака». Однако для получения при крещении такого личного имени достаточно было просто находиться в тот момент где-то на юге Европы.
- ¹⁷ Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-47. Л., 1982. С. 23.
- ¹⁸ Попытки сблизить по созвучию это имя с древнескандинавскими антропонимами типа Сигмунд или Семунд (ср., например: Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых... С. 9) теперь окончательно потеряли всякий смысл.
- ¹⁹ Свое имя он получил, надо думать, в память о князе Ярославе Мудром (в крещении – Георгии), который приютил и облагодетельствовал изгнанного с родины Шимона. О том, по какому принципу осуществлялось в конце X - XI в. имянаречение у князей Рюриковичей и их ближайшего окружения см.: Молчанов А.А. Семейный именовлов в автобиографии Владимира Мономаха (К вопросу о путях усвоения князьями Рюриковичами христианских имен) // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 15-17 апреля 2003 г. Материалы конференции. М., 2003. С. 178-183; Он же. Владимир Мономах и его имена (К изучению княжеского имени Рюриковичей X-XII веков) // Славяноведение. 2004. № 2. С. 80-87.
- ²⁰ Древнерусские патерики. С. 10, 112.
- ²¹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 72. Другие исследователи обычно относили начало княжения Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле к 1095-1097 гг. Ср., например: Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 130; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 20.
- ²² Седова М.В. Скандинавские древности Суздаля и его округа // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 10-14 сентября 1997 г. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 178-180; Она же. Суздаль в X-XV веках. М., 1997. С. 77-96. См. также: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Текст, перевод, комментарий. М., 2001. С. 253-256.
- ²³ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 129, 134. Это наблюдение было по справедливости высоко оценено историками (ср., например: Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 118. Прим. 56)

- ²⁴ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 129.
- ²⁵ Кучкин В.А. Формирование... С. 60-67.
- ²⁶ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 176, 177; Кучкин В.А. Формирование... С. 73.
- ²⁷ Повесть временных лет. С. 109, 247.
- ²⁸ Древнерусские патерики. С. 12, 114. По мнению Ю.А.Лимонова, «Завещание Георгия Шимоновича», сохранившееся в «Киево-Печерском патерике», входило в состав «Старого ростовского летописца» (Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 185, 186).
- ²⁹ Седова М.В. Суздаль... С. 139.
- ³⁰ Древнерусские патерики. С. 10, 11, 112, 113.
- ³¹ Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1908. Стлб. 293 («...Георгий ростовский тысяцкий оковал гроб Феодосия, игумена Печерского...»).
- ³² Полное собрание русских летописей. Т. XV. СПб., 1863. Стлб. 193. Это сообщение «Тверского сборника» восходит, как полагает Ю.А.Лимонов, к древнейшему местному летописанию (Лимонов А.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 21).
- ³³ Древнерусские патерики. С. 11, 12, 113, 114.
- ³⁴ Там же. С. 10, 112.
- ³⁵ Таким образом, нет необходимости отодвигать дату смерти Георгия Шимоновича за 1157 г. (см.: Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 132, 139).
- ³⁶ Древнерусские патерики. С. 12, 114 («...правнуки Симона испытывают любовь к храму Святого Дмитрия и имеют место свое в нем.»).
- ³⁷ Житие пр. Евфросинии Суздальской по списку XVII века, изданное В.Георгиевским // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Владимир, 1899. С. 88, 89.
- ³⁸ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 283-286.
- ³⁹ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 135-138.
- ⁴⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца X – начала XVI в. Т. 3. М., 1964; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X - XV вв. Т. 1. Печати X – начала XIII в. М., 1970. С. 144.
- ⁴¹ Кучкин В.А. «Данная» черницы Марины // Исторические записки. Вып. 108. М., 1982. С. 306. Ранее она ошибочно датировалась XIII веком (ср., например: Янин В.Л. Актовые печати... Т. 1. С. 144; Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 138).
- ⁴² Янин В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 62. М., 1956. С.3-16.
- ⁴³ Янин В.Л. Актовые печати... Т. 1 С. 141-146, 217-221. Об иных вариантах определения печатей с изображением св. Мины (№ 298 по Корпусу древнерусских булл) и подобных им см.: Молчанов А.А. Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР. Сб. IV. М., 1974. С. 19-32; Он же. Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1976. С. 14-16; Он же. О четырех новгородских посадничьих печатях XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XII. Л., 1981. С. 213-219; Он же. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X-XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л., 1985. С. 66-83; Он же. Рецензия: Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970-1996 гг. М., 1998 // Российская археология. 2000. № 2. С. 194; Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4. СПб., 2001. С. 64-66.
- ⁴⁴ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории...С. 137-139.
- ⁴⁵ Бычкова М.Е. Родословные книги... С. 138-142.
- ⁴⁶ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 132; Молчанов А.А. Варяжско-русский род Шимоновичей... С. 103, 104.
- ⁴⁷ Бычкова М.Е. Родословные книги... С. 19. О предпринятой в XVII в. неудачной попытке некоторых дворянских родов приписаться к потомству Шимона см.: Морозов Б.Н. Родословная роспись Чихачёвых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV-XV вв. // Историческая генеалогия. № 2. 1993. С. 42, 43; № 4. 1994. С. 14-19.

⁴⁸ Кучкин В.А. Формирование... С. 118, 119; Он же. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 93, 95; Борисов Н.С. Иван Калита. М., 1995. С. 14.

⁴⁹ Никакими точными биографическими данными о нем мы не располагаем. Поэтому совершенно непонятно, на каком основании М.И.Смирнов именуется Федора Ивановича «тысяцким и боярином великого князя московского» (Предки А.С.Пушкина. М., 1999. С. 38. № 196). К сожалению, составленная и опубликованная названным выше генеалогом колоссальная роспись предков нашего величайшего поэта содержит много грубых ошибок и вопиющих небрежностей. В равной степени не повезло тут предкам классика и по прямой мужской, и по женским линиям, в том числе и по линии Шимоновичей-Протасьевичей (Там же. С. 41, 44, 48, 52. № 216, 244, 275, 304). Среди перлов, «украшающих» данную роспись, наиболее причудливы: «Иван Юрьевич, боярин новгородский» (сын Георгия Шимоновича! - А.М.) и «Африкан Олафович» (№ 216 и 304).

⁵⁰ Молчанов А.А. История древнерусского боярства... С. 83.

⁵¹ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV-XV веках. М., 1957. С. 170-174. Ср., также: Кучкин В.А. Институт тысяцких в средневековой Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. Москва, 12-14 апреля 1993 г. Тезисы докладов. М., 1993. С. 46-48.

⁵² Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 21, 212. От Протасия-Вельямина и его потомков по прямой мужской линии пошли русские дворянские роды Вельяминовых, Воронцовых, Воронцовых-Вельяминовых, Аксаковых, Аблязовых, Башмаковых, Исленьевых, Соловцовых.

⁵³ Седова Р.А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993, С. 25; Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков. М., 1986. С. 60, 75. Прим. 37; Он же. Иван Калита. М., 1995. С. 200.

⁵⁴ Более чем сомнительна попытка отодвинуть смерть тысяцкого Протасия аж к рубежу 40-х-50-х годов XIV в. (Юшко А.А. Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М., 2003. С. 78).

⁵⁵ Молчанов А.А. Культ святых мучеников черниговских Михаила и Федора в средневековой Москве (К вопросу о времени и путях проникновения) // Святый князь Михайло Чернігівський та його доба // Матеріали церковно-історичної конференції (Чернігів, 1-3 жовтня 1996 р.). Чернігів, 1996. С. 23-26.

⁵⁶ Веселовский С.Б. Исследования... С. 219-223; Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории... С. 134; Кучкин В.А. Формирование... С. 241; Юшко А.А. Из истории феодального землевладения Московской земли XIV в. (землевладение Воронцовых-Вельяминовых) // Российская археология. 2001, № 1, С. 45-55; Она же. Феодальное землевладение... С. 78-100.

⁵⁷ Забелин И.Е. История города Москвы, Ч. I. М., 1905. С. 138, 442-445, 616-618, 621; Тихомиров М.Н. Средневековая Москва... С. 168; Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 97, 100; Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы... С. 235. Прим. 88. С. 236. Прим. 89; Кучкин В.А. Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. 1995. № 2. С. 23-26; Он же. Документы кремлевской находки 1853 г. - часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // 850-летию Москвы... С. 21-30.

⁵⁸ Из последних работ см., например: Сахаров И.В. Род московских тысяцких и его историки // 850-летию Москвы... С. 11-20; Кучкин В.А. Документы... С. 21-30; Вельяминов Г.М. Семья московских тысяцких в эпоху Куликовской битвы // 850-летию Москвы... С.31-38; Аверьянов К.М. Вельяминовы и их роль в истории Москвы XIV в. // Там же. С. 67-69.

⁵⁹ Помимо классического труда С.Б.Веселовского (Веселовский С.Б. Исследования... С. 211-230), важнейшим исследованием по генеалогии потомков Протасия является посвященный им раздел главы «Древнейшие боярские роды» в известной монографии А.А.Зимины (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. С. 157-161, 201-203).

⁶⁰ Беляев Л.А. Указ. соч. С. 85 -89, 236. Прим. 90 (в летописях под 6882 г. «от сотворения мира»).

⁶¹ Гипотеза, согласно которой боярыня Мария Голтыева являлась дочерью последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова (Забелин И.Е. Указ. соч. С. 445; Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых... С. 15), теперь справедливо отвергается (Беляев Л.А. Указ. соч. С. 235. Прим. 88).

⁶² Кюнтцель В.В. Тысяцкие. С. 25; Он же. Первые великие княгини московские // Дворянское собрание. № 9. М., 1998. С. 76-78 (Там же, на С. 70-72, совершенно безосновательно предполагается,

что супругой князя Даниила Александровича могла быть другая родственница первого московского тысяцкого).

⁶³ Аверьянов К.А. Московское княжество Ивана Калиты (Присоединение Коломны. Приобретение Можайска). М., 1994. С. 36.

⁶⁴ Лошиц Ю.М. Дмитрий Донской. М., 1980. С. 12-14; Кюнтцель В.В. Тысяцкие. С. 25; Он же. Первые великие князья московские. С.83-85; Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых... С. 12; Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии. М., 2001. С. 301. Высказанное в более общем виде предположение Л.В.Черепнина о кровном родстве семьи Протасьевичей с московскими князьями аргументировано отвергли М.Н.Тихомиров и В.А.Кучкин (ср.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 1. М., 1948. С. 27; Тихомиров М.Н. Средневековая Москва ... С. 198. Прим. 1; Кучкин В.А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 43. С. 152).

⁶⁵ Кучкин В.А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого. С. 149-158.; Он же. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 63.

⁶⁶ Кучкин В.А. Автограф... С. 26.

⁶⁷ Об участии Тимофея Васильевича и других Вельяминовых в походе на Дон против Мамаю см.: Бескровный Л.Г. Куликовская битва // Куликовская битва. М., 1980. С. 44-47, 57; Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 64, 65.

⁶⁸ Специально о наместничестве М.В.Вельяминова в Коломне см.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV - первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 118, 119, 129-131, 154-157.

⁶⁹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 157-160.

⁷⁰ Юрием он именуется в родословцах, а в официальном разряде Куликовской битвы (составленном много позднее самого события на основании летописных и иных данных) - Федором, причем там он назван одним из воевод полка Правой руки. Эту путаницу констатировал, но не смог полностью разъяснить Г.М.Вельяминов (Вельяминов Г.М. Род Вельяминовых... С. 13, 15, 45).

⁷¹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 160, 161.

В.А. Кучкин

Вельяминовы на службе у московских князей в XIV – начале XV вв.

Среди немногочисленных боярских родов, обосновавшихся в возникшем в 60-е гг. XIII в. Московском княжестве, первое место, несомненно, занимал род Вельяминовых. Отдельные представители этого рода упоминаются в нарративных и документальных источниках, начиная со второй четверти XIV в. Однако перечни лиц, причислявшихся к роду, с указанием родственных связей между ними, повествования о происхождении рода и его родоначальниках появляются только 200 с лишним лет спустя, когда в Русском централизованном государстве возникла потребность в составлении родословных книг русской знати. Уже в самых ранних редакциях родословных книг наряду с главами о родословии московских князей, других князей Рюрикава дома и нескольких родов старомосковского боярства была помещена глава «Род Воронцовых и Вельяминовых»¹. Свидетельства этой главы стали служить основным материалом при воссоздании истории рода Воронцовых и Вельяминовых, а интерес к прошлому этой старинной фамилии начал проявляться с XIX в.

Уже в 1857 г. П. В. Долгоруков отметил некоторые противоречия в родословной росписи Воронцовых и Вельяминовых, возводившей их к выехавшим на Русь «из Немец» Шимону (Симону) Африкановичу и его сыну Георгию (Юрию). «Родословные книги говорят, — писал П. В. Долгоруков, — что у Юрия Симоновича были: сын Иван, внук Федор и правнук Протасий, боярин Иоанна Калиты. Таким образом, боярин Протасий Федорович, умерший около 1330 г., был бы потомком в *пятом* колене Симона Африкановича, жившего в первой половине одиннадцатого века! Тут явная ошибка. Признавая несомненным происхождение Вельяминовых от Симона Африкановича, подтверждаемое древнейшими родословными книгами, мы полагаем, что в поколенной росписи, между Симоном Африкановичем и боярином Протасием Федоровичем, пропущено несколько поколений, и потому начинаем здесь поколенную роспись с Протасия Федоровича, бывшего боярином в Москве при великом князе Иоанне Даниловиче Калите»². Несоответствие количества первых колен рода Воронцовых и Вельяминовых хронологическому отрезку в 200 лет можно было бы объяснить и иначе, чем это сделал П. В. Долгоруков. Но указание на такое несоответствие составляет безусловную научную заслугу автора «Российской родословной книги».

В других же отношениях глава «Вельяминовы» его труда была явно уязвима для критики. П. В. Долгоруков плохо представлял себе, когда появились родословные

книги, по его представлениям, видимо, очень рано. Свидетельства древнейших из них он признавал за вполне достоверные и точные. Вместе с тем он вносил в эти свидетельства разного рода поправки и дополнения, если находил таковые в летописях. Так, в одном из примечаний П. В. Долгоруков написал, что в летописях под 1375 г. упоминается Иван, сын тысяцкого Василия, внук Василия и правнук Вельямина, а под 1380 г. — Тимофей Васильевич тысяцкого, внук Васильев и правнук Вельяминов³. Тут же в поколенную роспись Воронцовых и Вельяминовых родословных книг были внесены изменения: у Протасия появился сын Вельямин, у того сын Василий и внук Василий, а у последнего — четвертый сын Тимофей Васильевич⁴. Сведения о предках Ивана, сына тысяцкого В.В. Вельяминова, и Тимофея Васильевича, якобы брата Ивана, П.В. Долгоруков нашел не в летописях, а в единственном летописном своде — Никоновском⁵. Этот поздний летописный памятник, составленный в XVI в., содержал много исторических и генеалогических ошибок⁶. С такими ошибками и столкнулся П.В. Долгоруков, но, не сумев их распознать, включил в свою «Российскую родословную книгу» как действительные и бесспорные факты.

В 1888 г. было опубликовано исследование «Разрядные дьяки XVI века», внесшее много нового в изучение древнейших русских дворянских фамилий, Воронцовых и Вельяминовых в том числе. Его автор Н.П. Лихачев, характеризуя документацию Разрядного приказа первой половины XVI в., наряду с составлявшимися там разрядными и боярскими книгами, боярскими списками и десятнями, дал оценку и родословным книгам, которые редактировались и использовались в Разряде при разрешении местнических споров представителей боярской знати. Н.П. Лихачев установил, что в 1555 г. в Разряде был составлен официальный Государев родословец, куда вошла и родословная роспись Воронцовых и Вельяминовых⁷. Он обратил внимание на то, что эта роспись не одинакова в разных списках родословных книг. Если в Бархатной книге (пополненный в 80-е гг. XVII в. Государев родословец 1555 г.) родоначальником рода был назван тысяцкий Ивана Калиты Протасий, то в других списках — иноземец Шимон Африканович, приехавший в давние времена на службу к Ярославу Мудрому⁸. Исследователь скептически отнесся к такой версии, указав, что «в XVII веке легенда о Шимоне Африкановиче была уже в полном ходу», обрастая новыми подробностями и отсылками. Н. П. Лихачев продемонстрировал это большой выдержкой из росписи рода Воронцовых и Вельяминовых, принятой в Разряде в 1686 г., где указывалась точная дата приезда Шимона в Киев — 1027 г., говорилось о его крещении и принятии нового имени — Симон, и делалась ссылка на печатный Киево-Печерский патерик⁹. Ученый также показал, что легенда о выезде родоначальнике-иностранице была присуща не только родословной Воронцовых и Вельяминовых, но и многим другим родословным росписям нетитулованной русской знати¹⁰.

В 1903 г. гардемарин С. И. Воронцов-Вельяминов опубликовал небольшое исследование о своих предках и родственниках, живших до начала XX в. включительно¹¹. Как признавался сам автор, «мы располагали главным образом только историческими и некоторыми другими опубликованными печатными матерьялами и лишь сравнительно весьма немногими частными семейными сведениями...»¹². Действительно,

изыскания С. И. Воронцова-Вельяминова о ранних представителях рода Воронцовых и Вельяминовых были построены на сочинениях Г.-З. Байера, Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, П. В. Долгорукова, М. Т. Яблочкова, официальных изданиях дворянских родословных росписей, таких источниках, как печатный Киево-Печерский патерик, Дворцовые разряды, возможно, Собрание государственных грамот и договоров¹³. Привлеченный С. И. Воронцовым-Вельяминовым материал просматривался им довольно внимательно, вплоть до примечаний Н. М. Карамзина к «Истории государства Российского», однако отсутствие должной подготовки, игнорирование трудов по многим частным, но важным вопросам, например, такого, как исследование Н. П. Лихачева, неумение анализировать первоисточники, отсутствие доказательности выдвигаемых положений делали работу С.И. Воронцова-Вельяминова слишком простой и малоубедительной.

По сути автор пересказал ту историю возникновения своего рода от выезжего варяга Шимона, что была изложена в родословных книгах, нисколько не сомневаясь в полной достоверности такой истории. Он даже поспорил с П.В. Долгоруковым, указав, что допускаявшийся последним пропуск в родословной росписи Воронцовых и Вельяминовых «одного или даже нескольких поколений едва ли имеет основание», просто люди жили очень долго¹⁴. Однако этот довод забывался, когда С.И. Воронцов-Вельяминов копировал у П.В. Долгорукова его стемму родственных связей Воронцовых и Вельяминовых в XIV – XV вв., включая в нее сына Протасия Вельяминова и сына последнего московского тысяцкого В.В. Вельяминова Тимофея¹⁵. В первом случае получалось, что с 1330 г. (к этому году С.И. Воронцов-Вельяминов относил смерть Протасия) и по 1374 г. (смерть последнего московского тысяцкого В.В. Вельяминова) сменилось 4 поколения рода, в то время как с 1027 г. (по С.И. Воронцову-Вельяминову, год приезда на Русь Шимона) по 1330 г. сменилось всего 5 поколений.

Узнав, что в Куликовской битве был убит Тимофей Васильевич, С.И. Воронцов-Вельяминов без тени сомнений решил, что погиб окольничий Тимофей Васильевич, брат последнего московского тысяцкого В. В. Вельяминова¹⁶. Между тем в 1380 г. на Куликовом поле пал Тимофей Васильевич Волуй из рода Окадьевичей¹⁷.

Сократив жизнь окольничего Тимофея Васильевича 1380 годом, С. И. Воронцов-Вельяминов вынужден был устанавливать, кто такой боярин Тимофей Васильевич, упоминаемый на втором месте среди бояр-послухов завещания Дмитрия Донского 1389 г. Здесь ему помог П. В. Долгоруков, который, исходя из ошибочных данных Никоновской летописи, написал, что Тимофей являлся четвертым сыном тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, у которого по родословцам было всего три сына. Как ухитрился этот мнимый четвертый сын В. В. Вельяминова к 1389 г. получить боярство и стать вторым лицом среди бояр, окружавших Дмитрия Донского, С. И. Воронцов-Вельяминов так же, как и П. В. Долгоруков, объяснить не смог. Никаких проблем он здесь не усматривал.

Начальную историю своего рода С. И. Воронцов-Вельяминов изложил по официальным родословным дворянским книгам XVIII - XIX вв., Киево-Печерскому патерику и изысканиям Г.-З. Байера. В итоге у него получилось, что родоначальником фамилии

Воронцовых и Вельяминовых был шведский король Олаф I, внук которого Шимон в 1027 г. приехал служить к Ярославу Мудрому. Шимон стал старейшим боярином у Всеволода, младшего сына Ярослава. Сын Шимона Георгий (Юрий) был отправлен Владимиром Мономахом в Северо-Восточную Русь, где опекал сына Мономаха Юрия (Долгорукого). Когда по прошествии многих лет Юрий Долгорукий стал киевским князем, то своему тысяцкому Георгию он передал в управление Суздальскую землю. Правнук Георгия Протасий стал тысяцким у Ивана Калиты.

Из источников, использованных С. И. Воронцовым-Вельяминовым, самым ранним был Киево-Печерский патерик, основное ядро которого, в том числе рассказы о Шимоне и его сыне Георгии, сложилось, как полагает Л. А. Ольшевская, между второй четвертью XIII в. и началом XIV в.¹⁸ Однако, несмотря на раннее происхождение, рассказы эти содержат определенные противоречия. Так, в Киево-Печерском патерике сообщалось, что Шимон (Симон) упрасивал Феодосия Печерского молиться «о сыну моем Георгии»¹⁹. Феодосий Печерский скончался 3 мая 1074 г.²⁰ Следовательно, Георгий родился до 3 мая 1074 г. Сам Георгий, по свидетельству того же Киево-Печерского патерика, вспоминал, что он болел «3 лѣта очима, не видѣх ни блеска солнечнаго», но услышал из уст Феодосия: «Прозри!» — и прозрел²¹. Если считать, что понятие о солнечном свете появляется у человека в 2-3 года, тогда надо признать, что Георгий родился самое позднее в 1069 г. Далее в патерике приводится еще одно припоминание Георгия: «Егда бо приидохом на Изяслава Мстиславича с половци, и видѣхом град высок издалеча, и идохом на нь, и никтоже не знаше, кый сей град. Половци же бишася, язвени быша у него мнози, и бѣжахом от града того». Оказалось, это было село Киево-Печерского монастыря²². Современные издатели Киево-Печерского патерика датируют данный эпизод 1149 г.²³ Но в 1149 г. суздальцы и половцы не воевали с Изяславом под Киевом и не бежали от него²⁴. Речь должна идти о майских событиях 1151 г.²⁵ Если Георгий Шимонович принимал в них участие, ему должно было быть 82 года.

Украшение гроба Феодосия Печерского в Киево-Печерском монастыре связывается в патерике с пребыванием в Киеве Юрия Долгорукого и его двора²⁶. Долгорукий впервые вокняжился в Киеве в 1149 г., но прочно обосновался там с конца марта 1155 г., будучи киевским князем до своей смерти 15 мая 1157 г.²⁷ Любая из приведенных дат противоречит известию Ипатьевской летописи под 1130 г.: «Георгии Ростовьскыи и тысячкои окова гробъ Федосьевъ, игумена Печерьскаго, при игумени Тимофѣи»²⁸. Очевидно, что сведения о Шимоне и его сыне Георгии Киево-Печерского патерика не вполне согласуются друг с другом и со свидетельствами других источников. Можно даже думать, что в 50-е гг. XII в. существовал не престарелый суздальский тысяцкий Георгий Шимонович, а его тезка. И был ли этот тезка связан родственными узами с Шимоном Африкановичем или нет, сказать сложно. Для утвердительного ответа нужны дополнительные факты и соображения. Прямолинейное решение вопроса, которое предлагал в своей брошюре С. И. Воронцов-Вельяминов, оставляло без внимания ряд деталей патерикового рассказа, а потому абсолютно верным и точным признано быть не может. Вместе с тем приведенные в брошюре биографические сведения о Воронцовых-Вельяминовых, живших в XVIII–XIX вв., представляют определенный интерес.

Начало научного изучения истории рода Воронцовых и Вельяминовых можно отнести к 1940 г., когда С. Б. Веселовский написал краткий обзор деятельности Воронцовых и Вельяминовых со времен первого московского князя Даниила Александровича по 60-е гг. XVI столетия. При жизни эту свою работу в печать С. Б. Веселовский не отдавал, она была опубликована 17 лет спустя после смерти историка²⁹. Хотя исследование С. Б. Веселовского носит несколько черновой характер³⁰, оно имеет ряд крупных достоинств. Во-первых, ученый собрал почти все сведения о старших коленах рода Воронцовых и Вельяминовых в нарративных и в документальных источниках. Во-вторых, он описал землевладение представителей этого рода, для чего привлек не только архивные материалы, но и данные топонимики. В-третьих, С. Б. Веселовский проследил служебные карьеры Воронцовых и Вельяминовых и сопоставил их со службой представителей других родов старомосковского боярства, что позволило ему оценить вклад этого рода в развитие московской, а позднее и общерусской государственности. В-четвертых, вновь поставил вопрос о степени достоверности сохранившихся родословных росписей Воронцовых и Вельяминовых, заметив, что в Государеве родословце 1555 г. родоначальником обеих фамилий назван живший в XIV в. Протасий Федорович, тогда как в иных родословных книгах — варяжский князь Африкан с сыном Шимоном или Шимон с сыном Юрием, приехавшие в XI в. на службу к киевскому князю Ярославу Мудрому.

Вместе с тем в работе С. Б. Веселовского были и определенные упущения. Разноречивые данные родословных книг использовались без учета происхождения самих книг. Точно так же не принималась во внимание генеалогия летописных сводов, и события, например, XIV в. излагались не по ранним летописным памятникам начала — первой половины XV в., а по сводам первой половины XVI в., нередко искажавшим давнее прошлое. Так, С. Б. Веселовский утверждал, что, будучи в Орде, Иван, старший сын В. В. Вельяминова, носил титул тысяцкого, как и его отец. Заключение было сделано на основании статьи 1378 г. Никоновской летописи XVI в., где говорилось о пребывании в том году «во Орде Мамаеве» тысяцкого Ивана Васильевича³¹. Но более ранняя летопись при описании тех же событий 1378 г. ничего о пребывании в Орде Ивана Васильевича не говорит и тысяцким его не называет³². Агиографические сочинения, привлеченные С. Б. Веселовским, источниковедческому анализу не подвергались и за достоверные принимались поздние и неполные свидетельства таких источников. Наконец, названия поселений, происходившие от личных имен представителей рода Воронцовых и Вельяминовых, трактовались С. Б. Веселовским исключительно как показатели того, что такие поселения являлись феодальной собственностью членов названного рода. Действительно, поселения часто назывались по именам их владельцев. Но даже во второй половине XV в. известны случаи, когда поселение называлось не по имени своего собственника, а по имени своего управленца (кормленщика)³³. Тем не менее публикация в 1969 г. очерка С. Б. Веселовского о роде Воронцовых и Вельяминовых положила начало серьезному изучению истории этого старинного рода.

70-е гг. XX в. ознаменовались выходом в свет двух работ, повлиявших на последующие исследования о роде Воронцовых и Вельяминовых. Первая из них была

посвящена истории появления и распространения родословных книг и принадлежала перу М.Е. Бычковой. Исследовательница постаралась собрать все данные о рукописях, содержащих родословные книги, распределить списки по редакциям и установить древнейшие из них. Она показала, что родословная роспись Воронцовых и Вельяминовых попала в самые ранние редакции родословных книг — Летописную и Румянцевскую³⁴. Летописную редакцию М.Е. Бычкова датировала временем после 1538 г.³⁵, поскольку в статье «Род суздальских князей и новгородских» этой редакции родословных книг была упомянута жена князя Василия Васильевича Шуйского-Немого, а князь женился 6 июня 1538 г.³⁶ С другой стороны, редакция, по мнению М.Е. Бычковой, была составлена до 1550 г., когда появилась Тысячная книга, тысячники же в редакции нигде не назывались³⁷.

Однако в текстах всех трех известных к настоящему времени списков Летописной редакции родословных книг обнаруживаются признаки, свидетельствующие о ее более позднем происхождении. Так, в главе «Род Сорокоумовых начало» говорится, что старший сын Василия Глебовича Сорокумова Григорий Криворот служил дворецким у великого князя Василия Васильевича, «прадеда царя и великого князя», т.е. Ивана Грозного. Третий сын Василия Глебовича Сорокумова Дмитрий Бобр после успешного похода на Вятку привел в Москву 30 лучших вятчан «ко цареву великого князя прадеду»³⁸. Упоминание «царя» указывает на то, что Летописная редакция была составлена не после 1538 г., а после 16 января 1547 г., когда Иван IV венчался на царство³⁹. В главе «Род Стародубских князей» назван князь Дмитрий Иванович Хилков, который «в боярстве был»⁴⁰. М.Е. Бычкова отметила, что Д.И. Хилков упоминается как боярин в 1559–1562 гг.⁴¹. Однако из данного факта последовало довольно своеобразное заключение: «Единственная запись Летописной редакции, восходящая к концу 50-х годов XVI в., — известие о боярстве князя Д.И. Хилкова (Стародубские князья). Очевидно, она отражает какой-то момент редактирования протографа редакции, а не дату его составления, так как весь состав записанных лиц относится к более раннему времени»⁴². В соответствии с таким заключением М.Е. Бычкова дала следующую схему соотношения списков Летописной редакции: общий протограф 40-х гг. XVI в. всех трех списков, отдельный протограф 60-х гг. XVI в. списков Беляевского I и Воскресенского I, отдельный протограф без какой-либо даты списка Уваровского I⁴³. Из схемы следует, что общий протограф всех трех списков Летописной редакции, т.е. собственно Летописная редакция, был составлен в 40-е гг. XVI в. Однако помета к имени Д.И. Хилкова «в боярстве был» читается во всех списках Летописной редакции родословных книг. Шереметевский список придворных чинов 60-х гг. XV в. — 70-х гг. XVII в. Русского государства отмечает, что в 7072 (1563/64) г. Д.И. Хилков «выбыл» из числа бояр⁴⁴. А.А. Зимин сомневался в точности хронологических указаний Шереметевского списка, но отмечал, что в разрядах Д.И. Хилков последний раз упоминается в 7070 (1561/62) году⁴⁵. Это означает, что самая ранняя возможная дата отставки Д.И. Хилкова — 1561 год⁴⁶. Следовательно, Летописная редакция родословных книг могла появиться не ранее 1561 г. Можно соглашаться с М.Е. Бычковой в том, что известие о бывшем боярстве Д.И. Хилкова — позднее, что оно вставлено в текст более ранней родословной росписи

стародубских князей. Но это не дает права отвергать ее в качестве датирующего признака всей редакции. Что касается более раннего состава рода стародубских князей, зафиксированного в росписи, то такая особенность прежде всего характеризует не саму Летописную редакцию, а ее источник.

Появление Румянцевской редакции родословных книг М.Е. Бычкова также отнесла к 40-м гг. XVI в. О списке Румянцевском I, основном списке этой редакции, она написала следующее: «Протограф рукописи, вероятно, был составлен между 1541 и 1547 гг. Так, И.И. Челяднин, записанный здесь как конюший великого князя, в ней назван умершим (умер в 1541 г.), в других списках он назван конюшим царя и великого князя. Редакция записи, имеющейся в Румянцевском I списке, первична по сравнению с Государевым родословцем и могла появиться до венчания Ивана Грозного на царство в 1547 г., но после 1541 г. Кроме того, Сигизмунд I назван в списке «нынешним королем» (царствовал до 1548 г.). К 40-м годам относится упоминание о Макарии как митрополите московском (с 1542 г.)»⁴⁷. Однако в Румянцевском I списке не говорится о смерти И.И. Челяднина, там сказано, что И.И. Челяднин «был у великого князя Ивана конюшей»⁴⁸. Глагол «был» может указывать на смерть И.И. Челяднина, как и думает М.Е. Бычкова, но может свидетельствовать и о его отставке. М.Е. Бычкова пишет о смерти И.И. Челяднина в 1541 г. без ссылки на источник. Но в августе 1541 г. конюший И.И. Челяднин был жив⁴⁹. Очевидно, что Румянцевская редакция родословных книг составлялась после августа 1541 г. При этом титул Ивана IV в записи о И.И. Челяднине (не царь, а великий князь) не может указывать на время появления этой записи и Румянцевской редакции родословных книг в целом — до 16 января 1547 г., когда Иван IV стал царем. Запись могла появиться и после приведенной даты под пером человека, соблюдавшего историческую точность. Но два других хронологических признака, которые назвала М.Е. Бычкова, весьма значимы при определении времени составления Румянцевской редакции родословных книг. Первый — упоминание митрополита Макария. В главе «Род Плещеевых» Румянцевской редакции назван принадлежавший к ветви Стефана Феофановича, племянника бывшего в 1354–1378 гг. митрополитом Алексея, Чесной Васильевич, который «был у Асафа митрополита и у Макария в боярах»⁵⁰. Хотя Макарий в этой записи митрополитом прямо не назван, речь идет о нем как о главе русской церкви. В разделе «Род Плещеевых» подчеркнута, что «Стефанов род Феофановича весь служил у митрополитов»⁵¹. Митрополитом же Макарий был поставлен 19 марта 1542 г.⁵² И эта дата позволяет не рассматривать дату август 1541 г. в качестве хронологической грани, ранее которой не могла появиться Румянцевская редакция родословных книг. Она могла быть составлена только после 19 марта 1542 г. Второй хронологический признак, выявленный М.Е. Бычковой — указание на «нынешнего» польского короля Сигизмунда I. Действительно, в главе «Начало государей литовских» Румянцевской редакции родословных книг в перечислении сыновей польского короля Казимира значится «6-й Жигимонт, нынешней король, а Жигимонтов сын Жигимонт-Август»⁵³. М.Е. Бычкова отметила только год смерти Сигизмунда I — 1548 г. Точная дата смерти этого польского короля — 1 апреля 1548 г.⁵⁴ Таким образом, предложенная М. Е. Бычковой датировка появления Румянцевской

редакции родословных книг — 40-е гг. XVI в. — оказывается верной, но может быть несколько уточнена — между 19 марта 1542 г. и 1 апреля 1548 г. Последнюю дату позволительно отодвинуть до мая 1548 г. включительно, когда в Москве могло быть получено известие о смерти правителя Польши.

В главе «Родословные росписи и легенды» своей монографии М.Е. Бычкова определенное внимание уделила рассмотрению проблемы достоверности помещенных в различных редакциях родословных книг сведений о древнейшей истории рода Воронцовых и Вельяминовых. Она нашла, что подробная роспись членов этого рода идет «с последней четверти XIV в., достоверная родственная связь лиц устанавливается начиная с тысяцкого Василия Васильевича»⁵⁵.

Самая ранняя история рода представлялась М.Е. Бычковой в более туманном виде. Четкого плана исследования этой ранней истории у исследовательницы не обнаруживается, она опиралась на реконструируемый Государев родословец 1555 г., Разрядную, Патриаршую редакции родословных книг и на редакцию начала XVII в.⁵⁶, а не на книги самых старших редакций. Оставлены в стороне княжеские душевные и договорные грамоты, агиографические сочинения, использованы летописные памятники конца XV — первой половины XVI в., а не более ранние своды.

Вместе с тем М.Е. Бычкова правильно указала на ошибки и несоответствия в изложении истории первых колен Воронцовых и Вельяминовых родословных книг: мнимое посажение Ярославом Мудрым своего сына Всеволода на княжение во Владимире на Клязьме (город Владимир тогда просто не существовал), отправка вместе со Всеволодом во Владимир Юрия Симоновича (Шимоновича), который, согласно Киево-Печерскому патерику, жил в конце 50-х гг. XII в., когда ему, исходя из данных родословных книг, должно было быть более 100 лет⁵⁷. Справедливы замечания, что «ветвь Вельяминовых самая путаная, они не помнят родоначальника...», что «слишком велики хронологические разрывы в упоминаниях о лицах»⁵⁸. Казалось бы, такие наблюдения должны были привести к четкому выявлению того, что правильно и что неправильно в родословной росписи Воронцовых и Вельяминовых, но исследовательница от такого определения уклонилась. Она попыталась примирить легендарную, содержащую явно недостоверные исторические данные, часть родословной росписи Воронцовых и Вельяминовых с частью достоверной. Наличие в росписи больших хронологических разрывов, указанных, к сожалению, не конкретно, как у П.В. Долгорукова, а в общем виде, М.Е. Бычкова объяснила пропусками между поколениями, а не, например, плохой временной состыковкой между достоверной и недостоверной частями росписи⁵⁹. Текст родословных книг о родоначальнике рода Воронцовых и Вельяминовых Симоне Африкановиче она возвела к очень ранней устной легенде этого рода, отвергнув позднее влияние Киево-Печерского Патерика на том основании, что нет «прямого текстологического заимствования у родословия из Патерика»⁶⁰. Но как же тогда объяснить появление в родословной росписи имен князя Ярослава, его сына Всеволода, приехавшего на Русь Симона Африкановича и Юрия Симоновича? Причем в данном случае речь идет не о создании письменного памятника, где могли бы быть «прямые текстологические заимствования», а о формировании легенды,

вначале устной, преследовавшей определенные цели. Между родословной росписью Воронцовых и Вельяминовых и Киево-Печерским патериком совпадают и некоторые «сюжетные» линии: служба знатного мужа-иноземца у Всеволода Ярославича, переезд из Киева в Северо-Восточную Русь Юрия Симоновича. В XVI в. все такие данные можно было получить, только будучи знакомым с текстом значительно более раннего Киево-Печерского Патерика.

В 1977 году увидела свет работа Б.А. Воронцова-Вельяминова, посвященная ранней истории рода Воронцовых и Вельяминовых. Уже само название работы — «К истории ростово-суздальских и московских тысяцких» — говорило о том, что ее автор не сомневается в происхождении московских тысяцких Вельяминовых от тысяцких Северо-Восточной Руси домонгольского времени, хотя в начале статьи указывалось, что «установление преемственности московских тысяцких от ростово-суздальских было бы важным фактом для изучения ранней истории Московского княжества»⁶¹, т. е. такое установление объявлялось делом будущих исследований. Отталкиваясь от свидетельств главы «Род Воронцовых и Вельяминовых» в родословных книгах, автор подробно разобрал сообщения Киево-Печерского Патерика о варяге Якуне «Слепом», его брате Африкане, сыне Африкана Шимоне и сыне Шимона Георгии, который стал суздальским тысяцким при правлении в Суздале Юрия Долгорукого. При этом в представлении Б.А. Воронцова-Вельяминова быть суздальским тысяцким значило быть и ростовским тысяцким. «Георгий Шимонович — первый тысяцкий Ростова, упоминаемый источниками прямо как таковой» — утверждал автор статьи, очевидно, имея в виду сообщение 1130 г. Ипатьевской летописи о поковании раки Феодосия Печерского, но там определение «Ростовьский» относилось к имени «Георгии», а не к термину «тысячкой». Далее Б.А. Воронцов-Вельяминов писал об одном тысяцком и для Ростова, и для Суздаля и о суздальско-владимирском тысяцком Георгии Шимоновиче⁶², совершенно не учитывая того обстоятельства, что при жизни Юрия Долгорукого Владимир был центром владений его сына Андрея Боголюбского⁶³, а исполнять должность тысяцкого и во владениях отца, и во владениях сына одновременно Георгий Шимонович просто не мог. В статье утверждалось, что предки московских тысяцких выехали в последней трети XIII в. в Москву из Владимира (за достоверное принималось свидетельство Летописной редакции родословных книг) и Ростова (неверно оцененное свидетельство Жития Сергия Радонежского), что «надо понимать как выезд из княжеств Владимиро-Суздальского и Ростовского»⁶⁴. Но как владимиро-суздальский тысяцкий мог быть и тысяцким ростовским? В последней трети XIII в. Владимир, Суздаль и Ростов были столицами трех самостоятельных княжеств⁶⁵, и выезд оттуда в Москву одного человека — предка Воронцовых и Вельяминовых, исполнявшего должность тысяцкого в трех разных княжествах, нельзя объяснить даже с помощью самой богатой фантазии.

Б.А. Воронцову-Вельяминову осталось неизвестным то обстоятельство, что в XIV в. тысяцкие были не только в Московском княжестве, но и в Тверском⁶⁶ и в Нижегородском⁶⁷. Все эти княжества в разное время выделились из Владимирского княжества, которое было преемником княжества Суздальского, а последнее

— наследником Ростовской земли. Если полагать, что тысяцкие старых политических центров переходили в столицы новых княжеств, на чем настаивал автор статьи о ростово-суздальских и московских тысяцких, то надо будет признать, что московские, тверские и нижегородские тысяцкие происходили от одного предка, что совершенно противоречит свидетельствам исторических источников. И неверными оказываются не источники, а основополагающие исследовательские допущения⁶⁸.

В том же году М.Е. Бычкова опубликовала древнейшие Летописную и Румянцевскую редакции родословных книг⁶⁹.

Через 4 года Б.А. Воронцов-Вельяминов напечатал небольшую заметку, посвященную истории рода Воронцовых и Вельяминовых во второй четверти XIV – начале XV вв., где кратко описал деятельность представителей этого рода в указанное время. Особое внимание он обратил на отмену должности тысяцкого в Московском княжестве после смерти в 1374 г. В.В. Вельяминова, но недостаточно четко представляя себе функции тысяцких и изменения в политическом положении Московского княжества, вынужден был следовать беглым суждениям историков XIX – первой половины XX вв.⁷⁰

Заметка о ликвидации в Москве должности тысяцкого резонанса не вызвала, но работа Б.А. Воронцова-Вельяминова 1977 г. оказала достаточно серьезное влияние на последующих исследователей. А.А. Зимин, изучая биографии представителей рода Воронцовых и Вельяминовых во второй половине XV – первой трети XVI в., писал, что страницы истории рода «уходят своими корнями в историю Киевской Руси»⁷¹. С утверждениями Б.А. Воронцова-Вельяминова о скандинавских корнях Воронцовых и Вельяминовых согласились А.А. Молчанов⁷² и Е.В. Пчелов⁷³.

Для того, чтобы разобраться в ранней истории рода Воронцовых и Вельяминовых (до второй четверти XIV в., когда появляется первое известие о представителе этого рода в Житии митрополита Петра), необходимо проанализировать свидетельства родословных книг, самых старших их редакций – Румянцевской и Летописной. Оказывается, прошлое Воронцовых и Вельяминовых излагается в них по-разному. В этом можно убедиться, сопоставив параллельно тексты Румянцевской и Летописной редакций родословных книг.

Румянцевская редакция родословных книг

Род Воронцовых и Вельяминовых

К великому князю Ярославу Володимировичю Большому приехал из Немец муж честен Симан Африканович да сын его Юрьи; и князь великий Ярослав отпустил сына своего Всеволода на Володимер, а дал ему Юрья Симоновича.

А Юрья сын Иван, у Ивана сын Федор, а у Федора сын Протасей.

Летописная редакция родословных книг

Род Воронцовых и Вельяминовых

К великому князю Ярославу Володимировичю Большому приехал из Немец муж честен Семен Оффриканович да сын его Юрьи. И князь великий Ярослав отпустил своего сына Всеволода на Володимер, а ему дал Юрья Семеновича.

У Юрья сын Иван. А Ивана сын Федор.

Из приведенных текстов видно, что обе древнейшие редакции родословных книг следуют одной и той же схеме развития русской истории: сначала правление князей в Киеве, затем во Владимире на Клязьме, а потом в Москве. Эта схема, четко отработанная русской историографией XVI в., отразилась в современной ранним родословным книгам Воскресенской летописи, где в специальной статье «Начало православных государей и великих князей Руских, корень ихъ изыде отъ Августа, царя Римскаго, а се о нихъ писаніе предлежитъ» подчеркивалось, что «Кіевское княженіе началось» Олегом и Игорем, «наста княженіе Суздальское княземъ Андрѣемъ Юрьевичемъ Боголюбьскимъ, а столъ Володимеръ», назван младший сын Александра Невского «Данило, а съ того наста великое княженіе Московское»⁷⁴. Поэтому своих предков составители древнейших родословных росписей Воронцовых и Вельяминовых ищут в Киеве, Владимире, но ни в ином другом центре Северо-Восточной Руси, и в Москве, подчеркивая свое служение князьям чуть ли не с основания Древнерусского государства.

И Румянцевская, и Летописная редакции родословных книг одинаково излагают начальную историю рода Воронцовых и Вельяминовых: их родоначальником объявлен «немецкій» «муж честен» Симон (Семен) Африканович, который вместе с сыном Юрием приехал служить Ярославу Мудрому. Когда последний решил передать своему сыну Всеволоду в управление город Владимир, то он вместе со Всеволодом послал туда и Юрия Симоновича. У Юрия был сын Иван, а у Ивана — Федор. Федор родил Протасия, который жил в правление Ивана Даниловича Калиты.

Если анализировать свидетельства этого родословного рассказа, то в нем можно обнаружить немало противоречий. Так, из рассказа вытекает, что Юрий Симонович родился в первой половине XI в., поскольку он был послан Ярославом Мудрым во Владимир, а это могло быть до смерти Ярослава в феврале 1054 г.⁷⁵ и когда сам Юрий был уже достаточно взрослым человеком. Но правнуком Юрия, согласно тому же рассказу, оказывается Протасий, живший во времена Ивана Калиты, ставшего московским князем в 1325 г.⁷⁶ Получается, что примерно с 1025 г. по 1325 г., т. е. за три столетия, в роде Воронцовых и Вельяминовых появилось и сменилось три поколения: Юрий — Иван — Федор, и жило четвертое — Протасий. Князей же Рюриковичей за те же 300 лет сменилось восемь поколений: Ярослав Мудрый — Всеволод Ярославич — Владимир Мономах — Юрий Долгорукий (от второго брака отца) — Всеволод Большое Гнездо (от второго брака отца) — Ярослав — Александр Невский — Даниил Московский, и жило девятое поколение — Иван Калита. Такое несоответствие может быть объяснено только тем, что родоначальником Воронцовых и Вельяминовых было объявлено лицо исторически известное, но к этому роду отношения не имевшее.

Действительно, в Патерике Киево-Печерского монастыря подробно повествуется об основании в монастыре соборной церкви, посвященной Успению богородицы. Церковь была построена на средства Симона (Шимона), сына варяжского князя Африкана, служившего Ярославу Мудрому, но потом оставившего его и уехавшего на родину. Сам Симон находился на службе у сына Ярослава Всеволода. Сын Симона Георгий (Юрий) служил сыну Всеволода Владимиру Мономаху. Тот, отправляя на княжение в Суздальскую землю своего сына Георгия (будущего Юрия Долгорукого) поручил

его заботам Георгия Симоновича, который при Долгоруком стал суздальским (но не владимирским!) тысяцким⁷⁷. Эти свидетельства Киево-Печерского Патерика и были взяты за основу при составлении легенды о родоначальнике Воронцовых и Вельяминовых. Легенда весьма упрощала рассказ Киево-Печерского Патерика, она не разделяла по времени службу русским князьям Африкана и его сына Симона, определяла город Владимир на Клязьме как главный объект владений князя Всеволода Ярославича, хотя его стольным городом должен был стать Переяславль на р. Трубеже, а на Северо-Востоке — Ростов или Суздаль, но не Владимир. Владимир же был основан в 1108 г. сыном Всеволода Владимиром Мономахом, через 15 после смерти отца⁷⁸. Зато составители легенды внушали своим современникам и потомкам мысль, что род Воронцовых и Вельяминовых иноземного княжеского происхождения, что представители рода с XI столетия служили русским князьям, что они в давние времена появились в Северо-Восточной Руси и из ее столицы Владимира перешли в Москву, где занимали высокую должность тысяцкого при правлении Ивана Калиты и его внука Дмитрия Донского.

Однако о временах этих князей, т. е. о XIV столетии, в родословных росписях Воронцовых и Вельяминовых сохранились довольно разноречивые сведения.

Румянцевская редакция родословных книг

Род Воронцовых и Вельяминовых

У великого князя у Ивана у Даниловича был боярин Протасей, в Петрове житии чудотворцове написан. А у Протасья один был сын Василей Протасьевич. А у Василья 4 сыны: первой Василей Васильевич, а был тысячцкой; другой сын Федор Воронеж, а третей Тимофей, окольничей, четвертой Юрьи Грунка, от того Вельяминовы.

Летописная редакция родословных книг

Род Воронцовых и Вельяминовых

А у Федора сын Протасей, приехал из Володимера с великим князем Данилом, да был у великого князя Ивана Даниловича тысячцкой. А у Протасья сын Василей тысячцкой, а другой Федор Воронеж, третей Тимофей окольничей, четвертой Юрьи Грунка⁷⁹.

Если Румянцевская редакция родословных книг утверждала, что Протасий был одним из бояр Ивана Калиты, у Протасия был единственный сын Василий, который стал отцом четырех сыновей: Василия тысяцкого, Федора Воронца, окольничего Тимофея и Юрия Грунки, а от Юрия Грунки пошла фамилия Вельяминовых, то согласно Летописной редакции Протасий приехал в Москву из Владимира, главного города Северо-Восточной Руси, вместе с князем Данилом, был тысяцким у сына Даниила Ивана Калиты и отцом не одного сына Василия, а четырех: Василия, который тоже занимал должность тысяцкого, Федора Воронца, окольничего Тимофея и Юрия Грунки, т. е. сыновей, которые в Румянцевской редакции названы внуками Протасия. Наличие таких иногда взаимоисключающих, иногда дополняющих друг друга сведений о предках Воронцовых и Вельяминовых в их ранних родословных росписях свидетельствует о том, что представители этих фамилий в XVI в. нетвердо знали свое прошлое, но явно

интересовались им, собирали припоминания о родоначальниках, однако целостной и непротиворечивой картины получить так и не смогли.

Чтобы разобраться в запутанных свидетельствах родословных источников XVI в., необходимо обратиться к более ранним материалам. Для истории рода Вельяминовых важное значение имеет летописная запись 1374 г.: «Тое же осени мѣсяца септября въ 17 преставися на Москвѣ послѣдний тысяцскый Василии Василиевъ сынъ Велиаминовича, в черныцѣх и въ скимѣх, и наречено бысть имя ему Варсонофии, и положен бысть в монастыри у святого Богоявления»⁸⁰. Эта запись есть в таком раннем летописном памятнике, как Рогожский летописец, список которого датируется 40-ми гг. XV в., а сам летописец представляет собой свод 1411 г.⁸¹ Запись содержит дату (месяц и число), что может указывать на ее более раннее происхождение, чем свод 1411 г. Скорее всего запись сделана в последней четверти XIV в. одним из младших современников последнего московского тысяцкого. Из нее следует, что скончавшийся в 1374 г. тысяцкий Василий был сыном не Протасия, а Василия. Следовательно, в данном случае справедливо свидетельство Румянцевской, а не Летописной, редакции родословных книг, указывающей у Протасия сына Василия и внука Василия тысяцкого. С другой стороны, тысяцкий Василий Васильевич определен как «Велиаминович». Такое определение давалось обычно по имени деда. Но дедом Василия Васильевича был, по утверждению родословных книг, Протасий, а не Вельямин. Исследователи старались выйти из этого затруднения с помощью догадок о существовании Вельямина, сына Протасия, или двойном имени Протасия: Протасий-Вельямин. С.Б. Веселовский, например, считал, что Протасий было прозвищем, а Вельямин — «прямым», «молитвенным» именем. При этом историк ссылался на летописи, в которых в сообщении о смерти в 1374 г. тысяцкого Василия Васильевича последний безразлично определялся то как Вельяминович, то как Протасьевич⁸². Однако во всех русских летописях (кроме одной), сохранивших текст о кончине тысяцкого Василия Васильевича, говорится, что он был Вельяминовичем.⁸³ Единственное исключение — это Воскресенская летопись, где вместо Вельяминович читается Протасиевич⁸⁴. Воскресенская летопись представляет собой свод, составленный в 40-х гг. XVI в.⁸⁵ Ее источниками были московские своды 1479 и 1509 гг.⁸⁶ Ни в том, ни в другом своде никаких упоминаний о Протасии или Протасьевиче не было. Очевидно, указание на «Протасиевича» в Воскресенской летописи — внелетописного происхождения. Оно могло быть заимствовано из Румянцевской редакции родословных книг, где дедом Василия Васильевича прямо назывался Протасий. В таком случае надо признать, что древняя летописная запись о кончине в 1374 г. московского тысяцкого Василия Васильевича, отразившаяся не в одной, а в целом ряде летописей, возводила его род не к Протасию, а к Вельямину и сам род Вельяминовых обозначался так еще в XIV в., а не от жившего в XV в. Вельямина Андреевича Грунки — внучатого племянника тысяцкого Василия Васильевича, как об этом говорит Румянцевская редакция родословных книг. Мог ли предок Василия Васильевича зваться Протасием-Вельямино, как полагал С. Б. Веселовский? Крайне сомнительно. Ведь оба имени — Протасий и Вельямин — христианские (Вельямин=Вениамин). Одновременно носить два разных христианских имени

на Руси в XIV в. было не принято. Поэтому определение в летописной статье 1374 г. тысяцкого Василия Васильевича как «Велиаминовича» может быть истолковано или как отрицание связи Вельяминовых с Протасием, и тогда надо признать, что это родство было искусственно указано Вельяминовыми при составлении в 40-60-е гг. XVI в. родословных книг для возвышения своего рода, или Вельямин действительно был предком Василия Васильевича, но более древним, чем его дед Протасий.

Что же нам известно о Протасии? Фактически почти то же, что и людям XVI в., сделавшим в статье «Род Воронцовых и Вельяминовых» Румянцевской редакции родословных книг ссылку на «Петрово житие чудотворцово», т. е. на Житие митрополита Петра. Они только не знали, что это Житие сохранилось в двух редакциях. В первой, составленной в 1327 г.⁸⁷, о Протасии говорилось при описании смерти митрополита Петра, который «призва единаго от велможь, иже бѣ устроенъ стареишина граду, нарицаемыи именовъ Протасеи, сеи бѣ на нищая милостивъ и милосердъ сердцемъ. И рече ему: «О, чадо, миръ подаи же благовѣрному князю и всему дому его, и тобѣ миръ». И вда ему влагалище, еже на устроение церкви и на поминание своя память, и прочая дома церковныя приказа»⁸⁸. Далее Протасий упоминался в этом произведении уже без имени, но во фразе, подчеркивавшей его высокий социальный статус как первого лица из княжеского окружения: «Тои бо бѣ просвѣти землю Суждальскую и град, зовемыи Москву, и благочестиваго князя Иоанна, и княгиню, и дѣти, и раба божия стареишину града»⁸⁹.

Во второй редакции Жития митрополита Петра, написанной митрополитом Киприаном после 1391 г., о Протасии говорилось несколько иначе: митрополит Петр, чувствуя приближение смерти, «призываетъ нѣкоего именовъ Протасиа, его же бѣ князь старѣишину града поставилъ. Князю бо тогда не прилучися въ градѣ. Бѣ же Протасии онъ мужъ честенъ, и веренъ, и всякими добрыми дѣлы украшенъ. И рече ему: «Чадо, се азъ отхожу жытия сего, оставляю же сыну своему возлюбленому князю Ивану милость, миръ и благословение от бога, и сѣмени его до вѣка. Елико же сынъ мой и мене упокой, да въздасть ему господь богъ сторицею в мире сем, и животъ вѣчныи да наслѣдитъ, да не оскудѣетъ от сѣмени его, обладая мѣстомъ его, и память его да упространится». Таже елико имяше влагалище, дасть ему, завѣщавъ на церковное свершение истыщити то»⁹⁰.

И в первой, и во второй редакциях Жития митрополита Петра Протасий назван старейшиной града, где пребывал и где хотел быть погребенным митрополит Петр, т. е. Москвы. Протасий не назван здесь ни тысяцким, ни боярином, как в родословных книгах. Однако из контекста Жития, особенно его первой редакции, бесспорно следует, что он был боярином («от велможь, иже бѣ устроенъ стареишина граду»). Но был ли он тысяцким? Тысяцкий, как первый боярин, при отсутствии князя замещал его в столичном городе. Когда в 1252 г. во Владимир, оказавшийся без княжеского управления, въехал вернувшийся из Орды Александр Невский, получивший от татар «старѣишинство во всеи братьи его», то князя встретили духовенство и горожане, «тисащю предержащю Роману Михаиловичю и весь радъ»⁹¹, т. е. без князя поддержание порядка в городе и соблюдение всех норм, в том числе и по приему князя, брал

на себя тысяцкий. Функциональная тождественность старейшины града и тысяцкого достаточно очевидна. Это позволяет думать, что определение Летописной редакции родословных книг Протасия как тысяцкого достоверно. Есть еще одна небольшая деталь, подтверждающая эту достоверность. В первой редакции Жития митрополита Петра о Протасии сказано, что он «устроень» старейшиной града. В киприановской редакции Жития разъясняется, что Протасий тот, кого «бѣ князь старѣишину града поставиль». Прерогатива князя в выборе старейшины града здесь специально подчеркнута. И это неслучайно. Киприан писал после того, как был завершён конфликт между великим князем Дмитрием Донским и Иваном, старшим сыном последнего московского тысяцкого В. В. Вельяминова. Наиболее острые формы конфликт принял в 1375 г., когда Иван Васильевич бежал от своего князя в Тверь, помог получить тверскому князю Михаилу Александровичу ханский ярлык на Владимирское великое княжение и начать войну за смещение с великого княжения Дмитрия Московского⁹². Закончился конфликт тем, что Иван Васильевич был схвачен и 30 августа 1379 г. по приказу великого князя публично казнен в Москве на Кучковом поле⁹³. Причиной конфликта, по мнению большинства исследователей, к которому можно присоединиться, послужило нежелание великого князя Дмитрия утвердить в должности московского тысяцкого Ивана Вельяминова. Последний рассчитывал получить эту должность после отца в силу определенных наследственных прав на нее, великий же князь посчитал, что тысяцкий может назначаться только им или вообще не назначаться. Этот конфликт и отразил в косвенной форме Киприан, подчеркнувший право князя назначать на должность градского старейшины, т. е., как выясняется, тысяцкого, одного из своих вельмож. Таковы свидетельства источников XIV в. А в Житии Сергия Радонежского, составленном Епифанием Премудрым в 1418 г., в рассказе о разных преданиях, связанных с переселением родителей и родственников Сергия Радонежского из Ростова в Московское княжество, в волость Радонеж, говорится о приходе туда дяди Сергия Анисима «с Протасием тысяцкым»⁹⁴. И это, хотя и несколько позднее свидетельство, окончательно снимает сомнения в том, являлся ли Протасий тысяцким.

Был ли Протасий связан родственными узами с Воронцовыми и Вельяминовыми, представители которых хорошо известны по более поздним источникам второй половины XIV – XV вв.? На этот непростой вопрос можно ответить положительно, хотя прямых данных, говорящих об этом (за исключением, разумеется, свидетельств родословных книг, достоверность которых и должна быть проверена) в распоряжении исследователей нет. Но есть факты косвенные. С.Б. Веселовский обратил внимание на то, что во владениях Вельяминовых были села с названием Протасово или Протасьево. Так, живший во второй половине XV – начале XVI в. Иван Васильевич Шадра Вельяминов владел вотчиной в Дмитровском уезде, куда входило село Протасово⁹⁵. В душевной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского упоминается село Ивана Васильевича в Гремичах⁹⁶. Иван Васильевич – это казненный в 1379 г. И.В. Вельяминов. С.Б. Веселовский указывал, что Гремичи были расположены на юг от г. Вереи по р. Протве, а выше по Протве и рядом с рекой были смежно расположены села Протасьево, Васильево и Тимофеево. Названия этих сел повторяют имена Протасия, его сына или

его внука Василия, внука Тимофея, зафиксированных в главе «Род Воронцовых и Вельяминовых» родословных книг⁹⁷. То, что села Протасовы (Протасьевы) входили в состав вотчинных владений Вельяминовых или были расположены в сравнительной близости от них, по соседству с иными селами, названными по именам других Вельяминовых, свидетельствует о том, что Протасий имел самое прямое отношение к роду Воронцовых и Вельяминовых.

Летописная редакция родословных книг утверждает, что Протасий приехал в Москву из Владимира вместе с князем Даниилом Александровичем. Действительно, Московское княжество было выделено из состава Владимирского княжества Александром Невским своему младшему сыну Даниилу. Александр Невский скончался 14 ноября 1263 г. Даниилу было тогда около 2 лет. Москвой вместо него 7 лет правили наместники дяди Даниила князя Ярослава Ярославича, занявшего после Александра Невского владимирский стол⁹⁸. Следовательно, в Москву из Владимира Даниил в окружении ставших служить ему бояр мог переехать или в конце 1263 г., или в конце 1271 г., когда умер Ярослав Ярославич⁹⁹. Принимая во внимание самую позднюю дату переезда, необходимо заключить, что Протасий появился в Москве не позже 1271 г. и был жив по меньшей мере до 1332 г., как это следует из Жития Сергия Радонежского¹⁰⁰. Но за последующие 42 года, если исходить из свидетельств родословных книг и летописных данных, из жизни ушло три поколения Вельяминовых: Протасий, его сын Василий и сын Василия Василий тысяцкий. Получается определенное несоответствие: один представитель рода Вельяминовых действует на протяжении по меньшей мере 61 года, а три — в течении всего 42 лет. Это дает основание полагать, что указание в Летописной редакции родословных книг на Протасия, как выехавшего из Владимира в Москву вместе с князем Даниилом, является неточным.

Вместе с тем заслуживает внимания упоминание и в Румянцевской, и в Летописной редакциях родословных книг Ивана и Федора, представленных там в качестве сына и внука Юрия Семеновича (Георгия Шимоновича). Если же следовать не примененной при составлении родословных книг нисходящей линии родства включенных в эти книги лиц, а линии восходящей, то окажется, что Федор был отцом Протасия, а Иван — его дедом. Два поколения, предшествовавшие Протасию, должны были жить, по аналогии с последующими двумя поколениями Вельяминовых, примерно в последней четверти XIII — первой четверти XIV в., в 39-летнее правление первого московского князя Даниила и 22-летнее правление старшего сына Даниила Юрия. Жизнь Протасия протекала в княжения Даниила и его сыновей, а жизнь сына и внука Протасия — в княжения сыновей и внука Ивана Калиты. Это соответствие между жизнью поколений Протасия и жизнью поколений его современника Ивана Калиты может служить дополнительным аргументом в пользу того, что приведенные выше примерные расчеты времени деятельности Ивана и Федора Вельяминовых произведены достаточно корректно.

В таком случае надо признать, что свидетельство Летописной редакции родословных книг о выезде в Москву из Владимира одного из представителей рода Вельяминовых является небеспочвенным. В силу высказанных выше соображений речь не

может идти о выезде Протасия, но о выезде его деда Ивана вполне может. А если так, то род Вельяминовых должен происходить из владимирских бояр, связанных службой с владимирскими князьями, такими, как Александр Невский и, возможно, его отец Ярослав Всеволодович¹⁰¹.

В этой связи определенный интерес представляют свидетельства о землевладении Воронцовых и Вельяминовых на землях переставшего существовать с 1363 г. великого княжества Владимирского. В свое время С. Б. Веселовский писал по этому поводу: «Можно считать вероятным, что Вельяминовы пришли с кн. Даниилом в Москву из Владимира, но пока не удастся установить ни одной их старой вотчины ни во Владимире, ни в других уездах великого княжения в собственном смысле слова. Все старые многочисленные вотчины Вельяминовых мы находим на территории Московского княжения, под Москвой — в Московском уезде, в Верее, в Коломне и в Дмитрове»¹⁰². Однако в поздних источниках удастся найти свидетельства о владении Воронцовыми и Вельяминовыми землями в одном из уездов великого княжения. Так, согласно Тысячной книге 1550 г. из Переяславля Залесского должны были быть записаны в тысячники «Юрьи да Иван Михайловы дети Воронцова. Иван Федоров сын Воронцов»¹⁰³. Согласно несколько более поздней Дворовой тетради 50-х годов XVI в. с Переяславля служили «Юрья Михайлов сын Воронцов. Боярин 63-го. Иван Федоров сын Воронцов. Иван Дмитриев сын Воронцов»¹⁰⁴. Речь идет о потомках Федора Васильевича Воронца, брата тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, Ю.М. и И.М. Воронцовых, среднем и младшем сыновьях Михаила Семеновича Воронцова, их двоюродных братьях Иване, сыне Федора-Демида Семеновича Воронцова, и Иване, сыне Дмитрия Семеновича Воронцова¹⁰⁵. Таким образом, по крайней мере в середине XVI в. одна из ветвей рода Воронцовых и Вельяминовых имела владения на территории, некогда входившей в состав великого княжества Владимирского.

Есть и более ранние свидетельства о связи рода Воронцовых и Вельяминовых с Переяславлем. Сохранилась датируемая 1450–1467 гг. купчая грамота Петра Игнатьевича Морозова на села Скнятиново и Новоселки, приобретенные им у Ивана Петелина. Среди трех послухов сделки были «Федор Олексеевич, Данило Башмак»¹⁰⁶. Федор Алексеевич — единственный сын Алексея Великого Вельяминовича, праправнук Юрия Васильевича Грунки, младшего брата тысяцкого В.В. Вельяминова¹⁰⁷. Данило Башмак — другой праправнук Ю.В. Грунки¹⁰⁸. Село Скнятиново существовало по меньшей мере со времен Ивана Калиты, оно находилось в Переяславле, в волости Кинеле¹⁰⁹. Участие в оформлении купчей на Скнятиново и Новоселки двух представителей рода Воронцовых и Вельяминовых говорит, скорее всего, о том, что они владели землями близ Скнятиново и Новоселок, а потому их как близких соседей привлекли к участию в сделке.

Между 1462 г. и 70-ми гг. XV в. Данило Васильевич Башмак разъехал земли великокняжеского села Площева от земель села Вяхоревского, принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю¹¹⁰. Площево относилось к той же переяславской волости Кинеле¹¹¹, что и Скнятиново с Новоселками. Площево сохранилось до нашего времени. Оно стоит близ правого берега р. Молокчи, в ее среднем течении¹¹². В 5,5 км по прямой

от с. Площево на восток расположено с. Снятиново, в котором следует видеть древнее Снятиново. По сути дела, в обеих грамотах XV в. речь идет о соседних поселениях, и многолетняя косвенная связь с ними двух потомков Юрия Грунки указывает на то, что эта линия Воронцовых и Вельяминовых имела здесь свои владения. Таким образом устанавливается, что на территории бывшего великокняжеского Переяславля проживали по меньшей мере потомки двух младших братьев тысяцкого В.В. Вельяминова — Федора Воронца и Юрия Грунки.

Есть и другие документы, фиксирующие пребывание Вельяминовых на переяславской земле. Около 1490 – 1505 гг. «Федор Михайлов сын Вельяминова» вместе с двумя другими «прикашиками» великого князя Ивана III отмежевал земли великокняжеского села Тимофеевского от земель Троице-Сергиева монастыря¹¹³. Из указной грамоты от февраля 1498 г. князя Юрия, сына Ивана III, выясняется, что его адресат Третьяк Борисов «с Федором с Михайловым Вел(ь)яминова» разъезжал землю Благовещенского Киржацкого монастыря с землею волостных крестьян, причем это было при великом князе Иване Ивановиче Молодом, т. е. до 1490 г.¹¹⁴ Благовещенский Киржацкий монастырь находился в переяславской Маринине слободе¹¹⁵, а троице-сергиевские земли, соседние с селом Тимофеевским, позднее вошли в состав Дерюзинской волости¹¹⁶. До того, как превратиться в самостоятельный волостной центр, Дерюзино относилось к Кинельской волости Переяславля¹¹⁷. Оно стояло в 13 км по прямой к северо-западу от упоминавшегося ранее великокняжеского села Площева¹¹⁸. От Площева же до Киржача, где находился Благовещенский монастырь, по прямой 27,6 км. По-видимому, Ф.М. Вельяминов привлекался для проведения межевых работ как местный житель, хорошо знавший границы земельных владений в Переяславле. Приведенные актовые свидетельства представляют дополнительный интерес в том отношении, что сообщают о деятельности Федора Михайловича Вельяминова, имя которого совершенно отсутствует в росписях рода Воронцовых и Вельяминовых, помещенных в родословных книгах. Едва ли речь может идти об однофамильце старой московской боярской семьи, действовавшем там же, где и представители этой семьи. Речь, скорее, должна идти о родственнике последних, но родственнике дальнем и не попавшем в родословные книги.

В этом отношении ценный материал содержат еще два документа. Один из них — правая грамота, выданная между 1485 и 1490 гг. великим князем Иваном Ивановичем Молодым, сыном Ивана III, Семену Григорьевичу Вельяминову. К нему предъявили иск его родные братья Матвей и Бекет Григорьевичи Вельяминовы. Они заявили, что Семен без их согласия и разрешения продал «нашу отчину и свою» — землю Демино и пустошь Елагинскую — Сеньке Кузьмину, возможно, как предполагал С.Б. Веселовский, Редрикову¹¹⁹. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что такая продажа действительно имела место, но состоялась она за 30 лет до суда, и что Матвей и Бекет о сделке своего брата Семена с Сенькой Кузьминым знали давно. Когда на недоуменный вопрос великого князя Ивана Молодого, почему истцы столь долго не предъявляли иска, те простодушно ответили, что спорные земли раньше «не надобны были нам». Дело, естественно, они проиграли¹²⁰. Хотя в правой грамоте ничего не говорится о

местоположении спорных земель, по другим данным выясняется, что они находились в Верхдубенском стане Переяславского уезда, недалеко от современных деревень Рогачево и Семенково¹²¹. Последние отстояли соответственно на 12,5 и 13,5 км (по прямой) на север от упоминавшегося выше Дерюжина¹²².

Второй документ сохранился в подлиннике. Он датируется 1494/1495 г. Это полюбовная разъезжая грамота между Кузьмой Федоровым и Дмитрием Михайловым на участки их владений. Семь свидетелей разъезда возглавляли «Федоръ Михайлов, да Матфѣи, да Иван Бекѣт Григореевы дѣти Вел(ь)яминова»¹²³. Из этого документа выясняется крестильное имя Бекета — Иван. Упомянутый перед М.Г. и И.Г. Вельяминовыми Федор Михайлов — скорее всего Федор Михайлович Вельяминов, который действовал в самом конце 80-х гг. XV в. — начале XVI в. Присутствие Вельяминовых при размежевании земель свидетельствует о том, что они были соседями, если не родственниками, помирившихся Кузьмы Федорова и Дмитрия Михайлова. К сожалению, разъезжая не определяет, к каким административным центрам относились спорные земли. Однако по более поздним актам устанавливается, что они входили в состав территории переяславской Кинельской волости и располагались на востоке этой волости близ Маринины слободы¹²⁴.

Но главное в свидетельствах двух последних документов заключается в упоминании трех родных братьев Семена, Матвея и Ивана Бекета Григорьевичей, названных Вельяминовыми. Жили они по меньшей мере за 30 лет до своего спора в 1485–1490 гг., т.е. в 1455–1460 гг. В родословных росписях Воронцовых и Вельяминовых значится единственный человек с именем Григорий. Это праправнук казненного в 1379 г. И.В. Вельяминова Григорий Трубица¹²⁵. Судя по времени жизни представителей 8-го колена Воронцовых и Вельяминовых (начиная с тысяцкого Протасия), к которому принадлежал Григорий, он должен был жить в конце XV — первой четверти XVI в.¹²⁶, но не в первой половине XV в., как получается по правой грамоте 1485–1490 гг. Выясняется, что такого Григория Вельяминова и его детей Семена, Матвея и Ивана Бекета родословные росписи Воронцовых и Вельяминовых не знают. Нет лиц с такими именами и среди потомков тех Вельяминовых, что изредка встречаются среди других древнерусских боярских фамилий, зафиксированных в родословных книгах¹²⁷. Похоже, что речь идет еще об одной, кроме Федора Михайловича Вельяминова, неизвестной ветви Вельяминовых, не попавшей в родословную роспись московских Воронцовых и Вельяминовых. Эта неизвестная ветвь имела владения в Переяславле, причем в той части переяславской территории (Верхдубенский стан), которая, как и волость Кинела, граничила с московскими землями¹²⁸, а также в той части Кинелы, что примыкала к Марининой слободе, куда входил киржацкий Благовещенский монастырь. Вырисовывается, таким образом, небольшая переяславская территория, лежавшая между современными Сергиевым Посадом и Киржачем, протяженностью около 46 км, где были как владения Вельяминовых, попавших в родословные росписи, так и владения Вельяминовых, в эти росписи не попавших.

Переяславль в 1238–1246 гг. при правлении Ярослава Всеволодовича был частью территории Владимирского княжества. Этот статус Переяславля сохранился и

в 1252–1263 гг. в княжение сына Ярослава Александра Невского¹²⁹. Если переяславские Вельяминовы второй половины XV в. являются родственниками московских Вельяминовых, а их одинаковые фамилии и соседство владений говорят в пользу такого родства, то это подтверждает свидетельство Летописной редакции родословных книг о выезде предка Воронцовых и Вельяминовых из Владимирского княжества и в то же время указывает на то, что существовал еще более древний предок данной фамилии (переяславские Вельяминовы не причисляются к потомкам Протасия), живший во времена Ярослава Всеволодовича и Александра Невского и носивший имя Вельямин.

Таким образом, разбор сообщений наиболее ранних редакций родословных книг о Протасии, которого можно назвать Вельяминовым, его ближайших предках и потомках обнаруживает длительную и тесную связь этих представителей боярской элиты с правителями, сначала с князьями владимирскими, а с выделением из состава Владимирского княжества Московского — с князьями московскими. Каков же был характер этой связи?

В свое время С. Б. Веселовский, характеризуя в общем плане отношения на Руси между князьями и окружавшим их боярством, писал, что историческая роль бояр заключалась в их общественном положении как наиболее богатой и могущественной в социально-экономическом отношении части населения русского средневековья и в военной и политической поддержке боярством правивших княжеских династий¹³⁰.

Обращаясь к ранней истории рода Воронцовых и Вельяминовых, мы можем наблюдать конкретные проявления такой поддержки со стороны отдельных представителей этой фамилии. Так, окольный Тимофей Васильевич, третий внук московского тысяцкого Протасия, в 1378 г. командовал флангом русских войск в битве с татарами на р. Воже¹³¹. Второй сын тысяцкого В. В. Вельяминова Микула погиб в 1380 г. на Куликовом поле¹³². Единственный сын Тимофея окольного Семен возглавил осенью 1382 г. дипломатическую миссию от Дмитрия Донского к митрополиту Киприану, переждавшему в Твери нападение на Москву хана Тохтамыша¹³³. Сам Тимофей Васильевич участвовал не только в войне, но и в крупных политических акциях. Он назван первым среди бояр, бывших свидетелями при составлении первой душевной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского) в 1372 г.¹³⁴ В тексте второй душевной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского Тимофей Васильевич назван вторым среди бояр-послухов после литовского князя Д. М. Боброка-Вольнского, но во главе московских бояр не княжеского происхождения¹³⁵. Это означало не только большое доверие к окольному, а затем боярину со стороны великокняжеской власти, но и политическую поддержку Тимофеем Васильевичем своего государя, поскольку великокняжеские душевные грамоты-завещания преследовали цели сохранения и умножения тех земельных владений, прав, привилегий и норм, какими обладал собственно великий князь по сравнению со всеми остальными членами московского княжеского дома, лишь мечтавшими о подобном. В той же душевной грамоте 1389 г. великого князя Дмитрия Ивановича на пятом месте среди послухов указан боярин Иван Федорович, племянник Тимофея Васильевича, единственный сын Федора Воронца¹³⁶.

Но не на военном и не на дипломатическом поприщах приобрели известность, высокое общественное положение и благосостояние в XIV — начале XV вв. представители рода Воронцовых и Вельяминовых. Из их числа выдвигались московские тысяцкие, которые не только управляли Москвой во время отсутствия великих князей, но и отвечали за воспитание их сыновей-наследников¹³⁷. Повседневным же и главным их занятием было решение не военных, как считает подавляющее большинство современных историков, а хозяйственных вопросов. Уже первое упоминание Протасия в древнейшей редакции Жития митрополита Петра рисует его человеком, распоряжавшимся финансовыми средствами и знавшим, как их расходовать. Митрополит дает Протасию «влагалище, еже на устроение церкви и на поминание своея памяти, и прочая дома церковныя приказа», т. е. вручает ему мешок, сосуд или короб с деньгами или с драгоценностями, твердо зная, что Протасий сумеет организовать и оплатить строительство Успенского собора в московском Кремле, раздать священнослужителям корм для поминовения митрополита после его кончины и озаботиться о митрополичьем хозяйстве в целом («дома церковныя приказа»). Характерно, что Петр не передает под начало Протасия своих военных слуг, что было бы естественно, если бы тысяцкий был предводителем войска.

Другое упоминание Протасия в Житии Сергия Радонежского Епифания Премудрого связано с переселением родителей Сергия, их детей и родственников из Ростова в Московское княжество, в волость Радонеж. Говоря о дяде Сергия Анисиме, Епифаний Премудрый пишет, что «Онисима же глаголют с Протасием тысяцкым пришедша [въ] тую же весь, глаголемую Радонѣжь...А намѣстника постави (великий князь. — В. К.) въ ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обѣщася тако же велику дати. Ея же ради льготы събрашяся мнози, яко же и ростовскыя ради нужда и злобы разбѣгошяся мнози»¹³⁸. Этот рассказ нельзя трактовать как свидетельство перехода тысяцкого Протасия из Ростова на жительство в Москву, что предлагал в свое время Б. А. Воронцов-Вельяминов. Переезд ростовцев в Московское княжество датируется, как уже говорилось, 1332 г. Протасий, по свидетельству Жития митрополита Петра, был в Москве уже в конце 1326 г. Зачем же тогда приезжал в Радонеж в 1332 г. Протасий? Епифаний Премудрый неслучайно пишет о многих льготах и великих «ослабах», которые предоставил и обещал предоставить радонежским новопоселенцам Иван Калита. При этом князь должен был действовать через своих доверенных лиц: тысяцкого Протасия и наместника Терентия Ртища. Роль первого сводилась, по-видимому, к отбору т. н. служных людей для княжеского хозяйства и контролю над ними. Так можно думать на основании грамоты 1363–1374 гг. великого князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Евсевке, который, как было написано в грамоте, «идеть ис Торъшку в мою воч(и)ну на Кострому». Евсевка получал «ослабу» от уплаты всяких налогов и торговых сборов, но был обязан давать князю «оброка на год 5 куницъ». В конце грамоты указывалось: «А приказаль есмь его б[л]юсти дадѣ сво[е]му Василью тыс(а)ць[к]ому»¹³⁹. Это — неоднократно упоминавшийся выше внук Протасия тысяцкий В. В. Вельяминов. Очевидно, что тысяцкий контролировал деятельность тех

переселенцев, которые принимались на княжескую службу и поставляли нужную продукцию или сырье (по грамоте 1363–1374 гг. — меха) княжескому хозяйству.

Хотя во многих исторических трудах фигурирует сын Протасия тысяцкий Василий, его деятельность никак не характеризуется. Исследователи обычно пользуются свидетельствами родословных книг, а там кроме имени Василий и указания, что его отцом был Протасий, никаких сведений о нем нет. Правда, в свое время С.Б. Веселовский был совершенно уверен в том, что в договоре великого князя Симеона с братьями — древнейшем сохранившемся договоре московских князей между собой — упоминался сын Протасия Василий с обозначением его должности — тысяцкий. Ссылаясь на «Собрание государственных грамот и договоров», где был напечатан этот документ, исследователь писал: «Издатели читают: «Василий...тысяцкий». Нет сомнения, что следует прочесть: «Василий Вельяминович (или Протасьевич) тысяцкий»¹⁴⁰. Убежденность, отсутствие сомнений — качества, может быть, иногда и полезные, но суждения требуют доказательств. Оригинал договора С.Б. Веселовский не видел. Оригинал же дошел до нашего времени в очень дефектном состоянии. Еще в XVII в. архивисты отмечали, что в договоре «письма не знать»¹⁴¹, что грамота «ветха, вся изодралась»¹⁴², а в XVIII столетии перед первой публикацией договора констатировалось, что «средина грамоты почти вся истлѣла, такъ что мѣстами и розобрать нельзя»¹⁴³. Поэтому уже в первых изданиях 1775¹⁴⁴ и 1813¹⁴⁵ гг. договора Симеона с братьями отсутствовавшие и непрочитанные места обозначались отточиями. Издание 1813 г. было подготовлено в 1811 г., и только война с Наполеоном не позволила опубликовать договор Симеона с братьями раньше. В войну 1812 г. при эвакуации документов Московского архива Коллегии иностранных дел текст договора пострадал еще больше. Это наглядно видно из сопоставления существующего в настоящее время окончания текста договора Симеона с братьями, где упоминается тысяцкий Василий, с окончанием текста издания 1813 г.

4. **На семь на всемь целовали есмы кр(е)сть межи собе у огна гроба, по любви, въ правду.** А туто были Пе
3. **тръ архимандритъ московскни, Финмонъ архимандритъ переяславский, Василий.....ты**
2. **сацьскни, Муханло Олександрович...Вас(и)льевич, Вас(и)лин Окатьевич, Онанья околнич.....**
1. **Ивань Михайловичь**¹⁴⁶

Сохранившиеся слова и буквы набраны древнерусским алфавитом и выделены жирным шрифтом. Подчеркнутые буквы указывают на их сохранность, но на перемещение в другое место грамоты. Простым шрифтом набраны слова и буквы, которые есть в издании 1813 г. и которые к настоящему времени утрачены. Утраты составляют около 44% приведенного текста. Для удобства анализа текст разделен на строки соответственно оригиналу договора. Чтобы наборная строка в исследовании совпадала со строкой рукописной, приходится прибегать к шрифту меньшего размера. Нумерация строк идет снизу вверх. Общепринятая нумерация строк сверху вниз оказывается невозможной из-за того, что в середине договорной грамоты ее хранители, пытаясь устранить существовавшие дефекты, то сливали наличествовавшие начала и концы

разных строк (при полной утрате их середин) в одну строку, то разъединяли части одной строки, то выклеивали оторвавшиеся фрагменты бумажного листа с текстом в междустрочные пространства, нарушая тем самым как последовательность изложения, так и последовательность строк. Поэтому правильного подсчета количества строк документа сделать нельзя, возможна лишь локальная нумерация. Окончание строки 2 и начало строки 1 даны условно, поскольку первые буквы строки 1 и последние буквы строки 2 не сохранились, но судя по размерам утраченного, о чем речь пойдет ниже, их должно было быть 24.

По приведенной цитате из договора Симеона с братьями наглядно видно, что более всего от времени пострадали низ и правая часть бумажного листа, на котором был написан текст соглашения. Внизу в строке 1 сохранились лишь фрагменты 4-х букв, расположенных под 5, 6, 7 и 12 буквами строки 2. Начало строки 1 не просматривается. Зато начала строк 2, 3 и 4 видны, хотя в строке 2 первая буква «с» представлена незначительным фрагментом верхней части буквы. Первые буквы в строках 4–2 расположены строго по вертикали друг под другом, причем первая буква «н» в строке 4 начинает новое предложение. Такие особенности расположения текста свидетельствуют о том, что левый край грамоты не пострадал, в принципе он сохранился таким, каким был в XIV в. Однако правый край документа оказался сильно разрушенным даже по сравнению с тем состоянием, в каком пребывал договор в XVIII – начале XIX вв., когда там были потери текста в конце строк 2 и 3, что было отмечено отточиями в изданиях 1775 и 1813 гг. Если измерять расстояние от последних сохранившихся букв «и» и «и» в строках 2 («Вас(и)лии») и 3 («[арх]имандри») до конца бумажного листа, на котором написан текст договора между Калитовичами, то на этом расстоянии должен разместиться текст размером в 24 буквы¹⁴⁷. В строке 4 от последней буквы «о» («по») до конца строки утрачен фрагмент бумажного листа, на котором могло разместиться 22 буквы. В издании 1813 г. пространство от буквы «о» строки 4 до букв «тръ», которыми начинается строка 3, заполнено текстом в 24 буквы («любви въ правду а туто были пе»), хотя возможно, что буква «ъ» была добавлена публикаторами XIX в., соблюдавшими при издании орфографические нормы своего времени. Это означает, что расчет сделан правильно (вероятная разница в 1–2 буквы несущественна) и издатели 1813 г. верно прочитали и воспроизвели текст, существовавший в их время. Но в строке 4 есть не только потери, но и прибавления. Теперь там в середине строки вместо букв «и собе у» читаются буквы «вальев», над которыми между буквами «в» и «а» при увеличении видны остатки выносной буквы «с» («вас(и)льев»). Получающееся при этом чтение «целовали есмы кр(е)сть меж вас(и)льев отнѧ гроба» явно бессмысленно. Очевидно, что фрагмент бумажного листа со словом «вас(и)льев» попал явно не на свое место, но находился где-то рядом. И тут нельзя не вспомнить о пропуске в расположенной под строкой 4 строке 3, где после слова «Василий» публикаторы 1813 г. поставили отточие, указывавшее на отсутствие текста. По смыслу чтение «вас(и)льев» здесь вполне подходит, поскольку может указывать на Василия Васильевича, который должность тысяцкого исполнял. Однако слово «вас(и)льев» написано сверху фрагмента, высота которого равна высоте двух строк и междустрочного пространства ниже второй строки.

Под словом «вас(и)льев» никакого текста нет. Следовательно, к строке 3 такой фрагмент отнесен быть не может, потому что в противном случае в нем должны были бы отразиться фрагменты текстов двух, а не одной строки. Фрагмент может быть отнесен или к строке 2, или к строке 1 договора, под которыми было уже чистое пространство (для строки 2 это верно для ее окончания). Действительно, в строке 2 перед последним сохранившимся словом «Вас(и)лии» читаются буквы «ич», которые вместе с попавшим не на свое место чтением «вас(и)льев» дают вполне законченное слово «вас(и)льевич». Отчество «Васильевич» было напечатано публикаторами 1813 г.

Но что же тогда было пропущено после ясно читавшегося в XVIII и в начале XIX вв. и утраченного теперь в строке 3 договора Симеона с братьями слова «Василий»? Следует напомнить, что вместе с этим словом исчез текст общим размером в 24 буквы. Если посчитать число букв, воспроизведенных в издании 1813 г.: «ть переяславский, Василий.....ты», то их будет ровно 24. Следовательно, никакого места для написания отчества тысяцкого Василия в оригинале договора Калитовичей не было. Почему же появилось отточие в 1813 г.? Дело в том, что строка 3 в конце действительно имела дефект, часть бумажного листа была вырвана. Это отметили первые издатели договора Симеона с братьями в «Древней российской вивлиофике», не смогшие понять, как надо читать окончание следующего за пропуском слова, первое в строке 2 грамоты. Они читали его как «Чяцьскій»¹⁴⁸. Такое чтение делало невозможным понимание того, какие буквы ему предшествовали и были утрачены в конце строки 3. Но сотрудники канцлера Н.П. Румянцева, готовившие к изданию «Собрание государственных грамот и договоров», сумели правильно прочесть первые буквы в строке 2 — «сацьский». Тогда стало ясно, что это окончание слова «[ты]сацьский», тем более, что о существовании тысяцкого Василия они знали из летописей. Утрата была восстановлена, но отточие — указание на ее наличие — по инерции оставлено. Это и вводило в заблуждение исследователей. На самом деле пропуска отчества Василия между словами «Василий» и «[ты]сацьский» не было. Василий тысяцкий фигурировал в договоре Симеона с братьями без отчества, как упомянутый в том же договоре через строку «Онаныа околнич[ии]» или Василий тысяцкий в более поздней грамоте Евсевке новоторжцу.

Под Василием же тысяцким договора Калитовичей можно разуметь как тысяцкого Василия Протасьевича, так и его сына тысяцкого Василия Васильевича. Кто же из них назван в соглашении сыновей Ивана Калиты? Есть одна маленькая деталь, проливающая свет на поставленный вопрос. После имени Василия тысяцкого в договоре назван «Михаило Олександрович». Московский боярин с таким именем известен и летописям. В частности, под 1358 годом в них сообщалось, что великий князь Иван Иванович «што бояре были на Рязани Михаило, зять его Василеи Васильевич, а тѣхъ в Ордѣ принял»¹⁴⁹. Василий Васильевич — это В.В. Вельяминов, который после 1358 г. известен как тысяцкий. В летописном сообщении он назван на втором месте после Михаила, который был тестем В.В. Вельяминова. В более раннем договоре Симеона Гордого с братьями несколько странно было бы видеть молодого Василия Васильевича Вельяминова на первом месте, а годящегося ему в отцы боярина Михаила — на втором.

Скорее Василий тысяцкий договора — это Василий Протасьевич Вельяминов. Данное соображение может быть подкреплено еще одним наблюдением.

В настоящее время между сохранившимися в строке 2 договора Симеона с братьями словами «Олександрович» и «ич Вас(и)лии» текст отсутствует. Часть его (буквы «вас(и)льев»), как говорилось выше, ошибочно вклеена в строку 4. Без учета этой части на пустом пространстве между словами «Олександрович» и «ич Вас(и)лии» может разместиться 14–15 букв. Из-за небрежной реставрации грамоты в данном месте образовались искусственные разрывы между бумажными частями. В разрывах может поместиться 3 буквы. Следовательно, реально в строке 2 отсутствует текст размером в 12–13 букв. 6 из них восстанавливаются по вклейке в строке 4 («вальев», буква «с» написана над строкой). Выясняется, что имя человека, имевшего отчество Васильевич, состояло примерно из 6–7 букв. Он был несомненно знатного рода, если его имя стояло третьим среди свидетелей заключения договора между сыновьями Ивана Калиты. Среди современников Симеона Гордого самым знатным боярином, носившим имя Василий, по которому получил свое отчество третий свидетель договора, был тысяцкий Василий Протасьевич. Его старшего сына звали Василием. Его имя писалось в 7 букв, если писалось в тексте полностью, или в 5 букв, если писалось с надстрочной буквой «с». И в том, и в другом случае это имя вполне вписывается в размер той лакуны, которая возникла в тексте договора после слова «Олександрович». Поэтому появляются серьезные основания видеть в третьем свидетеле договора Симеона с братьями Василия Васильевича Вельяминова. Но тогда ясно, что Василий тысяцкий этого договора — Василий Протасьевич Вельяминов. Как видно, в свое время научная интуиция не подвела С. Б. Веселовского, но доказательства его утверждения оказываются сложными.

Договор Симеона с братьями долгое время датировался временем сразу после смерти Ивана Калиты, т. е. 1340 г. Поэтому содержание договора расценивалось как простая фиксация норм и отношений, существовавших при Калите между его сыновьями. Выяснилось, однако, что договор был составлен в 1348 г., после 8 лет правления Симеона Гордого, и отразил изменения, происшедшие при этом князе¹⁵⁰.

В договоре 1348 г. впервые и единственный раз из всех московских договорных грамот XIV–XV вв. встречается упоминание тысяцкого: «А что с^а оучинить просторожа от мене или от васъ, или от моего тыс(а)цьского, и от наших намѣстниковъ, исправа ны оучинити, а нелюбѣа не держати»¹⁵¹. Речь идет о тысяцком великого князя, а им, как выяснилось, был Василий Протасьевич, и о его промахах, приведших к ущербу (простороже). Ущерб наносился удельным князьям — братьям великого князя, а не ему самому. В противном случае весьма странно звучал бы призыв Симеона к самому себе об исправе и «нелюбѣа не держати». Некоторые исследователи полагали, что речь идет о военных промахах, поскольку в их представлении тысяцкий был руководителем военных сил¹⁵². Но упоминание в статье договора вместе с тысяцким княжеских наместников, а не воевод, требование не враждовать, не гневаться, а договариваться, указывает на то, что промахи совершались в мирное время. Чего же они касались?

Одно из главных условий мирного соглашения 1348 г. между сыновьями Ивана Калиты выражено в статье 8 договора: «А что есмы съступилисѧ тобѣ на старѣишинство [полтамги и нама] полтамги да тобѣ соколничий путь, и садовници, да конюший путь, и кони ставити [в стане]х, и ловчий путь, то же и по томъ на старѣиший путь, кто буд(е)тъ старѣиший, тому полтамги, а младшимъ двумъ полтамги, а опроч(ь) того все на трое, и бортници въ пере[вар]ахъ и Добрѣтинская бортъ»¹⁵³. Выясняется, что младшие братья уступили великому князю Симеону право на получение половины таможенных сборов и на целый ряд «путей» — отраслей государственного княжеского хозяйства. Уступка удельных князей была вынужденной, сделанной под нажимом старшего брата. Такое заключение вытекает из условия договора о будущем «путей». После смерти Симеона все «пути» и еще медовое хозяйство (бортники в переварах и Добрятинская бортъ) должны были вернуться от великого князя в общую собственность Калитовичей и разделены на три равные части.

Договор свидетельствует и о другом ущербе, понесенном удельными князьями. Из-за большой дефектности договорной грамоты, механической утраты многих частей ее текста это свидетельство приходится восстанавливать не совсем обычным способом. Текст статьи 22 соглашения, который сейчас можно прочесть точнее, чем в XVIII–XX вв., фиксирует договоренность между Калитовичами относительно положения служных людей: «А которых люд(ии) отец наш, княз(ь) великий, выимал из слу[ж]них люд(ии) в [далее утрачен текст размером в 8–9 букв; возможно чтение *иную службу* с выносной буквой *ж*. — В. К.], тѣ так и знаютъ свою службу, в которую кто урѣжень, а намъ ихъ к собѣ не приимати». Этот достаточно ясный текст позволяет понять смысл предшествующей статьи 21, текст которой сохранился значительно хуже: «А которых люди по нашим волостемъ выиманы нын[ѣ].....намъ к собѣ не приимати». Очевидно, что в статьях 21–22 речь идет о людях, занятых в княжеских хозяйственных службах. Сначала речь ведется о служных людях, переведенных в эту категорию недавно, а затем о людях, «уряженных» в различные службы давно, еще Иваном Калитой, отцом договаривавшихся князей. Относительно недавних служных людей сказано, что они «по нашим волостемъ выиманы нын[ѣ]». Это означает, что с Звенигородского и Серпуховского уделов братьев Симеона Ивана и Андрея рекрутировались люди в княжескую службу, и таких людей удельные князья уже не имели права требовать себе назад («намъ к собѣ не приимати»). Понятно, что если целый ряд «путей» княжеского хозяйства находился в руках одного великого князя Симеона и для функционирования «путей» вербовались люди из волостей уделов, это наносило существенный ущерб младшим Калитовичам. А поскольку ущерб (просторожа) исходил и от тысяцкого, именно Василия Протасевича, ясно, что он имел непосредственное отношение к великокняжескому хозяйству, к занятым там служным людям.

Судя по другим статьям договора 1348 г. соглашению предшествовали бурные события, протест против действий великого князя и его тысяцкого, который возглавил брат Симеона Иван. Князя Ивана поддержал великокняжеский боярин Алексей Петрович Хвост Босоволков, возможно, рассчитывавший занять место тысяцкого. Но великий князь Симеон сумел найти компромисс с братьями, им были сделаны опре-

деленные уступки, признаны некоторые ошибки тысяцкого Василия Протасьевича, которые привели к просторуже, но его деятельность в целом была поддержана, ведь она была направлена на увеличение великокняжеского благосостояния. Василию Протасьевичу и его сыну, тоже Василию, было оказано полное доверие включением их в состав бояр-послухов договора 1348 г. Алексея же Петровича Хвоста Босоволкова постигла жестокая кара. Он был объявлен крамольником, лишен имущества и права служить всем князьям московского княжеского дома¹⁵⁴.

Василий Протасьевич Вельяминов пережил Симеона Гордого. Последний в своем завещании приказал проявлять особую заботу о тысяцком Василии как воспитателе своих детей. Василий Протасьевич умер между 1353 и началом 1357 г., уже в правление великого князя Ивана Ивановича. Место тысяцкого оказалось вакантным. По нормам наследственного права его должен был занять Василий Васильевич Вельяминов, сын В.П. Вельяминова. Но этого не произошло. Новый великий князь Иван не избыл своего старого «нелюбья» к скончавшемуся тысяцкому и его потомству. Василий Васильевич должности отца не получил. Тысяцким был назначен Алексей Петрович Хвост Босоволков, давний доброхот теперь уже великого князя Ивана Ивановича. И тогда произошли события, которые потрясли Москву. Ночью 3 февраля 1357 г. тысяцкий Алексей Хвост был убит. «Оубиение же его дивно нѣкакко и незнаемо, аки ни от к[ог]о же, никимь же, токмо обрѣтется лежа на площади. Нѣции же рекоша, яко втаю свѣтъ сотвориша и ковь коваша на нь, и тако всѣхъ общею доумою, да яко же Андрѣи Боголюбый от Кучьковичь, тако и сии от своеа дружины пострада» — отметил современник-летописец¹⁵⁵. Действительно, устранение тысяцкого, второго после князя лица в княжестве, которому доверялось старейшинство в столице при отсутствии князя, требовало от заговорщиков большой организованности и продуманности мельчайших деталей. В результате все было сделано без шума, без свидетелей, тело убитого было не подброшено к какому-нибудь окруженному глухим забором кремлевскому двору, откуда могли что-то услышать или даже увидеть, а оставлено на площади, все улики преступления были уничтожены. Летописец передал ходившие в его время разговоры о загадочном убийстве, но правды никто не узнал. Однако, о причинах возникновения заговора и убийства Алексея Хвоста можно догадываться. Конечно, их можно свести к обиде Василия Вельяминова и его родственников на княжеское решение о назначении Алексея Хвоста. Но физическое устранение Хвоста не давало Вельяминовым твердых гарантий в том, что великий князь назначит преемником Хвоста старшего сына Василия Протасьевича. Думается, что существовали более глубокие причины. Вскрываемое договором 1348 г. наступление великокняжеской власти на права, имущество и людей удельных князей осуществлялось, конечно, не только тысяцким. В этой связи показательны одно из распоряжений предсмертного завещания 1353 г. Симеона Гордого, не находящее аналогий в завещаниях других московских князей: «А что б(у) д(у) судиль [ег]да великомъ княженьѣ и в отч(и)нѣ въ своей на Москвѣ, или мои богаре, или богарьскиѣ люд(и), а того вы, братья мота, не восчинаите»¹⁵⁶. От судов делались отчисления судьям, а многие суды были несправедливыми, но выносившими решения в пользу великого князя, и Симеон запрещал пересматривать их приговоры.

Просторожа Ивану Ивановичу, когда он был удельным звенигородским князем, наносилась и такими судами. Назначение на должность тысяцкого Алексея Петровича Хвоста, в свое время боровшегося против великокняжеского произвола и знавшего, как проявлялся этот произвол, должно было вызвать явное беспокойство у бояр и их людей, осуществлявших политику Симеона Гордого. Речь могла идти об отмене прежних судебных решений, возвращении имущества потерпевшим, репрессиях в отношении неправедных судей. И Алексей Хвост был устранен. Хотя поиски его убийц велись длительное время, видимо, вплоть до конца марта 1357 г., результатов они не давали. Подозрение, естественно, падало на Василия Васильевича Вельяминова, в котором видели преемника его отца, а потому естественного врага А. П. Хвоста Босоволкова. Страсти накалялись по мере того, как расследование ни к чему не приводило. И тогда «тое же зимы по послѣднемю поути болшии бояре московьские того ради оубииства отъехалша на Рязань съ женами и зъ дѣтьми»¹⁵⁷. Последний зимний путь можно относить к концу марта, до этого срока и должно было проводиться следствие. Число больших московских бояр, выехавших с семьями из Москвы, неизвестно, но среди них, как выясняется из последующего летописного рассказа, находились Василий Васильевич Вельяминов и его тесть Михаил Александрович. Выехавшие отправились не куда-нибудь, а к потенциальному врагу великого князя Ивана Ивановича рязанскому князю Олегу, который в 1353 г. захватил у Ивана Ивановича волость Лопастну¹⁵⁸.

Отъезд богатой и влиятельной части московского боярства не мог не вызвать беспокойства у великого князя Ивана Ивановича. И когда в конце 1357 или в начале 1358 г. он вместо с другими русскими князьями был в Орде у нового ордынского хана Бердибека и встретил там В. В. Вельяминова и Михаила Александровича, то договорился с ними о возвращении. Летописное известие 1358 г. о приезде Ивана Ивановича в Москву вместе с Михаилом и зятем его Василием Васильевичем было приведено выше.

Василий Васильевич получил должность тысяцкого и стал воспитателем старшего сына великого князя Ивана Ивановича Дмитрия, как в этом можно было убедиться при рассмотрении грамоты новоторжцу Евсевке. Последняя свидетельствует, что тысяцкий продолжал выполнять хозяйственные функции. Об этом же говорит и состав документов части архива В. В. Вельяминова, обнаруженный в 1843 г. в московском Кремле. Среди них есть материалы, касающиеся только хозяйственной и финансовой, но отнюдь не военной деятельности тысяцкого. Важно отметить, что наряду с грамотой новоторжцу Евсевке, который был поручен заботам В. В. Вельяминова, в архиве хранилась грамота другому новоторжцу — Микуле Андрееву сыну Смолина, написанная собственноручно окольным Тимофеем Васильевичем¹⁵⁹. Это указывает на то, что представители рода Воронцовых и Вельяминовых в XIV в. действовали сообща, вместе выполняя княжеские поручения однотипного характера, проявляя внимание к лицам определенных категорий.

Свидетельством коллективных действий потомков тысяцкого Протасия в хозяйственной сфере служит меновная грамота Дмитрия Донского с чернецом Саввою, который, как показал С.З. Чернов, был монахом московского Симонова монастыря¹⁶⁰. Великий князь получил от Саввы село Воскресенское Верх-Дубенское, а сам отдал

за него монастырек Спаса-Преображения у оз. Медвежьего, озера Медвежье Верхнее и Медвежье Нижнее, а также 5 бортных деревень¹⁶¹. Детальный историко-географический анализ содержания этой грамоты дал С.З. Чернов. Он показал, что речь в ней идет о землях на окраине древнего московского Пехорского стана, на которых в первой половине XIV в. возникло княжеское бортное хозяйство¹⁶². Со стороны великого князя в обмене приняли участие три лица: «А меняли бояре Иван Федорович, Семен Тимофеевич, Кузьма казначей». Относительно того, кто был боярин Иван Федорович, мнения исследователей разделились. И.А. Голубцов полагал, что речь идет о Иване Федоровиче Кошкине, который по его мнению был послухом и в первой (1372 г.), и во второй (1389 г.) душевных грамотах Дмитрия Донского и был жив еще в 1425–1427 гг.¹⁶³ С.М. Каштанов посчитал, что «это отождествление неприемлемо», поскольку даже в 1407–1408 г. И.Ф. Кошкин признавался человеком молодым и неопытным. В Иване Федоровиче меновой грамоты С. М. Каштанов предложил видеть Ивана Федоровича Воронца, хотя обоснование своему предложению привести не сумел¹⁶⁴. Дело в том, что современником Ивана Федоровича Воронца и сподвижником Дмитрия Донского был еще один Иван Федорович — Собака Фоминский, в котором С.Б. Веселовский видел послуха обеих душевных грамот Дмитрия Донского¹⁶⁵. Однако С.З. Чернов, исходя из порядка перечисления послухов в этих грамотах, смог показать, что послухом был Иван Федорович Воронец¹⁶⁶. В таком случае именно его надо видеть в Иване Федоровиче меновой грамоты.

Упомянутый после Ивана Федоровича Семен Тимофеевич идентифицируется сравнительно легко. Это единственный сын окольного Тимофея Васильевича Семен, двоюродный брат Ивана Федоровича Воронца.

Несомненный интерес представляет и третий с великокняжеской стороны участник сделки — казначей Кузьма. Публикаторы и комментаторы меновой грамоты пишут о нем как о казначее великого князя¹⁶⁷. Пишут, естественно, на основании общих соображений: если сделка проводилась по приказу великого князя, то в ней со стороны великого князя должны были принимать участие только его люди. Между тем, у окольного Тимофея Васильевича был родственник, который мальчиком остался сиротой и воспитывался Тимофеем Васильевичем. Когда воспитанник достиг совершеннолетия, то он удостоился чести сидеть за одной трапезой с окольным, «помалѣ же и казначей бывает его имѣнію»¹⁶⁸. Звали этого казначея Козьма (Кузьма)¹⁶⁹. Совпадение имени и должности заставляет видеть в Кузьме казначее меновой грамоты Козьму казначея — «сродника» окольного Тимофея Васильевича. В таком случае можно утверждать, что обмен землями между великим князем Дмитрием Ивановичем и чернецом Саввою был осуществлен тремя представителями рода Воронцовых и Вельминовых. Эти трое несомненно выполняли хозяйственные функции, играя роль руководителей в великокняжеском хозяйстве: они выменяли своему князю село, отдав за него монастырек, земельные и водные угодья, а также часть великокняжеского бортного промысла. Впоследствии этот промысел (5 деревень) был возвращен в великокняжескую собственность¹⁷⁰.

Участие в обмене земель, происходившем в годы правления Дмитрия Донского, проливает дополнительный свет на биографию казначея Кузьмы. Дело в том, что

казначей Кузьма — это знаменитый впоследствии Кирилл Белозерский, основатель широко известного Кирилло-Белозерского монастыря. Из его Жития, написанного Пахомием Логофетом в 1462 г., спустя 35 лет после смерти Кирилла¹⁷¹, извлекаются не только сведения о светском имени последнего, его родстве с окольным Тимофеем и должности казначея. Пахомий Логофет сообщает о пострижении Кузьмы в монахи вопреки желанию его воспитателя и господина Тимофея Васильевича. Первый постриг Кузьма принял от Стефана Махрищского, «сего пришествіе оувѣдѣвъ Козма, течеть оубо с радостию къ нему, много бо время преиде, отнели же ожидаше его»¹⁷². Из пояснения Пахомия Логофета следует, что Кузьма был давно знаком со Стефаном Махрищским. Последний, как свидетельствует его Житие, после основания Троицкого монастыря на р. Махре оставил его и ушел на Север, где построил еще один Троицкий монастырь — Авнежский. Лишь через несколько лет по призыву Дмитрия Донского Стефан вернулся на старое место¹⁷³. Очевидно, что Кузьма познакомился со Стефаном до его ухода в вологодские пределы. Стефана хорошо знал и окольный Тимофей Васильевич, что видно из дальнейшего повествования Жития Кирилла Белозерского. В этих знакомствах Стефана Махрищского нет ничего удивительного. Ведь Стефанов монастырь на р. Махре находился в том самом районе переяславских земель, где по актам XV в. лежали владения потомков Юрия Грунки и Вельяминовых, не попавших в родословные книги. От села Скнятиново, упоминаемого в одном из этих актов XV в., Махрищский монастырь отделяли по прямой всего 7,5 км.

Установление данного факта влечет за собой и признание факта другого. Если Кузьма приходился «сродником», как говорит Пахомий Логофет, окольному Тимофею, значит предки неродословных Вельяминовых жили на переяславской земле по меньшей мере в первой половине XIV в., а М.Ф. Вельяминов, С.Г., М.Г. и И.Г. Вельяминовы, фигурирующие в актах XV в., действительно оказываются родственниками московских Протасьевичей.

Еще одной интересной деталью в биографии Козьмы-Кирилла является то обстоятельство, что, приняв постриг от Стефана Махрищского, он принял второй постриг от Федора, настоятеля московского Симонова монастыря, и стал монахом этого монастыря. Видимо, деловые контакты с Симоновым монастырем, проявившиеся при составлении рассмотренной выше меновой грамоты, где был назван «Кузьма казначей», помогли уже не Кузьме, а Кириллу попасть в этот монастырь.

Пребывание Кузьмы-Кирилла в Симонове монастыре позволяет пролить свет на время составления меновой грамоты представителей Дмитрия Донского с чернецом Саввою. Пахомий Логофет сообщает, что наставником Кирилла в Симоновом монастыре стал Михаил, позднее избранный смоленским епископом¹⁷⁴. Михаил был поставлен на смоленскую кафедру в конце 1383 г.¹⁷⁵. Следовательно, меновая грамота позже 1383 г. составлена быть не могла. С другой стороны, определение в грамоте Семена Тимофеевича как боярина ведет ко времени после 1378 г., поскольку принимавший участие в битве на р. Воже отец Семена Тимофей Васильевич назван при описании сражения окольным, а сын ранее отца боярином стать не мог. Таким образом, твердые хронологические рамки составления меновой грамоты — 1378–1383 гг. Это время,

когда в Московском княжестве уже не было тысяцких. Их функции были распределены между другими людьми. Но показательно, что исполнение некоторых из таких функций сохранялось за представителями рода Воронцовых и Вельяминовых и они исполняли их сообща.

Выполнял хозяйственные поручения великого князя и самый младший брат последнего московского тысяцкого В. В. Вельяминова Юрий Грунка. Это следует из текста правой грамоты, выданной около 1416–1417 гг. великим князем Василием Дмитриевичем московскому кремлевскому Чудову монастырю на земли монастырского переяславского села Филипповского. В ходе судебного разбирательства спора о землях, на которые претендовали местные жители и Чудов монастырь, чудовский старец Дионисий показал, что «посылаѣ, г(о)с(поди)не, ты, княз(ь) великий, сего году своего ботарина Юрья Васил(ь)евич(а) да Тимоф[е]я Очкасова; инѣ, г(о)с(поди)не, ту землю очистив, и отъѣхали к с(в)т(о)му Михаилу архимандриту Пикиму к селу к Филипповскому по давному отводу...»¹⁷⁶. Боярин Ю. В. Грунка не только провел границы чудовских земель по старым межам, но и «очистил» земли, очевидно, изгнав незаконных насельников. Этими данными исчерпываются сведения источников о службе московским князьям старших поколений Воронцовых и Вельяминовых. Исходя из этих сведений можно попытаться дать обобщенную картину раннего прошлого их рода, очищенную от позднейших легендарных наслоений и разного рода неточностей.

История рода Воронцовых и Вельяминовых свидетельствует о его давнем (по меньшей мере с XIII в.) существовании и связи с владимирскими князьями — главными правителями в Северо-Восточной Руси. С выделением после смерти Александра Невского из Владимирского княжества Московского одна из ветвей рода перешла в Москву. По-видимому, это была младшая ветвь, которая не знала своего родоначальника и помнила только ближайших предков Протасия и его самого. О Протасии сохраняли память в XVI в. и читали о нем в Житии митрополита Петра.

В молодом Московском княжестве младшая ветвь Вельяминовых заметно преуспела. В распоряжении исследователей нет данных, в состоянии ли были первые московские князья Даниил Александрович и его старший сын Юрий организовать в Московском княжестве свое достаточно крупное хозяйство, которое насчитывало бы тысячу или более служных людей, или Даниил и Юрий ограничивались несколькими сотнями таких людей, во главе которых стояли сотские. Но при Иване Калите большое великокняжеское хозяйство уже существовало. И во главе его был поставлен получивший должность тысяцкого Протасий. Представители рода Вельяминовых и далее руководили великокняжеским хозяйством, оставаясь московскими тысяцкими на протяжении почти полувека (с небольшим перерывом, когда тысяцким стал Алексей Хвост Босоволков). Московские Вельяминовы превратились в могущественную и влиятельную фамилию, затмившую своих владимирских родственников и породнившуюся даже с Рюриковичами. Микула Васильевич Вельяминов был свояком Дмитрия Донского, женатым на Марии, старшей дочери нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича¹⁷⁷. Петр, пятый сын Дмитрия Донского, женился на Евпраксии, внучке тысяцкого В.В. Вельяминова¹⁷⁸. С этой фамилией не смог справиться

даже великий князь Иван Иванович, отец Дмитрия Донского, вынужденный просить о возвращении в Москву отъехавших было от него в 1357 г. в Рязань В.В. Вельяминова и его тестя Михаила Александровича.

Но когда поступок отца решил повторить его старший сын Иван, отъехавший в 1375 г. в Тверь, дело приняло кровавый оборот. Иван был казнен, а должность тысяцкого упразднена. И дело тут не только и не столько в людских симпатиях и антипатиях. При Дмитрии Донском территория Московского княжества увеличилась более, чем в четыре раза, и ведение хозяйства на этой территории оказалось в руках московского тысяцкого. Охотник Евсевка переселялся из Торжка в Кострому, но его опекал тысяцкий В.В. Вельяминов, отец и дед которого никогда не распоряжались на землях Торжка и Костромы. Возраставший потенциал тысяцких делал их опасными даже для великокняжеской власти, и эта власть ликвидировала сам институт тысяцких.

С исчезновением тысяцких не исчезали хозяйственные задачи. Их стали решать путные бояре, впервые фиксируемые договором 1389 г. Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским¹⁷⁹. Исполнение таких задач по-прежнему поручалось представителям рода Воронцовых и Вельяминовых. Их деятельность в XIV – начале XV вв. наглядно свидетельствует о том, что участие боярства в хозяйственном строительстве было его немаловажной социальной функцией и заметным вкладом в развитие средневекового общества, проявлявшимся в создании и расширении особых княжеских «путей» и формировании такой прослойки населения, как различные категории служных людей, говоря в целом — служебной организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бычкова М. Е. Новые родословные книги XVI в. // Редкие источники по истории России (далее — РИИР), вып. 2. М., 1977, с. 65, 135.
- ² Долгоруков П. В. Российская родословная книга, ч. IV. СПб., 1857, с. 71.
- ³ Там же, с. 71, примеч.
- ⁴ Там же, с. 71, 72, 75.
- ⁵ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XI. СПб. 1897, с. 22, 54.
- ⁶ В частности, составители Никоновской летописи поместили неизвестное более ранним летописям сообщение о том, что в 1380 г. к готовившемуся к сражению с Мамаем великому князю Дмитрию Ивановичу на устье р. Лопастны «приде кь нему великий его воевода Тимофеѣй Васильевич, тысяцкаго внуку Васильевъ, правнукъ Веняминовъ, со многими воинствы и что были остались на Москвѣ». См.: ПСРЛ, т. XI, с. 54. Согласно тексту Никоновской летописи получалось, что Тимофей был сыном Василия Васильевича, хотя по родословным книгам, которые в данном случае точны, Тимофей был сыном Василия Протасевича. Но П. В. Долгоруков принял за достоверное указание Никоновской летописи и внес его в свой труд.
- ⁷ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 414.
- ⁸ Там же, с. 382.
- ⁹ Там же, с. 382, примеч. 4.
- ¹⁰ Там же, с. 399.
- ¹¹ Воронцов-Вельяминов С. И. Род дворян Воронцовых-Вельяминовых. Тула. 1903.
- ¹² Там же, с. 58.
- ¹³ Там же, с. 3-7, 10, 14, 15, 23, 43.
- ¹⁴ Там же, с. 19.
- ¹⁵ Там же, с. 22, 24.
- ¹⁶ Там же, с. 23.
- ¹⁷ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998, с. 34, 38.
- ¹⁸ Древнерусские патерики. М., 1999, с. 258.
- ¹⁹ Там же, с. 9.
- ²⁰ ПСРЛ, т. I. Л. 1926-1928, стб. 188.
- ²¹ Древнерусские патерики, с. 11.
- ²² Там же.
- ²³ Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1980 с. 698 (комментарий Л. А. Дмитриева к с. 454); Древнерусские патерики. с. 390.
- ²⁴ Кучкин В. А. Юрий Долгорукий // Вопросы истории, 1996, № 10, с. 45.
- ²⁵ Там же, с. 48-49; Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 152-154.
- ²⁶ Древнерусские патерики, с. 11.
- ²⁷ Кучкин В. А. Юрий Долгорукий, с. 52-54.
- ²⁸ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 293.
- ²⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 211-229.
- ³⁰ В нем не устранены определенные противоречия: в одном месте старшим сыном тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова назван Микула, а в другом — Иван, что правильно. См.: там же, с. 215 и 216. Смерть Василия Васильевича Вельяминова отнесена к 1373 г., потому что 6882 год летописи принят С. Б. Веселовским за сентябрьский (там же, с. 216). На самом деле, 6882 год летописи — мартовский, и В. Вельяминов умер 17 сентября 1374 г.
- ³¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 217.
- ³² ПСРЛ, т. XV, вып. I. Пг., 1922, стб. 135.
- ³³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV - XVI веков (далее — АФЗ и Х), ч. I. М., 1951, № 53, с. 65-66.
- ³⁴ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI - XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 19, 36.
- ³⁵ Там же, с. 29.

- ³⁶ РИИР, вып. 2, с. 17; ПСРЛ, т. XIII, первая половина. СПб., 1904, с. 123-124.
- ³⁷ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI - XVII вв., с. 29.
- ³⁸ РИИР, вып. 2, с. 69.
- ³⁹ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина. СПб., 1906, с. 451.
- ⁴⁰ РИИР, вып. 2, с. 38.
- ⁴¹ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI - XVII вв., с. 28, примеч.30.
- ⁴² Там же, с. 28.
- ⁴³ Там же, с. 31.
- ⁴⁴ Древняя Российская вивлиофика, ч. XX. М., 1791, с. 46.
- ⁴⁵ Зимин А. А. Состав боярской думы в XV - XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958, с. 69, примеч. 329 и с. 71 (отставка Д. И. Хилкова здесь датирована 1562 годом).
- ⁴⁶ В древнейшей разрядной книге о Д. И. Хилкове в последний раз говорится при фиксации военных действий русских войск в Ливонии, связанных с нападением литовских войск на г. Тарвас. См.: Милоков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901, с. 227-228. Нападение литовцев на Тарвас имело место в сентябре-октябре 1561 г. См.: ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 339. Разрядная книга сообщает, что тогда Иван IV «за службу прислал к боярину князю Дмитрею Хилкову золотой», что свидетельствует о сохранении в конце 1561 г. за Д. И. Хилковым боярства и признании его заслуг царем. См.: Милоков П. Н. Древнейшая разрядная книга, с. 228.
- ⁴⁷ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI - XVII вв., с. 35-36.
- ⁴⁸ РИИР, вып. 2, с. 129.
- ⁴⁹ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 434. Кажется, это последнее упоминание И. И. Челяднина в источниках. По-видимому, М. Е. Бычкова приняла последнее упоминание И. И. Челяднина за дату его смерти.
- ⁵⁰ РИИР, вып. 2, с. 123.
- ⁵¹ Там же, с. 124.
- ⁵² ПСРЛ, т. XIII, первая половина, с. 142.
- ⁵³ РИИР, вып. 2, с. 91.
- ⁵⁴ Słownik biograficzny historii Polski, t. II. Wrocław - Warszawa - Kraków. 2005, s. 1742.
- ⁵⁵ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI - XVII вв., с. 141.
- ⁵⁶ Там же, с. 138-139.
- ⁵⁷ Там же, с. 139, 141.
- ⁵⁸ Там же, с. 141. Здесь М. Е. Бычкова повторила заключение П. В. Долгорукова.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М., 1977, с. 124.
- ⁶² Там же, с. 130.
- ⁶³ ПСРЛ, т. I, стб. 346.
- ⁶⁴ Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких, с. 133.
- ⁶⁵ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X - XIV вв. М., 1984, с. 110, 112, 120.
- ⁶⁶ РИИР, вып. 2, с. 178; Ключ Э. Княжество Тверское (1247-1485). Тверь, 1994, с. 119 и с. 146, примеч. 152
- ⁶⁷ Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV-XV вв. // Историческая генеалогия. Екатеринбург. 1993, вып. 2, с. 42.
- ⁶⁸ В работе Б. А. Воронцова-Вельяминова много и других методических промахов и фактических неточностей. Так, пытаясь доказать, что Шимон Африканович был тысяцким и пребывал в Ростовской земле (никакие источники об этом ничего не говорят), Б. А. Воронцов-Вельяминов по данным XIX в. привел названия 4-х сел с корнем «Шимон» в Волго-Окском междуречье, которые он посчитал принадлежавшими Шимону (Воронцов-Вельяминов Б. А. Указ. соч., с. 129). Так можно поступить, твердо веруя в то, что в Восточной Европе с XI по XIX в. побывал только один Шимон, что он имел в собственности поселения, названные его именем, и что эти названия не менялись в течение 9 столетий. Но такая твердая уверенность

подрывается существованием в Русском государстве XVII в. прозвища Шиман (Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2005, с. 500) и указанием самого Б. А. Воронцова-Вельяминова на Шимоново в 20 верстах к югу от Можайска. Эта территория в XI в. принадлежала Смоленску, а не Ростову. Очень простодушно отношение Б. А. Воронцова-Вельяминова к свидетельствам позднего Жития Евфросинии Суздальской. Упоминаемый там суздальский князь и одновременно тысяцкий Мина Иванович не мог в 20-е гг. XIII в. владеть Суздалем. Последний принадлежал тогда владимирскому князю Юрию Всеволодовичу. Достоверные летописные записи 1224 и 1252 гг. упоминают владимирского тысяцкого Романа Михайловича (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А.Н. Насонова. М.-Л., 1950 (далее – НПЛ), с. 54; ПСРЛ, т. I, стб. 473). Если Мина был суздальским тысяцким и умер в 1227 г. (Воронцов-Вельяминов Б. А. Указ. соч., с. 138), то почему именно он должен считаться принадлежавшим к предкам московских Воронцовых и Вельяминовых, а не владимирский тысяцкий? К тому же имеющиеся данные о тысяцких в других регионах средневековой Руси не дают ни единого примера перехода тысяцкого одного территориально-административного центра в другой.

⁶⁹ РИИР, вып. 2, с. 11-75 (Летописная редакция), 76-182 (Румянцевская редакция).

⁷⁰ Б. А. Воронцов-Вельяминов. Отмена института тысяцких и судьба Протасьевичей // Вопросы истории, 1981, № 7, с. 167-170.

⁷¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М., 1988, с. 157.

⁷² Молчанов А. А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках (ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимоновичи-Протасьевичи в XI - XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пащуто. Москва, 18-20 апреля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990, с. 79-83; он же. Тысячелетние корни славного русского рода: ростово-суздальские и московские тысяцкие - предки Аксаковых и их однокорней // Гербовед, 2007, № 6 (98), с. 104-121.

⁷³ Пчелов Е. В. Генеалогическое предание о Шимоне Африкановиче в ряду легенд о скандинавских предках русского дворянства // Материалы юбилейной научно-общественной конференции «Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность». М., 1998, с. 61.

⁷⁴ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 231, 233, 236.

⁷⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 162.

⁷⁶ Иван Калита стал во главе Московского княжества после убийства осенью 1325 г. в Орде тверским и владимирским великим князем Дмитрием Михайловичем старшего брата Калиты Юрия Даниловича. См.: ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 42.

⁷⁷ Древнерусские патерики, с. 7-10.

⁷⁸ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв., т. I. М., 1961, с. 39-40. Н. Н. Воронин показал, что во Владимире нет археологического слоя более раннего, чем начало XII в.

⁷⁹ В более поздних редакциях родословных книг текст главы о Воронцовых и Вельяминовых повторяет текст Летописной редакции этих книг, но согласно Румянцевской редакции дает Протасию только одного сына Василия. См.: Родословная книга // Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. IX. М., 1851, с. 90-91.

⁸⁰ ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 108.

⁸¹ Гришина Н. Г. Хронология Рогожского летописца. АКД. М., 2003, с. 6, 19, 20.

⁸² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 212.

⁸³ ПСРЛ, т. XI, с. 21; т. XVIII. СПб. 1913, с. 115; т. XXIII. СПб. 1910, с. 118; т. XXV. М.-Л., 1949, с. 189; т. XXVIII. М.-Л., 1963, с. 77, 239; т. XXX. М. 1965, с. 120.

⁸⁴ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 21 («сынъ Протасиевича»).

⁸⁵ Согласно С. А. Левиной, Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 г. (поставление на митрополичью кафедру всея Руси Макария) и 8 октября 1544 г. (до этого времени правил польский король Сигизмунд I Старый). См.: Левина С. А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // Труды Отдела древнерусской литературы, т. XI. М.-Л., 1955, с. 376, 379; она же. Летопись Воскресенская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI в., ч. 2. Л., 1989, с. 40. Вторая дата ошибочна. Сигизмунд I правил до своей смерти 1 апреля 1548 г. (см. выше примеч. 54).

Воскресенская летопись была составлена до 16 января 1547 г., до венчания Ивана IV на царство, поскольку он титулуется в этой летописи великим князем. См.: ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 239.

⁸⁶ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV - XVI вв. М.-Л., 1938, с. 370 (статья «Летописи» из Нового энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона). С. А. Левина называет иные летописные источники Воскресенской летописи. См.: Левина С. А. Летопись Воскресенская, с. 41-42. Однако при этом исследователница упустила из вида, что сохранившийся список свода 1509 г. (список Царского Софийской летописи) был непосредственным источником Воскресенской летописи. Об этом см.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, с. 110-115.

⁸⁷ Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра» // Труды Отдела древнерусской литературы, т. XVIII. М.-Л., 1962, с. 71-73.

⁸⁸ Клосс Б. М. Избранные труды, т. II. М., 2001, с. 30.

⁸⁹ Там же, с. 31. Публикуя текст I первой редакции Жития митрополита Петра по списку 20-30 гг. XVI в. из собрания Ярославского музея-заповедника № 15326, хотя в его распоряжении были 4 более древних списка, Б. М. Клосс слова «тои бо бѣ» оригинала заменил словами «тако бо богъ» из второго по старшинству списка РГБ, ф. 37, № 430. Но непосредственно за исправленным таким образом текстом Б.М. Клосс напечатал фразу «Тои же и мне испроси оставление грѣховъ» (там же, с. 31 и с. 57, примеч. 35-35). «Тои» — указательное местоимение единственного числа. Местоимение должно указывать на того, кто назван ранее, по исправленному Б. М. Клоссом тексту — на бога. Но у кого же в таком случае бог испрашивал оставление грехов?

⁹⁰ Клосс Б. М. Указ. соч., т. II, с. 44.

⁹¹ ПСРЛ, т. I, стб. 473.

⁹² ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 109-112.

⁹³ Там же, стб. 137.

⁹⁴ Клосс Б. М. Указ. соч., т. I. М., 1998, с. 304.

⁹⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 220-221. О служебной карьере Ивана Шадра см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии, с. 160-161.

⁹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950 (далее – ДДГ), № 12, с. 34.

⁹⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 221.

⁹⁸ Подробнее см.: Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008, с. 295-299.

⁹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.-Л., 1950 (далее – НПЛ), с. 89, под 6780 годом ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания, с. 274. Северо-восточный летописный источник (Симеоновская летопись) сообщает о смерти Ярослава Ярославича под 6779 годом мартовским, указывая более определенно время кончины князя — «тоя же зимы». См.: ПСРЛ, т. XVIII, с. 74.

¹⁰⁰ Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории, 1992, № 10, с. 76.

¹⁰¹ Признание Ивана и Федора дедом и отцом Протасия, но не сыном и внуком Юрия Шимоновича выявляет разрыв в 200 лет между легендарной и достаточно достоверной частями родословной росписи Воронцовых и Вельяминовых и свидетельствует тем самым об искусственном присоединении легендарной части.

¹⁰² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 220.

¹⁰³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.-Л., 1950, с. 56.

¹⁰⁴ Там же, с. 138.

¹⁰⁵ РИИР, вып. 2, с. 66, 136.

¹⁰⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI вв. (далее – АСЭИ), т. I. М., 1952, № 241, с. 170.

¹⁰⁷ РИИР, вып. 2, с. 66, 136.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ АСЭИ, т. I, № 236, с. 166; № 346, с. 252.

¹¹⁰ Там же, № 328, с. 238.

- ¹¹¹ Там же, № 35, с. 45.
- ¹¹² Атлас Владимирской области. «Фирма Арбалет». Тверь, 2008, с. 28.
- ¹¹³ АСЭИ, т. I, № 560, с. 437.
- ¹¹⁴ Там же, № 617, с. 529-530.
- ¹¹⁵ Там же, № 327, с. 237.
- ¹¹⁶ Там же, № 560, с. 437.
- ¹¹⁷ Там же, «Пояснительные примечания к актам», с. 620, примечание к акту № 391.
- ¹¹⁸ Атлас Владимирской области, с. 28.
- ¹¹⁹ АСЭИ, т. I, «Пояснительные примечания к актам», с. 629, примечания к акту № 522.
- ¹²⁰ Там же, № 522, с. 398.
- ¹²¹ Там же, «Пояснительные примечания к актам», с. 629, примечания к акту № 522.
- ¹²² Атлас Владимирской области, с. 28.
- ¹²³ АСЭИ, т. I, № 577, с. 456.
- ¹²⁴ Там же, «Пояснительные примечания к актам», с. 631, примечания к акту № 577.
- ¹²⁵ РИИР, вып. 2, с. 66, 136.
- ¹²⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии, с. 157-161.
- ¹²⁷ См., например, родословные росписи Вельяминовых-Зерновых (Зимин А. А. Формирование боярской аристократии, с. 192).
- ¹²⁸ О географическом положении Верхдубенского стана и волости Кинелы см.: Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М., 1937, с. 393-394.
- ¹²⁹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной, с. 110-116.
- ¹³⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 465, 467.
- ¹³¹ ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 134. В поздних летописях окольныхий Тимофей Васильевич называется «великим воеводой», но в ранних летописях такого определения нет.
- ¹³² Памятники Куликовского цикла, с. 10, 38, 78, 101, 129. Известия о других представителях рода Воронцовых и Вельяминовых, принимавших участие в Куликовской битве, встречаются только в памятниках XVI в. и не подтверждаются более ранними источниками.
- ¹³³ ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 147.
- ¹³⁴ ДДГ, № 8, с. 25. О дате грамоты см.: Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь, вып. 2. М., 1999, с. 67.
- ¹³⁵ ДДГ, № 12, с. 36-37.
- ¹³⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 494, 495.
- ¹³⁷ О последней функции тысяцких см.: Кучкин В. А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР, 1988, № 4.
- ¹³⁸ Клосс Б. М. Указ. соч., т. I, с. 304.
- ¹³⁹ АСЭИ, т. III. М., 1964, № 238, с. 259, 260.
- ¹⁴⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 212, примеч. 8.
- ¹⁴¹ Описи Царского Архива и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 57.
- ¹⁴² Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977, с. 33.
- ¹⁴³ РГАДА, ф. 180, оп. 13, ед. хр. 425, л. 5 об.- 6.
- ¹⁴⁴ Древняя российская вивлиофика (далее — ДРВ), ч. VIII. СПб., 1775, № III, с. 220-226.
- ¹⁴⁵ Собрание государственных грамот и договоров, ч. I. М., 1813, № 23, с. 35-37.
- ¹⁴⁶ ДДГ, № 2, с. 13.
- ¹⁴⁷ Здесь и далее размеры утрат, перемещенных фрагментов, строк и междустрочных пространств соглашения Симеона с братьями будут указываться не в абсолютных, а в относительных единицах, поскольку работа с текстом договора производилась с разной степенью его увеличения.
- ¹⁴⁸ ДРВ, ч. VIII. № III, с. 226.
- ¹⁴⁹ ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 66.
- ¹⁵⁰ Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Выпуск I. Формирование государственной территории России. Материалы Второй всесоюзной конференции по исторической географии России. Москва, 25-26

ноября 1980 г. М., 1980, с. 60 и с. 77, примеч. 9; Кучкин В. А. Договор Калитовичей (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984, с. 19-21.

¹⁵¹ ДДГ, № 2, с. 13.

¹⁵² Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918, с. 168; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков, ч. I. М.-Л., 1948, с. 21.

¹⁵³ Там же, с. 11. В квадратных скобках жирным шрифтом курсивом набран текст, восстановленный на основании содержания договора 1348 г. и других договоров московских князей между собой. Нумерация статей договора 1348 г. — автора.

¹⁵⁴ ДДГ, № 2, с. 13.

¹⁵⁵ ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 65.

¹⁵⁶ ДДГ, № 3, с. 14.

¹⁵⁷ ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 65.

¹⁵⁸ Там же, стб. 63.

¹⁵⁹ Подробнее об этом архиве см.: Кучкин В. А. Документы кремлевской находки 1843 г. - часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // Материалы юбилейной научно-общественной конференции “Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность”. М., 1998, с. 21 - 30.

¹⁶⁰ Чернов С. З. Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. II. Домен московских князей в городских станах 1271-1505 годы. М., 2005, с. 77-78.

¹⁶¹ АСЭИ, т. II, М., 1958, № 340, с. 338.

¹⁶² Чернов С. З. Культура средневековой Москвы, с. 48-209.

¹⁶³ АСЭИ, т. II, № 340, с. 339 (пояснительное примечание к акту).

¹⁶⁴ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 344.

¹⁶⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 394, 395.

¹⁶⁶ Чернов С. З. Культура средневековой Москвы, с. 84-85.

¹⁶⁷ АСЭИ, т. II, «Указатель личных имен», с. 606; Чернов С. З. Культура средневековой Москвы, с. 545.

¹⁶⁸ Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб. 1908, приложение, с. VI.

¹⁶⁹ Там же, с. V.

¹⁷⁰ АСЭИ, т. II, № 381, с. 380 («оприче боргничьих деревень, что отнял у них отец мой князь великий Василей Васильевич у монастыря у Симонова»).

¹⁷¹ Яблонский В. М. Пахомий Серб, с. 91-92.

¹⁷² Там же, приложение, с. VII.

¹⁷³ РГБ, ф. 304, № 679, лл. 316 об.-319.

¹⁷⁴ Яблонский В. М. Пахомий Серб, приложение, с. IX.

¹⁷⁵ ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 149. Известие о поставлении Михаила «тое же зимы» является последним в летописной статье 6891 года. 6891 год летописи — мартовский. Поставление Михаила имело место или в конце 1383 г., или в январе-феврале 1384 г. Скончался Михаил 6 мая 1402 г., «бывъ въ епископствѣ лѣтъ 19». См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950, с. 455. Указание на 19 лет скорее имеет в виду 1383 г., а не 1384 г.

¹⁷⁶ АСЭИ, т. III, № 31, с. 54.

¹⁷⁷ РИИР, вып. 2, с. 65, 135; ПСРЛ, т. XVIII, с. 173.

¹⁷⁸ РИИР, вып. 2, с. 65, 135.

¹⁷⁹ ДДГ, № 11, с. 32.

Примечания к книге А.С. Кулешова Аксаковы. История разбитых судеб

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Долгоруков П.В. Аксаковы // Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч.4. СПб., 1857.
- ² Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.1. СПб., 1886. С.20-30.
- ³ Соллогуб Н.М. Аксаковы // Чернопяттов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т.3 (12). Ч.6. М., [1909] С.6.
- ⁴ Сиверс А.А. Генеалогические разведки. Вып.1. СПб., 1913. С.89-98.
- ⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф.329 / II. К.1. Д.7; Ф.329 / III. К.1. Д.4.
- ⁶ Мазараки Н.Н. Аксаковы // Новик. New York. 1954. Отд.2. С.49-51.
- ⁷ Ikonnikov N.F. Noblesse de Russie. V.XI. Paris, 1964. P.41-61. Работа над росписью завершена 22 апреля 1964 г.
- ⁸ Соловьев Е.А. Аксаковы, их жизнь и литературная деятельность. СПб., 1895; Шенрок В.И. Аксаков и его семья // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 10. С.355-418; № 11. С.1-66; № 12. С.229-290; Бартенев П.И. С.Т. Аксаков и его семья // Русский архив. 1905. № 2. Л.3 обл.; Бороздин А.К. Семья Аксаковых // Литературные характеристики. XIX век. Т.1. Вып.1. СПб., 1905. С.143-290; Манн Ю.В. Семья Аксаковых. М., 1992; Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб., 1998 и др.
- ⁹ Кошелев В.А. Век семьи Аксаковых // Север. 1996. № 1. С.61-122; № 2. С.95-132; № 3. С.60-114; № 4. С.79-118.
- ¹⁰ Файзуллина Э.Ш. Семья Аксаковых как явление русской дворянской культуры // Аксаковский сборник. Вып.2. Уфа, 1998. С.96-111; Чванов М. Семья Аксаковых: корни и крона // Домашний альманах. М., 1996. С.137-165.
- ¹¹ Серебровский А.С. Генеалогия рода Аксаковых // Русский евгенический журнал. Т.1. Вып.1. 1923. С.74-81.
- ¹² Попов Ф.Г. Потомки С.Т. Аксакова // Волга. 1962. № 27. С.120-127; Довгыло Г. К семейной хронике Аксаковых: из архивных разысканий // Неман. 1985. № 3. С.145-147.
- ¹³ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Незаконченная повесть С.Т. Аксакова «Наташа»: Историко-краеведческий комментарий. Уфа, 1988; Они же. Аксаков: Семья и окружение. Уфа, 1991; Гудкова З.И. Новые хронологические сведения по истории семьи Аксаковых-Зубовых // Аксаковский сборник. Вып.3. Уфа, 2001. С.61-73.
- ¹⁴ Соколов В.М. Соколовы из рода Аксаковых // Аксаковский сборник. Вып.2. Уфа, 1998. С.121-127; Родословная Соколовых: Записки, сделаны Соколовым Андреем Петровичем в 1997-1999 годах. Уфа, 2003.
- ¹⁵ Журавлев Д. Композиторы Советской Белоруссии. Минск, 1966. С.30-32; Черникова Л. Композитор Аксаков // Бельские просторы. 2002. № 9. С.144-150; Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С.31; Он же. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С.14.
- ¹⁶ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Аксаков: Семья и окружение. Уфа, 1991. С.126-130.
- ¹⁷ Кулешов А.С. Архивный поиск привел к Завидовскому храму // Вестник архивиста. 2003. № 5/6. С.447-457; Он же. Две судьбы // Вестник архивиста. 2003. № 2. С.190-208; Он же. Заговор комэска Аксакова // Родина. 2004. № 8. С.48-50; Он же. О восстановлении родословной Аксаковых // Вестник архивиста. 2002. № 1. С.83-88; Он же. Эти неизвестные известные Аксаковы // Русский родословец. 2004. № 1 (3). С.80-95; Он же. Генеалогия рода Аксаковых // Журналистика в контексте культуры и массовых информационных процессов. М., 2004. С.53-69; Кулешов А.С., Рыкова О.В. Дочь камергера // Родина. 2004. № 7. С.56.

¹⁸ Следует учитывать, что сведения о недвижимом имуществе в формулярных и послужных списках, как правило, занижались, что требует проверки их достоверности по другим источникам. Например, в послужном списке С.Н. Аксакова, составленном 16 декабря 1889 г., указано, что никакого недвижимого имущества ни за ним, ни его за родителями, ни за его женой нет (Государственный архив Калужской области (далее ГАКО). Ф.66. Оп.2. Д.2054. Л.3 об.). Между тем еще в 1885 г. на его имя был куплен двухэтажный дом в Калуге (ГАКО. Ф.55. Оп.1. Д.105. Л.59-60).

¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф.395. Оп.43. Д.143. Л. 4 об.; Оп.54. Д.1098. Л.23-33; Ф.400. Оп.9. Д.33227. Л.120-122; Ф.409. Оп.1. Д.151001. Л.858-866; Д.171627. Л.410-418 об.; Д.176408. Л.21-21 об., 35 об-36; Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф.1162. Оп.7. Д.14. Л.22-27; Ф.1284. Оп.43. Д.34. Л.67-74; Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ). Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.47 об.-48; 101-102, 123 об.-124, 171 об.-174 об.

²⁰ РГИА. Ф.1343. Оп.16. Д.750-752; Оп.35. Д.181; ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15; Оп.14. Д.12-15; Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф.39. Оп.2. Д.21, 22.

²¹ ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.290, 304, 532, 533, 555.

²² Сайтов В.И. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т.1; Сайтов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. М., 1907. Т.1; Шереметьевский В.В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т.1. Следует оговориться, что мы не причисляем к категории источников справочник В.Н. Чувакова «Незабытые могилы» (М., 1999. Т.1), поскольку он основан не на визуальном осмотре надгробий, а на информации из различных эмигрантских изданий (газет и журналов).

²³ Архив Управления ФСБ по Калуге и Калужской области. Д.961256.

²⁴ Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн.2. М., 2005. С.355-369.

²⁵ Подробнее о датировке мемуаров см.: Там же. Кн.1. М., 2005. С.7-9.

²⁶ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Paris, 1988. Кн.1-2. Подробнее об археографических недостатках первого издания см.: Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. М., 2005. С.6-7.

²⁷ Аксакова Т.А. Дочь генеалога // Минувшее: Исторический альманах. Т.4. М., 1991. С.7-92; Она же. Государь объезжал войска верхом // Подмосковные известия. 1992. 10 сентября; Она же. Гимназические годы // Московский альбом. М., 1997. С.214-247; Она же. В семье Шереметевых // Шереметевы в судьбе России. М., 2001. С.333-346; Она же. Ночь на Бородинском поле // Родина. 2004. № 7. С.56-60.

²⁸ ОР РГБ. Ф.817. К.88. Д.16-22. Об их передаче в архив см.: Записки отдела рукописей [Государственной библиотеки им В.И. Ленина]. Вып.36. М., 1975. С.86-87.

²⁹ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. М., 2005. Кн.1-2.

³⁰ Там же. Кн.1. С.5.

³¹ Там же. Кн.2. С.305-311.

³² ОР РГБ. Ф.743. К.41. Д.9; Ф.817. К.70. Д.28; Ф.692. К.11; Личные архивы И.С. Аксаковой - Россия, М.А. Аксаковой, Е.Д. Аксаковой и А.В. Львова - Аргентина, Франция и Австралия соответственно.

³³ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф.210 Оп.18. Д.64; Ф.286. Оп.2. Д.75; Ф.1209. Оп.1. Д.70/43 и др.

³⁴ Лихачев Н.П., Мятлев Н.В. Тысячная книга 7059-1550 года. Орел, 1911; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

³⁵ Юшков А.И. Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч.1. М., 1898.

³⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1850-1855. Т.I-IV.

³⁷ Кулешов А.С. Эти неизвестные известные Аксаковы // Русский родословец. 2004. № 1 (3). С.80-95.

³⁸ Кулешов А.С. Рябинки Клинского уезда // Родина. 2007. № 1. С.50-53.

³⁹ С.И. Воронцов-Вельяминов. Род дворян Воронцовых-Вельяминовых. Тула, 1903. С.18-19.

⁴⁰ Исключением стали фотография Д.Б. Аксакова и М.Г. Аксакова, обнаруженные в архивных делах, см.: ОР РГБ. Ф.218. К.1361. Д.4. Л.1; Архив Управления ФСБ РФ по Калужской области. Д.961256.

ГЛАВА 1

¹ См.: Браун Ф. Фрианд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1902. Т.7. Кн.1. С.361, 365; Молчанов А.А. Тысячелетние корни славного русского рода: Ростовско-Суздальские и Московские тысяцкие – предки Аксаковых и их однородцев // Гербовед. М., 2007. № 98. С.105.

² Дословно в источниках легенда излагалась таким образом: «К великому князю Ярославу Володимировичу приехал служить в Киев из Варяжские земли муж чещен именем Шимон Африканович в лето 6535-го, а во крещении имя ему Симон». (РГАДА. Ф.210. Оп.18.Д. 64. Л.1).

³ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М., 1988. С.157.

⁴ Подробнее см.: Киево - Печерский патерик. Под ред. Д.И. Абрамовича. Киев, 1930.

⁵ Седова М.В. Суздаль в X-XV веках. М., 1997. С.95, 96, 139.

⁶ Подробнее см.: Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории ростово-суздальских московских тысяцких // История и генеалогия. М., 1977. С.124-140.

⁷ См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С.211-229; Сахаров И.В. Воронцовы-Вельяминовы // Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000. С.47 - 56; Он же. Род московских тысяцких и его история // Первые московские градоначальники и московское боярство: Традиции и современность. М., 1998. С.11 - 20; Воронцова-Вельяминова Н.А. Воронцовы-Вельяминовы на службе в Москве // Там же. С.41 - 42; Воронцов-Вельяминов Б.А. Отмена института тысяцких и судьба Протасьевичей // Вопросы истории. 1981. № 7. С.167-170.

⁸ Кучкин В.А. Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. 1995. № 2. С.23-26.

⁹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч.2. М., 1787. С.14-15.

¹⁰ У В.В. Руммеля указана другая дата - 25 декабря 1628 г., но она, видимо, является опечаткой (Руммель В.В., Голубов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.1. СПб., 1886. С.22).

¹¹ Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.

¹² Дворцовые разряды. Т.2. СПб., 1851. Стлб.953.

¹³ Там же. Т.3. СПб., 1853. Стлб.526, 569, 570.

¹⁴ Там же. Т.2. СПб., 1851. Стлб.938, 946, 970.

¹⁵ Там же. Т.4. СПб., 1855. Стлб. 859.

¹⁶ Подлинник росписи не сохранился, текст известен по копии 1801 года: РГАДА. Ф.286. Оп.2. Д.75. Л.573 об. - 574.

¹⁷ Там же. Ф.210. Оп.18. Д.64. Л. 9.

¹⁸ Подлинник росписи сохранился: Там же. Л.1-3.

¹⁹ Родословная книга князей и дворян российских... Ч.2. С.18-19.

²⁰ Ярославские губернаторы. 1777-1917 гг.: историко-биографические очерки. Ярославль, 1998. С.110-117; Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711-1917 гг. Смоленск, 2004. С.151-154.

²¹ Руммель В.В., Голубов В.В. Указ. соч. Т.1. С.27. В книге «Ярославские губернаторы» указана другая дата рождения - 1727 г. (Ярославские губернаторы. 1777-1917 гг. С.110).

²² Губернии Российской империи. История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С.272, 339.

²³ Шереметьевский В.В. Русский провинциальный некрополь. Т.1. М., 1914. С.14. Приводимая в современных биографиях Н.И. Аксакова иная дата смерти - 12 октября, является ошибочной (Ярославские губернаторы. С.117).

²⁴ О нем см.: Ярославские губернаторы. С.118-120.

²⁵ Аверьянов К.А. Аксаковы // Отечественная история: Энциклопедия. Т.1. М., 1994. С.47; Ярославские губернаторы. С.118.

²⁶ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.7062. Л.282 об.

²⁷ Там же. Л.282 об.-283.

²⁸ Шереметьевский В.В. Указ. соч. С.14.

- ²⁹ Литература, посвященная С.Т. Аксакову, обширна, можно отметить следующие работы: Матинский С.И. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество М., 1961; Иванов М.А. Если не будете как дети... (о С.Т. Аксакове и его семье) М., 1990; Лобанов М.П. С.Т. Аксаков М., 1987.
- ³⁰ РГАЛИ. Ф.10. Оп.3. Д.106. Л.1.
- ³¹ РГИА. Ф.1343. Оп.16. Д.751. Л.109-113; РГАЛИ. Ф.10. Оп.1. Д.5.
- ³² Михаил Сергеевич Аксаков (8 сентября 1824 - 5 марта 1841, Санкт-Петербург) учился в Пажеском корпусе.
- ³³ В.С. Аксакова известна как мемуаристка. Ее дневники за 1854 и 1855 гг., напечатанные с сокращениями в журнале «Минувшие годы» за 1908 г., вышли в 1913 г. отдельным изданием с примечаниями князя Н.Н. Голицына и П.Е. Щеголева (Дневник В.С. Аксаковой. СПб., 1913). Подробнее см.: Осповат А.Л. Аксакова В.С. // Русские писатели, 1800-1917 гг.: Биографический словарь. Т.1. М., 1992. С.40.
- ³⁴ В формулярном списке С.Т. Аксакова от 1831 г. ей показано 1,5 года (РГИА. Ф.1343. Оп.16. Д.751. Л.110).
- ³⁵ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Аксаков: Семья и окружение. Уфа, 1991. С.111.
- ³⁶ Свидетельство о смерти С.Т. Аксакова см.: РГАЛИ. Ф.10. Оп.1. Д.13.
- ³⁷ См. о нем: Галактионов А.А. и Никандров П.Ф. Историко-социологические взгляды К.С. Аксакова. Вестник Ленинградского университета. 1965. № 17. Серия экономики, философии и права. Вып. 3. С.70-78; Кириченко О. У истоков русской идеи: А.С. Хомяков, К.С. Аксаков // Вестник высшей школы. 1992. № 2. С.88-93.
- ³⁸ Личное дело см.: РГАЛИ. Ф.10. Оп.1. Д.76.
- ³⁹ Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. М., 1861-1880. Т.1-3.
- ⁴⁰ О нем см.: Георгиевский А.П. Иван Сергеевич Аксаков и современная действительность. Казань, 1915; Порох В.И. Общественно-политическая и литературно-издательская деятельность И.С. Аксакова в годы первой революционной ситуации. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов - на - Дону, 1974; Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни России 1860-х годов. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1972; Он же. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.
- ⁴¹ Формулярные списки И.С. Аксакова см.: РГАЛИ. Ф.10. Оп.1. Д.131, 132.
- ⁴² Публицистические работы И.С. Аксакова были недавно переизданы в виде сборника: Аксаков И.С. От чего так нелегко живется в России? М., 2002.
- ⁴³ Там же. С.634.
- ⁴⁴ Свидетельство о браке см.: РГАЛИ. Ф.10. Оп.1. Д.133.
- ⁴⁵ Саитов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. М., 1907. Т.1. С.14.
- ⁴⁶ РГИА. Ф.1284. Оп.43. Д.34. Л.67-77.
- ⁴⁷ Там же. Л.75 об.
- ⁴⁸ Родословие Шишковых см.: Сиверс А.А. Генеалогические разведки. Вып.1. СПб., 1913. С.99-109.
- ⁴⁹ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Аксаков: Семья и окружение. Уфа, 1991. С.128, 146.
- ⁵⁰ Неполное ее родословие см.: Соллогуб Н.М. Аксаковы // Чернопятов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т.3 (12). Ч.6. М., [1909]. С.6.
- ⁵¹ Шереметьевский В.В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т.1. По поводу даты его рождения в источниках и литературе имеются заметные расхождения. В «Русском провинциальном некрополе» показано, что он умер в возрасте 67 лет, следовательно родиться должен был около 1781 г. В росписи Н.М. Соллогуб его даты жизни (1785-1859) указаны явно ошибочно (Соллогуб Н.М. Указ. соч. С.6). В указе об отставке, составленном в январе 1810 г., Н.И. Аксакову показано 27 лет (ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.13. Л.12).
- ⁵² Там же. Л.12-13.
- ⁵³ РГИА. Ф.1343. Оп.16. Д.752. Л.147-148.
- ⁵⁴ РГИА. Ф.1343. Оп.16. Д.752. Л.150-152; Ф.37. Оп.48. Д.218.
- ⁵⁵ ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.12. Л.1 об.; Д.13. Л.24 об.-25; РГИА. Ф.1343. Оп.16. Д.752. Л.129-130.
- ⁵⁶ Шереметьевский В.В. Указ. соч. С.14.
- ⁵⁷ ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.13. Л.3, 27.
- ⁵⁸ ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.12. Л.16-19.
- ⁵⁹ О нем см.: Буравцев В.Н. Из рода Аксаковых // Аксаковский сборник. Вып.3. Уфа, 2001. С.73-77.

- 60 ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.28-28 об.
- 61 Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.1. СПб., 1886.
- C.26
- 62 ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.78.
- 63 РГВИА. Ф.395. Оп.53. Д.1318. Л.8 об.; ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.47 об.
- 64 ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.48.
- 65 Там же. Л.47 об.-48; РГВИА. Ф.395. Оп.43. Д.143. Л. 4 об.; Оп.54. Д.1098. Л.23-33.
- 66 ГАКО. Ф.66. Оп.2. Д.1873. Л.2.
- 67 Там же. Ф.30. Оп.8. Д.1268. Л.4 об.
- 68 Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.239.
- 69 Там же. С.240.
- 70 ГАКО. Ф.6. Оп.3. Д.1044. Л.1-20.
- 71 Там же. Ф.33. Оп.4. Д.532. Л.159 об.-160.
- 72 Булычев Н.И. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Калужской губернии по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимающих должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908.
- 73 Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. Т.24. СПб., 1830. № 17749.
- 74 Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч.4. СПб., 1800. Л.19.
- 75 Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С.287.
- 76 Кулешов А.С., Наумов О.Н. Род и герб Аксаковых // Гербовед № 84. М., 2005. С.116-124.
- 77 Гербовник А.Т. Князева 1785 года. СПб., 1912.
- 78 ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.13. Л.10-10 об.
- 79 Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн.1. М., 2005. С.238.
- 80 Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн.1. М., 2005. С.21.
- 81 Руммель В.В., Голубцов В.В. Указ. соч. Т.1. С.24.
- 82 ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.14. Л.4 об.
- 83 Новгородские писцовые книги. Т.5. СПб., 1915. С.282-286.
- 84 Там же. Т.4. СПб., 1890. С.545.
- 85 Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2001.
- 86 Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII веков. М., 2004. С.195.
- 87 Там же. С.246.
- 88 Боярская книга 1639 г. М., 1999. С.153.
- 89 Подробнее см.: ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.14. Л.4 об.
- 90 Копия текста грамоты была приложена к поколенной росписи, поданной в 1686 г. в Палату родословных дел, опубликована А.И. Юшковым: Юшков А.И. Акты XIII - XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч.1. М., 1898.
- 91 Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С.76.
- 92 Там же. С.76.
- 93 Сиверс А.А. Генеалогические разведки. Вып.1. СПб., 1913. С.90.
- 94 РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.70/43. Л.1653-1654.
- 95 Сиверс А.А. Указ. соч. С.90.
- 96 Там же. С.90-91.
- 97 ОР РГБ. Ф.67. К.13. Д.65.
- 98 Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Т.2. М., 2004. С.260, 281, 288-289, 293, 299, 314.
- 99 ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.14. Л.3.
- 100 Фролов А.И. Усадьбы Подмосковья. М., 2003. С. 488.
- 101 Сиверс А.А. Указ. соч. С.92.
- 102 Материалы по истории Башкирской АССР. Т.5. М.; Л., 1960. С.320.
- 103 Гудкова З.И. Новые хронологические сведения по истории семьи Аксаковых-Зубовых // Аксаковский сборник. Вып.3. Уфа, 2001. С.70.
- 104 Там же. С.71.
- 105 Там же. С.72.

¹⁰⁶ РГИА. Ф.1343. Оп.16. Д.751. Л.202.

¹⁰⁷ Там же. Л.109 об.

¹⁰⁸ Гудкова З.И. Указ. соч. С.72.

¹⁰⁹ РГИА. Ф.1343. Оп.16. Д.751. Л.109 об.

¹¹⁰ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. С.94.

¹¹¹ Там же. С.99.

¹¹² РГИА. Ф.1284. Оп.43. Д.34. Л.67 об.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.13. Л.17 об.

¹¹⁵ РГИА. Ф.1343. Оп.16. Д.752. Л.110

¹¹⁶ Там же. Л.134.

¹¹⁷ РГВИА. Ф.400. Оп.17. Д.13567. Л.6 об.

¹¹⁸ В связи с этим следует отметить еще один факт матримониальных связей Аксаковых. Екатерина Петровна Аксакова вышла замуж за Егора Петровича Карамзина (1663 - до 1763), деда историка Н.М. Карамзина (Руммель В.В., Голубцов В.В. Указ. соч. Т.1. С.26).

¹¹⁹ Достоверно известно о четырех подобных браках.

¹²⁰ В «Тысячной книге» 1550 г. упомянуты: Товарищевы Андрей Михайлович, Никита Михайлович, Мансур Матвеевич, Никифор Матвеевич, Савва Матвеевич, Степан Матвеевич, все - суздальские дети боярские третьей статьи (Лихачев Н.П., Мятлев Н.В. Тысячная книга. Орел, 1911. С.228).

¹²¹ Там же. С.54.

¹²² РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.24331.

¹²³ Там же. Оп.9. Д.33845. Л.674-675.

¹²⁴ Там же. Оп.2. Д.47661. Л.79-81.

¹²⁵ Там же. Оп.9. Д.29382. Л.124-125.

¹²⁶ Памятная книжка Калужской губернии. Калуга, 1889. С.31.

ГЛАВА 2

¹ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Аксаков: Семья и окружение. Уфа, 1991. С.126.

² Село Языково ранее принадлежало родственникам поэта Н.М. Языкова. Оно было приобретено Г.С. Аксаковым в 1847 г. накануне свадьбы.

³ В Языково с надеждой: Отчет М.Н. Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых // Исторический архив. 1994. № 2. С.211.

⁴ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. С.126.

⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1889. Т.3.

⁶ Попов Ф.Г. Потомки С.Т. Аксакова // Волга. 1962. № 27. С.120-127.

⁷ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Аксаков: Семья и окружение. Уфа, 1991. С.127.

⁸ В Языково с надеждой: Отчет М.Н. Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых // Исторический архив. 1994. № 2. С.212.

⁹ О.Г. Аксакова писала об инциденте заведующему Самарским губернским архивным бюро князю С.А. Хованскому в письме от 29 марта 1920 года: «13/26 марта налетела на меня комиссия Бузулукского отдела народного образования и нахальным образом все отобрала, предъявив безграмотную бумажку» (Цит. по: В Языково с надеждой... С.212).

¹⁰ Мазараки Н.Н. Аксаковы // Новик. 1954. Отд.2. С.49.

¹¹ Попов Ф.Г. Указ. соч. С.126; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. С.127.

¹² В Языково с надеждой... С.206.

¹³ В Языково с надеждой... С.208.

¹⁴ В отчете М.Н. Тихомирова не указано, кем была А.Г. Смарагдова, но, судя по типично семинарской фамилии, она происходила из среды духовенства.

¹⁵ В Языково с надеждой... С.209-211.

- ¹⁶ В поколенной росписи, составленной В.В. Руммелем, ошибочно указано, что он родился в 1860 году (Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.1. СПб., 1886. С.30).
- ¹⁷ Сиверс А.А. Указ. соч. С.96.
- ¹⁸ Там же. С.97.
- ¹⁹ Новое время. 1910. № 12451, 12452; Сиверс А.А. Указ. соч. С.97.
- ²⁰ Она умерла 28 марта 1894 г. в возрасте 67 лет и была погребена в Санкт - Петербурге, в Новодевичьем монастыре (Сайтов В.И. Петербургский некрополь. Т.4. СПб., 1913. С.42).
- ²¹ Сиверс А.А. Указ. соч. С.97.
- ²² Сиверс А.А. Указ. соч. С.97.
- ²³ Сиверс А.А. Указ. соч. С.97.
- ²⁴ Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.50.
- ²⁵ Автобиография С.С. Аксакова. Подлинник документа находится в личном архиве семьи И.С. Аксаковой. Лобня Московской обл.
- ²⁶ Сиверс А.А. Указ. соч. С.97.
- ²⁷ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.112-113.
- ²⁸ Там же. С.112-113.
- ²⁹ Свидетельство о смерти № 45 от 15.12.1950. Подлинник документа находится в личном архиве семьи И.С. Аксаковой. Лобня Московской обл.
- ³⁰ В.В. Руммель приводит другую дату рождения - 17 июня 1848 г. (Руммель В.В., Голубцов В.В. Указ. соч. Т.1. С.28). Указанная нами дата заимствована из метрического свидетельства и представляется более достоверной (ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.12. Л.11 об.).
- ³¹ Подробнее см.: Н.П. Аксаков. Автобиография // Русское дело. 1889. № 6; Н.П. Аксаков: Некролог // Исторический вестник. 1909. № 5; Сучков С.В. Аксаков Н.П. // Русские писатели, 1800-1917 гг.: Биографический словарь. Т.1. М., 1992. С.34-35.
- ³² Список чинов Государственного контроля за 1894 г. СПб., 1894. С.10.
- ³³ Подробнее см.: Сучков С.В. Аксаков А.П. // Русские писатели, 1800-1917 гг.: Биографический словарь. Т.1. М., 1992. С.29; Алексеев В.П. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., переработанное и дополненное М., 2002.
- ³⁴ ЦИАМ. Ф.4. Оп.14. Д.12. Л.13 об.
- ³⁵ Государственный архив Ярославской губернии. Ф.335. Оп.1. Д.2555. Л.2 об.-4.
- ³⁶ РГВИА. Ф.400. Оп.17. Д.13567. Л.1-6 об.
- ³⁷ Шереметьевский В.В. Указ. соч. С.14.
- ³⁸ ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.39.
- ³⁹ Там же. Л.39.
- ⁴⁰ Там же. Л.96.
- ⁴¹ Там же. Л.96.
- ⁴² См. Введение.
- ⁴³ Весь Петербург, 1907.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф.1317 (Белое движение). Оп.1. Д.6. Л.137.
- ⁴⁵ РГАЭ. Ф.3139. Оп.2. Д.78. Л.1-38.
- ⁴⁶ Актовая запись № 985 в Ленинском отделе ЗАГСа г. Москвы.
- ⁴⁷ ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.77.
- ⁴⁸ Там же. Л.77.
- ⁴⁹ ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.90, 91, 94.
- ⁵⁰ Актовая запись № 4001 в Хамовническом отделе ЗАГСа г. Москвы.
- ⁵¹ ГАКО. Ф.6. Оп.3. Д.1044. Л.1-20.
- ⁵² ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.290. Л.582 об.-583; ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.83.
- ⁵³ ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.55. В поколенной росписи Н.Н. Мазараки его годы жизни указаны ошибочно: 1869-1947 (Мазараки Н.Н. Аксаковы // Новик. 1954. Отд.2. С.50).
- ⁵⁴ В 1890 г. полк был переименован в 5 Гренадерский Киевский полк, а в 1891 г. - в Гренадерский Киевский генерала-фельдмаршала князя Николая Репнина полк.

- ⁵⁵ РГВИА. Ф.400. Оп.17. Д.7095. Л.318 об.
- ⁵⁶ Там же. Л.315-317 об.
- ⁵⁷ Там же. Л.309.
- ⁵⁸ Памятная книжка Калужской губернии. Калуга, 1895. С.72; Калуга, 1896. С.62; Калуга, 1897. С.95; Калуга, 1898. С.53; Калуга, 1899. С.85; Калуга, 1900. С.111; Калуга, 1901. С.109; Калуга, 1902. С.110; Калуга, 1903. С.107; Калуга, 1904. С.108; Калуга, 1905. С.110; Калуга, 1906. С.110.
- ⁵⁹ Памятная книжка Калужской губернии. Калуга, 1903. С.108; Калуга, 1905. С.111; Калуга, 1906. С.111; Калуга, 1907. С.94; Калуга, 1909. С.85; Калуга, 1910. С.78; Калуга, 1912. С.76; Калуга, 1913. С.83; Калуга, 1914. С.86; Калуга, 1915. С.90; Калуга, 1916. С.119.
- ⁶⁰ Там же. Калуга, 1907. С.29; Калуга, 1909. С.18; Калуга, 1910. С.10; Калуга, 1911. С.7; Калуга, 1912. С.8; Калуга, 1913. С.9; Калуга, 1914. С.9; Калуга, 1915. С.10; Калуга, 1916. С.11.
- ⁶¹ Там же. Калуга, 1912. С.22; Калуга, 1913. С.28; Калуга, 1914. С.28; Калуга, 1915. С.29; Калуга, 1916. С.31.
- ⁶² Там же. Калуга, 1915. С.8; Калуга, 1916. С.10.
- ⁶³ ГАКО. Ф.55. Оп.1. Д.105. Л.59-60. Дом снесен в 2003 г.
- ⁶⁴ Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн.1. М., 2005. С.170-171.
- ⁶⁵ РГВИА. Ф.400. Оп.17. Д.7095. Л.318 об.
- ⁶⁶ Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн.1. М., 2005. С.238.
- ⁶⁷ Там же. С.239.
- ⁶⁸ Там же. Кн.1. С.300.
- ⁶⁹ ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.54 об.
- ⁷⁰ Там же. Л.101.
- ⁷¹ В поколенной росписи Н.Н. Мазараки В.Н. Аксаков ошибочно назван артиллерии полковником (Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.50).
- ⁷² Кроме них В.Н. Аксаков был награжден орденами Святого Станислава II степени с мечами (8.9.1907) и III степени (30.8.1893), Святой Анны III степени (1.5.1899), Святого Владимира IV степени (29.3.1913) и несколькими медалями (ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.101-102, 171 об.; РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.176408 (п/с.153-453). Л.35 об.-36).
- ⁷³ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.176408 (п/с.153-453). Л.21-21 об., 35 об.-36; ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.101-102, 171 об. - 174 об.
- ⁷⁴ Там же. Л.113; РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.4286 (п/с 290-373). Л.1.
- ⁷⁵ Родилась около 1881 г., в ноябре 1916 г. ей было 35 лет (РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.176408 (п/с.153-453). Л.2).
- ⁷⁶ Там же. Л.9 об. - 10. В поколенной росписи Н.Н. Мазараки год его смерти указан ошибочно: 1914 (Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.50).
- ⁷⁷ В формулярных списках 1912 и 1916 гг. отмечалось, что ни родовыми, ни благоприобретенными именами В.Н. Аксаков не владел (РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.176408 (п/с.153-453). Л.41).
- ⁷⁸ Там же. Л.2.
- ⁷⁹ Там же. Л.21-21 об.
- ⁸⁰ ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.555. Л.105 об.-106.
- ⁸¹ В поколенной росписи Н.Н. Мазараки год его рождения указан ошибочно: 1904 г. (Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51).
- ⁸² ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.181-182.
- ⁸³ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.176408 (п/с.153-453). Л.2.
- ⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 692. К.1. Ед. хр.2.
- ⁸⁵ Мазараки Н.Н. Аксаковы // Новик. 1954. Отд.2. С.51.
- ⁸⁶ ГАКО. Ф.6. Оп.1. Д.291. Л.52; ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.82.
- ⁸⁷ ГАКО. Ф.78. Оп.1. Д.321. Л.155, 157, 159, 160.
- ⁸⁸ Сведения получены от племянницы Марии Михайловны, Татьяны Борисовны Лебедевой, г. Зеленоград.
- ⁸⁹ ГАКО. Ф.6. Оп.1. Д.291. Л.57-57 об.; ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.84.

- ⁹⁰ ГАКО. Ф.78. Оп.1. Д.297. Л.8-11об.
- ⁹¹ Там же. Л.12-12а.
- ⁹² ГАКО. Ф.78. Оп.1. Д.323. Л.4, 4об.
- ⁹³ П.Н. Аксаков был переведен из Калужского казенного реального училища в Московское реальное училище по просьбе родителей (ГАКО. Ф.78. Оп.1. Д.323. Л.2).
- ⁹⁴ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.171627. Л.410-418 об.; ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.123 об. - 124.
- ⁹⁵ РГВИА. Ф.2148. Оп.2. Д.352. Л.96 об.
- ⁹⁶ ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.533. Л.788 об.-789.
- ⁹⁷ ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.132.
- ⁹⁸ Там же. Л.54.
- ⁹⁹ Там же. Л.58.
- ¹⁰⁰ ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.304. Л.528 об. - 529.
- ¹⁰¹ В поколенной росписи Н.Н. Мазараки год его рождения указан ошибочно: 1889 (Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51).
- ¹⁰² Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.231.
- ¹⁰³ Там же. С.235.
- ¹⁰⁴ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.237-245.
- ¹⁰⁵ Там же. С.241.
- ¹⁰⁶ Там же. С.237-238.
- ¹⁰⁷ Там же. С.289-290.
- ¹⁰⁸ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.151001 (п/с 100582). Л.858-866.
- ¹⁰⁹ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.323.
- ¹¹⁰ Дело о разрешении Т.А. Аксаковой выехать в Германию см.: ГАКО. Ф.Р-1498. Оп.4. Д.54. Л.1-17.
- ¹¹¹ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.307-308.
- ¹¹² ГАКО. Ф.Р-1498. Оп.4. Д.54. Л.17.
- ¹¹³ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.443.
- ¹¹⁴ Там же. С.451.
- ¹¹⁵ Там же. С.479.
- ¹¹⁶ Там же. Кн.2. С.369. Л.Д. Некрасова была в первом браке за известным врачом Кожевниковым, лечившим В.И. Ленина. В 1935 г. она заведовала невропатологическим отделением Мытищинской больницы.
- ¹¹⁷ Там же. Кн.1. С.484.
- ¹¹⁸ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт - Петербургу и Ленинградской области. Д.П-27254. Л.3.
- ¹¹⁹ Свидетельство о браке № 3490. Подлинник документа находится в личном архиве В.И. Рожкова (Москва).
- ¹²⁰ Свидетельство о смерти П-А № 806598. Подлинник документа находится в личном архиве В.И. Рожкова (Москва).
- ¹²¹ Свидетельство о смерти VIII-МЮ № 313306. Подлинник документа находится в личном архиве В.И. Рожкова (Москва).
- ¹²² Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.6.
- ¹²³ Там же. С.13.
- ¹²⁴ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт - Петербургу и Ленинградской области. Д.П-27254. Л.1.
- ¹²⁵ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.435.
- ¹²⁶ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт - Петербургу и Ленинградской области. Д.П-27254. Л.51 об.
- ¹²⁷ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.357.
- ¹²⁸ Там же. С.5-6.
- ¹²⁹ Там же. С.360.
- ¹³⁰ Там же. С.359.
- ¹³¹ Там же. С.13-14.
- ¹³² Там же. Кн.1. С.418, 435.
- ¹³³ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт - Петербургу и Ленинградской области. Д.П-27254. Л.72-72 об.

- ¹³⁴ Там же. Л.51-51 об.
- ¹³⁵ Там же. Л.54 об.
- ¹³⁶ Там же. Л. 62 об. - 63 об.
- ¹³⁷ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.6.
- ¹³⁸ Там же. С.365.
- ¹³⁹ Вполне возможно, что следователь ошибся в отчестве, имея ввиду Михаила Георгиевича (Юрьевича) Аксакова – двоюродного брата Бориса, но эта неточность дала возможность задержанной ответить уклончиво.
- ¹⁴⁰ Там же. С.369.
- ¹⁴¹ Там же. С.369.
- ¹⁴² Т.А. Аксакова следующим образом описывала его: «... Рыжеватый белорус средних лет, по существу, меня ни в чем не обвинял, а вел со мной собеседование на темы, которые были затронуты при моем аресте, и в конце концов убедился, что ни под какую статью меня подвести нельзя» (Там же. С.9).
- ¹⁴³ К тому времени следствие исправило первоначальную ошибку, и Т.А. Аксакова не фигурировала в документах как сестра С.С. Аксакова. Было признано, что Сергей Сергеевич был братом ее бывшего мужа. Фактически он уже не был не только родственником, но даже свойственником Т.А. Аксаковой, поскольку подобный вид родства является юридическим и прекращается при расторжении брака.
- ¹⁴⁴ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт - Петербургу и Ленинградской области. Д.П-27254. Л.81-82.
- ¹⁴⁵ В тексте постановления имеется рукописная пометка «в Тургай». Таким образом, изначальное место ссылки было изменено. По всей видимости, это связано с тем, что первые партии «социально-чуждых людей» высылались из Ленинграда в Северный Казахстан, в том числе и в Тургай, а последующие - в более близкие города.
- ¹⁴⁶ ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр.32.
- ¹⁴⁷ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.12.
- ¹⁴⁸ ГА РФ. Ф.8409. Оп.1. Д.1352. Л.217-218; Обречены по рождению... СПб., 2004. С.303. Она писала: «Я вполне смирилась с отъездом из Ленинграда, с которым у меня уже порвалась всякая связь, и даже не подала ни одного обжалования. Но я, думаю, что никому не может быть нужным, чтобы моя дальнейшая личная жизнь была настолько жестоко изломана, и чтобы всегда я была так одинока, как одинока сейчас». Подробнее см.: Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.21, 25-27.
- ¹⁴⁹ Подробнее см.: Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.13-15.
- ¹⁵⁰ Несмотря на это, в деле 1937 г. Т.А. Аксакова фигурировала как «жена бывшего князя», что трактовалось какотягчающее обстоятельство (Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.109).
- ¹⁵¹ Там же. Л.17.
- ¹⁵² Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.35.
- ¹⁵³ Там же. Кн.2. С.35.
- ¹⁵⁴ Ю.В. Скобельцын - сын ректора Ленинградского политехнического института, брат известного ученого академика Д.В. Скобельцына. Т.А. Аксакова писала о знакомых: «Он производил приятное, хотя несколько холодное впечатление. Его жена, не будучи красавицей, отличалась женственностью и хорошо одевалась, чему способствовала ее стройная фигура» (Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.31).
- ¹⁵⁵ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.31.
- ¹⁵⁶ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.20-20 об.
- ¹⁵⁷ В жалобе на приговор Т.А. Аксакова указывала, что состоялось всего два допроса - 28 и 29 ноября (Там же. Л.93 об.), но в воспоминаниях названа правильное число - три (Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.39).
- ¹⁵⁸ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.21-27.
- ¹⁵⁹ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.40.
- ¹⁶⁰ Там же. Кн.2. С.38.
- ¹⁶¹ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.112.
- ¹⁶² Там же. Л.142.
- ¹⁶³ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.108-109.

- ¹⁶⁴ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.24.
¹⁶⁵ Там же. Л.25.
¹⁶⁶ Там же. Л.94.
¹⁶⁷ Там же. Л.120.
¹⁶⁸ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.40.
¹⁶⁹ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.45.
¹⁷⁰ Супруги Скобельцыны были также приговорены к 8 годам заключения в лагерь.
¹⁷¹ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.45.
¹⁷² Там же. С.52.
¹⁷³ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.93-95.
¹⁷⁴ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.52.
¹⁷⁵ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.92.
¹⁷⁶ Там же. Л.171.
¹⁷⁷ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.91.
¹⁷⁸ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.175.
¹⁷⁹ Там же. Л.189 об. Подобная мысль повторялась позже, см.: Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2.
- C.215.
¹⁸⁰ ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр.30.
¹⁸¹ Подробнее см.: Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.10.
¹⁸² ОР РГБ. Ф. 692.К.11. Ед. хр.28.
¹⁸³ Еще один экземпляр был передан в Государственный исторический музей.
¹⁸⁴ Цит. по: Чудакова М.О. Поколение 1890-х годов в Советской России // Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.316.
¹⁸⁵ Там же. С.316.
¹⁸⁶ ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр.30.
¹⁸⁷ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.140.
¹⁸⁸ Там же. С.306-307.
¹⁸⁹ Из письма к Н.П. Потоцкой от 03.02.1964г. (ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр.30).
¹⁹⁰ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.113-119.
¹⁹¹ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.194-196.
¹⁹² Там же. Л.198-199.
¹⁹³ Там же. Л.199.
¹⁹⁴ Там же. Л.200.
¹⁹⁵ Там же. Л.169.
¹⁹⁶ Скобельцыны также проявляли большую активность для отмены несправедливого приговора. Их хлопоты увенчались успехом раньше, чем у Т.А. Аксаковой, 9 июля 1952 г. судимости 1935 и 1937 гг. с них были сняты.
¹⁹⁷ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.170, 175-175 об.
¹⁹⁸ Там же. Л.186.
¹⁹⁹ Там же. Л.203-204.
²⁰⁰ Там же. Л.139.
²⁰¹ Там же. Л.140. Описание этого эпизода в мемуарах см.: Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2.
- C.158-159.
²⁰² Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.190-192.
²⁰³ Там же. Л.140 об.
²⁰⁴ Там же. Л.119-122.
²⁰⁵ Там же. Л.122.
²⁰⁶ Там же. Л.147-148.
²⁰⁷ ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр.28.
²⁰⁸ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт - Петербургу и Ленинградской области. Д.П-27254. Л.93-94 об.

- ²⁰⁹ Там же. Л.104-104 об.
- ²¹⁰ Из письма к Н.П. Потоцкой от 26.04.1959 г. ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр.29.
- ²¹¹ Из письма к Н.П. Потоцкой от 21.01.1961г. ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр.31.
- ²¹² Из письма к Н.П. Потоцкой от 21.12.1962 г. ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр.31.
- ²¹³ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.168. В 2003 г. «Легенда о Сан-Микеле» была переиздана.
- ²¹⁴ Там же. Кн.2. С.217.
- ²¹⁵ Там же. С.221.
- ²¹⁶ Александр Александрович Сиверс участвовал во французском сопротивлении, в настоящее время проживает во Франции, в Биаррице. В марте 2008 года ему исполнился 91 год.
- ²¹⁷ ОР РГБ. Ф.817. К.70. Д.28. Л.1-12.
- ²¹⁸ Из письма к Н.П. Потоцкой от 04.04.1959 г. ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр.29.
- ²¹⁹ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.195-276.
- ²²⁰ Там же. С.213.
- ²²¹ Там же. С.216.
- ²²² Там же. С.208.
- ²²³ В свидетельстве о смерти И-НИ № 415913 от 4.12.1981г. причиной указан кардиосклероз.
- ²²⁴ Подробнее об обстоятельствах смерти Т.А. Аксаковой см.: Сабсай М.И. «Так много добра посеял этот человек...» // Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.309-310.
- ²²⁵ Там же. Кн.2. С.312-313.
- ²²⁶ Там же. Кн.2. С.311.
- ²²⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- ²²⁸ В поколенной росписи Н.Н. Мазараки год ее рождения указан ошибочно: 1891 г. (Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51).
- ²²⁹ Памятная книжка Калужской губернии. Калуга, 1909. С.88; Калуга, 1910. С.81.
- ²³⁰ Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51.
- ²³¹ Памятная книжка Калужской губернии. Калуга, 1915. С.94; Калуга, 1916. С.123.
- ²³² РГВИА. Ф.400. Оп.17. Д.7095. Л.318 об.
- ²³³ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.329.
- ²³⁴ Следственное дело О.В. Грамса, протоколы допроса от 28.07.1937 г. и 21.11.1937 г. Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области; письмо Центрального архива ФСБ России от 03.04.2007 г. №10/А-А-187. Личный архив М.М. Аксакова, г. Москва.
- ²³⁵ Письмо Центрального архива ФСБ России от 03.04.2007 г. №10/А-А-187. Личный архив М.М. Аксакова, г. Москва.
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн.1. М., 2005. С.337).
- ²³⁸ Там же. Кн.2. С.363.
- ²³⁹ Там же. Кн.1. С.339.
- ²⁴⁰ Следственное дело Н.И. Смирнова № 38861, протокол допроса от 28 октября 1938 г. Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
- ²⁴¹ Следственное дело Н.И. Смирнова № 38861, протокол допроса от 25 января 1939 г. Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
- ²⁴² Следственное дело Н.И. Смирнова № 38861, протокол допроса от 26 января 1939 г. Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
- ²⁴³ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. П-27254. Л.1.
- ²⁴⁴ Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51. (Сведения дал сам С.С. Аксаков).
- ²⁴⁵ В поколенной росписи Н.Н. Мазараки год ее рождения указан ошибочно: 1901 г. (Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51).
- ²⁴⁶ ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.180.
- ²⁴⁷ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.176408 (п/с.153-453). Л.2.
- ²⁴⁸ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.239.
- ²⁴⁹ Семья Потоцких в 1912-1920 гг. проживала в Москве на Страстном бульваре д. 5. кв. 6.

²⁵⁰ ОР РГБ. Ф.692. К.11. Ед. хр. 2.; Потоцкая Н.П. Страстной бульвар, дом № 5 // Родина. 2008. № 1. С.50-53.

²⁵¹ «Государственный архив документов новейшей истории Калужской области», Фонд Калужского обкома КПСС.

²⁵² Архив ЗАГС Администрации Калужской области. Запись акта № 691 от 5 мая 1975 г.

²⁵³ ОР РГБ. Ф.692. К.14. Ед. хр. 17, 18.

²⁵⁴ ОР РГБ. Ф.692. К.12. Ед. хр. 6.

²⁵⁵ ОР РГБ. Ф.692. К.14. Ед. хр. 18.

²⁵⁶ О нем см.: Кулешов А.С. Две судьбы // Вестник архивиста. 2003. № 2. С.190-208; Он же. «Заговор» комэска Аксакова // Родина. 2004. № 8. С.48-50; Он же Аксаков М.Г. // Калужская энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Калуга, 2005. С.15; Он же. Эти неизвестные известные Аксаковы // Русский родословец. 2004. № 1 (3). С.89-90.

²⁵⁷ ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.533. Л.776 об. - 777.

²⁵⁸ ЦИАМ. Ф.4. Оп.8. Д.15. Л.145.

²⁵⁹ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.П-27254. Л.; Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн.2. М., 2005. С.368.

²⁶⁰ Архив Управления ФСБ РФ по Калужской области. Д.961256. Л.4.

²⁶¹ Там же. Л.72.

²⁶² Там же. Л.6.

²⁶³ Там же. Л.23.

²⁶⁴ Там же. Л.117-118.

²⁶⁵ Факт встречи подтверждает сын М.Г. Аксакова, который участвовал в ней ребенком и помнит ее участников.

²⁶⁶ Архив Управления ФСБ РФ по Калужской области. Д.961256. Л.37.

²⁶⁷ Там же. Л.38.

²⁶⁸ Там же. Л.38.

²⁶⁹ Там же. Л.39.

²⁷⁰ Там же. Л.44.

²⁷¹ Там же. Л.49.

²⁷² Там же. Л.56.

²⁷³ Там же. Л.57.

²⁷⁴ Там же. Л.62.

²⁷⁵ Там же. Л.71-76.

²⁷⁶ К подобным явлениям он отнес недобросовестное составление планов и расписаний занятий, уменьшение количества летных дней (с трех до двух) в шестидневку, медленное переучивание летного состава на новые типы самолетов, неудачную посылку 117-й эскадрильи в Ундольский лагерь в февралемарте 1937 г. (Там же. Л.73).

²⁷⁷ Там же. Л.70.

²⁷⁸ С.В. Алексеев был расстрелян вместе с М.Г. Аксаковым 10 февраля 1938 года.

²⁷⁹ Там же. Л.77.

²⁸⁰ Там же. Л.83.

²⁸¹ Там же. Л.100.

²⁸² Там же. Л.104-105.

²⁸³ Там же. Л.106.

²⁸⁴ Там же. Л.108.

²⁸⁵ Там же. Л.109.

²⁸⁶ Там же. Л.101.

²⁸⁷ Там же. Л.112.

²⁸⁸ Там же. Л.122-125, 130-139.

²⁸⁹ Там же. Л.134-135.

²⁹⁰ Там же. Л.137-140.

²⁹¹ Там же. Л.146-148.

²⁹² Архив Президента Российской Федерации. Ф.3. Оп.24. Д.414. Л.371.

²⁹³ Архив Управления ФСБ РФ по Калужской области. Д.961256. Л.149.

²⁹⁴ Там же. Л.151-151 об.

²⁹⁵ Там же. Л.152-152 об.

²⁹⁶ Центральный архив ФСБ РФ. Отделение особого хранения. Т.3. Л.62.

²⁹⁷ Архив Управления ФСБ РФ по Калужской области. Д.961256. Л.153.

²⁹⁸ Архив Управления ФСБ РФ по Калужской области. Д.961256. Т.2. Л.155.

²⁹⁹ Там же. Л.13.

³⁰⁰ Там же. Л.156.

³⁰¹ Там же. Л.154-167.

³⁰² Там же. Л.154-166.

³⁰³ Там же. Л.157.

³⁰⁴ Имелся в виду Иван Никитич Смирнов (1881 - 1936), член РСДРП с 1899 г., в 1923-1927 гг. - Нарком почт и телеграфов СССР, активный участник троцкистской оппозиции, за принадлежность к которой в 1927 г. снят с работы и исключен из ВКП (б), на процессе «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г. приговорен к расстрелу (Совет народных комиссаров СССР. Совет министров СССР. Кабинет министров СССР. 1923-1991. М., 1999. С.443-444).

³⁰⁵ Брак М.Г. Аксакова с Юлией Гавриловной Покровской был заключен в 1927 г. в Ростове-на-Дону. Она родилась 27 августа 1907 г. в Кисловодске в семье священника.

³⁰⁶ Свидетельство о браке № 27 от 25.04.1944 года - личный архив М.М. Аксакова, г. Москва.

³⁰⁷ Личный архив М.М. Аксакова, г. Москва.

³⁰⁸ Свидетельство № 143 от 7 октября 1946 года, выдано на основании акта экзаменационной комиссии № 4 от 5 октября 1946 года. Личный архив М.М. Аксакова, г. Москва.

³⁰⁹ Свидетельство № 162 от 17 сентября 1948 года. Личный архив М.М. Аксакова, г. Москва.

³¹⁰ Свидетельство выдано на основании акта экзаменационной комиссии № 2 от 26 апреля 1953 года. Личный архив М.М. Аксакова, г. Москва.

³¹¹ Л.И. Аксакова работала сортировщицей фабрики «Гознак» (1949-1954 гг.), в 1954-1967 гг. - домохозяйка, в 1967-1969 гг. - сотрудник домоуправления, в 1970-1980 гг. - начальник отдела доставки в отделении связи, в 1980-1987 гг. - сотрудник НИИАА, с 1987 г. - на пенсии.

³¹² Д № 732998 от 6.05.1957 г., орден № 15385. Личный архив М.М. Аксакова, г. Москва.

³¹³ Справка № 14-426-2003 от 26.12.2003 г. Личный архив М.М. Аксакова, г. Москва.

³¹⁴ А.М. Аксаков в 1976-1979 гг. участвовал в парадах на Красной площади в составе Кировско-Путиловского полка ПВО и дважды - в составе пешей колонны Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского.

³¹⁵ В 1975-1990 гг. Л.В. Аксакова работала старшим техником и инженером Специализированной проектно-конструкторской технологической организации «Росасустром» Министерства промышленности строительных материалов РСФСР, в 1991-2000 гг. – представитель в военных организациях Министерства обороны РФ, с 2000 г. – домохозяйка.

³¹⁶ Указ Президента Российской Федерации № 958 от 20.06.1996 г.

³¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2006 г.

ГЛАВА 3

¹ О нем см.: Журавлев Д. Композиторы Советской Белоруссии. Минск, 1966. С.30-32.

² РГИА. Ф.1162. Оп.7. Д.14. Л.2.

³ Это не единственный в роде Аксаковых пример музыкальной одаренности. Известно, что четвертый сын С.Т. Аксакова, Михаил так же был склонен к занятиям музыкой. Ему предсказывали большие успехи в данной области, но ранняя смерть помешала творческой карьере (Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Аксаков: Семья и окружение. Уфа, 1991. С.110).

⁴ Аксакова (Сивере) Т.А. Семейная хроника. М. 2005. Кн.1. С.112-113.

⁵ Любимов Л. «На чужбине» М. 1963. С.39.

- ⁶ Н.Н. Мазараки указывал, что брак был заключен в 1914 г. (Мазараки Указ. соч. С.50).
- ⁷ РГИА. Ф.1162. Оп.7. Д.14. Л.22 об.
- ⁸ Там же. Л.23.
- ⁹ Там же. Л.22 об.
- ¹⁰ Там же. Ф.323. Оп.5. Д.922. Л.64; Д.961. Л.13.
- ¹¹ Цит. по: Черникова Л. Композитор Аксаков // Бельские просторы. 2002. № 9. С.147.
- ¹² Справка о работе С.С. Аксакова в Обществе граждан СССР в Шанхае. Подлинник документа находится в личном архиве семьи И.С. Аксаковой, г. Лобня Московской обл.
- ¹³ Свидетельство о смерти № 45 от 15.12.1950 г. Подлинник документа находится в личном архиве семьи И.С. Аксаковой, г. Лобня Московской обл.
- ¹⁴ В статье Л. Черниковой ошибочно утверждается, что С.С. Аксаков вернулся в СССР в 1946 г. (Черникова Л. Указ. соч. С.150).
- ¹⁵ Подлинник документа находится в личном архиве семьи И.С. Аксаковой. Подписавший его ректор консерватории Хе Лу Дин являлся учеником С.С. Аксакова.
- ¹⁶ Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. М.: Территория, 2005. Кн.1. С. 171.
- ¹⁷ Из письма М.А. Аксаковой (Аргентина), личный архив А.С. Кулешова. Москва. ГАРФ. Ф.5903. Оп.1. Д.605. Л.3.
- ¹⁹ Из письма М.А. Аксаковой (Аргентина), личный архив А.С. Кулешова. Москва.
- ²⁰ Там же. Ф.5903. Оп.1. Д.606. Л.2, 44 об.; Ф.5982. Оп.1. Д.87. Л.2.
- ²¹ Личный архив М.А. Аксаковой (ур. Гершельман). Аргентина.
- ²² РГВА. Ф.453. Д.6. Л.28, 256.
- ²³ РГВА. Ф.772. Оп.1. Д.108. Л.134, 135; Ф.501. Оп.1. Д.495-а. Л.1.
- ²⁴ РГВА. Ф.1. Д.114581.
- ²⁵ Бутков В.Н. Кутеповец С.С. Аксаков // Наши вести. 1990. № 418-419. С.19-21.
- ²⁶ Свитков Н. «Внутренняя Линия». Сан Пауло, Бразилия. 1964. С. 86.
- ²⁷ Прянишников Б. «Незримая паутина ОГПУ-НКВД против белой эмиграции». М. 2004. С. 24-25.
- ²⁸ Личный архив М.А. Аксаковой (ур. Гершельман). Аргентина.
- ²⁹ Из письма М.А. Аксаковой (Аргентина), личный архив А.С. Кулешова. Москва.
- ³⁰ Прянишников Б. «Незримая паутина ОГПУ-НКВД против белой эмиграции». М. 2004. С.554-555.
- ³¹ Бутков П.В. «За Россию». С-Пб. 2001. С.72-77.
- ³² Личный архив М.А. Аксаковой (ур. Гершельман). Аргентина.
- ³³ Из письма М.А. Аксаковой (Аргентина), личный архив А.С. Кулешова. Москва.
- ³⁴ Личный архив М.А. Аксаковой (Ур. Гершельман). Аргентина.
- ³⁵ С.С. Аксаков//Морской корпус, Выпуск 1920 г., дополнение № 1. Нью-Йорк. 1951.
- ³⁶ Из письма М.А. Аксаковой (Аргентина), личный архив А.С. Кулешова. Москва.
- ³⁷ Личный архив М.А. Аксаковой (Ур. Гершельман). Аргентина.
- ³⁸ Личный архив М.А. Аксаковой (Ур. Гершельман). Аргентина.
- ³⁹ Мария Владиславовна Захарченко-Шульц была одним из идеологов белого террора, организатором и активным исполнителем диверсионных актов. Погибла при перестрелке в 1927 году после несостоявшегося террористического акта в общежитии ОГПУ на Малой Лубянке. По другим данным застрелилась вместе с напарником Ю. Петерсом при их окружении красноармейцами. Её судьба легла в основу роли, которую исполнила известная советская актриса Л. Касаткина в фильме «Операция «Трест».
- ⁴⁰ Прянишников Б.В. «Незримая паутина ОГПУ-НКВД против белой эмиграции». 1979. США.
- ⁴¹ Личный архив М.А. Аксаковой (Ур. Гершельман). Аргентина.
- ⁴² Бутков В.Н. Кутеповец С.С. Аксаков // Наши вести. 1990. № 418-419. С.19-21.
- ⁴³ Из письма М.А. Аксаковой (Аргентина), личный архив А.С. Кулешова. Москва.
- ⁴⁴ Тексты воспоминаний С.С. Аксакова хранятся у его вдовы М.А. Аксаковой (ур. Гершельман). Буэнос-Айрес, Аргентина.
- ⁴⁵ Кастежанами среди русских называют аргентинцев.
- ⁴⁶ Жена Перона - кумир для аргентинцев.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф.5942. Оп.1. Д.162. Л.66.

- ⁴⁸ Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф.6792. Оп.2. Д.478. Л.7.
- ⁵⁰ Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51; Ikonnikov N.F. Noblesse de Russie. V.XI. Paris, 1964. P.51.
- ⁵¹ Львова А.П., Бочкарева И.А. Род Львовых. Торжок. 2004. С.148-149, 173. В поколенной росписи Н.Н. Мазараки приводил другую фамилию - Михайлова (Мазараки Н.Н. Львовы // Новик. 1957. Отд.2. С.14).
- ⁵² Сведения внука П.Н. Аксакова - А.В. Львова.
- ⁵³ ГА РФ. Ф.5826. Оп.1. Д.136. Л.110.
- ⁵⁴ Сведения внука П.Н. Аксакова - А.В. Львова.
- ⁵⁵ Впервые этот материал был напечатан в российском историческом журнале «Родина» (Кулешов А.С. Аксаковы в Сиднее // Родина. 2005. № 6. С.86-89)
- ⁵⁶ Кулешов А. Заговор комэска Аксакова // Родина. 2004. № 8. С.48-50.
- ⁵⁷ Письма из личного архива М.А. Аксаковой (Ур. Гершельман). Буэнос – Айрес, Аргентина. Переданы А.С. Кулешову. Москва.
- ⁵⁸ В поколенной росписи Н.Н. Мазараки год его рождения указан ошибочно: 1893 г. (Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51).
- ⁵⁹ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.4286 (п/с 290-373). Л.1.
- ⁶⁰ Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51.
- ⁶¹ В поколенной росписи Н.Н. Мазараки у него показана жена Нина (Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51).
- ⁶² РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.4286 (п/с 290-373). Л.1.
- ⁶³ Там же. Л.1-2 об.
- ⁶⁴ Там же. Л.2 об.
- ⁶⁵ Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С.31.
- ⁶⁶ Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С.31.
- ⁶⁷ ГА РФ. Ф.5928. Оп.1. Д.69. Л.477. В поколенной росписи Н.Н. Мазараки показан полковником Лейб-Гвардии Егерского полка (Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51).
- ⁶⁸ Там же. Ф.5928. Оп.1. Д.47. Л.74 об.; Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С.31.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф.5951. Оп.1. Д.19. Л.23.
- ⁷⁰ Чуваков В.Н. Незабываемые могилы: Российское зарубежье. Т.1. М., 1999. С.42.
- ⁷¹ Часовой. Париж; Брюссель. 1974. № 578.
- ⁷² А.А. Сиверс в настоящее время жив и проживает в Биаррице (Франция). В 2007 году ему исполнилось 90 лет.
- ⁷³ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.415.
- ⁷⁴ Там же. С.416.
- ⁷⁵ Там же. С.486.
- ⁷⁶ Там же. С.487.
- ⁷⁷ Там же. С.21.
- ⁷⁸ Там же. Кн.2. С.22.
- ⁷⁹ Подлинник документа находится в личном архиве М.А. Гершельман. Цит. по: Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.21.
- ⁸⁰ Мазараки Н.Н. Указ. соч. С.51.
- ⁸¹ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.20.
- ⁸² Там же. Кн.2. С.367.
- ⁸³ Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области. Д.ОФ-7635. Л.21
- ⁸⁴ Аксакова (Сиверс) Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.156.
- ⁸⁵ ОР РГБ. Ф.743. К.41. Д.9. Л.1.
- ⁸⁶ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.П-27254. Протокол допроса от 11 февраля 1935г.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3	
Делопроизводственные материалы	8	
Судебно-следственные материалы	9	
Источники личного происхождения	9	
ГЛАВА I		
XI–XIX ВЕКА, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РОДА		
АКСАКОВЫХ (КРАТКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕКОТОРЫХ ЕГО		
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ).....		13
Первые сведения о роде.....	13	
Начало фамилии Аксаковых. Стратификация на ветви.....	16	
Арзамасская (впоследствии уфимско-самарская) ветвь.	18	
Михаил Николаевич Аксаков	19	
Московская (впоследствии тульско-рязанская) ветвь.....	26	
Московская (впоследствии калужско-московская) ветвь.	27	
Николай Васильевич Аксаков.....	28	
Юридическое оформление социального статуса.....	30	
Герб рода Аксаковых и его бытование.....	32	
О землевладении рода Аксаковых.....	34	
Матримониальные связи.....	40	
ГЛАВА II		
XX ВЕК. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА		
АКСАКОВЫХ.....		43
Уфимско-самарская ветвь.....	43	
Ольга Григорьевна Аксакова	43	
Сергей Григорьевич Аксаков	48	
Мария Сергеевна Аксакова	50	
Константин Сергеевич Аксаков	52	
Сергей Сергеевич Аксаков	53	
Тульско-рязанская ветвь.....	53	
Николай Петрович Аксаков.....	53	
Александр Петрович Аксаков	55	
Василий Петрович Аксаков	55	

Калужско-московская ветвь.....	56
Екатерина Сергеевна Аксакова	56
Василий Сергеевич Аксаков	56
Надежда Сергеевна Аксакова	58
Василий Николаевич Аксаков	58
Сергей Николаевич Аксаков	60
Владимир Николаевич Аксаков	61
Георгий Николаевич Аксаков	65
Павел Николаевич Аксаков	69
Аксаковы: Ольга Николаевна, Александра Николаевна, Антонина Николаевна.....	73
Борис Сергеевич Аксаков.....	74
Судьба Татьяны Александровны Аксаковой (урожденной Сиверс), жены Бориса Сергеевича Аксакова.....	82
Допрос №1. 11 февраля 1935 г.	83
Допрос № 2. 12 марта 1935 г.	85
Допрос № 3. 22 марта 1935 г.	85
Допрос № 4. 22 марта 1935 г.	86
Из переписки Т.А. Аксаковой. ²²⁷	106
Аксаковы: Ксения Сергеевна, Нина Сергеевна, Вера Сергеевна	118
Сергей Сергеевич Аксаков	127
Юлия Владимировна Аксакова	127
Летчик-истребитель Михаил Георгиевич Аксаков	135
Допрос №1. 23 апреля 1937 года.	142
Допрос № 2. 23 апреля 1937 года.	143
Допрос № 3. 8 мая 1937 года.....	144
Допрос № 4. 10 мая 1937 года.....	144
Допрос № 5. 13 мая 1937 года.....	144
Допрос № 6. 16 мая 1937 года.....	145
Допрос № 7. 17 мая 1937 года.....	146
Допрос № 8. 19 мая 1937 года.....	146
Допрос № 9. 21 мая 1937 года.....	147
Допрос № 10. 22 мая 1937 года.	147
Допрос № 11. 24 ноября 1937 года.....	147
Михаил Михайлович Аксаков	158
Андрей Михайлович Аксаков.....	165
Татьяна Михайловна Аксакова	167
Краткий эпилог к советскому периоду.....	170
ГЛАВА III	
АКСАКОВЫ В ЭМИГРАЦИИ	171
Сергей Сергеевич Аксаков, русский - советский композитор	172

Из воспоминаний дочери композитора Ирины Сергеевны Аксаковой	188
Сергей Сергеевич Аксаков – мичман русского флота	193
Из воспоминаний Сергея Сергеевича Аксакова	223
Лагерные воспоминания – 1.	224
Лагерные воспоминания – 2.	225
Лагерные воспоминания – 3.	226
Семья Павла Николаевича Аксакова	230
Выдержки из переписки Ады Павловны и Игоря Павловича Аксаковых со своими родственниками	236
Сыновья Владимира Николаевича Аксакова:	
Виктор и Николай	240
Дмитрий Борисович Аксаков	243
Взаимосвязи	245
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	247
ПРИЛОЖЕНИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ	251
<i>А.А. Молчанов.</i> Тысячелетние корни славного русского рода: ростово- суздальские и московские тысяцкие	253
<i>В.А. Кучкин.</i> Вельяминовы на службе у московских князей в XIV – начале XV вв.	269
<i>Примечания к книге А.С. Кулешова «Аксаковы. История разбитых судеб»</i>	307

Научно-просветительское издание
Алексей Станиславович Кулешов
Аксаковы. История разбитых судеб

Главный редактор Б. Николаев
Оригинал-макет Е. Монахова
Корректор А. Андреева
Художник Г. Нутельс

ООО «Территория»
142432, Россия, Московская обл.,
г. Черноголовка, ИСМАН
тел. 8 (49652) 46-616

Подписано в печать 30.07.2009.
Формат 70x90 1/16. Гарнитура «Петербург».
Бумага офсетная. Печать офсетная. П.л. 20,5 + 15 вклеек.
Тираж 500 экз. Заказ №